

ТАЙНЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

КУРТ РИСС

АДВОКАТ ДЬЯВОЛА

ГЕББЕЛЬС

Annotation

Книга Курта Рисса написана на основе дневников Геббельса, рассказов очевидцев и родственников одного из могущественнейших людей нацистской Германии. Он был предан Гитлеру и как человек, и как министр пропаганды, и как гауляйтер – высший партийный руководитель Берлина. Он стал преемником фюрера, но пробыл им всего несколько часов и ушел из жизни вслед за человеком, в которого заставил поверить миллионы немцев.

•

Annotation

Книга Курта Рисса написана на основе дневников Геббельса, рассказов очевидцев и родственников одного из могущественнейших людей нацистской Германии. Он был предан Гитлеру и как человек, и как министр пропаганды, и как гауляйтер – высший партийный руководитель Берлина. Он стал преемником фюрера, но пробыл им всего несколько часов и ушел из жизни вслед за человеком, в которого заставил поверить миллионы немцев.

Курт Рисс

От издателя

Предисловие

Часть первая

Глава 1

1

2

3

4

5

6

7

8

Глава 2

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10

Глава 3

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11

Глава 4

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

Глава 5

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

6

7

8

Часть вторая

Глава 1

1

2

3

4

5

6

7

8

Глава 2

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

Глава 3

1

2

3

4

5

6

7

- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14

Глава 4

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10

Часть третья

Глава 1

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12

Глава 2

- 1
- 2
- 3
- 4

- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14

Глава 3

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12

Глава 4

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11

Часть четвертая

Глава 1

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12

Глава 2

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

Глава 3

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9

Глава 4

- 1
- 2
- 3
- 4

5

6

Глава 5

1

2

3

4

5

6

7

8

9

notes

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61

62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98

99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135

Курт Рисс

Геббельс. Адвокат дьявола

От издателя

Примечательно то, что из имен всех нацистских преступников всего лишь два стали нарицательными: Гитлер и Геббельс. И если уж заходит речь о тотальном, всеподавляющем воздействии на сознание народа, мы говорим «геббельсовская пропаганда». Такого рода устойчивый эпитет появился не только в русском языке. До сих пор мы не поняли до конца, как получилось, что нация, давшая миру Баха и Бетховена, Шиллера и Гете, Канта и Гегеля, превратилась в стадо, готовое выполнить любой, самый дикий приказ.

Об этом и написана эта книга. Автор не задается вопросом: почему? Он спрашивает: как? И ищет ответ в анализе всех методов и приемов – зачастую поистине гениальных, если это слово уместно в данном контексте, – пропаганды Геббельса. Не важно, что изложение событий грешит европоцентризмом, не важно, что встречаются исторические неточности. Важно то, что автор дает пусть и не полный, но все же ответ.

Книга не могла дойти до русского читателя раньше – уж больно много узнаваемого можно найти в описаниях пропагандистских приемов. Да и в наше время в работе некоторых средств массовой информации проскальзывает поразительное сходство. Но эту книгу обязан прочесть всякий мыслящий человек. Не стоит опасаться, что для кого-то она станет учебником. Правду от лжи иногда бывает трудно отличить, да и «что есть истина?». Однако, если мы научимся отличать дискуссию, свободный обмен мнениями, пусть спорными и даже ошибочными, от попыток насильно внушить нам кому-то удобные мысли, у нас появится иммунитет к пропаганде. И тогда никакие ученики Геббельса будут не страшны.

К несомненным достоинствам книги необходимо отнести также и то, что она написана по горячим следам и основана на документах и свидетельствах людей, близко знавших Геббельса. Неправда, что

только по прошествии многих лет нам открывается истина, — напротив, чем дальше мы от событий, тем больше склонны очевидцы излишне идеализировать или драматизировать события, тем больше появляется белой или черной краски в портретах описываемых ими людей.

Книга говорит сама за себя. И к ней вряд ли можно найти эпиграф лучше, чем слова самого Геббельса: «Крестьянин и рабочий напоминают человека, сидящего много лет в глухом каземате. После бесконечной темноты его легко убедить в том, что керосиновая лампа — это солнце...»

Предисловие

В процессе написания этой книги мне оказали бескорыстную поддержку многие лица. Первыми из них следует назвать полковника У.Ф. Хаймлиха и майора Ф. Стивенса, представителей разведки Соединенных Штатов, майора Х.Р. Тревор-Ропера из британской разведки, моего секретаря в Берлине мисс Т. Холлендер и моего нью-йоркского секретаря миссис Хелен Майер. Кроме того, я в долгу перед Терезой Поль и Ингрид Халлен за редакторскую помощь и советы в подготовке рукописи.

Пройдут десятилетия, а может, и полвека, прежде чем нашему взору откроются все подробности кошмарного полотна — Нацистского Фарса. Более того, не многим из нас удастся дожить до того дня, когда тайное станет явным. Не останется никого, кто сможет объяснить нашим потомкам непостижимые уму события прошлого: газовые камеры для методичного убийства бесконечного числа жертв, порабощение целых стран, попытки поголовного истребления народов, стертые с лица земли города.

Грядущие поколения спросят, как стало возможным, что миллионы людей были приведены в состояние иступления и совершили все то, из-за чего сами оказались на пепелище. Можно дать очень пространный ответ, но если попытаться свести его к одному-единственному слову, то мы скажем: ГЕББЕЛЬС.

Без всплеска нравственного нигилизма, какого мир не знал в веках и ярким выразителем которого был Геббельс, Гитлер никогда не удостоился бы своей столь печальной известности. Без колдовской геббельсовской пропаганды Гитлер никогда не стал бы столь опасен

для всего мира. Без ужасающей данной ему власти Геббельс никогда не смог бы проводить над душами людей свои преступные опыты, вполне сравнимые с изуверствами, творимыми нацистскими врачами в концентрационных лагерях. Геббельс создал новую реальность, сотканную целиком из лжи.

Доподлинно известно, что он не был выходцем из мелкой буржуазии, помешанной на шовинизме, как Гитлер и Гиммлер, или головорезом, ни крупным, как Геринг, ни мелким, как Заукель. С юридической точки зрения он не был ни уголовником, как Штрайхер, ни невменяемым, как Гесс, ни сексуальным извращенцем, как Рем или Гейнес. Он был сам по себе.

Бывший посол Франции в Берлине Андре Франсуа– Понсе однажды не без основания заявил, что Геббельс самый опасный человек в гитлеровском окружении – его манера вести дискуссию была неизмеримо сильнее, чем у остальных нацистов, его искусство полемизировать было проникнуто всеподавляющей иронией. «Вероятно, он был достаточно умен, чтобы не питать иллюзий по поводу нравственных устоев своих товарищей по партии», – писал французский дипломат.

Одно это могло бы стать увлекательным предметом для исследования: шеф пропаганды, презиравший большую часть того, что сам пропагандировал, тем более пропагандировал блестяще. Физически неполноценный, выступавший в роли ярого поборника теории расового превосходства. Человек, выдвигавший лозунг за лозунгом и в конце концов приучивший всю нацию жить по ним. Человек, отказавшийся от военной пропаганды, когда удача сопутствовала Германии на полях сражений, и применивший в полную силу свои способности уже на грани краха. Он же известил нацию о постигшей ее катастрофе. Человек, полностью выполнивший свою миссию: ему приказали поддерживать боевой дух, и он справился с задачей. Война в Германии продолжалась, пока у немцев оставалась хотя бы пядь земли. Если судить по речам Геббельса, пожалуй, он оказался единственным генералом Второй мировой войны, не потерпевшим поражения.

Он сделал свое дело и удалился со сцены, на которой столь долго пребывал. В его планы не входила встреча с союзниками в Нюрнберге.

На первый взгляд написать биографию Геббельса не составляло особого труда. Геббельс произнес столько речей и выпустил в свет столько статей и книг, что моя задача, казалось, сведется к анализу опубликованных материалов. Но когда я вновь посетил Германию сразу после окончания боевых действий и встретился с людьми, близкими к Геббельсу и работавшими с ним, я начал сознавать, что подобного рода исследования будет недостаточно: Геббельс лгал о себе так же безудержно, как и о нацистском государстве.

Поэтому я решил начать все заново. Я отверг первоначально подготовленные материалы, на которые ушло несколько лет труда, и выбросил все, что не подтверждалось свидетельствами тех, кто лично знал главного пропагандиста нацизма. Таким образом, эта книга построена в основном на беседах с нижеперечисленными людьми, по той или иной причине близкими к Геббельсу. Наиболее важными очевидцами являются:

- Мария Катарина, мать Геббельса;
- Мария Киммих, сестра Геббельса;
- Аксель Киммих, зять Геббельса;
- Августа Берендт, теща Геббельса;
- д-р Ганс Фрицше, человек номер два в министерстве национального просвещения и пропаганды и ближайший сотрудник Геббельса;
- Ильзе Фрейбе, личный секретарь Магды Геббельс;
- Элли Гюнтер, няня Магды Геббельс, долгие годы работавшая в доме Геббельса прислугой;
- Карл Мелис, управляющий делами министерства пропаганды;
- Вилли Верниц, директор тайной типографии министерства пропаганды;
- Инге Габерцеттель, сотрудница Германского информационного агентства, аккредитованная при министерстве пропаганды (работавшая потом многие месяцы на меня);
- Вильгельм Рорзен, дворецкий Геббельса;
- Густав Фрелих, киноактер;
- Эберхард Тауберт, руководитель антикоминтерновского бюро и друг Геббельса;
- фрау Хаузер, жена управляющего виллой Геббельса в Шваненвердере;

Инге Гильденбранд, бывшая некоторое время личным секретарем Геббельса;

Отто Якобс, личный стенографист Геббельса.

Кроме того, я расспросил множество актеров и актрис, знавших Геббельса, женщин, состоявших в связи с ним и просивших не раскрывать их имен, два десятка сотрудников министерства пропаганды, его лечащих врачей, личных фотографов, портных и косметологов.

Разумеется, не все, что я узнал от свидетелей, следовало принимать за чистую монету. С самого начала было ясно, что родные сделают все, чтобы обелить его, а сотрудники – очернить. Многие путались в последовательности событий. Таким образом, мне пришлось проверять и перепроверять полученные сведения во множестве инстанций. В сущности, можно сказать, что я отказался безоглядно доверять некоторым свидетельствам, в особенности если у людей было желание по той или иной причине получить отпущение грехов. Тем не менее кое– где я был вынужден использовать и подобную информацию, поэтому подчеркиваю, что относиться к ней следует с известной долей скепсиса.

Менее чем за две недели до самоубийства Геббельса его мать, сестра и зять бежали из Берлина. Укрывшись в баварской деревушке, они прожили больше года под вымышленными именами. Когда я наконец разыскал старую женщину, мы подолгу беседовали о ее сыне. Собственно, она была моим главным источником, откуда я почерпнул сведения о юности Геббельса, о его прошлом, когда сформировалось его отношение к религии, о его здоровье.

Довольно любопытно то, что сестра Геббельса, которая, как и мать, никогда не состояла в нацистской партии, тщательно выбирала слова и избегала всего, что могло бросить тень на память о рейхсминистре. С другой стороны, мать выказала удивительную откровенность и, по-видимому, ничего не пыталась скрывать.

О Магде Геббельс, о том, как она жила до встречи с Геббельсом, о ее первом и втором браке и о ее гибели я узнал в основном от ее матери Августы Берендт, а также от Ильзе Фрейбе – подруги юности Магды, которая впоследствии стала ее секретарем, и, наконец, от Элли Гюнтер, ее няни, которая на протяжении последних лет почти неотлучно состояла при семье Геббельс.

Когда я нашел фрау Берендт, она жила в нужде, в убогом жилище со скудной обстановкой и без единого стекла в окнах. Несколько дней мы беседовали под стенограмму. Принимать ее рассказ на веру не стоит, поскольку фрау Берендт наверняка старалась затушевать некоторые факты, которые могли бы выставить Магду в неблагоприятном свете. Кроме того, она всей душой ненавидела зятя Геббельса и выставляла его единственным виновником всех постигших семью несчастий. Более беспристрастной и непредубежденной была секретарь, обладавшая, как и няня, цепкой памятью, что позволило ей сообщить немало подробностей о семейной жизни вплоть до последних дней.

Когда мне понадобилось проникнуть в суть работы Геббельса в министерстве пропаганды, в его идеи и методы, моим главным консультантом стал Ганс Фрицше, человек номер два после министра. Во время Нюрнбергского процесса мы общались с ним через его адвоката. Тогда же, находясь в камере, он составил и передал мне свой первый рукописный отчет. На другой день после его освобождения из-под стражи я встретился с ним лично и в последующие два-три дня буквально забросал его бесчисленными вопросами о деятельности министерства в целом. Присутствовавший при беседе стенографист зафиксировал наиболее важные ответы, но даже так получилось двадцать тысяч слов. Фрицше без устали повторял, что только в Нюрнберге ему открылась степень двуличия Геббельса. Как бы то ни было, большинство приведенных Фрицше фактов оставляли впечатление правдоподобия и, насколько мне удалось проверить, соответствовали истине.

Другими основными источниками по Геббельсу как мастеру пропаганды стали его стенографист Отто Якобс и фрау Инге Габерцеттель.

Геббельс постоянно держал при себе двух стенографистов для записи дневников, речей и статей, да еще на тот случай, если ему вздумается высказать свое мнение по любому поводу. Якобс был одним из них. Он согласился поработать на меня и записал по памяти около сорока тысяч слов, главным образом то, что ему диктовали для дневников. Разумеется, я был не вправе цитировать его материалы, но взял на заметку размышления Геббельса по тому или иному вопросу.

Фрау Инге Габерцеттель, сотрудница Германского информационного агентства, служившая вначале в министерстве пропаганды, а затем у Геббельса дома, работала со мной с августа 1945-го по март 1946 года. За эти месяцы она составила памятную записку объемом около двадцати тысяч слов, а также помогала мне в раскопках развалин министерства пропаганды. Ей посчастливилось найти несколько любопытных папок, сослуживших хорошую службу при написании этой книги. В дополнение она познакомила меня с другими бывшими служащими министерства, что расширило сферу моих исследований.

В так называемой частной жизни Геббельса на поверку тайн не оказалось. Материалов и свидетельств набралось даже больше, чем я мог использовать в книге.

Что касается прочих источников информации по некоторым другим темам, то нет необходимости упоминать их здесь. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что когда я описываю события, происходившие в действительности, — например, разговоры Геббельса с теми или иными людьми, — то основанием мне служат свидетельства собеседников Геббельса. В книге нет ни одного эпизода с людьми, которых я не смог расспросить. Так, я не привожу диалоги между Гитлером и Геббельсом, а только передаю то, что Геббельс рассказал о них третьим лицам.

Нельзя не сказать несколько слов о дневниках Геббельса.

Он вел свои записи почти всю свою жизнь. При написании биографии Геббельса я использовал некоторые отрывки из его рассказа «Михаэль», построенного в дневниковой форме на основе его ранних, позднее уничтоженных записей.

Дневники Геббельса за 1925–1926 годы, когда он был еще начинающим нацистским агитатором, обнаружила разведка союзников, я получил к ним доступ и мог цитировать их со всеми подробностями. Что касается остального, то вышеупомянутый г-н Якобс помог мне воссоздать поведение Геббельса во время тех или иных событий, особенно в последние месяцы жизни, когда он остался единственным вменяемым — или полувменяемым — в окружении Гитлера.

Я умышленно старался описать жизнь Геббельса без литературных красот, то есть не указуя перстом на то, что есть добро или зло, истина или ложь. Иным читателям может показаться, что я под влиянием его речей стал питать к нему теплые чувства. Ничто не может быть столь далеким от правды. В ответ на подобные упреки я скажу следующее.

Нельзя писать о Геббельсе, как и о любом другом нацистском главаре, и полагать, что он может быть судим по закону нравственности. Общепринятые мораль и этика неприменимы к ним. Не хватит никаких виселиц, чтобы воздать им сполна за преступления. Бессмысленно указывать на какое-либо определенное зло вокруг Геббельса — вокруг него все было злом. Следовательно, необходимо рассматривать его жизнь и деяния, напроочь исключив нравственные соображения, — так же, как мы судим о спортсмене, состязающемся за приз: нам важно, добился ли он цели, установил рекорд или потерпел поражение. Вопрос остается открытым. Дух, которым были пропитаны его речи, не развеялся над руинами Третьего рейха. Геббельс надеялся, что его идеи переживут его, и, как вы поймете из книги, последние месяцы трудился в одиночестве над этой задачей. Почти все написанное им можно рассматривать как бомбу замедленного действия, как пропаганду, которая пускает корни в умах людей и приносит плоды лишь через пять, десять, двадцать лет.

Но даже это всего лишь часть проблемы, живым воплощением которой был Геббельс. Он не только заложил пропагандистскую бомбу замедленного действия с целью вернуть к жизни Гитлера через десять или двадцать лет — такой бомбой является внутренняя сущность его своеобразного пропагандистского творения. Если у Геббельса найдутся последователи, если им удастся одурачить толпы и

подменить реальность, если падут барьеры между действительностью и пожеланиями горстки безумцев, если человеческие существа превратятся в роботов, созидających и разрушающих по велению диктатора и его присных, если они будут плясать под дуду пропаганды, не ведая, что творят, бомба Геббельса взорвется. И тогда придет черед ядерных бомб, которые сметут всех нас в чудовищном, но очищающем катаклизме.

К.Р.

Хемлок-Хейг

Рождество 1947 года

Часть первая

Битва

Глава 1

Путь к Гитлеру

1

Весной 1945 года во время одной из страшных бомбардировок Берлина, за несколько недель до падения Третьего рейха, министр пропаганды открыл сейф в своем домашнем бомбоубежище, достал пожелтевшую от времени фотографию и показал ее своим помощникам. На ней был пятилетний Пауль Йозеф Геббельс в темном бархатном костюмчике с белым кружевным воротничком. Худенький мальчик с несоразмерно крупной головой и большими серьезными глазами. Жалкое создание, нисколько не похожее на счастливого ребенка, – таково было впечатление присутствовавших.

В то время Геббельс, по общему мнению, был обычным здоровым мальчишкой. Несчастье настигло его в семь лет. Он заболел остеомиелитом – воспалением костного мозга. Ему прооперировали левое бедро, в результате чего левая нога стала на четыре дюйма короче и высохла. Доктора сообщили родителям, что их сын останется на всю жизнь хромым и должен постоянно носить особую обувь и прочие ортопедические приспособления.

Позднее родилось расхожее мнение, ставшее едва ли не «официальной» легендой, что Геббельс появился на свет с

изуродованной ступней. Есть веские основания полагать, что даже его ближайшие соратники не знали правды, хотя и ставили увечье ему в укор, разумеется, пока это еще было безопасно.

Грегор Штрассер, многие годы бывший вторым человеком после Гитлера в нацистской партии, зашел настолько далеко, что предположил, будто у Геббельса в жилах течет еврейская кровь, а в качестве доказательства приводил его увечье. Другой известный нацист, Эрих Кох, как-то сравнил Геббельса с Талейраном, который тоже прихрамывал и который поочередно предал всех своих сюзеренов. Тем самым он намекал на то, что Геббельс если еще не предал, то непременно предаст своих хозяев. Макс Аманн, влиятельный нацистский публицист, имел обыкновение называть Геббельса Мефистофелем, то есть дьяволом, которого в немецкой мифологии изображали «козлоногим».

Как министру пропаганды, Геббельсу не составляло труда опубликовать в прессе подлинную историю. Однако его фигура потеряла бы некий ореол в глазах немцев, перед которыми он представлял как человек, «отмеченный свыше». Обнародовав правду, Геббельс вызвал бы в них сочувствие, а умело пользуясь магией пропаганды, даже завоевал их симпатии. Но он так не сделал. Он ставил перед собой задачу манипулировать мыслями и чувствами других лишь в пределах политической сферы. Собственная популярность его нисколько не заботила. В конечном счете он не испытывал к людям ничего, кроме презрения.

Даже в беседах с ближайшими своими сотрудниками он никогда не касался беды, постигшей его в детстве. Люди, проработавшие с ним бок о бок не один десяток лет, знали очень мало (вернее, ничего не знали) о годах, когда произошло его становление. Поэтому они искренне удивились, когда Геббельс показал им свою фотографию.

2

Тем не менее Геббельсу нечего было скрывать. Он не знал, что такое нужда, как Гитлер, не увлекался наркотиками, как Геринг, за ним не охотилась уголовная полиция, как за многими другими видными нацистами. Его юность прошла тихо и спокойно в окружении мелких буржуа.

Геббельс родился 29 октября 1897 года в Рейдте, промышленном городке долины Рейна с населением тридцать тысяч человек. Его отец, Фриц Геббельс, управлял небольшой текстильной фабрикой. Мать, Мария Катарина, родила троих сыновей – Конрада, Ганса и Пауля Йозефа, семнадцатью годами позже родилась дочь Мария. Семья жила небогато, хотя и владела двухэтажным домом на Принц-Эвгенштрассе, переименованной позже в Пауль-Йозеф-Геббельсштрассе. Родители исповедовали католичество.

Он рос одиноким, оторванным от братьев мальчиком, избегал компании соседских ребят и одноклассников, в чьих играх не мог участвовать. Страдая от своего физического недостатка, он изо всех сил старался доказать всему свету свое умственное превосходство. Он радовался любому случаю уязвить, унижить или выставить на посмешище своих сверстников. Из-за постоянных злорадных насмешек о нем стали говорить как о заносчивом, неуживчивом и придиричивом ребенке.

Взрослые его тоже не жаловали. Его передергивало, когда он слышал за спиной жалостливый шепот: «Бедняжка!» Он не терпел их снисходительные взгляды, ему была не нужна их жалость. Он убегал и прятался от них. Будь его воля, он бы вообще убежал из городка с его ненавистными улицами и домами, где царили мелочность и любопытство, где все подавляло. Он жаждал некоей вольности вне городских стен.

Многие его предки были родом из промышленных местечек. Его дед, Конрад Геббельс, плотничал и женился на Гертруде Маргарет, урожденной Роскамм, дочери крестьянина из Бекрата под Дюссельдорфом. Дед по материнской линии, кузнец Михаэль Оденхаузен, взял в жены дочь рабочего Иоганну Марию Керверс. Однако позднее, уже в университете, Геббельс гордо заявил друзьям, что у него крестьянские корни. Герой его биографической новеллы «Михаэль» восклицает: «В моих жилах медленно, но верно течет крестьянская кровь». Затем, уже будучи министром, он заставил своих биографов произвести себя в потомки крестьянской семьи.

Чужак в родной семье, он единственно был привязан к матери. Он боготворил ее. Его подкупали ее простота, скромность и выдержка. Но более всего его восхищала ее непоколебимая вера. До самого конца он снова и снова переживал впечатления, запавшие ему в душу еще в

детстве: отец умирает от воспаления легких, доктора отказываются от него, но мать призывает детей, велит им взяться за руки и возносить молитвы. Свершается чудо – отец встает со смертного одра.

Возможно, история приукрашена, возможно, она выдумана, но полностью соответствует духу Геббельса. Он безгранично восхищался и завидовал всем, в ком была истинная вера.

Мать с постоянной тревогой следила за сыном. Она молилась за него, они вместе посещали церковь и вместе читали молитвы. Будь у него силы, он пошел бы работать на фабрику. Но маленькому Йозефу этот путь был закрыт. Фрау Геббельс свято верила, что Господь вознаградил его за немощь: ее сын был слишком умен для простого рабочего, он погрузился в латынь и древнегреческий, жадно поглощал Цицерона и Вергилия, счастливо ускользнул в мир мертвых языков, населенный великими героями, где он, калека, найдет надежный приют. Для матери его страсть к книгам значила одно: Йозеф должен стать священником. А если он такой умница, почему бы ему в один прекрасный день не стать епископом?

Через друзей она свела знакомство с одним из руководителей Католического общества Альберта Великого. За два года до окончания гимназии его удостоили аудиенции, которая определила его будущее. Священник, с которым он беседовал, быстро понял, что перед ним один из самых умных людей, кого он встречал. Геббельс из наилучших побуждений легко завоевал его симпатии. Беседа длилась несколько часов, и к ее концу священник знал о Геббельсе больше, чем тот о себе самом.

«Мой юный друг, – сказал священник с оттенком печали, – ты не веришь в Господа». Хотя после этого радужные планы Геббельса несколько омрачились, был найден компромисс. Католическое общество вознаградило его, выделив стипендию на первые два года учебы.

3

Согласно свидетельствам матери, детское увечье оттолкнуло его от Бога и породило в нем цинизм и скепсис: поскольку судьба обошлась с ним слишком сурово, он не мог поверить в существование высшей справедливости. Ему было ясно, что «правды» для него нет.

Война разразилась 1 августа 1914 года. В течение множества дней и ночей до и после этой даты военные эшелоны тянулись через долину Рейна и через Рейдт по направлению к бельгийской границе. Они везли солдат, которые уже готовились отпраздновать победу в Париже к Рождеству.

Вскоре германские войска глубоко вклинились во вражескую территорию, одна победа следовала за другой. Те, кто осознал, что война против значительно превосходящих сил противника обречена на поражение, оказались в меньшинстве. Их точка зрения стала непопулярной. Школьные преподаватели изощрялись в патриотических речах. Кайзер и его генералы представляли перед учениками античными героями. За счастье почиталось жить в столь «героическую» эпоху, но еще большим счастьем казалось умереть за фатерланд.

Прихрамывающий Геббельс присоединился к 16– 17-летним одноклассникам, желавшим пойти добровольцами на фронт. На призывном пункте ему приказали раздеться. Врач пощадил самолюбие увечного мальчика, жаждавшего исполнить свой долг, и тщательно осмотрел его. Но неминуемый вердикт был вынесен: *kriegsuntauglich* – к военной службе негоден.

Возвратившись домой, он заперся в своей комнате и зарыдал. Мать пыталась утешить его, но он отказался открыть дверь. Он страдал всю ночь напролет, словно пережил самое большое разочарование. Может быть, он испугался, столкнувшись с суровой действительностью? Или же он попросту разыграл трагедию? Позже, в университете, он не без выгоды использовал свои фантазии. Когда преподаватели и студенты обращали внимание на его хромоту, он позволял им думать, что причиной увечья была война.

Пять лет учебы прошли не более счастливо, чем его детство в Рейдте. Он сменил восемь различных университетов. Сначала он поехал в Бонн, затем во Фрайбург, потом в Гейдельберг, оттуда в Вюрцбург, Кельн, Франкфурт и Берлин, откуда вернулся в Гейдельберг, наконец, в Мюнхен, а напоследок – снова в Гейдельберг.

Для немцев считается в порядке вещей учиться в разных университетах, но менять их каждые полгода – чересчур даже для Германии. Неуемное желание перемен, отступление от цели и нерешительность очень характерны для Геббельса в молодости. Он

изучал философию, историю, литературу, историю искусств – программа очень обширная, если ее вообще можно назвать программой. «Что я в самом деле изучаю? – писал он. – Все и ничего. Я слишком ленив и, думается, слишком глуп для какой-либо отдельной дисциплины. Я хочу стать мужчиной. Я хочу стать великой личностью!»^[1]

На фронте мальчики – его сверстники – быстро мужали и становились личностями, мало того, героями! И вдруг война закончилась. Еще осенью 1918 года Геббельс, которому уже исполнился двадцать один, писал матери, что «великая победа будет одержана до Рождества». Теперь он и миллионы немцев вдруг оказались побежденными. Боготворимый юношеством кайзер сбежал, а страну захлестнула революция. «Великая героическая эра» подошла к концу. Знаки различия быстро исчезли с формы демобилизованных офицеров: за ночь они превратились из героев в пособников империализма, преступников и реакционеров.

Учебные заведения заполнили молодые люди на костылях, с пустыми рукавами и покрытыми рубцами лицами. Поражение стало осязаемой реальностью. Миллионы молодых немцев уже ни на что не надеялись. Университеты стали политическими инкубаторами, студенты раскололись на фракции. Националисты и реакционеры лелеяли мечты восстановить монархию, развязать новую войну и отомстить за поруганную честь Германии. Левое радикальное меньшинство с напряжением взирало на Советский Союз и приветствовало коммунистический эксперимент. Некоторые возлагали надежды на молодую Германскую республику, но им нечего было предложить – у их лидеров не было ни таланта, ни страсти, ни идей. Они полагали, что Германская социал-демократическая партия предала рабочий класс. Положение в стране резко ухудшалось, народ голодал. Казалось, жертвы четырех военных лет были принесены напрасно. Никто не ждал помощи, по крайней мере со стороны власти.

И еще одно обстоятельство вторглось в жизнь Геббельса: инфляция. Тайнственным образом марка внезапно обесценилась. Еще вчера состоятельные люди вдруг оказывались без гроша и распродавали все ради хлеба насущного. Германию наводнили

иностранцы и, пользуясь низким курсом марки, скупали недвижимость за бесценок.

Геббельс, и до того живший бедно, оказался на грани нищеты. У него был всего один костюм, и он мог себе позволить питаться не более одного раза в день, несмотря на то что мать посылала ему каждую сэкономленную марку.

4

«Он выглядел фанатиком. Точь-в-точь как Савонарола!» – отмечала женщина, знавшая Геббельса в Гейдельберге. Он был очень худым молодым человеком, с лицом аскета, темными глазами и зачесанными назад каштановыми волосами. Все сходились во мнении, что он был хорошо воспитан и безукоризненно вежлив. Женщины находили его задумчиво-очаровательным. Им было приятно вслушиваться в его мелодичный рейнский акцент.

В отличие от большинства студентов Геббельс говорил, что не интересуется политикой. Он мог бы повторить слова Гете по поводу американской революции: «В нашем узком кругу мы не обращаем внимания на газетные новости. Наша цель – познание Человека. Что касается людей, пусть идут своей дорогой».

Он вновь отступил, на сей раз в литературу. «Что я в самом деле изучаю?» Его любимым преподавателем был профессор литературы Гейдельбергского университета Фридрих Гундольф. Он написал несколько работ о Гете и о Шекспире, в частности о влиянии последнего на немецких классиков. Это был высокий мужчина с приятной внешностью, но не от мира сего. Не многие студенты смогли свести с ним близкое знакомство. В то время он был душой так называемого кружка «Георге», названного так по имени Стефана Георге, видного поэта того времени^[2]. В него входили литераторы и эстеты, в основном анемичные юноши, более погруженные в свои вирши, нежели в события текущего дня.

Геббельс высказал желание стать членом кружка «Георге» и отрекомендовался профессору писателем, но Гундольф, хотя и находился под некоторым влиянием молодого студента, в конечном счете отказал ему.

Лекции Гундольфа по немецкому романтизму увлекли Геббельса, он был очарован духом работ братьев Шлегель, Тика, Новалиса и

Шеллинга. Он с головой ушел в мир столетней давности и написал докторскую диссертацию по эпохе романтизма под названием «Вильгельм фон Шютц. Вклад в историческую драму романтической школы». Профессор фон Вальдберг, его научный руководитель, получил от юного Геббельса благодарственное письмо, где тот вновь повторял, сколь многим обязан своему учителю. Нелишне заметить, что фон Вальдберг был полукровкой, а Гундольф – чистокровным евреем.

Позднее Геббельс понял, что его раннее увлечение немецким романтизмом было не более чем мимолетным. Став министром пропаганды, он не только изъял свою докторскую диссертацию из библиотеки Гейдельбергского университета, но и в своей официальной биографии поменял ее название на «Духовно-политические течения раннего романтизма», придав таким образом своему литературному труду, хотя и задним числом, политическую окраску.

5

Незадолго до того, как написать докторскую диссертацию, Геббельс пережил свое первое любовное увлечение. Из дома он уехал невинным юношей. Рейдт был слишком маленьким и слишком ортодоксальным городком, чтобы в нем смотрели сквозь пальцы на случайные связи. Во втором семестре во Фрайбурге Геббельс влюбился.

«Передо мной сидела юная студентка. Что за удивительное создание! Шелковистые светлые волосы сплетались в тяжелый узел на прелестной шее, словно выточенной из белого мрамора. Она задумчиво смотрела в окно, а стыдливый солнечный зайчик плясал вокруг ее головы... Я прислушивался к ее неровному дыханию, я ощущал тепло ее тела, вдыхал аромат ее волос. Рука ее небрежно покоилась на столе, длинная, узкая, белая, как свежавыпавший снег...» И еще: «Часами я бродил ночью, светлой от звезд. В душе моей звучала прекрасная музыка. Все во мне пробуждалось к новой жизни...»^[3]

Это было одно из трех серьезных любовных увлечений в его жизни. Ее звали Анка Гельгорн. Она была выше его ростом и чрезвычайно миловидная.

Хотя их идиллия длилась всего четыре месяца, Геббельс не мог ее забыть. Спустя десять лет, уже будучи министром пропаганды, он поведал приятелю историю первой любви. Его откровения отличались типичными для него цинизмом и тщеславием.

«Она предала меня ради молодчика с туго набитым кошельком — он мог себе позволить водить ее в рестораны и на представления, — сказал Геббельс. — Какая глупость! Разумеется, наша связь не могла продолжаться вечно, но, так как я был ее первым любовником, я бы женился на ней. Представь себе, сейчас она была бы женой министра пропаганды. Должно быть, она кусает локти от досады».

Какие бы чувства ни испытывала к нему Анка, она не остановилась перед тем, чтобы добиться встречи с Геббельсом в 1934 году. К тому времени она успела выйти замуж и развестись и была вынуждена зарабатывать на жизнь. Геббельс дал ей работу в одном из крупнейших журналов — «Ди даме». После закрытия журнала он подыскал ей другое место.

Анка не делала тайны из бывлой дружбы с Геббельсом и часто показывала друзьям книгу с его дарственной надписью. Это была «Книга песен» Г. Гейне^[4].

6

Неудачная первая любовь наложила отпечаток на всю его жизнь. В последующие двадцать лет он обладал многими женщинами, но его, наверное, постоянно мучили подозрения, он сомневался в истинности их чувств, снова разочаровывался и снова пускался на поиски женщины, которая полюбила бы его ради него самого.

Когда Анка бросила его, он какое-то время избегал женского общества. Геббельс попытался сблизиться с одним из приятелей студенческих лет, неким Рихардом Флисгесом, с которым он встретился тоже во Фрайбурге. Тяжело раненный ветеран войны Флисгес был удостоен многих наград за храбрость, но его умственные способности были не столь заметны. Он провалился на вступительных экзаменах в университет, специально облегченных для демобилизованных.

Единственным его интересом была политика. Здесь он, по крайней мере, не знал сомнений. Политика, объяснял он Геббельсу, есть естественное явление. «Всякий мужчина, ставший отцом, тем

самым уже связан с политикой». (Позднее Геббельс использовал его мысль слово в слово в своем «Михаэле».) Флисгес ненавидел войну и называл ее империалистической, он ненавидел кайзера, втянувшего Германию в войну, ненавидел современных ему социалистов и либералов, по чьей вине страна голодала. Он был коммунистом.

Он дал Геббельсу работы Маркса и Энгельса, среди них «Гражданскую войну во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Интернационалист и пацифист Флисгес познакомил Геббельса с трудами Вальтера Ратенау, немецкого промышленника, государственного деятеля и философа, который в противовес немецким милитаристам породил выражение: «Никогда не придет тот час, когда кайзер станет покорителем мира и вместе со своими рыцарями проедет на белом коне под Бранденбургскими воротами. В тот день всемирная история потеряет всякий смысл, а ни один из сильных мира сего, участвовавших в войне, не переживет этого»^[5].

Заинтригованный Геббельс погрузился в книги Ратенау. Он с увлечением читал либеральную газету «Берлинер тагеблатт», выступавшую против войны и поддерживавшую Веймарскую республику. Геббельс послал туда около пятидесяти статей, среди них «Христианская мысль и социализм», «О социализации» и «Социология и психология». Главный редактор Теодор Вольф отверг их все.

Флисгес, равнодушный к русским, снабдил его произведениями Достоевского. Великий русский писатель привел его в восторг и взволновал. Во многих характерах Геббельс узнавал знакомых юных интеллектуалов, узнавал Флисгеса, узнавал себя. Он понял, что Достоевский был невысокого мнения об интеллигенции и сомневался в пользе чтения и раздумий. «Вера вам нужна...»^[6] – проповедовал он устами одного из героев^[7].

Вера – но во что? И кому верить? Реакционеры и левые обвиняли друг друга в предательстве и в помешательстве. Как только Геббельс узнавал их поближе, он обнаруживал перед собой горстку молодежи, мечущейся из стороны в сторону. Перед его аналитическим умом их словеса оказывались бессмысленным фразерством, а обещания – пустыми посулами. Опереться было не на что – вокруг был вакуум. Он жаждал вдохновения, хотел быть похожим на других, он жаждал веры. Ему была нужна уверенность.

Флисгес, человек более простой по натуре, такой уверенностью обладал, по крайней мере, так казалось Геббельсу. Флисгес верил, в нем была вера. Геббельс последовал за ним, как за своим первым фюрером. Возможно, вернее было бы сказать, что он боялся остаться в одиночестве, что, руководствуясь только собственным разумом, он находил бы порок во всем и вся жизнь стала бы ему казаться не заслуживающей продолжения. Он впал бы в пропасть нигилизма. Его болезнь была сродни болезни Петра Степановича Верховенского из «Бесов» Достоевского, который кричал: «Ставрогин... я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну а я люблю идола! Вы мой идол!.. Мне, мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк... Что вы глядите на меня? Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в стклянке, Колумб без Америки».

7

Но Геббельс не слишком долго находился под неограниченным влиянием Флисгеса. Второй год их дружбы не был отмечен ничем, кроме бесконечных интеллектуальных баталий. Геббельс исподволь начал понимать, что Флисгес, столь уверенный на вид, в глубине души подобен ему самому: он стоял на грани падения в пропасть нигилизма. Ему было горько, он пал духом, в нем тлела ненависть к каждому немцу. Иногда казалось, что коммунизм Флисгеса есть не что иное, как своеобразное выражение всеобъемлющей ненависти.

Неужели немцы и в самом деле глупы, напрочь лишены здравого смысла и недостаточно цивилизованны, как утверждает Флисгес? Но разве сам Достоевский не назвал их «великой, гордой и особой нацией» – особой в том смысле, что она внушает уважение? Особой в том смысле, что они стоят особняком? По Достоевскому, вера в немцах была оправданной. По Достоевскому, англичане – нация дельцов, а французы – дикое смешение рас и народов, создавшее нежизнеспособную демократию.

В любом случае Достоевский был первым и самым главным из русских. Почему же он, Геббельс, не может стать первым и самым главным из немцев? Тогда у него был бы не просто человек, на

которого можно опереться, его поддерживала бы целая страна, миллионы людей.

Национализм Геббельса происходил не из понимания подлинных интересов Германии, о них он не знал ровным счетом ничего. Не было это и любовью к немецкому народу. К нему он питал смешанное чувство презрения и отвращения. Геббельс хотел понять, кто же он такой, он мечтал о великой и славной Германии.

Его национализм не был порождением естественной любви к дому, семье, друзьям, иными словами, семейной привязанностью в более широком смысле. Напротив, это было бегство от всего, что его до сих пор окружало: подальше от семьи и родного города, которые не давали ему забыть о своем уродстве. Подальше от интеллигентов левого толка, от профессора Гундольфа, от редакторов «Берлинер тагеблатт», отвергших его статьи, от Флисгеса, хотевшего обратить его в свою коммунистическую веру. Подальше от эстетики жизни, от удобной мудрости философов и поэтов, подальше от Гете, перед которым он преклонялся (и над которым насмехался позднее), от Гете, сказавшего: «Оставим политику солдатам и дипломатам».

Придя к национализму, Геббельс в определенном смысле предал все, чем прежде восхищался и для чего жил.

Его шовинизм был проникнут мистицизмом. Достоевский верил в особое предназначение России, Геббельс теперь верил в то, что Германии предстоит оставить свой особый след в истории – в современной ему истории. Вернее, он нуждался в подобной вере. Исходя из нее, его рассуждения строились предельно просто: все, кто принадлежит к немецкой нации, изначально неполноценны и не принимаются в расчет. «Я провожу много времени в кафе, – писал он в «Михаэле», – и встречаю множество людей из разных стран. Поэтому я все больше и больше люблю все немецкое. Увы, это стало редкостью в нашем отечестве».

Будучи калекой, он чувствовал себя неполноценным рядом с большинством людей. Несмотря на свой недостаток, иногда ему удавалось насладиться своим превосходством над средним индивидуумом благодаря интеллекту. Но со времени окончания школы его постоянно отвергали те, кто стоял выше его интеллектуально. Например, профессор Гундольф, редактор «Берлинер тагеблатт»

Теодор Вольф. Они оба были евреями, точно так же, как и Вальтер Ратенау, чьими книгами он зачитывался. Как и Карл Маркс.

До этих пор Геббельс не был ярым антисемитом, хотя в университетах, где он учился, антисемитские настроения усилились, и даже стало модно обвинять евреев за все неудачи Германии, включая поражение в войне. Геббельс был знаком со многими евреями, с некоторыми даже был близок. Теперь он оборвал знакомство с ними. Он решил для себя, что немцы превосходят другие нации, а евреи – не немцы. Наконец-то он смог почувствовать в душе превосходство над всеми евреями, и не важно, что когда-то он восхищался ими, искал их дружбы, пытался писать для них страстные статьи.

Приняв подобную философию, он принял и все ее внешние атрибуты. «Евреи физически отвратительны. При виде их меня начинает тошнить»^[8].

Такого рода национализм породил милитаристский угар. Если одна нация или раса лучше других, то эти другие должны быть покорены и по возможности уничтожены. Провозглашалась война ради войны: только на поле брани германская нация сможет полностью выказать свои героические качества. Пацифизм многих евреев (наподобие редактора «Берлинер тагеблатт») делал их вдвойне ненавистными.

Если кто-то отваживался сказать, что четырехлетняя мировая война была бессмысленной, Геббельс отвечал: «Бессмысленная? О нет! Так может показаться со стороны. Но война выразила во всей полноте наше желание жить. И хотя мы не достигли цели, мы еще выполним свое предназначение... В один прекрасный день миллионы закричат в один голос: конец бесчестию... Фатерланд принадлежит тем, кто его освобождает. Где оружие?»^[9]

Он, никогда не державший в руках оружия, рядился в тогу бывалого вояки с глубоким убеждением, что такова его вторая натура. Он словно зажил другой жизнью, плел небылицы о боевом опыте, которого у него не было и в помине, отождествлял себя с «героической эрой», о которой знал понаслышке, выдавал себя за одного из героев. Он так много выступал в этой роли, что в конце концов сам себе поверил. При этом он умалчивал о Рихарде Флигесе, который и в самом деле был героем, а потом проклинал войну. Дороги

друзей разошлись. В конечном итоге Флисгес стал горняком и погиб в шахте в июле 1923 года.

За десять месяцев до этого Геббельс встретил человека, который отныне станет тем, кем не довелось стать Флисгесу: человеком, который поведет за собой не только его, но и всех немецких «патриотов».

8

Бесспорно, Мюнхен в те дни был центром всяческих движений и заговоров. Здесь располагались представительства многих крайне правых партий. Здесь собирались бесчисленные группы и клубы с двусмысленными названиями и далеко не безобидными намерениями. Так называемый «Вольный корпус» – по сути, союз наемников – вербовал в свои ряды ветеранов: солдат и офицеров, тосковавших без войны. Здесь же находился штаб и командование подпольной армии, «Черного рейхсвера». Здесь росли как грибы тайные организации, не скрывавшие своей цели – свержение Германской республики.

Геббельс провел семестр в Мюнхенском университете. Старинный город очаровал его, он полюбил его изысканную архитектуру, рестораны, кафе, маленькие ночные клубы. Ему нравился Швабинг, излюбленное место встреч художников и литераторов – когда-то он мечтал быть принятым в их обществе. Но по возвращении в Мюнхен 1922 года он не стал тратить время на кафе или на концерты. Он стал ходить на конспиративные сборища, он стал одним из заговорщиков.

Парни из «Вольного корпуса» приводили его в трепет. Они были сильными и рослыми, пройдя войну, они не боялись ничего, кроме мирной жизни, они в равной степени ненавидели и капиталистов и рабочих. Они были головорезами и зачастую гомосексуалистами, они хвастались своими подвигами, на все лады ругали республику и бражничали. Они были дикими животными, бесчувственными и невосприимчивыми к влиянию цивилизации. В некотором роде они представляли собой целое поколение молодых немцев, разочарованных и войной и революцией, подошедших к черте, за которой были цинизм и преступление. Хотя они стояли ниже Геббельса, он завидовал им. Они не ведали запретов, они действовали, в то время как Геббельс предавался унынию. Ему достало ума

рассмотреть за их бравадой дутый патриотизм, но он поддался их чарам.

В июне 1922 года тогдашний министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау был убит единомышленниками тех, с кем теперь свел дружбу Геббельс. Они рассказывали о преступлении так, словно это был достойный уважения поступок патриотов. Что почувствовал Геббельс после убийства человека, которым он прежде восхищался, мы никогда не узнаем. Годы спустя он опубликовал ряд статей, где прославлял убийц. Впрочем, к тому времени он сам стал одним из них.

На той же неделе Геббельс пошел на митинг одной из многих националистических партий. Его внимание привлекли огромные плакаты. Он был поражен, когда обнаружил, что в крупнейшем мюнхенском зале «Кроне– цирк» яблоку негде упасть. Восемь тысяч собравшихся были огромной цифрой для города с полумиллионным населением.

На трибуне стоял человек. Геббельс не мог разглядеть его черты, софиты были направлены так, чтобы того не распознали. Он даже не мог разобрать, блондин тот или брюнет, бородач или гладко выбрит. В программе было написано: герр Адольф Гитлер. Геббельс слышал о нем как об одаренном политике. Сейчас он заговорит, и Геббельс сам поймет...

«Я с трудом осознал, что кто-то поднялся на трибуну и стал говорить, вначале с некоторым колебанием, как бы подыскивая слова поточнее, чтобы выразить величие мысли, которой были тесны рамки обычного языка. Потом вдруг речь обрела невиданную силу. Я был захвачен, я вслушивался... Толпа восторгалась. Осунувшиеся серые лица озарила надежда. Кое-где люди потрясали кулаками. Сосед расстегнул воротник и утирал пот со лба. За пару мест от меня старик офицер плакал как дитя. Меня бросало то в жар, то в холод. Я не понимал, что происходит, это было похоже на канонаду... Я не мог сдержаться, я закричал «Ура!». И никто не удивился. Человек, стоявший наверху, встретился со мной взглядом. Его голубые глаза словно зажгли меня. Это был приказ. В одно мгновение я переродился... Теперь я знал, каким путем мне идти...»

Гитлер заговорил, и Геббельс воспринял его слова как приказ. Гитлер заговорил, и все сомнения Геббельса улетучились.

Приказ. Геббельс после стольких лет сомнений теперь знал, какой путь следует выбрать. Гитлер не оставлял места скептицизму и инакомыслию. Он говорил, а толпа рукоплескала. Задавать вопросы или возражать было бессмысленно. Штурмовики, окружившие зал, умиряли всякого, кто пытался противоречить фюреру. Фюрер! Вождь! Уже в первые дни Гитлер присвоил себе этот титул. Это значило, что все решения принимает он. Он диктует свою волю, а его последователи аплодируют, клянутся в верности и не несут ответственности.

Никакой ответственности, никаких вопросов, никаких возражений. Могут ли взрослые вести себя как дети? Может ли человек, подобный Геббельсу, чей аналитический ум находил изъян во всем, всецело подчиниться Гитлеру?

Их первая встреча дала ответ на вопрос. В личности Гитлера Геббельс нашел то, что бессознательно искал все эти годы: он мог наконец снять с себя всяческую ответственность, избавиться от необходимости принимать решения. Это было окончательное бегство от самого себя. Но почему именно Гитлер? Что было в Гитлере, что предопределило его как наставника Геббельса?

А было вот что: сам Гитлер не знал сомнений. Гитлер обрел веру в своих же проповедях. Никогда с тех пор, как он покинул отчий дом, Геббельс не встречал человека, преисполненного столь нерушимой верой. «Этот человек опасен, потому что верит в то, что проповедует», – писал Геббельс о Гитлере^[10].

И далее: «Тайна его влияния в его фанатичной вере в свое движение, а следовательно, в Германию». Всякий заметит изумление Геббельса, сквозящее в этих строках, изумление перед человеком, свято верящим каждому своему слову. Геббельс на такое не был способен, в этом и заключалась разница между ним и Гитлером. Отсюда следовал вывод о том, что превосходство Геббельса не имеет ни малейшего значения, фюрер будет надежно защищать его от себя самого и от опасности нигилизма. Отбросив все критические соображения, отбросив все сомнения, он тотчас же признал своего господина и понял, что отныне скован с ним одной цепью, как Верховенский со своим идолом Ставрогиным: «Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в стклянке, Колумб без Америки».

Вот почему Геббельс подошел к столику у входа и поставил свою подпись на бланке заявления о приеме в члены Национал-социалистической рабочей партии Германии. Он заполнил анкету и получил билет за номером 8762.

Через минуту он вышел из здания и успел увидеть Гитлера – тот сел в автомобиль и уехал.

Глава 2

Ученик чародея

1

11 января 1923 года французские и бельгийские войска оккупировали Рур на том основании, что, выражаясь словами премьер-министра Франции Пуанкаре, правительство Германии и не собиралось выполнять условия Версальского договора. Для Германии это был гром среди ясного неба. Рейхспрезидент и социал-демократ Фридрих Эберт обратился к народу и призвал к бескровному сопротивлению. Народ не заставил себя упрашивать. Поезда остановились, почта не доставлялась, заводы стали. Это стоило денег, и в Берлине запустили печатный станок. За первые четыре недели оккупации Рура курс доллара возрос до пятидесяти тысяч марок.

Французские войска допустили несколько серьезных инцидентов: грабежи, кражи и даже убийства, в сущности, то, что и случается при оккупации. Немецкая пропаганда ухватилась за это. Населению в неоккупированной части Германии живописали о непотребном поведении французских генералов и их любовниц, о том, как французские офицеры избивают немцев на улицах, о том, что немцам запрещается ходить по тротуарам, и, наконец, о том, что зуавы – цветные солдаты из Северной Африки – насилюют белокурых немецких девушек. Это называли не иначе, как «черным позором». Вскоре эти слова стали расхожими во всей Германии.

Члены «Вольного корпуса» и противники республики воспользовались случаем и перешли от пассивного сопротивления к активному. Многие из тех, кого Геббельс знал по Мюнхену, и среди них лидеры «Вольного корпуса» Хайнц Хауэнштайн и Ганс Хайн, приехали в Эльберфельд – городок на границе оккупированной зоны –

для организации саботажа. Им помогали два уроженца здешних мест: Карл Кауфман и Эрих Кох, вскоре ставшие видными нацистами.

Геббельс возвратился в Рейдт и зажил прежней жизнью в своей маленькой детской комнате. На лучшее у него не было денег. Большую часть времени он пребывал в тягостных раздумьях, лишь изредка перебрасываясь парой слов с братьями и младшей сестрой Марией. Между ними была открытая вражда. В конце концов, разве они не откладывали каждый грош, чтобы дать ему возможность учиться? Но Геббельс их разочаровал, у него не было ни малейшего намерения приобрести профессию и отплатить им за добро. Они считали его лентяем.

Он и был лентяем. Но днем. Вечером он закрывался в своей каморке и писал всю ночь напролет.

К утру, уже без сил, он кидался на постель и забывался во сне.

Когда до него дошли известия о беспорядках в оккупированном Руре, ничто не могло удержать его в Рейдте. У него состоялась долгая беседа с матерью, и она безропотно отдала ему свои жалкие сбережения. Готовый взяться за любое дело, какое ему поручат, готовый бросить вызов всем и вся, он сел на поезд, идущий в Эльберфельд, до которого было всего несколько миль. Некоторые насмеялись над ним: убогий, он не смог бы даже бежать в случае опасности.

2

В Эльберфельде заговорщики планировали подпольные боевые действия против оккупантов. Идея состояла в том, чтобы наносить удары часто и ощутимо. Это не было войной в полном смысле слова, люди из окружения Хауэнштайна и Хайна были диверсантами, они взялись за опасное дело: взрывали мосты и железнодорожные составы, убивали французских офицеров и их приспешников из числа немцев.

Одним из самых активных из них был Альберт Лео Шлагетер, молодой человек из эссенского отделения. 14 мая 1923 года он взорвал железную дорогу между Дюссельдорфом и Дуйсбургом, чем прервал сообщение в оккупированной зоне. Французы выследили его и схватили. В надежде на помилование он раскрыл перед военным трибуналом всю деятельность подпольной организации (как он сам в

этом признался в письме, написанном Хауэнштайну из тюрьмы). Но предательство не спасло его. 26 мая он был расстрелян.

Шлагетер поведал также, что промышленные магнаты Густав Крупп и Фриц Тиссен были замешаны в заговоре. Они выплачивали немалые суммы за услуги таких «борцов за идею», как Хауэнштайн, Хайн, Кауфман, Кох и Геббельс. Да, и Геббельс тоже! Равным образом было скомпрометировано правительство Германии. Оно было вынуждено уйти в отставку, а новый кабинет отказался от политики пассивного сопротивления.

В качестве не участника, а только наблюдателя Геббельс стал свидетелем плачевного конца рурского сопротивления. Ему удалось только создать ячейки нацистской партии в неоккупированной части Рейнской долины, в основном в студенческой среде. Он выступал перед группами в десяток-другой человек в задних комнатах пивных. Собравшиеся с удовольствием слушали его.

Положению, в котором оказался Геббельс, будет суждено повторяться до бесконечности. Сам он не мог действовать, зато он мог говорить. Теперь, когда борьба была закончена, он, калека, мог выйти на первый план, теперь, когда все опасности были позади, он мог витийствовать. Раз уж ему не дано стать героем, он станет пропагандистом.

Он говорил о Шлагетере. Он не признавал, что Шлагетер был, попросту говоря, наемником, да еще и совершил самый гнусный и низкий поступок: выдал своих товарищей. Отнюдь. В своих речах он искусно переиначивал факты и помещал легенду точно в нужное место. Он превращал осведомителя в героя, в патриота без страха и упрека, в мученика, который предпочел смерть, но не предал свое дело.

И Геббельс говорил. Каждый вечер он обращался к новой аудитории. Его голос звучал так страстно, словно его собственная жизнь зависела от того, сумеет ли он убедить своих слушателей и себя самого. В первую очередь себя самого. Возможно, именно поэтому его речи и были настолько яростными и убедительными даже в ранние годы.

Так Шлагетер стал героем. А что же он сам, Геббельс? Он только говорил и вдруг тоже оказался героем. Он рассказывал слушателям необыкновенные, захватывающие дух истории: якобы он работал в

оккупированной зоне под разными именами, он основал множество ячеек нацистской партии под вывесками безобидных клубов, он долгие недели руководил ими, и, наконец, он был предан – разумеется, евреями. Он в подробностях описывал встречу с французским генералом (в некоторых версиях генерал представал бельгийцем). Его избивали до полусмерти. Далее история повествовала о том, что ему пришлось покинуть оккупированную зону, зато, торжествуя, сообщал он слушателям, там все-таки остались ячейки нацистской партии. Кстати, видные деятели нацистского движения не принимали его легенду всерьез и открыто требовали от Геббельса доказательств.

Так таинственные похождения бесстрашного бойца, охромевшего от тяжелых ранений, обрели реальность в образе подпольщика и борца против французских оккупантов.

3

После окончания подпольной войны Геббельс не вернулся домой. Он бы не смог вынести встречи лицом к лицу с родными, их вопрошающих взглядов и немых укоров. Он остался у друзей в Дюссельдорфе. Ему приходилось спать на диване в гостиной, пока ему не давали понять, что гостеприимству есть предел, и тогда он перебирался к очередному приятелю. Когда его приглашали к столу, он ел. Но чаще нет. В карманах было пусто.

Всей Германии 1923 год принес голод, лишения и безработицу. Эти обстоятельства помогли Геббельсу рекрутировать новых членов партии, и его речи становились зажигательней пропорционально растущей нищете, однако ни его энтузиазм, ни новоиспеченные нацисты не давали хлеба насущного.

Он решил бросить политику. Он снова возьмется за перо, он станет *freier Schriftsteller* – свободным литератором.

Он сочинил пьесу под названием «Странник» и автобиографический рассказ «Михаэль». Пьеса, написанная в стихах, никогда не была напечатана. Сюжетом он взял жизнь Иисуса Христа. Через два года появилась еще одна пьеса – «Одинокий гость», – и опять в стихотворной форме. Ее тоже не принял ни один режиссер^[11].

«Михаэля» опубликовали в 1929 году, и позже, когда Геббельс стал министром пропаганды, рассказ имел успех. Для Геббельса он имел особое значение, он называл его лирической песней в прозе. Он

даже заявлял, что написал бы немало подобных вещей, если бы не оказался втянутым в политику. Но по мнению тонких и знающих критиков, это был совершенный вздор, набор беспомощных и незрелых мыслей. По большей части там были банальнейшие афоризмы наподобие следующих:

«Всякому человеку нужна мать».

«Я ищу учителя, настолько простого в величии, чтобы быть великим в простоте».

«Я остался без гроша. Деньги – грязь, но грязь – не деньги».

Помимо таких перлов, книга содержала изрядную толику белых стихов, навеянных немецкими экспрессионистами 20-х годов. Ни стихи, ни сама проза не имели особого смысла и даже в глазах самого Геббельса обладали сомнительной ценностью. Он пришел к выводу, что молодой человек не должен искать спасения в интеллекте, что его истинное спасение – физический труд. Единственное затруднение состояло в том, что Геббельс не мог жить по собственным рецептам. Отказавшись от борьбы ради интеллектуального спасения, что он обрел взамен? Ответ он видел ясно: провал.

Гитлер тоже потерпел неудачу, но сумел подготовить себе театральное возвращение. Художник-неудачник стал теперь лидером политической партии и 9 ноября 1923 года сделал решительный шаг вперед. Он устроил путч. Переворот провалился из-за бездарных действий, да к тому же время его еще не пришло. Впрочем, начало было впечатляющим, но потом путч лопнул как пузырь. Гитлер исчез, но его выследили, схватили и посадили на скамью подсудимых.

Геббельс лихорадочно следил за событиями в Мюнхене по прессе. Он был взволнован и обескуражен. Неужели судьба никогда не позволит ему оказаться в гуще событий? Все остальные были в Мюнхене: Гиммлер, Штрайхер, Гесс, Рем, Геринг. Один Геббельс не пережил этот исторический опыт.

Печальный итог путча глубоко потряс его. Но когда Гитлер предстал перед судом, Геббельс испытал облегчение. В отличие от Шлагетера фюрер не собирался облегчить свою участь, перекладывая свою вину на других. В сущности, он даже не пытался защищать себя. Он блестяще продемонстрировал справедливость трюизма о том, что лучшая защита – нападение и, что намного существеннее, что из любой защиты можно сделать хорошую агитацию. Зал суда

превратился в театр одного актера, и миллионы людей, прежде и не слышавших ни о Гитлере, ни о нацистах, в один день узнали о них все.

«Армия, которую мы создаем, растет день ото дня, от часа к часу, все быстрее и быстрее, – говорил Гитлер в своем последнем слове. – В эти дни я питаю гордую надежду, что отряды штурмовиков вскоре станут батальонами, батальоны – полками, полки – дивизиями... И тогда мы услышим голос того единственного трибунала, который имеет право судить нас, он раздастся из могил. Не вам нас судить, господа судьи. Это будет суд Истории. В ваших силах вынести нам хоть тысячу приговоров, но в вечном суде Истории председательствует Господь, и он с насмешкой отвергнет все ваши обвинения вкупе с вашим вердиктом и оправдает нас».

Геббельс был только начинающим пропагандистом, но он мгновенно понял, что Гитлер достиг совершенства и мастерски разыграл пропагандистскую пьесу. В порыве восторга он сел и написал Гитлеру письмо.

«Подобно утренней звезде Вы явились нам и чудесным образом просветили нас во мраке неверия и отчаяния. Вы дали нам веру. Вы возвысились над толпой, Вы были преисполнены надежды на будущее, вами владело желание освободить эту толпу, в Вас была безграничная любовь ко всем, кто верит в возрождение рейха. Впервые перед нашими горящими глазами предстал человек, сорвавший маску с жалких и ненасытных парламентариев. Мы увидели человека, который показал нам, сколь бесстыдно и глубоко прогнило наше общество, где мы выбираем себе вождей в соответствии с числом набербованных ими сторонников и ловкими речами... В мюнхенском зале суда Вы достигли величия фюрера. Ваши слова – величайшая речь, каких не звучало в Германии со времен Бисмарка. Вы выразили не только собственную боль и желание бороться. Вы определили то, в чем нуждается целое поколение, запутавшееся в поисках вождей и целей. То, что Вы сказали, есть катехизис новой политической веры, родившейся в отчаявшемся, потерпевшем крах мире безбожников. Благодарю Вас. Когда-нибудь Германия отблагодарит Вас...»

Это было неподдельное выражение восторга, на который Геббельс еще был способен. Не преклонение ученика перед учителем, не благоговение молодого человека перед своим идолом, но восторг пропагандиста-любителя перед мастером пропаганды. Несмотря на то

что Геббельс еще не стал настоящим умельцем в делах пропаганды, он не ограничился тем, что просто написал письма, он снял с них копии. А через два года, когда подвернулся случай, опубликовал их. Это уже была зрелая пропаганда и в пользу себя самого, и в пользу Гитлера.

4

Обстановка в Германии улучшилась. Марка остановилась на отметке четыре триллиона двести миллиардов за доллар. Это маленькое чудо не без оснований приписывали новому президенту рейхсбанка Яльмару Шахту, в ту пору человеку прогрессивных тенденций.

Большинство немцев придерживалось мнения, что республике удастся выжить. Крайне левые и крайне правые терпели поражение за поражением. Нацисты стремительно теряли сторонников. Избрание президентом Пауля фон Гинденбурга, бывшего начальника генштаба, монархиста и националиста старой закваски, выбило у них почву из-под ног. В 1924 году на выборах в рейхстаг наци получили всего девять мест.

Геббельс искал работу. Нацистская партия, расколотая на фракции после ареста Гитлера, дробилась все дальше и не могла ему ничего предложить. Наконец, в Эльберфельде Франц Вигерсхаус взял его к себе личным секретарем за сто марок в месяц^[12]. Вигерсхаус был депутатом рейхстага от Партии народной свободы. Вместе с соратниками он издавал эберфельдскую еженедельную мелкую газетенку «Фелькише фрайхайт». Геббельсу поручили редактировать ее. Кроме того, он должен был готовить речи для Партии народной свободы, чей жизненный интерес состоял в том, чтобы покончить с другими националистическими фракциями и поглотить их. Отсюда следовала задача Геббельса: обрушиться на соперников и доказать публике, что у них нет будущего. Одной такой партией «без будущего» была партия нацистов.

Сотня марок в месяц были не бог весть какими деньгами. Да и работа не приносила удовлетворения – жалкая газетенка без влияния. Люди, которым он адресовал свои речи, были глупы и приходили в раздражение от первых же лозунгов. Тупицы, они, по мнению Геббельса, не многого стоили. Ему было неприятно, он чувствовал себя не на месте, словно «хороший актер на провинциальной сцене»,

как он писал домой. Он зря терял свое время. И он опять стал подумывать о писательстве.

Как-то вечером послушать его речь пришел высокий дородный мужчина – Грегор Штрассер из Ландсхута в Баварии. Разумеется, Геббельс знал, кто перед ним. После того как Гитлера приговорили к тюремному заключению, этот ветеран партии взял на себя политическое руководство. Его внешность провинциального бюргера была обманчива. За его кажущимся благодушием скрывалась колоссальная энергия, и он желал всю ее направить на дело партии. Кроме того, будучи прекрасным организатором, он работал даже с большей отдачей, чем Гитлер. Он был терпелив с партийными функционерами и не впадал в истерики, как Гитлер. Он редко повышал голос. В этом тихом омуте, пожалуй, таилась личность более радикальная, чем Гитлер.

Геббельс ничуть не был рад тому, что столь важная фигура видит его в неблагоприятной обстановке, да еще выслушивает его поношения в адрес нацистской партии. Но Штрассер обладал чувством юмора, он не рассердился, а, напротив, после выступления Геббельса подошел к нему и, представившись, сказал: «Вы превосходный оратор. Возможно, придет день, когда мы будем работать вместе».

Этот день пришел раньше, чем они думали. Через неделю после их встречи, накануне Рождества 1924 года, Гитлера амнистировали. Он, не откладывая, начал собирать под свое знамя остатки партии и уже в феврале 1925 года вновь был избран фюрером. Штрассер уступил ему, выторговав себе свободу действий в партийном строительстве на севере и западе Германии. Он продал свою аптеку и вместе с младшим братом Отто основал в Берлине нацистское издательство «Кампфферлаг». Ему понадобился новый личный секретарь, чтобы заменить Генриха Гиммлера, который разуверился в будущем нацизма и вложил все свои сбережения в птицефабрику.

И тогда Штрассер вспомнил о Геббельсе. Позже он заметил, что «купить Геббельса было нетрудно». Он предложил ему должность личного секретаря и одновременно управляющего делами в Северном Рейне – Вестфалии с жалованьем двести марок. Геббельс тотчас же согласился и бросил работу у Вигерсхауса, притом без слова объяснений. Впоследствии он жаловался на членов Партии народной

свободы, «с которыми прошел часть пути и которые теперь воротят нос. Ни приветствия, ни взгляда, ни рукопожатия». Он возмущался тем, что другие позволяют себе менять мнение о нем на противоположное.

Вскоре он уже был личным секретарем Штрассера, но чисто номинально. В основном он должен был писать речи и организовывать митинги, что занимало его почти каждый вечер.

Земля Северный Рейн – Вестфалия представляла собой густонаселенный регион. Города практически сливались в огромный полис и сообщались между собой пригородными поездами. Геббельс был вечно в пути. Эссен, Кельн, Дюссельдорф, Эльберфельд, Дуйсбург, Крефельд, Дортмунд... Он редко ночевал в одном месте дважды.

Он становился умелым агитатором – нужда заставила его научиться. Он познал многие хитрости своего дела. Его талант ярко выделялся на сером рутинном фоне. Если у него и был когда-то страх перед сценой, то теперь он избавился от него. Если он когда-то смущался, то теперь публика не могла заметить и следа застенчивости. Теперь он мог взойти на трибуну и громко провозгласить заведомую ложь. Довольно эксцентричный, он производил впечатление даже на недоброжелательно настроенную аудиторию, чем завоевывал новых сторонников нацистам. Он был слишком занят и слишком уставал, чтобы изобретать новые лозунги. И вскоре он понял, что в этом нет необходимости, потому что одни и те же слова, повторенные много раз, производят эффект кувалды (эту истину открыл для себя и Гитлер). Он по натуре был циником и иногда без стыда признавался себе, что, чем банальнее и глупее его аргументы, тем сильнее эффект.

Он также обнаружил, что суть дела в личном контакте. «Революционные движения создаются не великими писателями, но великими ораторами, – позже заметил он. – Неверно думать, будто печатное слово намного действеннее, потому что его прочитывает ежедневно масса людей. Даже если оратор обращается в лучшем случае к нескольким тысячам слушателей, в то время как писатель-политик имеет аудиторию в десятки и сотни тысяч читателей, произнесенное слово влияет не только на присутствующих, но и передается из уст в уста сотни тысяч раз. Поэтому эффектная речь заставит думать гораздо сильнее, чем хорошо отредактированная

печатная. Вот почему на первом этапе сражения в долине Рейна и Руре мы были все почти поголовно агитаторами. Такого рода массовая пропаганда была нашим единственным оружием, и нам волей-неволей приходилось использовать ее максимально, чего мы еще не могли сделать с печатным словом»^[13].

Вместе с братьями Штрассер Геббельс принялся и за редакционную работу. Они решили выпускать каждые две недели информационный бюллетень, который будет официальным органом нацистов в нескольких районах. Они надеялись, что в конце концов он станет рупором всей нацистской идеологии.

1 ноября 1925 года вышел первый отредактированный Геббельсом номер. Он назывался «Письма национал-социалиста».

5

После выхода нескольких номеров в свет большинство читателей пришли к мнению, что Йозеф Геббельс тайный коммунист. А его земляки из Рейдта думали так еще много лет. Действительно, Геббельс и коммунисты говорили на очень похожем языке. Мюнхенцы – клика Макса Аманна, издателя «Фелькишер беобахтер», редактор газеты Альфред Розенберг и Готфрид Федер, советник Гитлера по экономике, – высказывали свои подозрения вслух. Более «революционные» нацисты северо-западной части Германии поддержали его открыто.

В самом деле, в «Письмах национал-социалиста» Геббельс больше акцентировал социализм, нежели национализм, к тому же настолько явно, что ратовал за союз нацистской Германии с Советским Союзом. Он даже заигрывал с такими нищими и вечно бунтующими странами, как Индия и Китай.

«Мы не достигнем успеха, – писал Геббельс, памятуя свои споры с Флисгесом, – если будем учитывать интересы только имущих и образованных слоев населения. Но мы добьемся всего, если обратимся к обездоленным и голодным массам». Его коньком стали статьи по большевизму, написанные в подчеркнуто просоветском тоне. В своей речи «Ленин или Гитлер?» он провел сравнительный анализ и сделал вывод о превосходстве гитлеризма. Тем не менее сравнение выглядело даже лестным для русских.

В заметках для «Фелькишер беобахтер» он пел хвалу Ленину как национальному освободителю своей страны. «Советская система твердо стоит на ногах не потому, что она большевистская, марксистская или интернациональная, а потому, что она национальная, русская, – писал он приятелю с левыми убеждениями. – Ни один царь не смог бы пробудить национальное чувство русских, как это сделал Ленин».

Какое-то время спустя он написал: «Когда Россия восстанет ото сна, мир станет свидетелем национального чуда». Он также заявил, что Германия никогда «не пойдет в наемники к капиталу, чтобы развязать «священную войну против Москвы». И добавил: «Не будет ли это неслыханной политической низостью?»

Русские отвечали некоторой взаимностью на симпатии Геббельса. 20 июня 1923 года Карл Радек произнес речь во ВЦИКе, в которой превозносил Шлагетера и называл его мужественным борцом с контрреволюцией. Он имел в виду, что Шлагетер якобы пал жертвой западного капитала.

Но Геббельс не был коммунистом в полном значении слова. И он сам старался об этом заявить. «Коммунизм есть не что иное, как гротескное искажение идеи социализма, – писал он правому политику графу Ревентлову. – Мы, и только мы станем истинными социалистами в Германии и, если уж на то пошло, во всей Европе». Его представления о социализме были по меньшей мере смутными. «Я верю в готовность пролетариата пойти на жертвы, его решимость пока дремлет, но однажды пробьет час... Я верю в поступь масс, верю в грядущую историю...» По сути, это были пустые слова.

«Мы живем в эпоху масс, – писал он Альбрехту фон Грефе, лидеру националистического меньшинства в рейхстаге. – Однако будущее принадлежит не массам, а тому, кто объединит их, кто их поведет. Новый век принадлежит тому, кто повелевает массами. Массовые движения нашего времени завершатся диктатурой».

6

Подобно своей матери, Йозеф Геббельс вел дневник с того дня, когда ему исполнилось двенадцать лет. В нем он записывал свои мысли о мире в целом и о своем собственном маленьком мирке в частности. Одним словом, он поверял дневнику то, что мог бы

поведать близкому другу, если бы у него были близкие друзья. Так, записи 1925–1926 годов свидетельствуют более красноречиво, чем знавшие его люди, насколько неуверенным в себе и ранимым он был, хотя, судя по его статьям и речам, ему были ведомы все ответы. «Между 1 октября 1924 года и 1 октября 1925 года, – записывает он, – я выступил 189 раз. От такой нагрузки можно свалиться замертво».

29 октября 1925 года: «День рождения. Уже двадцать восьмой. Я старею. Я содрогаюсь при одной мысли. У меня выпадают волосы. Я стану лысым!»

8 марта 1926 года: «Я вешу сто фунтов. Это меньше, чем «вес пера». Они бросают меня на самую изматывающую работу. Я называю это медленным уничтожением».

19 июня 1926 года: «Как хочется избавиться от этой кутерьмы. Меня тошнит. Бредни! Интриги. Грязь!»

30 августа 1926 года: «У меня уже давно побаливает спина. Как бы не заболеть. Туберкулез! Это было бы ужасно».

Снова и снова он спрашивает себя, стоит ли расходовать так много сил? Он не щадит своего здоровья – и ради чего? Есть ли у его партии будущее? А может быть, его соратники – шайка заговорщиков и мелких уголовников, которым не по плечу великая идея?

23 октября 1925 года: «Иногда я думаю, что наше дело проиграно».

10 ноября: «У меня опускаются руки. Моя вера в духовные силы немецкого народа начинает угасать».

20 января 1926 года: «Я сыт по горло нашей партией».

12 июня 1926 года, характеризуя ближайших соратников: «Я смертельно устал от нашей организации. Подумать только, с этими людьми мы хотим освободить Германию!»

На пределе сил и нервов, терзаемый сомнениями и скептицизмом, Геббельс до изнеможения мечется между рейнскими городами – таковы его прямые обязанности – и все же умудряется выкроить время для случайных связей.

15 августа 1925 года: «Эльслайн, когда я снова увижусь с тобой? Альма, у тебя беззаботный характер. Анка, я никогда тебя не забуду. А мне сегодня так одиноко».

Он постоянно ищет женщину, которая его полюбит и поймет, женщину, в которую он поверит. Вот, например, 27 августа 1925 года:

«Во вторник Эльслайн приедет в Эльберфельд. У нас большая любовь. Ради нее я готов отдать жизнь».

28 октября 1925 года: «Что за восхитительная ночь! Она прелестна, она добра ко мне. Порой я ее терзаю... Я любим! Так на что мне жаловаться?»

20 декабря 1925 года: «Эльза здесь. Потоки слез и жалоб. Нам пора порвать отношения. Она умоляет не бросать ее. Мы очень долго страдаем, пока не находим друг друга... Она вне себя от счастья. А я? Не стоит говорить обо мне. На мне лежит какое-то проклятие, как только дело касается женщин...»

12 июня 1926 года: «Эльза пишет, что мы квиты. И что мне делать? Она совершенно права. Мы даже не можем остаться друзьями. Между нами пропасть, мы долго пытались не замечать этого... А я все еще люблю ее. Бедное милое дитя».

Было много и других женщин.

7

Однако в конечном счете для Геббельса уже было не столь важно, выбивается он из сил или прохлаждается, болен или здоров, влюблен или нет. В целом его душевное равновесие находилось в прямой зависимости от Гитлера. Гитлер был его богом. Пока он верил Гитлеру, все шло как надо.

14 октября 1925 года: «Только что закончил читать книгу Гитлера. Я в восторге. Кто он такой? Полуплебей? Полубог? Христос или Иоанн?»

2 ноября 1925 года: «В среду буду выступать на митинге в Брунsvике вместе с Гитлером. Радуюсь и предвкушаю. Может, мне посчастливится, и я поговорю с ним дольше обычного».

6 ноября 1925 года: «Едем домой к Гитлеру... У него есть все, чтобы стать повелителем, диктатором будущего...»

Но вскоре появляются первые сомнения. Вопреки твердой решимости не обращать внимания на нападки, которым подвергался Гитлер, его аналитический ум приступает к работе. Вначале Геббельс еще питал иллюзии, что Гитлер сам по себе лишен недостатков и лишь его окружение состоит из недалеких и бесчестных людей, которым недоступны «истинные социалистические идеи».

21 августа 1925 года: «Штрассер... рассказывает ужасные вещи про Мюнхен. У руководства стоят неумелые и продажные люди... Гитлера окружает сброд».

26 сентября 1925 года: «Мюнхенское движение отвратительно. Я ненавижу мюнхенскую клику».

11 февраля 1926 года: «Мюнхену больше никто не верит. Истинной Меккой немецкого социализма станет Эльберфельд».

А в записи от 22 февраля 1926 года он подходит к критической отметке: «Я не могу безоглядно верить самому Гитлеру».

Чтобы он сделал такое признание, должны были произойти многие события. В 1926 году немецкие коммунисты и социал-демократы потребовали проведения плебисцита. Они хотели провести экспроприацию бывшего монарха и членов его семейства, в чьих руках, несмотря на революцию 1918 года, оставались огромные поместья и состояния. Штрассер и Геббельс выступили за то, чтобы нацистская партия поддержала плебисцит.

Но для Гитлера это было недопустимо, поскольку некоторые родственники бывшего кайзера и князя делали щедрые пожертвования в его партийную кассу. Он не мог бросить им вызов. Да и немецкие промышленники, ставшие к тому времени одним из его финансовых источников, не пришли бы в восторг, увидев его в одной когорте с коммунистами и социалистами. Геббельс могли предать анафеме, потому что совсем недавно он писал: «Мы не достигнем успеха, если будем учитывать интересы только имущих и образованных слоев населения...» Но Гитлер так и хотел поступить.

Нужно было принимать превентивные меры, и Геббельс с братьями Штрассер составили план изменения партийного устава.

Политический центр тяжести перемещался к северу, подальше от реакционной клики розенбергов, федеров и аманнов. Если Гитлер не пойдет на уступки, его надлежит отстранить от роли действующего лидера партии, сделав почетным председателем, а Грегор Штрассер займет его место. Геббельс уже видел в воображении Гитлера на покое в своем доме в Берхтесгадене. Геббельс был снисходителен. «Мы будем навещать его раз в году и будем с ним очень любезны», – обещал он.

Для обсуждения своего нового плана Штрассер пригласил гауляйтеров северо-запада Германии в Ганновер 22 ноября 1925

года^[14].

Все сидевшие за длинным столом в «Ганновершер-Хоф» в той или иной степени поддерживали Штрассера, но они не были сливками немецкой нации. Все они без исключения были авантюристами без средств к существованию, не имевшими ни возможности, ни желания вести добропорядочный образ жизни. Они следовали за Грегором Штрассером, так как ничего лучшего им не представлялось. Теперь они хотели попробовать себя в политике. Они вечно страдали от безденежья и пытались поправить свои дела сомнительными способами: шантажировали людей с нечистой совестью, любителей внебрачных связей и половых извращений. Дамы более чем среднего возраста, поддавшиеся обаянию гауляйтеров, вынуждены были щедро оплачивать молчание своих любовников. Иногда и деньги, предназначенные для партии, оседали в их карманах.

Совещание двадцати четырех гауляйтеров и других партийных бонз началось ровно в десять часов утра. Только один из них выступил против предложенных перемен. Это был Роберт Лей, лидер партии в южном районе Рейнской долины, работавший в Кельне. Гитлер отсутствовал, но прислал своего представителя – Готфрида Федера. Лей настаивал на том, чтобы допустить в зал Федера.

Геббельс вышел из себя. «Нам не нужны осведомители!» – закричал он.

Но Штрассер решил не обижать Гитлера. Большинством в один голос предложение Лея было принято, и Федеру пришлось выслушать очень странные речи, большую часть из которых подготовил для выступавших сам Геббельс. Именно он рекомендовал изменения устава, принятые единогласно. Когда Лей заявил, что нельзя ничего предпринимать без фюрера, некоторые гауляйтеры в ответ заметили, что прекрасно обойдутся без «папы»^[15]. Геббельс пришел в ярость. «Вношу предложение исключить из Национал-социалистической рабочей партии Германии мелкого буржуа Адольфа Гитлера!» – потребовал он.

Он обозвал Гитлера мелким буржуа – более крепкого словца Геббельс не мог придумать. Ему казалось, что с Гитлером он покончил. Джинн был выпущен из бутылки. Геббельс высказал вслух то, что никто в партии не отваживался произнести. Это был открытый мятеж, оскорбление «его величества», богохульство! Хотя его

беспрецедентное предложение даже не поставили на голосование, несколько рук машинально взметнулось вверх, наглядно показав, что, по крайней мере, некоторые поддержали «еретика».

С тех пор, как он ни старался, Геббельс не мог уже верить Гитлеру с прежней бездумной преданностью. Он не мог сдерживать свой критический ум, не мог принимать на веру пустые фразы. Помимо всего прочего, он не мог смириться с тем, что Гитлер выбрасывал социалистическую доктрину за борт. Геббельс, четыре года тому назад избравший Гитлера своим героем – да что там героем, богом! – теперь был готов от него отречься.

8

22 января 1926 года решительное и страстное воззвание, составленное Штрассером и Геббельсом, возвестило о том, что национал-социалисты – по крайней мере, на севере Германии – выступят за экспроприацию. Желая остудить пыл «революционеров», Гитлер назначил совещание на 14 февраля 1926 года в маленьком баварском городке Бамберге.

Геббельсу было известно, что предстоит борьба. 6 февраля 1926 года он пишет: «В следующее воскресенье в Бамберге. Нас пригласил Гитлер. Мы должны встать и драться. Приближается время решительных действий».

12 февраля 1926 года: «Завтра едем в Бамберг. Гитлер обратится к местным руководителям... План нашей кампании готов... Наша задача заставить людей возмутиться...»

Утром 12 февраля Геббельс прибыл в Бамберг. Генрих Гиммлер, вновь ставший активистом партии, встретил его на вокзале и отвез в гостиницу в большом черном лимузине. На Геббельса это произвело впечатление. Еще более его поразило то, что у входа в отель стояло несколько таких машин. Они принадлежали мюнхенским руководителям партии, баварским гауляйтерам и даже сошке помельче – крайсляйтерам.

Бросалось в глаза, что деятели партии из южных районов живут в несравненно лучших условиях, чем люди Штрассера. Казалось, они не испытывают финансовых затруднений: они занимали лучшие номера в отеле, сидели в холле и в баре с толстыми сигарами, выглядели

упитанными и благополучными и вели себя в высшей степени непринужденно.

Вспомнив, что он писал о них, Геббельс приготовился к тому, что на него будут смотреть свысока. Но вопреки его ожиданиям Альфред Розенберг, Готфрид Федер, Макс Аманн и другие, чью честь он не щадил в статьях, пожимали ему руку, хлопали по плечу, словом, вели себя с ним на равных. И он вдруг осознал, что выглядит в их глазах значительной фигурой.

Встреча открылась речью Гитлера, в которой он долго разъяснял делегатам, почему нельзя голосовать за экспроприацию. Он использовал старый и избитый довод: национал-социалисты не должны играть на руку заговорщикам и коммунистам, а экспроприация не ограничится знатью.

«Гитлер произнес речь на два часа, – писал Геббельс в дневнике. – Я совершенно изнемог. Ай да Гитлер! Не реакционер ли он? Он путается и колеблется. По русскому вопросу он не прав от начала и до конца. Италия и Англия – наши естественные союзники! Бред! Наша задача – сокрушить большевизм! Большевизм – порождение евреев! Наш долг – уничтожить Россию!.. Компенсация дворянству. Справедливость должна остаться справедливостью. Более того, нельзя даже затрагивать вопрос о дворянских владениях. Ужасно! Гитлеровская программа полностью удовлетворяет мюнхенскую шайку. Федер кивает, Лей кивает, Штрайхер кивает, Эссер кивает. «Мне больно видеть вас в дурной компании» (Геббельс цитирует Гете). Потом короткое совещание. Говорит Штрассер. Он заикается, голос его дрожит.

Бедный честный Штрассер... Я не в силах вымолвить ни слова. Я словно потерял голову. Мы едем на вокзал. Штрассер растерян. Мы ссоримся и спорим. Все это очень тяжело. Прощаюсь со Штрассером. Послезавтра мы встретимся в Берлине»^[16].

23 февраля Геббельс записал: «Долго совещались (со Штрассером). Итог: мы не должны завидовать мюнхенцам из-за их пирровой победы. Необходимо работать и разворачивать борьбу за социализм».

Гитлер и сам наверняка понимал, что его победа – пиррова. Еще он наверняка почувствовал – а у него было тонкое чутье на людей, – что Геббельса надо переманить на свою сторону. Игра стоила свеч.

Борьба за душу Геббельса началась в конце марта. «Сегодняшним утром пришло письмо от Гитлера, – пишет Геббельс 29 марта. – Я произнесу речь в Мюнхене 8 апреля». Перспектива поездки в Мюнхен привела Геббельса в возбуждение.

7 апреля он уехал в Мюнхен. «Машина Гитлера ждала. Сразу в отель. Королевский прием! Еще час на поездку по городу... Повсюду огромные плакаты. Я буду говорить в историческом «Бюргербрау»^[17].

«Четверг (8 апреля). Звонил Гитлер. Он хочет приветствовать нас и будет через четверть часа. Высокий, полный сил и здоровья. Я влюблен в него. Он удивительно добр после всего, что произошло в Бамберге, и нам стало стыдно. После обеда он предоставляет нам свою машину... В 2 часа едем в «Бюргербрау». Гитлер уже там. У меня сердце готово выскочить из груди. Вхожу в зал. Толпа приветственно ревет...»

Геббельс по достоинству оценил, что значит выступать с одной трибуны с Гитлером. Гитлер оказал ему честь. «А потом я говорил два с половиной часа. Я вложил в речь всю душу и сердце. Толпа бушевала. В конце Гитлер обнял меня. В его глазах стояли слезы.

Как бы там ни было, я счастлив. Мы прошли сквозь толпу к машине... Гитлер всегда будет на моей стороне».

Незадолго до этого Штрассер заметил, что подкупить Геббельса не составляло труда. Теперь и Гитлер сделал то же открытие. Он показал Геббельсу все преимущества успеха: скоростные автомобили, дорогие номера в первоклассных отелях, тысячные толпы, ревущие в исступлении. Но козырем Гитлера оставался он сам. «Он говорил со мной три часа, – пишет Геббельс в дневнике. – Потрясающе! Его дикий энтузиазм заразителен». Вскоре Геббельс был побежден. «Я преклоняюсь перед величием политического гения».

И все-таки он прежде всего преклонялся перед его пропагандистским гением. Именно он, как быстро понял Геббельс, в первую очередь обеспечил успех партии. В «Майн кампф» Гитлер наметил основные пропагандистские приемы. Геббельс прочел первое издание еще за полгода до этого времени, но теперь Гитлер показал ему гранки второго тома, где была глава о пропаганде и организации. Геббельс был в восторге. Многое из того, что писал Гитлер о пропаганде, о плакатах, о необходимости влиять на огромные массы людей, высказывалось и до него психологами, хорошо знающими эту

область. Заслуга Гитлера в том, что он открыл принципы пропаганды для себя, интуитивно.

Особый интерес вызвал у Геббельса тезис о том, что работа руководителя пропаганды является одной из важнейших слагающих партийного строительства. До сих пор Гитлер сам направлял пропаганду, но в беседе он признался Геббельсу, что намеревается назначить на эту должность кого-нибудь другого, так как сам займется всеобщей партийной линией.

Гитлер и Геббельс много спорили о России, и фюрер недвусмысленно дал Геббельсу понять, что не стоит больше восхвалять «национального освободителя» Ленина и проводить параллели между большевиками и нацистами. 16 апреля Геббельс записал: «Его доводы убедительны, но, как мне думается, он еще не понял тонкости русской проблемы. Впрочем, я могу пересмотреть некоторые ее аспекты».

Он покинул Мюнхен 17 апреля. Гитлер взял над ним верх. Геббельс еще раз поверил в фюрера и в поздравительном письме тому ко дню рождения поклялся в вечной преданности.

«Дорогой и многоуважаемый Адольф Гитлер! Я столь многому научился у Вас! В свойственной Вам дружеской манере Вы открыли мне новые пути и пролили на меня свет... Может быть, наступит день, когда все рухнет, когда чернь возопит: «Распни его!» Тогда мы все станем твердо и неколебимо вокруг и возгласим: «Осанна!»

В тот же день, 20 апреля он пишет в дневнике: «Ему тридцать семь... Адольф Гитлер, я люблю Вас. Вы великий и простой. Это черты гения».

16 июня, когда Гитлер приехал в Кельн, Геббельс опять полон надежд и восторга. «Он вывел окончательную формулу германского социализма. Такой человек в силах весь мир перевернуть вверх дном».

В июле он поехал в Берхтесгаден. Он не стал гостить в доме Гитлера в Вахенфельсе, а остановился в «миленьком пансионе». Как и всегда, Гитлер говорил и говорил. «Мысли, всего лишь намеченные им в Мюнхене, теперь предстали в свежем и сильном виде с потрясающими примерами в качестве иллюстраций. Да, все должны работать на него. Он создатель Третьего рейха... Шеф обсуждает расовый вопрос. С ним никто не сравнится. Слушать его большая честь. Он гений».

Когда у Геббельса лирическое настроение, он становится невозможным. Вот беглые наброски: «Высоко в небесах стоит облако в виде свастики. Сверху льется мерцающий свет. Но это не звезды. Может быть, это знак судьбы?» И вечером 25 июля: «В эти дни я нашел направление и путь... Я чувствую умиротворение в душе. Исчезли последние сомнения. Германия будет жить. Хайль Гитлер!» Он впервые использовал в записях эту «здравницу», и теперь она пройдет красной нитью по всему дневнику.

Борьба за душу Геббельса закончилась. Гитлер выиграл спор. Вернее, Гитлер не убедил Геббельса, Геббельс убедил сам себя.

Он страстно хотел верить в Гитлера. И он в него действительно поверил.

9

После приветственной записи в дневнике Геббельс больше не колебался – настало время объявить всем и вся о своей новой позиции. Теперь следовало пересмотреть свое отношение к Штрассерам и ганноверским заговорщикам. Вот почему в статье в одном из августовских номеров «Фелькишер беобахтер» он открыто заявил, что не имеет больше ничего общего со своим бывшим кланом. По его словам выходило так, словно он никогда и не бывал в Ганновере. «Только теперь я понимаю, что вы революционеры на словах, а не на деле... Хватит без умолку болтать об идеалах и дурачить самих себя, будто эти идеалы вы сами изобрели и сами защищаете. Учитесь, надейтесь! Найдите в себе веру в победу ваших идеалов! То, что я говорил ранее, я готов повторить и сейчас: стоять перед фюрером вовсе не наказание. Мы не падаем ниц перед ним, как византийцы перед троном азиатского императора, но стоим с гордо поднятой головой, как мужественная дружина викингов перед своим германским владыкой. Мы чувствуем, что он более велик, чем все мы, чем вы и я. Он инструмент Божественного Провидения, которое творит историю с новым созидательным вдохновением».

С этих пор в дневнике сквозит все более и более холодное отношение к Штрассеру.

4 августа 1926 года: «Письмо от Штрассера и письмо к нему. Наши отношения дали трещину. Но мы их поправим».

20 сентября 1926 года: «Штрассер мне завидует. Иначе нельзя объяснить его неуклюжие выпады против меня. Но я буду хранить порядочность, даже если по его милости протяну ноги».

Плебисцит принес именно те результаты, которых ждали. В соответствии с Веймарской конституцией для утверждения решения требовались голоса половины легитимных избирателей. Если бы на избирательные участки пришло двадцать миллионов человек и большинство из них проголосовало за экспроприацию, аристократия проиграла бы. Но в итоге 20 июля в голосовании приняло участие только пятнадцать с половиной миллионов человек, и практически никто из них не голосовал против. Это не значит, что те, кто не принял участия в плебисците, хотели провалить законопроект. Не многие саботировали плебисцит сознательно, но среди них были нацисты.

Деловой мир вздохнул с облегчением и приветствовал такой исход. На Германию начали смотреть с доверием, в нее потекли иностранные капиталы. В то время как администрация президента Кулиджа отказалась облегчить бремя военных долгов Англии и Франции, Германия получила все запрошенные кредиты. Немецкие промышленники опасались, что в один прекрасный день социалисты и коммунисты повторят попытку экспроприации, и стали прислушиваться к Гитлеру. А прислушиваться – значило платить.

10

В середине октября 1926 года Геббельс пережил сильнейшее разочарование. На пост шефа пропаганды нацистской партии, куда метил Геббельс, Гитлер назначил Грегора Штрассера. Его изумил тот факт, что Гитлер выдвигает человека, который то и дело вставал в открытую оппозицию.

Он еще мало знал фюрера, чтобы понять: тот не может пока обойтись без талантов Грегора Штрассера. Более того, Гитлер охотно срамливал своих подручных. Чем больше недолбливали они друг друга, тем меньше у них было шансов сплотиться против него.

Но несколько дней спустя выяснилось, что Гитлер не забыл о нем. 26 октября Геббельс получил теплое дружеское письмо, в котором также сообщалось, что он назначен гауляйтером Берлина. Геббельс получал необыкновенную власть: в Берлине даже отряды штурмовиков

были у него в подчинении, он же отвечал только перед фюрером лично.

Гауляйтер Берлина! Молодой человек, хваставшийся своими «крестьянскими корнями», для которого даже захолустный Рейдт был большим городом, затворник по натуре и любитель вольной природы, должен был въехать в Берлин. Берлин, самый большой город на Европейском континенте, хотя, пожалуй, и один из самых уродливых. На первый взгляд Гитлер мог бы подобрать в своем окружении не менее достойную кандидатуру, и дневники Геббельса отражают некоторые опасения. Он называет Берлин «блудницей вавилонской» и «вместилищем порока». От одной мысли его охватывал страх. Но Гитлер знал его лучше, чем Геббельс сам себя. Гитлер знал, что молодой литератор и агитатор Йозеф Геббельс зачахнет от тоски на лоне дикой природы, если ему дать столь желанную свободу. Он знал, что в действительности мир Геббельса – шумные и запруженные толпой городские улицы, то есть Берлин.

Опасения Геббельса имели под собой действительные основания. Берлинские члены нацистской партии были разобщены и нечисты на руку. Некоторые высокопоставленные бонзы из штурмовиков использовали свое положение, чтобы запугивать своих же товарищей по партии и вымогать у них деньги. Худшим из этих головорезов казался Хайнц Хауэнштайн, бывший командир «Вольного корпуса» и друг Лео Шлагетера, которым некогда восхищался Геббельс. Предшественник Геббельса попытался приструнить его, но и Хауэнштайн и командир берлинских штурмовиков Курт Далюге просто отмахнулись от него. Такое положение было симптоматичным для всего берлинского округа. Но хуже всего было то, что в Берлине насчитывалось не так уж много нацистов, большинство здесь имели социал-демократы и коммунисты. Никто, находясь в здравом рассудке, не стал бы делать ставку на нацистов в «красном Берлине».

Геббельс отдавал себе в этом отчет. Сидя в купе третьего класса на пути к новому полю деятельности, он был погружен в раздумья. С собой он вез только маленький чемодан с несколькими рубашками, парой костюмов, книгами и рукописями. На нем был черный френч из альпаки и светло-коричневый плащ – одежда, которой он будет верен годами.

«Что ждет меня в Берлине? – спрашивал он себя. – Три года назад в Мюнхене грохотали пулеметы у Фельдгерренхалле, скашивая марширующие колонны молодых немцев. Означало ли это, что пришел конец? Хватит ли нашей силы и решимости, надежды и уверенности, чтобы Германия восстала из пепла вопреки всему и обрела новое политическое лицо, которое мы ей создадим?.. Серый ноябрьский вечер тяжело опускался на Берлин, когда экспресс приблизился к городу...»^[18]

Он сошел с поезда и прошел через вокзал. Мимо торопливо сновали люди, по улицам неслись такси, их клаксоны гудели в темноте, звенели трамваи. По улицам двигались толпы берлинцев. Сияли сотни электрических реклам. И никто не обратил внимания на Йозефа Геббельса.

Таким был тогда Берлин.

Глава 3

На улицах Берлина

1

«Всего два часа спустя я стоял на трибуне, которой было суждено сыграть такую важную роль в нашем политическом развитии, и говорил с партией Берлина, – писал Геббельс о своем первом вечере в столице Германии. – Мое первое выступление здесь заметила только одна еврейская газетенка, которая вскоре обвинила нас в злоупотреблениях и насилии. В ней было сказано дословно: «Некий господин Геббельс, предположительно из Рура, сыграл спектакль для одного актера, вытащив на свет Божий обветшалые лозунги»^[19].

Позже Геббельс поделился с одним из друзей своими впечатлениями от Берлина: «До начала митинга у меня оставалось какое-то время. Я взобрался на открытую площадку автобуса, не думая, куда он меня повезет. Куда угодно. Я сидел на своем чемодане среди незнакомых людей и ехал по городу. И я внезапно осознал, насколько огромен, насколько необъятен Берлин. Он был подобен гигантскому неуклюжему животному. И я инстинктивно почувствовал: это чудовище проглотит меня».

Таков был Берлин: бескрайняя бетонная пустыня с современными уродливыми зданиями, населенная четырьмя миллионами обитателей, которые, казалось, вечно спешили, подгоняемые необъяснимым желанием все успеть и ухватить от жизни как можно больше, мечтающие сделать Берлин самым «американским» городом в Европе. Таков был Берлин: город лучших в мире театров, город самых разнообразных и порочных развлечений, город, где все было возможно.

Посреди такой суеты оказался он, кроткий на вид низкорослый молодой человек, которого можно было принять за провинциального коммивояжера. Он был напуган, но над его страхами брало верх ощущение авантюры. Его задача и вправду выглядела сущей авантюрой: из всех городов Германии в Берлине нацистам было труднее всего достичь успеха.

Геббельс начал практически с нуля. Он писал: «Штаб– квартира, располагавшаяся в грязном подвале на Потсдамерштрассе, была запущена до крайности. Там сидел так называемый управляющий, который вел grossбух и по памяти записывал в него все поступления и выплаты. Все углы были завалены кучами старых газет. В передней толпились и до хрипоты о чем-то спорили люди – безработные члены партии. Мы прозвали штаб-квартиру «курильней опиума», и это было метко подмечено. Сюда никогда не проникал солнечный свет. О том, чтобы вести налаженную работу, не могло быть и речи... Здесь царила полная кутерьма. Финансы были расстроены. У нас в берлинском округе тогда не было ничего, кроме долгов».

В то время там насчитывалось около тысячи членов нацистской партии, большая часть которых уже была сыта по горло и готова взбунтоваться, то есть уйти в другие движения. Почти никто не платил взносов. Геббельс без колебаний поднял партийные списки и исключил четыреста человек, после чего осталось ровно шестьсот. Его друзья ужаснулись: даже тысяча была ничтожной цифрой для более чем четырехмиллионного города. Но Геббельс был тверд. Он предпочел количеству качество. Среди ушедших был и его прежний кумир Хайнц Хауэнштайн со своими головорезами. Что касается командира берлинских СА Курта Далюге, бывшего немногим лучше прочей шайки, то Геббельса, в конце концов, убедили дать ему испытательный срок. Геббельсу требовалась Saalschutz^[20] – охрана для

защиты нацистских митингов от непрошенных гостей, – и Далюге был самым подходящим человеком для этого.

«Мы должны сломать стену безвестности, – говорил он своим товарищам 1 января 1927 года. – Пусть берлинцы оскорбляют нас, пусть дерутся с нами, пусть порочат и избивают нас, но они должны о нас говорить. Сейчас нас шестьсот человек. Через шесть лет нас должно быть шестьсот тысяч!»

Он сдержал слово.

2

Исключив четыре сотни человек из партии, Геббельс поступил согласно указанию Гитлера, которое тот сформулировал во втором томе «Майн кампф».

«Задачей пропаганды является привлечение сторонников. Задача организации – привлечь в свои ряды новых членов. Сторонник движения тот, кто согласен с его целями. Член движения тот, кто за эти цели борется... И пусть на одного, от силы двух членов движения приходится десять сторонников... От члена движения требуется активное мышление, следовательно, их будет меньшинство. Поэтому пропаганда должна неустанно работать, чтобы идея завоевала как можно больше сторонников, а организация должна тщательнейшим образом отобрать среди них самых ценных и принять их в свои ряды... Когда масса через пропаганду проникнется идеей, настанет время организации при участии немногих избранных пожинать плоды».

Самые ценные... Немногие избранные...

Гитлер также писал: «Пропаганда должна расчищать путь организации и поставлять ей необходимый человеческий материал».

Пропагандировать. Привлечь внимание. Как Геббельс собирался справиться со своей задачей в Берлине? В городе, где есть миллион развлечений, с дюжиной ежедневных газет и где типографии едва успевают печатать важные новости? Кто здесь проявит интерес к партии в шестьсот человек?

Всеядный Берлин того времени интересовался всякой всячиной. Шестидневные велогонки в «Шпортпаласте». Итальянские фашисты проводят антифранцузские манифестации. Семимесячная забастовка горняков в Берлине, которая препятствовала экспорту угля из Германии, близится к концу. Депутат рейхстага проводит закон против

непристойности – своего рода литературную цензуру. Румыния бурлит в поисках преемника покойного короля Фердинанда. Во Франции скончался Клод Моне. Густав Штреземанн, Аристид Бриан и Остин Чемберлен, министры иностранных дел крупнейших государств Европы, получают Нобелевскую премию мира вместе с вице-президентом США Чарльзом Г. Дауэсом. Ведущая немецкая кинокомпания УФА в беспрецедентном финансовом кризисе. Наконец, арестован некто Гарри Домела, выдававший себя за кронпринца Гогенцоллерна и выманивший у владельцев отелей и магазинов по всей Германии крупные суммы денег. В мире происходило так много событий, и Берлин интересовало все. Что было у Геббельса, чем он мог привлечь внимание столицы?

У него был план. На 11 февраля 1927 года он арендовал так называемый «Фарус-Зеле» в районе Веддинга, где обычно выступали коммунисты. Были изготовлены темно-красные плакаты. «Государству буржуазии приходит конец!» – провозглашали они. «Мы должны построить новое государство! Рабочие, судьба германской нации в ваших руках!» Выглядели они точь-в-точь как коммунистические.

Ему бы не составило труда получить другой зал для первого массового митинга. Но он хотел раздражить берлинских рабочих. Мало того, перед митингом он устроил шествие. Шесть сотен нацистов – участвовать обязали каждого – с украшенными свастикой знаменами прошли маршем по северному району Берлина. Шесть сотен молодчиков с дубинками в карманах.

«Фарус-Зеле» был безусловной вотчиной коммунистов. Мы бросили им открытый вызов, – признался позже Геббельс. – Это понимали и мы, и наши противники. Коммунистическая печать изошрялась в проклятиях. Они обещали нам столь теплый прием, что мы и не уйдем оттуда. Но мы даже не отдавали себе отчет в том, какая опасность нам грозит»^[21].

Хотя Далюге выделил для охраны лучших своих бойцов, все же положение у нацистов было не самое приятное. В зал проникло не так уж много коммунистов и социалистов, но снаружи, на прилегающих улицах, их были тысячи. Едва председательствовавший Далюге начал говорить, как в конце зала поднялся рабочий и закричал: «Требую уточнить повестку дня!»

Далюге продолжал, словно ничего не слышал. Тогда человек снова закричал, и в тот же миг рядом с ним появились шесть штурмовиков и набросились на него. Друзья поспешили к нему на помощь. Далюге схватил со стола пивную кружку и запустил ее в них. Кружка попала кому-то в голову, и человек упал.

В долю секунды все повскакивали с мест, дико заорали, и в этом дьявольском шуме уже не осталось места для разумных аргументов. В воздухе замелькали сотни пивных кружек.

Рабочие не сразу поняли, что потасовка была заранее и тщательно отрежиссированным маневром. Внезапно боковые двери распахнулись, и в зал ворвалась толпа штурмовиков – все, кто в тот день был в Берлине. Началось форменное побоище.

Подоспевшая наконец полиция насчитала дюжину раненых штурмовиков и семьдесят пять их противников. Все это время Геббельс спокойно стоял на трибуне со скрещенными на груди руками. Штурмовики имели возможность наблюдать его вблизи. Он не пытался укрыться, не изменился в лице, у него не задрожали колени. На штурмовиков это произвело впечатление, и они отдали ему должное: тихому и маленькому уродцу нельзя было отказать в мужестве. Он завоевал их уважение, и с тех пор ему дали прозвище Доктор. «Доктор что надо», – будут говорить они.

Постепенно порядок был восстановлен. По требованию Геббельса носилки с пострадавшими людьми из СА были поставлены у трибуны, чтобы публика могла лицезреть их страдания.

Внезапно Геббельс наклонился, взял их за руки и обратился к аудитории. «Я должен пожать руки этим храбрецам, – начал он. Затем дрожащим от волнения голосом продолжил: – Поймите меня, сейчас я не в состоянии говорить на тему, которую мы планировали (то есть о крахе буржуазного государства). Я буду говорить о неизвестном бойце СА».

И он заговорил. Через несколько минут первого раненого штурмовика унесли. С десятиминутным интервалом одного за другим убрали и всех остальных. Тем временем слушатели воодушевлялись все больше и больше, переходя от праведного гнева к глубокому сочувствию – в зависимости от того, куда их направлял Геббельс.

А Геббельс все говорил. Его речь звучала в темпе стаккато. Он прошел хорошую школу и за годы почти ежедневных выступлений стал

мастером ораторского искусства. Он далеко ушел от неловкого новичка, в его репертуаре появился запас эффектных приемов. Слова лились ровным потоком, а голос, некогда ломкий и лишенный теплоты, обрел новые оттенки и мог выразить любые чувства: презрение, негодование, ярость, боль, горечь.

Геббельс говорил. Его речь отличалась от речей Гитлера и других нацистов. Она была рациональной. Он пользовался рублеными фразами. То, что Гитлер выражал сотней слов, он укладывал в десяток. Он становился бесподобным, когда прибегал к иронии и пренебрежению, тогда он хлестал слушателей словами словно бичом. Может быть, ему и не удавалось доводить людей до экстаза, как это делал Гитлер, может быть, они приходили в исступление, но сохраняли толику здравого смысла, но Геббельс убеждал их по-настоящему.

В ту ночь в «Фарус-Зеле» Геббельс импровизировал или заготовил речь заранее? Много позже в учебнике для нацистских ораторов он учил: «Всякая речь должна быть вначале написана, но производить впечатление импровизации... В противном случае она не вызовет особого доверия у слушателей».

На следующий день вышли газеты с далеко не лестными комментариями. Но репортаж о «схватке» фигурировал на первых полосах, что и требовалось Геббельсу.

Через три дня в штаб-квартиру нацистов поступило 2600 заявлений о приеме в партию, и еще 500 человек желали вступить в СА. Геббельс уверился, что не ошибся в тактике, и продолжал ей следовать.

3

Геббельс организовывал и другие митинги в рабочих кварталах Берлина. Возьмем, к примеру, 4 мая. Тысячи плакатов вопрошали: «Народ нищает! Кто нас спасет? Якоб Гольдшмидт?»

Еврей Якоб Гольдшмидт был крупнейшим немецким банкиром и занимал пост главы Дармштадтского и Национального банков. Он собирался лично послушать посвященную ему речь. Но спешно созданный совет директоров счел это слишком рискованным, и вместо него послали секретаршу.

Преисполненный иронией Геббельс приветствовал собрание словами: «Добро пожаловать, рабочие Берлина. Добро пожаловать и вам, милая фрейлейн, секретарь Якоба Гольдшмидта. Прошу вас, не утруждайте себя и не записывайте каждое мое слово. Завтра ваш хозяин все прочитает в газетах».

Речь была выдержана исключительно в ироническом ключе. Геббельс демонстративно выпячивал свое желание избежать скандала. Но в толпе нашелся один человек, пожилой пастор, который прерывал Геббельса до тех пор, пока штурмовики не вытолкали его вон. В больнице засвидетельствовали его травмы.

Геббельс опять попал на первые полосы. На сей раз он зашел слишком далеко – или кому-то так показалось. Сорок восемь часов спустя полицейский комиссар приостановил деятельность национал-социалистической партии в Берлине.

Аршинные заголовки. Наутро в комиссариат ворвался человек, запрыгнул на стол, сорвал висевший на стене указ, прокричал: «Мы национал-социалисты, мы не признаем ваш запрет!» – и исчез.

Заголовков стало еще больше.

Через несколько дней стало известно, что пастор уже давненько не отправляет службу. Его лишили прихода по причине частых запоев. Весь Берлин хохотал.

Опять заголовки. А вот что случилось с пылавшим от негодования священником после прихода к власти Гитлера: в 1934 году он стал руководителем бюро по найму рабочей силы в маленьком провинциальном городке, где до того занимал должность амтляйтера – мелкого нацистского чиновника.

4

Геббельс слишком хорошо знал, почему деятельность его партии временно запрещена. Со времени его приезда не проходило и дня без происшествий. Штурмовики приставали к ни в чем не повинным запоздалым прохожим и избивали их, каждый митинг заканчивался кулачными боями, не говоря уж о ряде политических убийств, в расследовании которых полиция безнадежно запуталась.

Оснований для запрета было достаточно, но читателям Геббельса преподносили совершенно иную историю. Им внушали мысль, что запрет вызван резким ростом их влияния и страхом их

противников. В статье «Мы не сдадимся!» Геббельс вот как трактует недавние события: «Скоро они перестали насмехаться. Они попытались опорочить нас и втоптать в грязь. А когда ни преследования, ни клевета не помогли им, они объявили против нас красный террор. Мы встретили их во всеоружии, и теперь они беснуются с пеной у рта. Теперь они прибегают к беззаконию и самоуправству. Запретив нас, они попрали свои собственные убеждения. Мы больше не существуем. Простым росчерком пера нас вычеркнули из жизни. Мы стали никем. Одного нашего имени и вида свастики оказалось достаточно, чтобы потрясти основы республики. Кто из нас думал, что мы настолько сильны?»

Финансовые благодетели Гитлера не приняли всерьез запретительные меры берлинской полиции. Одним из главных среди них был принц Август Вильгельм фон Гогенцоллерн, брат бывшего кронпринца. Он мог позволить себе быть щедрым: один только кайзер получил сто восемьдесят миллионов золотых марок – около сорока трех миллионов долларов – в возмещение взятых в казну имений. Другими «дателями» были принц Кристиан фон Шаумбург-Липпе, великий герцог Мекленбургский и Гессенский, герцог Эрнст Август Брунsvик и некоторые потентаты помельче, да еще дюжина могущественных промышленников. Все они, казалось, верили в будущее нацистской партии.

В мае 1927-го, когда организация Геббельса якобы не существовала, на берлинской фондовой бирже, равно как и на других биржах Германии, разразилась «черная пятница». Познания Геббельса в экономике были ничтожны. Если Гитлер, знавший немногим больше, брал уроки и занимался самообразованием, то Геббельса нисколько не волновали хитросплетения международных финансов. Но он отдавал себе отчет в том, что рост популярности партий экстремистского толка возможен только в атмосфере постоянной неуверенности. Поэтому он, не теряя времени, протрубил на всю Германию, что положение угрожающее: «Поверьте, гибель у порога!»

Партия ушла в подполье, и Геббельс приступил к созданию подставных организаций. Он открывал безобидные на вид спортивные клубы под названиями «У тихого озера», «Чудесный желудь» или «Перелетные птицы 27-го года». Они были созданы единственно для того, чтобы послужить ему трибуной в активной политической

деятельности. Но департамент полиции известил его, что по отношению к нему применен Redeverbot – запрет на публичные выступления, – поскольку властям они казались подстрекательскими. Под новое распоряжение полностью подпадала территория Пруссии, то есть большая часть Германии. Для Геббельса это был ощутимый удар, у него выбили из рук самое сильное и, пожалуй, единственное оружие – пропаганду.

5

В одном из выпусков мюнхенской «Фелькишер беобахтер» появился рисунок: Геббельс в наручниках. Рисунок сопровождала подпись: «Наш Доктор в кандалах».

Геббельса и в самом деле вызывали на допрос в департамент полиции, но его никогда не сажали под арест и не заковывали в наручники. Рисунок должен был послужить как бы прелюдией к новой главе в карьере Геббельса: он избрал себе ореол мученика.

Вскоре читатели национал-социалистических газет узнали, что жизнь гауляйтера Берлина «в опасности». Геббельс сам написал несколько прочувствованных статей, где рассказывал о себе от третьего лица.

«Внезапно доктор Геббельс спрыгнул с сиденья. «Стой, товарищ водитель, останови!» Машина остановилась. «В чем дело, Доктор?» – «Не знаю, но опасность рядом». Мы достали оружие и вышли из машины. Вокруг стояла тишина, не было видно ни души. Мы осмотрели машину. Колеса вроде в порядке. А это что такое? На заднем колесе не хватало четырех крепежных болтов из пяти. Ни стыда, ни совести! Вот на какие подлости идут евреи и их наймиты».

Берлин, как внушали читателям Геббельса, был «коммунистическим» городом, осиным гнездом подрывных элементов. Как-то раз он якобы навестил товарища в больнице и столкнулся там с коммунистами, которые грозились побить его камнями. И это в самом центре Берлина!

Это было прямое продолжение тех времен, когда юный Геббельс мечтал предстать в образе ветерана войны, затем диверсанта, рисковавшего жизнью в оккупированном Руре, и, наконец, пропагандиста нацизма, которому грозила смерть в мерзком Берлине. Геббельс опять лепил из себя героя. Возможно, это производило

впечатление на его штурмовиков, но совершенно не трогало берлинцев. Его геройская поза казалась им шутовством, и они откровенно смеялись над ним.

Геббельс признавал, насколько прагматичен средний берлинец, и знал, что его не растрогать нелепыми рассказами. «Берлин – это город, где люди тверды сердцем, как нигде в Германии. Стремительный ритм бетонного монстра закаляет их, делает бездушными и бесчувственными. Борьба за хлеб насущный здесь более жестока, чем в провинции»^[22].

Эти слова выдавали его провинциальное происхождение и страхи маленького мальчика перед большим городом. Однако сильнее страха было в нем желание завоевать Берлин, он мог его оскорблять и презирать, но не мог не восхищаться. «Лишь прожив здесь годы, вы начинаете чувствовать, что он загадочен, как сфинкс. У Берлина и берлинцев репутация хуже, чем они того заслуживают... Берлин обладает несравненной интеллектуальной гибкостью. Он живой и деятельный, трудолюбивый и храбрый, несколько сентиментальный и полный здравого смысла, слегка насмешливый и очень разумный. Берлинцу по душе работа и по душе игра... Сотни различных сил раздирают его на части, и очень трудно найти надежную опору, чтобы не потерять рассудительность... Берлинец судит о политике единственно разумом, а не сердцем... Но разум подвержен тысячам соблазнов, в то время как сердце продолжает биться в едином ритме».

6

«Как-то раз ближайшие соратники гауляйтера собрались в его апартаментах, – вспоминал друг Геббельса Юлиус Липперт. – Мы рассуждали о том о сем, а после скромного ужина Геббельс сел за рояль и стал наигрывать нам несколько новых песен, еще не слышанных в Берлине. Вдруг гауляйтер оборвал музыку, вскочил и произнес: «Мне пришла в голову отличная мысль. Нам надо выпускать еженедельник, он позволит нам сказать на бумаге то, что нам запрещают говорить с трибуны». Мы все прекрасно знали, что не готовы пускаться в подобное предприятие. Как можно соперничать с берлинской прессой без дорогостоящих анонсов, газетных киосков, без заказов на рекламные объявления?»

Особой необходимости в газете не было. Основным печатным органом нацистского движения была «Фелькишер беобахтер», выходившая ежедневно в Мюнхене и доставлявшаяся подписчикам всего лишь с двенадцатичасовым опозданием. Братья Штрассер выпускали свою ежедневную газету «Берлинер абендцайтунг». Но Геббельс упрямо твердил, что ему нужен собственный рупор – независимая газета, где он мог бы писать все, что вздумается.

Первым же вечером Юлиус Липперт стал главным редактором нового издания. «До сего дня я помню, как мы искали подходящее название, – писал позже Геббельс. – И вдруг меня осенило. Название могло быть только одно: Angriff («Штурм»). Само по себе название уже звучало как пропаганда и достигало своей цели».

Был еще и подзаголовок: «За угнетаемых против угнетателей!»

Как и предполагал Липперт, не было ни денег, ни типографии, ни бумаги, ни редакции. За исключением Геббельса, единственным человеком, мало-мальски соображавшим в газетном деле, был сам Липперт. Он договорился с типографией (в кредит), раздобыл бумагу (в кредит), проделал еще уйму организационной работы и был арестован. Его обвинили в нападении и оскорблении действием.

Предварительные анонсы составил сам Геббельс. 1 июля тысячи плакатов кричали изумленным берлинцам: «Ангрифф!» На другой день новые плакаты возвестили: «Der Angriff erfolgt am 4 Juli!» – «Штурм состоится 4 июля!» Пока озадаченные берлинцы ломали головы над загадкой, следующие плакаты уточнили: «Ангрифф» – выходит по понедельникам!»

На следующий день первый номер вышел двухтысячным тиражом. Газету можно было увидеть в редких киосках. Ею торговали вразнос нанятые для этого люди, но без особого успеха. Казалось, «штурм» провалился.

Даже Геббельс пришел в ужас, когда увидел газету. «Я не просто был раздосадован, меня переполняли стыд и отчаяние, когда я сравнил то, что получилось, с тем, что мне виделось. Убогий провинциальный листок.

Бред! Редакторы были полны благих намерений, но опыта им не хватало»^[23].

С помощью д-ра Липперта, которого наконец освободили, Геббельсу удалось превратить «Ангрифф» в нечто, напоминающее

газету. Они переписывали содержание коммунистической «Вельт ам абенд», адаптировали его под себя и обращались к рабочим. В четвертом номере Геббельс адресовал свои слова исключительно им и закончил следующим образом: «Мы настаиваем на запрете эксплуатации! Требуем создать германское государство рабочих!» Вся газета пестрела статьями в поддержку рабочих и против их хозяев. «Жилье немецким рабочим и солдатам!» «Мы бросаем вызов нашим капиталистическим палачам!»

Промышленники и знать, субсидировавшие Гитлера, были далеко не в восторге. На их жалобы Гитлер только пожимал плечами: мол, «Ангрифф» частное предприятие Геббельса, и он не вправе вмешиваться. Грегор Штрассер, испуганный появлением соперника в газетном деле, доказывал, что в Берлине не так уж много нацистов, чтобы оправдать существование двух газет. Ответ он получил в том же духе.

Вскоре между газетными торговцами Геббельса и Штрассера разразилась своего рода гангстерская война. Инициатива принадлежала людям Геббельса. Штурмовики в гражданской одежде отлавливали распространителей газеты Штрассера и избивали их в укромных местах. Штрассер несколько раз обращал внимание Геббельса на прискорбный факт, но тот полагал, что это, скорее всего, козни коммунистов, и отговаривался тем, что он, к сожалению, бессилен что-либо сделать.

Несмотря на жесткие меры, «Ангрифф» приносил что угодно, только не успех. «Нас все время донимают финансовые трудности, – писал Геббельс. – Деньги, деньги и снова деньги! Мы не в состоянии платить печатникам. Жалованье ничтожное. Нет возможности вовремя оплачивать аренду и телефон...»

Но 29 октября 1927 года – на день тридцатилетия Геббельса – худшее уже было позади. Департамент полиции известил его, что впредь ему разрешается выступать с публичными речами. Это было доказательством того, что власти относились к нацистам с большой оглядкой. Товарищи по партии подарили Геббельсу чек на две тысячи марок для оплаты самых неотложных долгов. Но самым замечательным подарком для него стали новые 2550 подписчиков, завербованных за последние две недели. Две тысячи пятьсот пятьдесят! Огромная цифра!

Данных по тиражам «Ангрифф» за то время не сохранилось. Тогда тираж в 100 000 экземпляров считался для Берлина весьма значительным. По крайней мере одно издание выходило более чем полумиллионным тиражом, у других тиражи колебались от 200 000 до 300 000. Через пять лет, став министром пропаганды, Геббельс обязал газеты обнародовать свои тиражи. Забавно: «Ангрифф» пришлось опубликовать, что ее тираж к маю 1933 года составляет всего 60 000 экземпляров, хотя все нацистские издания резко увеличили тиражи в первый год гитлеровского режима.

Как бы там ни было, влияние «Ангрифф» во многом было обязано редакционной колонке на первой полосе. Это был «плакат, импровизированная речь в печатном виде, краткая и выразительная, написанная в таком стиле, что никто не мог не заметить ее»^[24]. Под ней стояла подпись: «Д-р Г.».

7

Годами Геббельс обличал дьявольские ухищрения евреев, живописал вред, который они наносили, и пропасть, куда они толкали немецкую нацию. Но все его слова оставались общими рассуждениями, потому что с 1922 года в кабинете министров не было ни одного еврея. Не было также евреев на важных постах ни в ведомстве путей сообщения, ни в почтовом департаменте, ни в рейхсбанке. Не было ни одного еврея среди бургомистров или полицейских комиссаров. Но было одно-единственное исключение: заместитель комиссара полиции Берлина Бернارد Вайс.

Это был типичный прусский служака, поднявшийся по бюрократической лестнице благодаря более чем среднему интеллекту и трудолюбию. Он прошел войну офицером и заслужил Железный крест первой степени. Как заместителю комиссара полиции, ему приходилось иметь дело с нацистами, когда те слишком распоясывались. Как-то раз и Геббельс получил из департамента полиции письмо за подписью Бернарда Вайса.

Геббельсу пришло в голову, что фамилия звучит по-еврейски. Более того, Вайс не отличался ростом, зато отличался носом. Он был похож на еврея, вернее, на еврея, каким его себе представляют обыватели.

Геббельс набросился на него с нападками. Геббельс не участвовал в военных действиях, но упрекал Вайса в том, что тот отсиживался дома, пока другие умирали за фатерланд. Уродец Геббельс ставил в вину Вайсу его низкий рост и большой нос. Он умышленно «перекрестил» его в Изидора, так как это имя, по мнению немцев, имеет явную семитскую окраску.

«Ты не на того нападаешь, – пытались остановить Геббельса некоторые. – Вайс порядочный человек и не трусил на войне».

Геббельс отвечал: «Мне все равно, какой он. Давайте поговорим о нем месяца через три, и вы не поверите глазам, когда увидите, во что я превратил Вайса».

Еще более откровенным он был с Гансом Фрицше, когда спустя почти десять лет вспоминал антивайсовскую кампанию. «Нам подвернулся прекрасный случай, и было бы грешно упустить его. Представьте: еврей, коротышка, носатый, да еще в такой должности! Наши карикатуристы изощрялись как могли».

«Доктор Вайс скоро стал ходячей иллюстрацией к лозунгам, – писал Геббельс. – Его лицо, красовавшееся на тысяче плакатов, узнавал каждый национал-социалист... Вину за все неприятности, какие нам доставляла полиция, взвалили на Вайса»^[25].

Его сделали виноватым без всякой вины. Геббельс цинично признал (конечно, только спустя годы), что истинной причиной общественного негодования была не национальность полицейского, а пропаганда. Когда ему пригрозили судом за оскорбление и запретили называть Вайса Изидором, Геббельс тотчас же сел писать фельетон под названием «Изидор».

Это была басня о немце по имени Хазе (то есть Заяц), которого судьба занесла в Китай. Он очень не хотел, чтобы китайцы заметили, что он немец, и относились к нему как к немцу. Поэтому он отрастил косичку, взял себе имя Ву Кючу и стал «чистопородным» шанхайцем. Непонятно как, но он дослужился до комиссара полиции. Вот тут-то он и начал издавать указы, в одном из которых запрещалось быть недовольным, а в другом – считать его Зайцем. «Того, кто назовет меня этим именем, считать подстрекателем и посадить в тюрьму». Фельетон заканчивался так: «Все это выдумка. Китайцы не настолько глупы, чтобы поддаваться на пустые рассказы и назначить меня

комиссаром полиции. Люди далеко не дураки. А такие истории случаются только в баснях».

Казалось бы, называть фельетон «Изидор» не было необходимости, но таким образом Изидор становился символом угрозы обществу. Изидор – не потому, что это Вайс, а просто Изидор. «Изидор останется Изидором, а нос – носом. Носы бывают разные... Но этот нос известен каждому, не будем указывать на него пальцем».

Вот еще: «Изидор – это не какое-то конкретное лицо с точки зрения закона. Изидор – это не обычное человеческое лицо со своими чертами. Изидор – это общее лицо нашей так называемой демократии, втопанной в грязь малодушными лицемерами».

В конечном итоге такого рода тактические уловки возымели свое действие на людей. Как-то раз Бернард Вайс отправился в инспекционную поездку, и его же люди схватили его и избили резиновыми дубинками. Потом они оправдывались тем, что не узнали начальника. Но скорее всего, они были нацистами, давно ждавшими удобного случая.

Торжествующий Геббельс опубликовал открытое письмо Вайсу. «Я не Аристофан, чтобы писать сатиры на скандал. Но когда судьба так выразительно проявляет свою волю, слепой становится зрячим, немой поет Те Деум, самый приземленный человек становится Гомером, а театральный привратник пишет комедии...»

Он умело делал вид, что насмехается над Вайсом, в глубине души он клокотал от ярости, и ненависть его росла постоянно. Пятнадцать месяцев спустя одну из своих статей он закончил словами: «Сейчас у меня лишь одно желание: я хочу дожить до того дня, когда мы подъедем к департаменту полиции, постучим в дверь и скажем: «Господин Вайс, ваш час настал».

8

Назвать «Ангрифф» газетой можно было лишь с большой натяжкой. В лучшем случае это издание имело памфлетно-плакатный характер. Оно не содержало новостей, в нем печаталось только то, что давало Геббельсу возможность проявить свой полемический талант. Как заметил Фрицше, разразись в Китае война, Геббельс не откликнулся бы на нее ни строчкой.

«Ангрифф» была наполнена ложью, которую не составляло труда опровергнуть. В конце концов, в Берлине тех лет хватало талантливых прогрессивных журналистов, была мощная либерально-демократическая пресса. Но никто из них не поднялся на борьбу с Геббельсом. Возможно, кому-то не хватило духу, а кто-то не пожелал пасть так низко.

Никогда еще немецкая журналистика не опускалась до такой безнравственности. В то же время подобный метод оказался чрезвычайно действенным. Геббельс бил ниже пояса, и бил беспощадно. Он не утруждал себя поиском доказательств для своих умозаключений, он просто утверждал: это дело обстоит так, а не иначе. Он обращался не к образованным, обладающим вкусом читателям, он хотел растревожить сброд.

За несколько лет, проведенных в столице, Геббельс во многом изменился. В нем не осталось ничего провинциального, он окреп, приобрел типично городскую наглость, смотрел на людей сквозь приспущенные веки и едва скрывал презрение и иронию. Он перенял жаргон и саркастический юмор берлинцев и теперь расцвечивал ими свои речи и статьи.

Он больше не был склонен принимать происходящее слишком близко к сердцу. Когда один из оппонентов назвал его «обербандитом», Геббельс, в отличие от Вайса, не стал судиться. Мало того, он принял это прозвище. С тех пор нацистские плакаты объявляли: «Сегодня вечером выступает с речью обербандит доктор Геббельс».

9

Обербандит...

Он все-таки учился в различных университетах и действительно получил докторскую степень. В конце концов, он редактировал «Письма национал-социалиста», издание, которое справедливо считали далеко не примитивным. Он завоевывал улицы Берлина, но эта задача изначально не требовала особого интеллекта, а ему хотелось представить доказательства того, что он не менее «глубок», чем Альфред Розенберг со своим «Мифом двадцатого века». Он брался со штурмовиками с бычьими шеями, и ему льстило их внимание. Теперь он сидел в своей штаб-квартире и зубоскалил с

помощниками, те восхищались его незатейливыми шутками, а он жаждал доказать, что является собой «нечто большее».

Это была главная причина, по которой он решил время от времени выступать на ином, более высоком интеллектуальном уровне, где не могло быть немедленной пропагандистской отдачи. Первая его речь называлась «Что такое политика?» (5 октября 1927 года).

«Индивидуум развивается в нацию, — провозглашал Геббельс, — а нация является частью человечества. Человечество не есть вещь в себе, точно так же, как индивидуум. Одна лишь нация является вещью в себе. Индивидуум полезен до тех пор, пока он развивает нацию....

Нация творит. Нация совершает подвиг, создавая культуру.

Предназначение политики — пространство, свобода и хлеб насущный. Пространство нуждается в нации, а нации требуется пространство... Вне свободы пространство не представляет ценности для нации».

Для человека со способностями Геббельса его рассуждения оказались на редкость скучными и убогими. Он никогда не объяснял, почему нация — вещь в себе, а индивидуум — нет. Он почерпнул термин из трудов Иммануила Канта, и великий философ перевернулся бы в гробу, доведись ему услышать подобную «философию».

Когда Геббельс начинает излагать основное нацистское credo, его ограниченность бросается в глаза. Он пытается выглядеть «высококобым и глубокомысленным», но ему это плохо удается. И все же, будучи поумнее других нацистских главарей, он пытается чем-то прикрыть наготу, которую те и не замечали: у национал-социализма напрочь отсутствовала основополагающая идея, философское мировоззрение.

Философское мировоззрение, нужное Геббельсу для статей и лекций, он заимствует у других. Для нацистов прибегать к плагиату было не в новинку. Сам термин «национал-социализм» был украден. Его ввел в обиход прогрессивный экономист-демократ Макс Вебер, один из лучших ученых Германии догитлеровского периода, преподававший в университетах Гейдельберга и Мюнхена. Вебер подразумевал под этим термином социализм, свойственный данной конкретной стране. Профессор не дожил до того дня, когда нацисты приспособили его термин для совершенно иной политической философии. Сам Геббельс точно так же надергал много мыслей из

книг Альфреда Розенберга, которого давно тайно ненавидел, у старого, ушедшего на покой антисемита Хьюстона Стюарта Чемберлена, у друга Гитлера Дитриха Эккарта, у философов Артура Меллера ван ден Брука и Освальда Шпенглера.

Из одной ранней поэмы Эккарта он выудил фразу «Пробудись, Германия!», которая затем стала кличем нацистов. У Меллера ван ден Брука он нашел название для главной своей книги: «Третий рейх».

Меллер ван ден Брук был очень любопытной личностью во многих отношениях. Задолго до Гитлера, Эккарта или Федерера он заговорил о возрождении Германии и о миссии немцев. «Можно проиграть войну, но революция все равно победит», – писал он. Он твердо веровал, что у Германии достаточно внутренних ресурсов, чтобы воспрянуть духом после поражения 1918 года и стать более сильной и мощной страной, чем при Гогенцоллернах (Второй рейх) или при средневековых императорах (Первый рейх). Это новое могущественное государство он назвал Третьим рейхом и предрекал его господство над всем миром.

В отличие от других философов нацизма ему было свойственно ясное мышление. Он также перевел и издал полное собрание сочинений Достоевского. А 30 мая 1925 года он покончил жизнь самоубийством, разувверившись, что Германия оправдает его надежды.

Геббельс прочитал Меллера ван ден Брука. 18 декабря 1925 года он заносит в дневник: «Он пишет, как пророк. Он выражает словами все то, к инстинктивному пониманию чего мы, молодые, уже давно пришли. Он пишет ясно и спокойно, но с внутренней страстью».

Но Геббельс также видел, насколько меллеровская концепция будущей Германии отличается от гитлеровской. «Почему Меллер ван ден Брук не пошел в своих выводах до конца и не выразил намерения бороться вместе с нами? – писал он. – Духовное искупление? Боязнь борьбы до последней капли крови?»

30 декабря снова: «Почему он не встал в наши ряды?»

Он отдавал себе отчет в том, что подавляющее число сторонников нацизма не в состоянии прочесть и строчки из меллеровских трудов, не говоря уж о том, чтобы понять их. Впрочем, это было не важно, философ выполнил свой долг, изобретя название «Третий рейх». Геббельс использовал термин где мог и сколько мог. Но при этом Меллер ван ден Брук никогда не упоминался, и ко времени прихода

нацистов к власти лишь редкие образованные немцы могли припомнить происхождение термина.

Другим немецким философом, послужившим фоном, на котором Геббельс создал свое философское мировоззрение, был Освальд Шпенглер. Его книга «Закат Европы» принесла ему международное признание. Гитлер тоже прочел знаменитую книгу. Нет сомнений, что между гитлеровской и шпенглеровской философиями были некоторые параллели, но Шпенглер, как и Ницше, склонялся к пессимизму, он был философом декаданса. В основе гитлеризма лежал оптимизм – поверхностный оптимизм торговца патентованными средствами. Поэтому Гитлер не стал вдумываться в книгу Шпенглера.

Шпенглер не жаловал нацистов, равно как и всех правых. Он писал в «Реставрации германского рейха»: «В начале июня 1795 года Париж ждал, что вот-вот восстановят монархию... Появилась «золотая молодежь», решительные молодые люди устали от якобинства и потрясали кулаками и тростями в надежде установить новую эру. Нынешние правые экстремисты подобны той «золотой молодежи»... ими движет тот же легко воспламеняемый энтузиазм, они так же честны и так же узко мыслят. Никто из них не имеет малейшего понятия о том, как тяжело решать политические задачи в полностью опустошенной стране... Как убого и жалко выглядит немецкий лозунг «Долой евреев!» в сравнении с известным американским изречением: «Правы мы или виноваты, но это наша страна!» Представители отдельных рас внутри страны всегда более опасны, нежели зарубежные нации, особенно когда, будучи в меньшинстве, они должны ассимилироваться и их ставят перед выбором».

Геббельс тщательно проштудировал эссе и, убежденный в том, что его слушатели никогда не прочтут и тем более не поймут Шпенглера, присвоил многие его мысли. Некоторые из них он даже приводил дословно, естественно, никогда не ссылаясь на источник. Параллели между Геббельсом и Шпенглером – иными словами, явный плагиат Геббельса – можно проследить в пяти десятках статей и речей. Только когда нацисты смогли позволить себе печатать Геббельса по всей Германии, он стал осторожнее.

Но тогда еще Геббельс мог убеждать себя, что у него есть законные основания воровать чужие мысли. Ему не хватало времени развивать свои собственные, он был крайне занят. Он был самым

значительным партийным оратором после Гитлера. Он выпускал и редактировал «Ангрифф». Кроме того, он написал множество брошюр, таких, как «Малая азбука национал-социалиста», «Чертовы люди со свастикой», «Наци-соци», «Путь к Третьему рейху». Он также выпустил сборники своих статей и фельетонов «Книга Изидора» и «Кнорке».

Он лихорадочно и не зная усталости работал по восемнадцать часов в сутки.

10

9 января 1928 года Геббельс прочел важную лекцию «Познание и пропаганда», где привел довольно тонкие наблюдения из своей практики.

«Нет теоретически обоснованного критерия для оценки, какого рода пропаганда более действенна. Хороша та пропаганда, которая приводит к желаемым результатам, и наоборот. Не важно, насколько она занимательна, дело пропаганды не развлекать, а добиваться нужного эффекта... Поэтому такие аспекты, как излишняя грубость, жесткость, неразборчивость, глупость и несправедливость пропаганды, мы не будем рассматривать».

А что будем? «Идеи, как говорят, витают в воздухе. Если кто-то приходит и выражает то, что все другие ощущают сердцем, люди скажут: «Да, это то, чего я всегда хотел и на что надеялся». Когда мне открывается та или иная истина и я начинаю о ней говорить в трамвае, я пропагандирую. В эту минуту я ищу себе подобных, ищу людей, которые разделяют мое мнение. Таким образом, пропаганда есть не что иное, как предтеча организации. А когда появляется организация, она становится предтечей государства. Пропаганда есть средство к достижению цели».

Он неоднократно подчеркивал эту мысль. Например: «Если наша пропаганда не вызывает подозрений у евреев из полиции, значит, мы что-то делаем не так, значит, ее никто не опасается. А если нас подозревают, это лучшее доказательство, что мы опасны».

Средство к достижению цели. Тем не менее на протяжении всего выступления Геббельс побаивается, как бы аудитория не стала смотреть на пропаганду как на второсортное ремесло. И он начинает очень пространно доказывать, что пропаганда, по его мнению, искусство. «Вы или пропагандист, или нет. Пропаганда является искусством, которому можно научить всякого среднего человека, как, например, игре на скрипке. Но приходит время, и вы говорите себе: «Стоп. Здесь пора остановиться. То, чему я еще не научился, доступно только гению...»

И он завершает речь на убедительной высокой ноте: «Если вам говорят, что вы всего-навсего пропагандист, вам следует ответить: «А кем был Иисус Христос? Разве он не пропагандист? Что он делал, писал книги или проповедовал? А Магомет? Он писал заумные книги или выходил к людям и толковал им свои видения? А разве не были пропагандистами Будда и Заратустра?.. Обратите свой взгляд на наш век. Муссолини книжный червь или великий оратор? Когда Ленин приехал из Цюриха в Петербург, он поспешил в свой кабинет к письменному столу или выступил перед тысячной толпой? Только великие ораторы, великие волшебники слов создали большевизм и фашизм. Между оратором и политиком нет разницы».

Геббельс отвергает роль «средства к достижению цели». Он хочет стать либо выдающимся философом, либо, по крайней мере, политиком.

11

Через несколько месяцев, 31 марта 1928 года, прусское правительство отменило указ, запрещавший нацистскую партию. Новые выборы в рейхстаг были назначены на 20 мая.

Радикальное крыло партии, которое возглавлял Геббельс, находилось в оппозиции к выборам. Ранее в многочисленных статьях Геббельс высмеивал рейхстаг и его депутатов. «Сквозь огромный портал мы проходим в священные залы, — как-то писал он. — Над главным входом вы можете прочесть добрую шутку: «Посвящается германской нации». Смейтесь на здоровье... Просторные кулуары способствуют пищеварению. По бокам тянутся длинные ряды мягких стульев, на них можно прекрасно вздремнуть. Впрочем, вздремнуть — это мягко сказано. Если вы зайдете сюда после полудня, то услышите блаженный дружный храп всех депутатов. Избранники германской нации отдыхают от трудов праведных на благо фатерланда».

Теперь Геббельс переменял мнение о рейхстаге. Он выступил в поддержку нацистских кандидатов на предстоящих выборах. Его шаг выглядел сущим оппортунизмом. Однако было бы несправедливо — если только это слово уместно по отношению к Геббельсу — приписывать его отступничество примитивному желанию получить дополнительные доходы и парламентский иммунитет. Геббельс

смотрел дальше. Он понимал, что рейхстаг станет превосходной трибуной для пропаганды.

«Мы двинемся на рейхстаг, чтобы захватить арсенал демократов и превратить его в наше оружие, — провозгласил он. — Мы станем депутатами рейхстага, чтобы с помощью самого же Веймара покончить с веймарским вольнодумством... Если мы добьемся успеха и приведем в рейхстаг пятьдесят — шестьдесят наших агитаторов и активистов, государство само снабдит нас механизмом для борьбы и оплатит ее. Конченный человек тот, кто, став парламентарием, считает, что достиг своей цели. Но если с присущей ему отвагой он продолжает беспощадную борьбу с подлостью, которая заполонила всю нашу жизнь, то он станет не просто парламентарием, он останется самим собой, то есть революционером. Муссолини тоже был членом парламента и, невзирая на это, вскоре прошел маршем по Риму со своими чернорубашечниками.

...Наши партийные агитаторы расходуют от шестисот до восьмисот марок в месяц на поездки, чтобы упрочить республику. Не будет ли справедливо возместить им транспортные издержки и выдать проездные билеты?

...Будет ли это первым шагом к соглашательству? Вы думаете, мы сложим руки в обмен на бесплатные проездные? Это мы, которые сотни и тысячи раз стояли перед вами и призывали вас поверить в новую Германию? Мы не кланчим голоса. Мы требуем от вас убежденности, преданности, не оставайтесь в стороне. И для вас, и для нас выборы — это всего лишь способ достичь цели... Мы не собираемся громоздить еще одну кучу навоза, мы придем, чтобы очистить гноище. Мы придем в рейхстаг не как друзья и не как равнодушные, мы придем как враги».

Он участвовал в разнузданной кампании за себя самого. В статье, озаглавленной «Вы и вправду хотите отдать голоса за меня?» он описывает, как его преследовали власти и какой судебный произвол они творили. Он пространно рассказывает, как его признавали виновным, как штрафовали, как приговаривали к тюремному заключению на различные сроки (хотя он никогда не сидел в тюрьме). Ему подвернулась прекрасная возможность лгать и клеветать, как это было и в случае с Бернардом Вайсом. Заканчивает он словами: «При

системе, действующей с 1918 года, у меня нет ни малейшего шанса быть избранным. А вы и вправду хотите отдать голоса за меня?»

На самом деле он страстно желал быть избранным. Во время предвыборной кампании он работал на износ.

«Я едва в состоянии видеть и думать. За восемь недель я исколесил всю Германию. Иногда я покрывал в машине пятьсот километров в день. Вечерами я выступал перед тысячами людей, которые или аплодировали мне, или освистывали меня. После митингов, уже за полночь, мне удавалось выкроить пару часов для сна. Потом я вскакивал в шесть-семь часов утра и снова крутился как белка в колесе до пяти. Берлин! Это были груды почты, газеты, жалобы, требования, телефонные звонки, вечная нехватка денег, сплошные неприятности, плакаты, статьи. Надо было приободрить маловеров, поблагодарить храбрецов, потом поехать домой, переодеться, ответить на звонки. И вот уже пора выезжать, меня ждут, зал полон...»

Выборы выиграли левые. Нацисты получили всего восемьсот тысяч голосов из тридцати миллионов. Теперь в рейхстаге им принадлежало двенадцать мест из пятисот, немногим больше, чем прежние девять мест. В Берлине за национал-социалистов отдали свои голоса пятьдесят тысяч человек. Результат не был впечатляющим, но и не был похож на жалкое начало двухлетней давности.

Грегор Штрассер, Герман Геринг, недавно вернувшийся из-за границы, где он отсиживался после путча 1923 года, Готфрид Федер, Вильгельм Фрик, генерал Риттер фон Эпп и, разумеется, сам Геббельс были среди тех, кто представлял партию в рейхстаге. Если Геббельс и позволял себе саркастически посмеиваться, то только над предвыборной кампанией и отнюдь не над успехом.

«Возможно, представители других партий и считают, что они кого-то представляют, – писал он. – Но я не член рейхстага. Я всего лишь обладатель иммунитета и владелец бесплатного проездного билета... Обладатель иммунитета – это человек, который даже в нашей демократической республике может время от времени говорить правду. Он отличается от простых смертных тем, что может громко высказать все, что думает. Он может назвать дерьмо дерьмом, ему не надо искать лазейки, чтобы назвать так нашу страну».

Статья заканчивалась словами: «Это всего лишь прелюдия. Вы пришли, чтобы от души посмеяться вместе с нами. Представление

начинается».

Шел 1928 год. Калвин Кулидж еще был президентом Соединенных Штатов. Уолл-стрит процветала, биржевой курс шел в гору. Госсекретарь Фрэнк Биллингс Келлог готовил новый международный антивоенный договор. Представители всех великих держав подписались под пактом Бриана – Келлога. Всем было ясно, что, если какая-либо страна решится пренебречь какими-либо положениями пакта, ничто ее не остановит. Тем не менее мистер Келлог получил Нобелевскую премию мира.

Одним из первых пунктов повестки дня нового рейхстага стало финансирование строительства линейного крейсера. Тут даже социал-демократы, самая сильная партия и ярые сторонники международного разоружения, проголосовали «за».

Американский юрист Сеймур Паркер Джилберт посетил Германию с целью ревизии состояния финансовой системы Германии и обсуждения вопросов репараций. Он составил суровый отчет, в котором указывал, что, по его мнению, некоторые официальные данные, представленные Германией, несколько фальсифицированы и что немецкие деловые круги делают все, чтобы скрыть свое благосостояние. Он также утверждал, что значительные капиталы переводятся за границу с целью уклонения от налогообложения. Он заявил, что хваленной немецкой честности в делах больше не существует – в лучшем случае она уже не столь прочна, чтобы на нее полагаться.

Муссолини «навел порядок» в Италии, и на него с глубоким почтением взирали правящие классы многих стран. Некоторые приходили к мысли, что не худо было бы иметь своих Муссолини.

Дела в Советском Союзе шли не очень гладко. Сталин выдворил Троцкого из страны и сослал в Сибирь Каменева, Зиновьева, Раковского, Радека и многих других. Находились те, кто предрекал падение СССР в течение недель.

Вечером 20 мая произошло весьма странное событие в Гамбурге, втором по величине немецком городе. По улицам поползло облачко, похожее на зеленоватый туман. Он проник в дома. Сотни мирных горожан лишились сознания и были госпитализированы. Многие скончались.

Стало известно, что пары просочились с некоего завода. Ни у кого не было сомнений, что там проводились эксперименты с отравляющими газами. Но разве это не шло в нарушение международных соглашений и Версальского договора? Начатое расследование потихоньку сошло на нет. Даже прогрессивные газеты вскоре перестали писать о катастрофе, случившейся в тот самый день, когда нацисты увеличили число своих депутатских мест с девяти до двенадцати.

Таково было состояние дел в мире, когда Геббельс сделал новый важный шаг вперед. 9 января 1929 года Гитлер перетасовал свой штаб. Грегор Штрассер стал главой организационного департамента, то есть вторым человеком после Гитлера. Геббельс был назначен главой пропаганды рейха. Теперь он был среди группы людей, определяющих будущий курс движения. Партия все еще была малочисленной. И ему предстояло всемерно ее увеличивать.

Глава 4

Лавина

1

Первоочередной задачей Геббельса было заставить людей принять Гитлера как божество.

Когда Гитлер назначил сам себя фюрером нацистской партии, он поступил так главным образом для того, чтобы стать недостижимым для интриг лидеров помельче. У других не было выбора, и они поневоле согласились. Теперь Геббельс должен был напитать их подлинной верой. Он предложил считать, что все сказанное, написанное или сделанное Гитлером сказано, написано или сделано «безупречно», а сомнений или тем более возражений не допускать. Геббельсовская пропаганда всеми силами стремилась распространить слепую убежденность, что без Гитлера его соратники пропадут.

Поскольку теперь Гитлер становился центральной фигурой, было вполне логично сделать так, чтобы новый пропагандистский механизм вращался вокруг него. Сам механизм стал больше, продуманнее и эффективнее, чем та организация, которую Геббельс унаследовал от Грегора Штрассера. Геббельс модернизировал некоторые

пропагандистские методы, чтобы механизм работал более гибко и чутко реагировал на малейшие внешние раздражители, вся машина должна была приводиться в движение одним мановением руки.

Темпераментная личность Геббельса производила большое впечатление на аманнов, розенбергов и федеров, они восхищались его молниеносными действиями и бесконечным числом идей, которые генерировал его мозг. Он даже внушал им некоторый трепет, но теплых чувств он не вызывал. Чутье подсказывало им, что он не одной с ними породы, на их взгляд, он не был нацистом чистой воды. Поэтому его никогда не принимали за своего.

В последующие годы Геббельс сосредоточил свои усилия на митингах как на главном пропагандистском оружии. До тех пор митинги носили чисто информативный характер: люди собирались вместе, чтобы послушать политическую программу той или иной партии. Геббельс рассудил, что подобный подход требует неоправданных затрат сил и времени. «Бессмысленно предоставлять полчаса оратору только на то, чтобы он установил контакт с аудиторией! – восклицал он. – Мы говорим не ради поддержания разговора, а чтобы произвести эффект».

Он не испытывал к среднему человеку ничего, кроме презрения, поэтому он ни на минуту не задавался вопросом, что подумают люди, да и способны ли они думать вообще. Равным образом он не спрашивал себя, возможно ли манипулировать их мнением. Все, что ему требовалось, – это «подготовить аудиторию». Каждый отдельно взятый человек уже должен быть настроен в пользу нацистов, прежде чем оратор раскроет рот. Геббельс ставил политические митинги, как ставят спектакль. Он разработал новые приемы. Он придумал выставлять на трибуне «гвардию оратора» – дюжих молодцов в форме. Он ввел «торжественный выход знаменосцев». Он составил правила приветствия оратором аудитории. В целом митинг превратился в ритуал, где знамена, музыка, специально отобранные люди и шествия служили декорациями и играли отведенные им роли. Иными словами, вместо того чтобы внести ясность в умы слушателей, он еще больше затуманивал их и без того уже отяжелевшие головы. Покидая нацистские зрелища, люди знали меньше прежнего, зато все находились под большим впечатлением.

В центре действия находился, конечно, оратор. Так как Геббельс собирался поставить на поток подготовку митингов, каких еще не знала Германия, ему потребовались люди с хорошо подвешенным языком. В своем департаменте он создал особый отдел ораторов, разделенный на группы. Только лучших из них выпускали «паясничать» в больших городах: Берлине, Мюнхене, Гамбурге и других. Для маленьких аудиторий использовались таланты помельче.

Чтобы в речах не прозвучало ничего лишнего, Геббельс сам готовил материалы и создал бюро, следившее за тем, как выполняются его указания.

Звездой геббельсовских шоу был сам Гитлер. Осенью 1928 года прусское правительство отменило запрет на публичные выступления Гитлера. Геббельс арендовал на 16 сентября «Шпортпаласт» – берлинский Мэдисон– Сквер-Гарден – и собрал в нем более десяти тысяч человек. Он представил фюрера, который затем произнес речь на два часа пятьдесят пять минут, которая в основном состояла из высокопарных нападок на республику, Версальский договор и существующий порядок. Развевающиеся знамена, песнопения и шествия привели публику в неистовый восторг.

В последующие годы митинги, подобные этому, с вступительным словом Геббельса и речью Гитлера, повторялись неоднократно. И всегда режиссер Геббельс держался на заднем плане. Его не трогало то, что он как бы оставался безвестным, казалось, он даже доволен своим положением. Возможно, объяснение крылось в его глубоком презрении к толпе. Возможно, ему нисколько не льстили рукоплескания – некоторые его позднейшие замечания можно считать тому подтверждением. Возможно, ему казалось, что триумф становится больше и значимее, когда он следит за ним и тайно наслаждается из-за кулис. Это была его своеобразная тайна. Тысячи людей уходили с митинга, и ни один из них не догадывался, что это он, Геббельс, продумал все от начала и до конца и привел их в состояние помешательства. Где бы он ни устраивал митинги, люди начинали поступать и думать так, как он того желал. Как признавался сам Геббельс, к его изумлению, это оказалось неправдоподобно легко.

Даже настолько легко, что иногда Геббельс задумывался: а стоит ли так стараться, чтобы поразить публику? Ведь были методы попроще, можно было, например, проломить противнику череп. В

студенческие годы его огорчало то, что он не может вести себя наравне с буянами из «Вольного корпуса». Теперь же в его власти было приказать им что угодно, и его бывшие разочарования растворились в чувстве могущественности. Возможно, именно поэтому пропагандист Геббельс часто подменял политическую магию грубой силой. В то время как он читал проповеди, чтобы обратить немцев в нацистскую веру, штурмовики по его приказу выходили на улицы, чтобы увечить и убивать тех, кто не желал быть обращенным.

2

Штурмовики были отбросами общества. Шлагетер был одного поля ягодой с ними, хотя Геббельсу и удалось сделать из него героя движения. На среднего немца, по натуре сентиментального, ходульные «героические личности» всегда производили более сильное впечатление, чем взвешенные и разумные доводы. Поэтому Геббельсу требовались новые молодые шлагетеры, чтобы плодить новых «героев». Фактически, с первого же выступления в Берлине, с первой статьи в «Ангрифф» он, не жалея сил, убеждал публику в том, что все нацисты герои, живущие под постоянным страхом смерти, по меньшей мере в столице.

«Как-то раз, то ли в субботу, то ли в воскресенье, во второй половине дня мы зашли на пару часов в больницу, – писал он в октябре 1929 года в статье «Герои». – Вот лежит человек с пробитой головой. Он вышел из партии, но товарищи и сейчас считают его равным себе. Возле его кровати стоят молодая жена и полдюжины бойцов. Они принесли ему цветы и фрукты... Я навестил другого, он трижды ранен в руку. В его семье все национал-социалисты: и мать, и трое сыновей – рабочий, студент и кондуктор. А разжиревшие евреи называют нас в коммунистических газетах наемниками капитала! Вот уж наглость!.. Этого человека ранили в живот. Шесть дней он находился между жизнью и смертью. Товарищи на последние деньги купили ему цветов – ему нельзя ничего есть... Вот какие они! Пусть не все, но очень многие. Их сотни и тысячи, они герои, исполненные храбрости и готовые пожертвовать собой. Им нечего терять, кроме своей несчастной жизни...»

Увы, это был набор банальностей. А Геббельсу была нужна не дюжина безвестных штурмовиков, а один человек, которого он мог бы

описать с мельчайшими подробностями и чье имя он мог бы вбивать в головы своим последователям днем и ночью. Его фанатичный взор в поисках подходящей жертвы упал на Ганса Георга Кютемейера.

Кютемейер был ранен на войне. После демобилизации он перебивался случайными заработками. Он симпатизировал нацистам и, несмотря на то, что был безработным, бесплатно трудился на партию. Как-то вечером после выступления Гитлера в «Шпортпаласте» Кютемейер пошел отметить митинг с двумя товарищами и изрядно перебрал. Наутро его тело нашли в Ландверском канале. После себя он оставил записку, где сообщал, что устал от беспросветной нищеты и что уже не надеется найти работу. Полиция с полным основанием решила, что он покончил с собой.

Геббельс ухватился за этот случай. Он написал статью «Кютемейер», где существенно дополнил биографию героя. По его словам, Кютемейер несколько не разочаровался в нацизме (о чем он говорил друзьям перед смертью), а, напротив, обожал партию и жил ради нее. Он боготворил Гитлера. В последний вечер он был счастлив, «с бьющимся сердцем» вслушиваясь в речь фюрера. «А когда в конце он встал вместе с шестнадцатью тысячами соратников и запел «Германия, Германия превыше всего!», глаза его были полны слез».

Люди видели, что в тот вечер он прикладывался к бутылке? У Геббельса был готов ответ: «А кто на его месте поступил бы иначе? Не мог же он вернуться в свое мрачное жилище сразу после того, как пережил необыкновенный подъем. Он провел два часа в радостных разговорах с товарищами».

Затем Кютемейер отправился домой. Но ему не было суждено дойти, потому что дорогу ему преградили коммунисты, будь они прокляты! Разумеется, Геббельса там не было, а полиция не нашла ни свидетелей, ни малейших следов борьбы. Но Геббельса это не смутило, он живописал страшную картину со всеми подробностями. Подъехало такси с коммунистами, и Кютемейера остановили посреди улицы. Его били железными прутьями, пока он не потерял сознание, а потом бросили в канал. «Еще слышались крики о помощи, когда такси умчалось».

Такой информацией берлинская полиция не располагала. Зато Геббельс знал даже точное время убийства. «В четыре часа утра его

жена внезапно проснулась. Она уверена, что слышала голос мужа: «Мама! Мама!» То был час его кончины».

Геббельс старался вовсю, вытаскивая на свет мертвеца Кютемейера. Он даже обещал, что его имя будет занесено в список почетных членов партии наряду с теми, кто погиб во время путча 1923 года, и павшими за правое дело, как, например, Шлагетер. Но все напрасно. Вскоре историю Кютемейера забыли.

Но в конце концов, Геббельс нашел нужного человека. Его звали Хорст Вессель.

3

Впервые Геббельс услышал о Хорсте Весселе в конце 1926 года, когда тот вступил в партию. В те дни нацисты были столь малочисленны, что гауляйтер знал по имени практически каждого, а высокий, сильный и разбитной Хорст Вессель поневоле обращал на себя внимание. Сын лютеранского пастора, родившийся в 1907 году, он был слишком молод, чтобы воевать, поэтому он компенсировал этот недостаток, вступив в «Вольный корпус».

Геббельс вверил ему печально известный 5-й отряд штурмовиков. Скоро о Хорсте Весселе пошла слава из-за постоянных уличных стычек с социалистами и коммунистами. Геббельс приметил многообещающего молодого человека. Он отправил его в Вену изучать опыт австрийской молодежной организации Гитлера, а затем с успехом использовал в качестве оратора в Берлине. Но вдруг молодой человек потерял интерес к делу. Геббельсу не раз докладывали, что Хорст Вессель забросил свои обязанности, а вскоре тот и вовсе исчез из поля зрения.

После скорых розысков Геббельсу стало известно, что Хорст Вессель встретил проститутку по имени Эрна Йенике и поселился у нее в меблированных комнатах по адресу Франкфуртерштрассе, 62. Геббельс послал за ним его друзей, но те вернулись с сообщением, что молодой человек больше не интересуется ни партией, ни штурмовиками, у него на уме одна фрейлейн Йенике.

Поскольку в карманах у Весселя было пусто, она продолжала трудиться на ниве своей профессии и содержала любовника. Это было очень не по вкусу некоему Али Хелеру, который направил ее на путь проституции и был ее прежним сутенером до появления Весселя. 14

января 1930 года фрау Зальм, владелица пансиона, где проживала фрейлейн Йенике, зашла в бар, где в те дни проводил время Хелер, и попросила его забрать свою подружку. Хелер пошел с ней и отпер дверь Эрны ключом хозяйки. Увидев его, Вессель потянулся за оружием, но Хелер оказался проворнее, он выстрелил в Весселя, прихватил девицу и был таков. Пуля попала Весселю в рот, и он в критическом состоянии был доставлен в больницу.

Тут и настал час Геббельса. На следующий день он напечатал свою первую статью о Хорсте Весселе. Вот какие чувства охватили его, когда он узнал, что тот ранен. «Мертв? Нет. Но безнадежен. Вокруг меня рушатся стены, потолок грозит раздавить. Нет, не может быть!»

Геббельс навестил Весселя в больнице, и каждая деталь этих посещений была опубликована в «Ангрифф», однако ни о Йенике, ни о Хелере газета даже не упоминала. Поскольку Геббельсу было так угодно, Вессель принадлежал исключительно партии и штурмовикам. «Штурмовики – это Хорст Вессель. Где бы ни была Германия, ты будешь с нами, Хорст Вессель!»

Целые дни напролет Геббельс продолжал восхвалять юного сутенера. Утром 23 февраля Хорст Вессель умер. Его похороны превратились в грандиозную манифестацию нацистов, что неудивительно, так как постановщиком действия был Геббельс. Он выступил с траурной речью перед тысячной толпой, потом все хором спели «Хорста Весселя».

За пять месяцев до этого Вессель написал шестнадцать стихотворных строк и напечатал их в «Ангрифф». Это был довольно примитивный, но эффектный набор известных нацистских лозунгов. Кому-то пришло в голову, что стихи можно положить на старую мелодию, что и было сделано. На похоронах Весселя состоялось первое публичное исполнение песни. С того дня она стала гимном нацистов.

Когда песня стихла, Геббельс выкрикнул в толпу, словно на армейской поверке: «Хорст Вессель?», а в ответ услышал дежурный отклик: «Здесь!» Таким образом, символический ритуал стал неотъемлемой частью нацистских демонстраций.

Какое-то время спустя Али Хелер был арестован, судим и приговорен к шести годам тюрьмы. Пока шел процесс, геббельсовская

национал-социалистическая пресса исходила криками отчаяния и гнева. Однако Геббельса на самом деле заботило одно: чтобы наружу не просочилось лишнее. Как можно догадаться, вся правда с малопривлекательными подробностями вскрылась, и история прошла в газетах с аршинными заголовками.

Геббельс оказался в трудном положении. Каким образом увековечить легенду о мученике Хорсте Весселе, когда на страницах газет появилась подлинная история? На первый взгляд задача была неразрешимой. Но Геббельс и на этот раз справился, несмотря на то что сам он не питал никаких иллюзий относительно действительного облика Хорста Весселя.

«Его это ни в малейшей степени не заботило» – так сказал о нем Ганс Фрицше. Ко времени прихода нацистов к власти Хелер отсидел в тюрьме три года, нацисты умертвили и его, и фрау Зальм, а заодно и всех тех, кто мог развеять легенду о Хорсте Весселе.

4

Собственно, это было сделано в присущей Геббельсу манере: Хорста Весселя не любили, потому что он был нацистом. Все нацисты находятся в постоянной опасности, им грозит или смерть, или иная печальная участь. Республика преследует их, призвав на помощь злонамеренных чиновников. Кроме всего прочего, существует самый могучий враг – «международный еврейский капитал». «Изидор 1929 года носит имя Джона Пирпонта Моргана», – пишет Геббельс, чем подтверждает свое весьма поверхностное знакомство с международными финансами.

«Союзники требуют репараций, чтобы любым способом поработить Германию», – заявил Геббельс. В 1924 году был принят план Дауэса, названный так по имени вице-президента США Чарльза Г. Дауэса. Он действительно мог бы нанести удар по экономике Германии, если бы не тот факт, что предоставляемые иностранные кредиты намного превосходили выплаты по репарациям, предусмотренным планом. Геббельс, едва став шефом пропаганды, подготовил плакат с написанным огромными буквами именем DAWES (это были начальные буквы слов Deutschlands Armut Wird Ewig Sein, то есть «Германия вечно останется нищей»).

Когда один из коллег спросил его, какой линии должны придерживаться нацисты в случае ослабления репараций, Геббельс мрачно ответил: «Не важно, какой план они нам предложат, мы все равно ответим, что он невыполним».

Случай показать это представился в мае 1929 года, когда американский банкир Оуэн Д. Юнг разработал новый репарационный проект, значительно уменьшавший бремя Германии. У немцев появились основания быть довольными. В конечном итоге после нескольких выплат проблема репараций была бы окончательно решена.

Комиссия немецких экспертов, возглавляемая президентом рейхсбанка Яльмаром Шахтом, начала переговоры в Париже. Все шло гладко, и Шахт наконец объявил, что он хотел бы принять предложения Юнга.

Выполнение плана Юнга могло бы поднять престиж Германской республики и, соответственно, ее правительства, большинство которого составляли социал-демократы^[26]. Одно это было неприемлемо для большинства националистов, тем более для нацистов. По этой причине один из участников переговоров, промышленник Альберт Феглер, при первой же возможности покинул конференцию. По этой же причине другой видный промышленник Альфред Гугенберг присоединился к нему.

Гугенбергу, невысокому, жилистому мужчине с седой шевелюрой, уже исполнилось шестьдесят пять лет. Он был генеральным директором заводов Круппа и играл ведущую роль в тяжелой промышленности Германии. В начале 20-х годов он стоял у истоков крайне правой Немецкой национальной народной партии. Он купил несколько берлинских газет, реорганизовал их, создав службу новостей, и владел постоянной долей во влиятельной провинциальной прессе. Таким образом, он получил в свои руки мощный механизм для формирования общественного мнения. В довершение всего он приобрел крупнейшую кинокомпанию Германии – УФА.

Теперь Гугенберг решил, что настало время поведать миру о себе и о своей партии. Он разослал три тысячи писем крупным немецким и иностранным промышленникам, в которых доказывал, что план Юнга грозит Германии гибелью и что рано или поздно те, кто поставит под

ним подпись, убедиться в его неосуществимости. Хотя его письма явно дискредитировали немецкое правительство, власти промолчали.

Гугенберг не был рожден вождем масс, его друзьями были в основном промышленники, юнкеры, отставные военные и аристократы, его партии не доставало поддержки народа. Он отдавал себе отчет в том, что не в его возможностях ни сорвать план Юнга, ни приблизить падение республики, пока он не объединится с более сильными союзниками. Таким, по его мнению, мог бы стать Гитлер.

Нацисты обрушились на план Юнга даже с большим рвением, чем сам Гугенберг. «Ваши подписи нас ни к чему не обязывают, – писал Геббельс 1 июля 1929 года. – Перед лицом истории мы торжественно поднимем вверх руки, чистые и незапятнанные, и поклянемся, что не успокоимся, пока этими же руками не разорвем постыдный договор».

Однако слова Геббельса отнюдь не означали, что он горит желанием оказаться в одной лодке с Гугенбергом. Он презирал как Гугенберга, так и его друзей, и постоянно называл их не иначе как «сборищем реакционеров». Гитлер же смотрел на них с точки зрения финансовой выгоды и был не прочь пройти часть пути вместе с ними. Не уведомив Геббельса, он приехал в Берлин и выступил перед Гугенбергом и другими промышленниками и банкирами. Совершенно случайно Геббельсу стало известно об этом, и он тоже отправился на встречу. Когда вошел Геббельс, Гитлер уже заканчивал свою речь. Гитлер с Гугенбергом пришли к соглашению и решили совместно инициировать плебисцит против плана Юнга.

Геббельс не был в восторге от их альянса и не скрывал недовольства. «Если мы прибегаем к плебисциту, мы используем всего лишь тактическое средство, чтобы приблизиться к нашей цели. Средства достижения цели могут меняться. Но цель – никогда! Тот факт, что к одним и тем же средствам прибегают различные движения – совершенно различные с социалистической и националистической точек зрения, – не означает, что наша цель неверна», – писал он с явным раздражением.

С другой стороны, у альянса были и положительные стороны. Гитлер выставил условие, что Геббельс станет руководителем пропагандистской машины на период предстоящей кампании. Впервые он мог взяться за дело без каких-либо ограничений. Его

указания должны были выполнять крупные газеты, в его распоряжении была служба новостей. У него был доступ к документальной хронике и другим кинематографическим средствам, а самое главное – у него было достаточно денег. Не надо было работать в темных каморках, где стоял табачный дым, не надо было бояться судебных повесток и экономить каждый грош. На этот раз он мог развернуться. Он позволил себе быть щедрым за счет Гугенберга, хотя еще задолго до плебисцита понял, что затея провалится. Но он предвидел, какую выгоду получит нацистская партия от саморекламы, в которую было вложено несколько миллионов долларов. (Для того чтобы плебисцит был признан состоявшимся, требовалось двадцать миллионов голосов, а против плана Юнга 22 декабря 1929 года проголосовали всего пять миллионов восемьсот тысяч человек.)

5

В октябре 1929 года рухнул нью-йоркский фондовый рынок. Миллиарды долларов бесследно улетучились. Процветанию в стране неограниченных возможностей внезапно пришел конец. Миллионы людей, считавших, что у них устойчивое финансовое положение, остались без гроша. Предприятия закрывались, люди оказывались на улице. Армия безработных росла.

Вряд ли нацистские главари, слабо разбиравшиеся в хитросплетениях мировой экономики, осознали, к чему приведет коллапс мировых рынков, но Яльмар Шахт ясно видел последствия. 23 июня он сообщил рейхсканцлеру Герману Мюллеру, что готов взять на себя ответственность за план Юнга. В ноябре Геринг встретился с Шахтом и узнал, что тот намерен связать свою судьбу с нацистами. А через несколько месяцев Шахт подаст в отставку под тем предлогом, что более не верит в осуществление плана Юнга.

Зато в план Юнга верил министр иностранных дел Густав Штреземан, которому отводилась роль главного злодея в пропагандистском сценарии Геббельса. Сначала Штреземан примыкал к правым, во время войны поддерживал политику аннексий, но после поражения пришел к выводу, что восстановить Германию можно лишь на основе сотрудничества с союзниками.

В сентябре 1923 года правительство Штреземана отменило злополучную политику пассивного сопротивления во время

оккупации Рура^[27]. В 1925 году он подписал Локарнские договоры, которые были по сути подтверждением Версальского^[28]. Но даже в Локарно Штресеман дал ясно понять, что не считает себя обязанным соблюдать статус-кво на востоке, подразумевая границу между Германией и Польшей. В сентябре 1926 года он добился приема Германии в Лигу Наций, чему немало помогла его дружба с французским министром иностранных дел Аристидом Брианом.

Геббельсу даже попытка следовать политике Штресемана казалась смертным грехом. «Штресеман не обычный человек, как все остальные, а воплощение всего зла, что есть в Германии, – писал он. – Его иностранная политика подобна огромному пустырю, усеянному обломками – это проблемы, за которые он брался и которые никогда не решал».

На муниципальных выборах 17 ноября 1929 года нацисты получили более двадцати процентов мест в новом городском совете. Это была личная заслуга Геббельса, который вел всю кампанию, ночи напролет выступал на митингах, готовил статьи, памфлеты и плакаты. Он определенно стал на один шаг ближе к цели – к завоеванию Берлина. Теперь «Ангрифф» стала выходить дважды в неделю.

В течение 1930 года Геббельсу предстояло обеспечить и другую важную победу. Издательский дом Штрассеров не справлялся с делом. Братья были в ссоре, и Гитлер решил, что Отто слишком полевел. Он выкупил долю Грегора в издательстве, прекратил выпуск штрассеровских газет и отстранил Отто.

Гитлер приказал Геббельсу исключить Отто и его друзей из партии. В период ганноверских событий эти люди были на стороне Геббельса, но он не терзался сомнениями, когда надо было выполнять приказ фюрера. Несколько позже, когда главарь берлинских СА и его близкий друг капитан Штеннес объявил вместе со своими штурмовиками забастовку, требуя повышения жалованья и политического статуса, Геббельс выгнал и его.

Эти события произошли в разгар новой кампании. Рейхстаг снова был распущен, и перевыборы должны были состояться 14 сентября 1930 года. Геббельс с оптимизмом оценивал шансы своей партии. Он во всеуслышание предсказывал, что нацисты возьмут сорок мест в новом составе против прежних двенадцати. Комментарии прессы были более чем ироничны, говорили даже, что Геббельс скоро

подавится своими словами, потому что ни одной партии не удавалось еще утроить число своих избирателей в период между выборами. Но оказалось, что Геббельс не давал пустых обещаний. Насмешники не приняли во внимание созданную им за прошедшие восемнадцать месяцев удивительную пропагандистскую машину.

И теперь он запустил ее. Его агитаторы наводнили всю Германию, от больших городов до маленьких деревушек. Все нацистские лидеры, включая самого Гитлера, должны были до хрипоты произносить речь за речью.

Кампании, подобной этой, Германия еще не видела. Геббельс разработал для своих ораторов по-военному четкий план мобилизации, чтобы они ни минуты не сидели без дела. Он организовал шесть тысяч митингов. Он натягивал гигантские тенты и собирал под ними десятки тысяч людей. Он устраивал сборища по вечерам на открытом воздухе при свете горящих факелов. Миллионы плакатов покрывали стены домов в городах. Вся нацистская пресса объединилась под его единым командованием. Он лично следил за тем, как журналисты освещают его митинги, и по утрам во всех нацистских газетах по всей стране появлялись репортажи-близнецы. Нераспроданный тираж раздавался бесплатно. Пятьдесят тысяч экземпляров нацистских газет превратились в полмиллиона.

14 сентября на выборы пошло беспрецедентное для Германии число избирателей. Они часами простаивали в очередях перед избирательными участками. Очевидно, многие из них пришли голосовать впервые в жизни.

К вечеру были подведены первые итоги. Разумеется, они не были окончательными и показали некоторое увеличение голосов, отданных за нацистов, что, впрочем, никого не удивило. Правительство к тому времени уже убедилось, что первоначальное предсказание Геббельса – сорок мест в новом рейхстаге – сбывается.

Ночью потоком поступали результаты дальнейшего подсчета голосов. Внезапно люди, ждавшие у радиоприемников, члены кабинета на Вильгельмштрассе, нацистские лидеры, сгрудившиеся вокруг Геббельса, – все вдруг узнали о победе нацистов, похожей на лавину.

В 1928 году в Восточной Пруссии нацисты собрали 8000 голосов, теперь – 253 000. Во Франкфурте-на-Одере урожай вырос с 8200

голосов до 204 000, в Померании – с 13 500 до 236 000, в Бреслау – с 9300 до 259 000, в Тюрингии – с 20 700 до 243 000, в Кельне – с 10 600 до 169 000, в Лейпциге – с 14 600 до 160 000, в Гамбурге – с 17 800 до 144 000. А в Великом Берлине прирост был с 50 000 до 550 000.

Это было как гром с ясного неба. Чиновники снова и снова перепроверяли отчеты в поисках возможной ошибки. В правительственной штаб-квартире некоторые высокопоставленные лица были настолько потрясены, что выпили лишнего и делали не совсем благоразумные заявления прессе. Но цифры были верны. Восемнадцать процентов всех принявших участие в выборах, то есть 6 400 000 человек, отдали свои голоса нацистам. Гитлеровская партия стала второй по влиятельности в рейхе (при все еще сохранявших лидерство социал-демократах), и в новом рейхстаге теперь ее должны были представлять 107 депутатов. Это был невиданный успех. Вряд ли во всем мире найдется политическая партия, которая сумела бы за два года увеличить свое представительство в десять раз.

На следующее утро репортеры всех газет ринулись в берлинскую штаб-квартиру нацистов. Они жаждали взять интервью у шефа пропаганды, которого справедливо считали виновником торжества. Впервые ненацистская пресса захотела узнать мнение Геббельса. Но он ограничился несколькими краткими заявлениями, сказав, что не располагает временем для газетчиков. «Сражение едва началось, – сухо изрек он. – Вернее, оно еще и не начиналось. Я только что отдал указание готовиться к грядущим событиям».

И он удалился, чтобы продиктовать статью под названием «107».

6

В тот день многим пришла в голову мысль, что Гитлер предпримет новый путч. Правительство после выборов пребывало в растерянности, так что переворот мог бы удался. Но Гитлер не сделал ничего подобного, а десять дней спустя, во время процесса над тремя армейскими офицерами в верховном суде Лейпцига, поклялся, что будет оставаться в рамках законности.

Геббельс по-своему интерпретировал гитлеровскую «законность». «Конституция не определяет цель политического развития, а лишь диктует средства ее достижения, – писал он. – И в рамках таких ограничений любая политическая цель становится достижимой...

Сама по себе революционная цель не есть метод. Человек может сражаться на баррикадах, но быть реакционером. Он может сражаться, используя законные конституционные методы, и при этом его цели будут оставаться революционными».

Внешняя сторона жизни Геббельса изменилась после успеха. Он перенес штаб гауляйтера в лучшее помещение на Хедеманнштрассе, 10. Всем, кто приходил к нему, он охотно объяснял, что во время войны в этом офисе располагался Вальтер Ратенау – да-да, тот самый Ратенау, чьи книги он некогда с восхищением штудировал и чьих убийц он потом возводил в герои, один из самых видных деятелей послевоенной Германии. Бывшая штаб-квартира Ратенау была своего рода историческим местом, и Геббельс видел иронию судьбы в том, что именно он теперь переехал туда.

Результаты успеха партии были налицо. Продажа «Майн кампф» шла в гору. Известные американские и английские корреспонденты брали интервью у Гитлера. «Ангрифф» стала ежедневником. Если Геббельсу требовались деньги, ему стоило только позвонить партийному казначею, и тотчас же появлялся подписанный чек. Многие толстосумы были готовы раскошелиться, чтобы, пока не поздно, вступить в партию.

Филиалы Геббельса в Мюнхене были все же побогаче, чем его штаб-квартира в Берлине. Но в мюнхенском клане его так и не признали своим. Он оставался неукротимым и агрессивным, как и прежде. Ни больших сигар, ни выпивки. Его вывела из себя статья в небольшой газетенке, где Геббельса изобразили изнеженным и разленившимся буржуа. Геббельс взорвался: «Клевета! Они лгут!» Он приказал полностью перепечатать статью и снабдил ее собственными комментариями.

«Личная жизнь Геббельса... Он живет в роскошных апартаментах в Шарлоттенбурге (апартаменты вовсе не роскошные и вовсе не в Шарлоттенбурге, а в Штеглице). Он все еще холост (единственное верное замечание во всей статье). Но уже ходят упорные слухи, что он станет зятем товарища по партии господина Кунце (прелестно! У Кунце нет дочерей). Отношение к прекрасному полу у великого маленького доктора в основном платоническое (правильно!). Городской шум не тревожит его в фешенебельных покоях из шести

комнат (они не фешенебельные, а комнат, увы, всего две)». И далее в том же духе. Видимо, репортер задел его за живое.

Рейхстаг собрался 13 октября. Геббельсу пришло в голову, что день, когда взоры всей страны будут прикованы к Берлину, прекрасно подходит для какой-нибудь эффектной выходки. Он разработал план вместе с графом Вольфом фон Хелльдорфом, беспутным отпрыском благородного семейства, шантажистом и игроком, который стал новым командиром берлинских штурмовиков. В тот самый час, когда сто семь нацистских депутатов вступали в рейхстаг, тысячи штурмовиков в гражданской одежде били окна и витрины в магазинах и предприятиях, принадлежавших евреям. Когда его спросили, не он ли стоял за бесчинствующими молодчиками, Геббельс с негодованием ответил, что он совершенно ни при чем. Через три года он без зазрения совести признается в том, что был главным подстрекателем.

Другая возможность попасть в заголовки газет представилась, когда на экраны вышел американский фильм по роману Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен». Геббельс уже давно сделал Ремарка объектом нападок: тот был пацифистом, и его книги выходили в издательстве, принадлежавшем еврею. Но главная причина заключалась в том, что, ругая бестселлер^[29], Геббельс без усилий привлекал к себе внимание. Та же причина побудила Геббельса обрушиться на кинокартину.

Вот как описывает случившееся один из друзей Геббельса^[30].

«На другой день после премьеры мы сидели в штабе Геббельса на Хедеманнштрассе. Доктор Геббельс раздавал указания. За несколько минут он набросал план, который должен был наделать шуму далеко за Берлином. «Но как мы раздобудем столько билетов на вечерний сеанс?» – спросил кто-то. Геббельс поднялся и щелкнул пальцами. Несколько телефонных звонков, и билеты у нас. Через полчаса они уже розданы нужным людям. В тот вечер кинотеатр был полон нацистов...

Остальное вам известно. Несколько выпущенных белых мышей неприятно взбудоражили публику. Газовые гранаты распространяли зловоние. Зал охватила паника. Вызвали полицейских, те обыскали все и не знали, что делать дальше. Арестовать кого-либо за нарушение порядка было невозможно. Зрители дружно требовали продолжить показ фильма».

Как бы то ни было, но из-за снующих по полу мышей и ужасной вони представление пришлось отменить. Геббельс сам продиктовал материал для утреннего номера «Ангрифф». Он сам присутствовал в зале и запомнил все подробности. В итоге прокат фильма во всей Германии оказался под угрозой.

Берлин смеялся, а Геббельс надеялся, что последним будет смеяться он. Но через несколько месяцев выяснилось, что он ошибался. В марте 1931 года в «Ангрифф» был опубликован короткий рассказ о боевых действиях в период Первой мировой войны. Его прислал неизвестный корреспондент, а редактор, посулив тому известность в будущем, пропустил рассказ в печать.

Уже на другой день либеральные берлинские газеты сообщили, что рассказ «неизвестного корреспондента» переписан слово в слово из знаменитой книги Ремарка. На этот раз Геббельсу крыть было нечем.

Но обычно шеф пропаганды не лез в карман за словом. В те дни он нуждался в красноречии, как никогда раньше. 10 февраля 1931 года нацистские депутаты покинули рейхстаг, и Геббельс, утратив парламентскую неприкосновенность, сразу же оказался втянут в множество судебных разбирательств. Среди всего прочего ему пришлось защищаться от обвинения в организации еврейских погромов 13 октября и давать показания под присягой.

«Положение было довольно скверное, — вспоминал он позднее. — Лжесвидетельствовать напропалую было нельзя, так как хватало очевидцев, способных открыть правду. С другой стороны, также было нельзя признаваться, что я сыграл в событиях не последнюю роль, иначе я оказался бы за решеткой. У меня оставался единственный выход».

Ему оставалось одно — притвориться невменяемым. Он кричал на судью, на прокурора, клеветал, разыгрывал безобразные сцены, от которых у присутствовавших волосы вставали дыбом. В конце концов судья приговорил его к штрафу в двести марок за оскорбление суда. Зато Геббельс добился своего: его освободили от необходимости свидетельствовать под присягой. А кроме того, о нем опять писали в газетах.

В марте 1930 года Генрих Брюнинг заменил социал– демократа Германа Мюллера на посту рейхсканцлера. Он любил предаваться воспоминаниям о тех временах, когда он в чине капитана участвовал в войне. Не без гордости он также подчеркивал, что находился в оппозиции к революционным событиям 1918 года. Он был честен и добр по натуре, однако не имел представления о том, как остановить упадок экономики и растущие радикальные настроения в массах. Его заботило одно – сбалансированный бюджет. Для этого следовало урезать расходы, что означало сокращение аппарата чиновников, и заморозить субсидии, что вело к росту безработицы и, следовательно, побуждало людей примкнуть либо к нацистам, либо к коммунистам. Капиталисты всерьез встревожились и начали переводить деньги за границу, что, в свою очередь, тоже вело к закрытию предприятий и увеличению числа безработных.

Экономический кризис принимал всеобщий характер. В мае 1931 года лопнул «Остеррайхисхе кредитенштальт», один из крупнейших банков Европы, контролировавшийся венским семейством Ротшильд. Германию и Австрию охватила паника. Встревоженные инвесторы отзывали иностранные кредиты, началось бегство из банков. Гинденбург взывал к президенту США Гуверу, который предложил Франции и Англии объявить для Германии годичный мораторий. Тем не менее депрессия усиливалась. 13 июля закрылся банк Якоба Гольдшмидта, двадцать четыре часа спустя его примеру последовали все другие немецкие банки. То же произошло с берлинской фондовой биржей. Гиганты немецкой экономики были повержены.

Страну захлестнуло отчаяние. Люди боялись, что инфляция превратит в ничто их сбережения. Брюнинг не мог придумать ничего лучшего, чем снова экономить. Его пугала грядущая зима, которая, по его признанию, должна была стать «худшей за истекшее столетие». К середине сентября стало ясно, что вскоре без работы окажутся по меньшей мере шесть миллионов немцев. Из Соединенных Штатов приходили известия, что число безработных вот-вот перевалит за десять миллионов. Банк Англии отменил золотой стандарт.

Человечество трепетало. Геббельс был преисполнен оптимизма. Он чувствовал, что появился Шанс. Летом он заявил, что удвоит число членов партии, и сдержал обещание. Теперь нацистская партия насчитывала миллион человек, и заявления о приеме шли ежечасно.

Чем хуже становилось при Брюнинге, тем легче было убедить людей голосовать за Гитлера. Чем мрачнее прогнозы, тем с большей яростью будут искать выход массы.

Берлинская либеральная газета «Берсенкурьер» верно поняла, что представляет собой Геббельс. «Вы не правы, если думаете, что Геббельс руководствуется известным изречением «После нас хоть потоп». Он его переиначил и читает так: «После потопа мы!»

Геббельс подводил людей к мысли, что им не на что будет надеяться, если у власти останется Брюнинг. «Они вложили вам в руку камень вместо хлеба, – писал он. – Пять миллионов немцев уже без работы, а зимой их станет, по словам канцлера Брюнинга, семь миллионов (для внушительности Геббельс увеличил оценку Брюнинга на миллион). Вы все, мужчины и женщины, останетесь без работы и без надежды, и самое глубокое отчаяние овладеет вами...»

Все, что нацистская пропаганда должна была делать в крайне тяжелом кризисном положении, это раздавать обещания. И Геббельс их раздавал – всем подряд, невзирая на классовую принадлежность и род занятий. Очень часто он впадал в противоречия. Так, например, хозяевам доходных домов он говорил, что арендная плата повысится, а жильцам – что снизится, крестьянам – что цены на зерно вырастут, а рабочим – что хлеб подешевеет. Но люди не обращали внимания на то, что одни его обещания плохо согласуются с другими. Они были благодарны даже за призрак надежды.

Неужели Германия уже созрела для того, чтобы угодить в лапы к нацистам? Неужели дело уже зашло слишком далеко? В октябре рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург дал аудиенцию Адольфу Гитлеру. Фюрер не произвел на него большого впечатления. Гинденбург счел его излишне болтливым. По его словам, в лучшем случае Гитлер мог бы претендовать на должность начальника почтового ведомства.

Страхи отступили, люди вздохнули с облегчением. Многим казалось, что Гитлер ничего не добьется. Однако Яльмар Шахт именно теперь стал налаживать тесную связь с Герингом и Геббельсом. Он им внушал, что для пессимизма нет оснований. Время работает на них, утверждал он.

Так оно и было. Со дня на день положение ухудшалось, голодными массами овладело отчаяние.

Именно в те мрачные дни Геббельс женился.

8

Магда, высокая, стройная и очень яркая блондинка, была дитя неудачного брака. Ее отец, герр Ричель, отличался большой ученостью и слыл знатоком буддизма и восточных языков. Он отдал дочь в один из монастырей в Бельгии, где она научилась бойко говорить по-французски и по-английски. Мать Магды, весьма привлекательная женщина, происходила из семьи среднего достатка, и ее более всего беспокоило материальное благополучие. Она бросила Ричеля ради некоего Фридлендера, берлинского бизнесмена и еврея по национальности, с которым у Магды сложились очень хорошие отношения. Второй брак тоже оказался неудачным, а потому она ушла от Фридлендера и снова вышла замуж – за господина Берендта, с которым в конце концов тоже развелась.

Ей принадлежал небольшой парфюмерный магазинчик, который достался ей от Фридлендера и которым она сама управляла. Как-то раз, в 1917 году, во время короткого отдыха мать и дочь познакомились с Гюнтером Квандтом. Тот был процветающим промышленником и прекрасно выглядел для своих сорока с лишним лет. Он пригласил их покататься в его автомобиле. В итоге он потерял голову от восемнадцатилетней Магды и сделал ей предложение. Значительная разница в возрасте между ними породила в матери некоторые сомнения, но Магда согласилась. Она соблазнилась его социальным положением и состоянием, которым она будет владеть как супруга Квандта. Когда они поженились, ей было девятнадцать лет.

Она переехала в виллу из двадцати двух комнат в Бабельсберге, фешенебельном пригороде Берлина^[31]. Квандты жили на широкую ногу и принимали у себя только сливки общества. После войны они не раз путешествовали в Соединенные Штаты, французскую Ривьеру и Париж. Под влиянием мужа она заинтересовалась политикой. Он придерживался реакционных взглядов и был ярким антисемитом. Впрочем, для богатых евреев он делал исключение.

От первого брака у Квандта было двое сыновей: Герберт и Гельмут. Магда полюбила их. Сама она родила сына Харальда 1 ноября 1921 года. Вскоре после этого старший сын Квандта отправился в Нью-Йорк. На обратном пути, когда он остановился в Париже, его

госпитализировали с острым аппендицитом. Магда поспешила к нему, и он скончался у нее на руках. Позже поговаривали о том, что их отношения были далеко не невинными.

Как бы там ни было, Магда не нашла счастья в браке. Ее мать оказалась пророчицей – сказала разница в возрасте. Однажды Квандт застал супругу с молодым студентом в недвусмысленной обстановке. Он напрямик сказал ей, что требует развода и что она не получит ни гроша.

Оказавшись в затруднительном положении, Магда не растерялась. Она вспомнила, что Квандт держит дома какие-то бумаги. Вернувшись в Бабельсберг, она перерыла весь дом и нашла документы, которые доказывали, что муж уклонялся от уплаты налогов. В последовавшем затем разговоре у Магды уже были некоторые козыри, и Квандт согласился выплатить ей единовременно пятьдесят тысяч марок, предоставить ежемесячное денежное содержание в четыре тысячи марок вплоть до ее нового замужества и обеспечить ее жильем^[32].

Развод завершился в 1929 году. Магда обосновалась в апартаментах в западной части Берлина и стала вести жизнь красивой, элегантной, обеспеченной и свободной женщины. Но вскоре такое времяпрепровождение ей наскучило. Среди ее поклонников были финансисты, поддерживавшие Гитлера, нацистская партия вошла в моду, берлинские аристократы из числа реакционеров находили, что нацисты «примечательные и нестигаемые люди». Взять хотя бы к примеру доктора Геббельса. У него необыкновенный характер.

Кто-то из приятелей предложил Магде ради развлечения поработать на нацистов. Она отнеслась к предложению не слишком серьезно, но несколько часов в неделю – почему бы и нет? Мысль показалась ей забавной, и она отправилась в их штаб-квартиру, где ее приняли очень приветливо. В тот же день она увидела Геббельса.

Он пробудил в ней интерес. Никого даже отдаленно похожего на него она не встречала. Ей захотелось узнать о нем побольше. Магда пошла в «Шпортпаласт» послушать его, и он ее заворожил. Он выглядел потрясающе энергичным, храбрым, стойким и в то же время полным тонкой иронии. Он привлекал ее намного больше, чем богатые дельцы и скучающие аристократы, которые обычно бывали у Квандта. Теперь перед ней был еще молодой и по-юношески очаровательный мужчина с колоссальным интеллектом.

Демонический, словно искрящийся образ Геббельса захватил ее воображение. Как и многие другие женщины, она вдруг почувствовала, что он подавляет ее волю.

Геббельс, вопреки сложившемуся мнению о нем, к тому времени стал *homme à femme* – ловеласом. Его нельзя было назвать красавцем в общепринятом смысле слова. Но женщин привлекали его резкие аскетические черты лица, выразительные глаза, блестящие черные волосы, тонкие нервные руки. Помимо всего прочего, его голос был инструментом, из которого он мог исторгнуть любую мелодию. Голос мог звучать то ласково и нежно, то резко, словно удар хлыста. Его едва заметная хромота служила дополнительной приманкой – женщины находили, что она делает его «интересным».

Вначале Геббельс не обратил внимания на Магду. Но в штабе нацистов она приглянулась едва ли не каждому, и о ней стали говорить. Она была молода, красива и богата – в отличие от других женщин, работавших там. Кто-то из мелких служащих сделал ей нескромное предложение, и она дала ему пощечину. После этого случая Магда решила, что ее ноги у них больше не будет.

Геббельс услышал об инциденте и попросил ее зайти к нему. Он явно наслаждался ее смущением и заставил ее припомнить все неприятные подробности. В конце концов он убедил ее остаться и перевел в архив, где работа была более приятной.

Он взял себе за правило изредка заходить к ней в служебную комнату. Первое время их разговоры касались только политики, потом они перешли на темы, касавшиеся лично их. Она чувствовала, что его интерес к ней растет и что он пытается произвести на нее впечатление. Позже она признается, что отдалась бы ему сразу, попроси он об этом. Но он не просил. Напротив, он вдруг находил благовидный предлог, уходил и не появлялся днями. Потом игра возобновлялась, но в последний момент Геббельс всегда ретировался.

Дело было в том, что Магда внушала ему страх. Она представляла собой все то, чего он никогда не знал: блеск, общество, богатство. Он, не знавший робости перед толпой, не решался пригласить ее на обед из опасений, что оденется не так, как следует, и будет вести себя не так, как подобает себя вести в тех местах, где она часто бывала. Рядом с ней он был по-детски неуверенным. Однажды в ресторане она заказала омара, а он – незатейливый шницель по-венски. Много позже

он признался, что просто-напросто не знал, как управляться с омарами, и предпочел «безопасный» вариант.

Ему стало казаться, что она ускользает из-под его власти. Впервые со времен Фрайбурга и Гейдельберга он встретил женщину, заставившую его почувствовать свою неполноценность, и он взбунтовался. Он постоянно ждал от нее подвоха и, чтобы избавиться от неуверенности, стал обходиться с Магдой резко и даже оскорбительно. Магду, которая не поняла причины, такая перемена задела. Поэтому летом 1931 года она забрала маленького сына и уехала на взморье, пытаясь избежать того, что считала преднамеренным унижением.

Через десять дней к ним присоединился Геббельс. Он хотел объяснить свое странное поведение, уговаривал ее понять, что он слишком занят политикой и что у него почти нет времени на личную жизнь. А закончил признанием, что не может без нее жить.

Впервые после неудачного романа с Анкой Гельгорн он почувствовал себя любимым. С ее состоянием и положением она могла бы найти себе лучшую партию, чем Геббельс, у которого не было ни гроша за душой. Но Магда не искала выгоды в любви к нему. Когда он, наконец, сделал ей предложение, прозвучало оно несколько странно. Он сказал, что любит ее и будет счастлив жениться на ней, что хочет, чтобы она стала матерью его детей и «властительницей его жизни», но он, со своей стороны, не может ей поклясться в вечной верности. Смогла ли она понять и оценить его откровенность?

Магда сама не знала, хорошо ли она его поняла и можно ли принимать всерьез его последние слова. Но в ту минуту для нее ничто не имело значения, ничто, кроме Геббельса, кроме ее мужчины.

Мать ужаснулась, узнав о ее решении. Выйдя замуж за Геббельса, ее дочь теряла ежемесячное содержание. Геббельс получал всего девятьсот марок в месяц (четыреста как гауляйтер, и пятьсот как депутат рейхстага). Но только аренда квартиры, где жила Магда, будет стоить пятьсот. Когда ей не удалось отговорить дочь, на помощь был призван герр Ричель. Тот сказал жестко и прямо: по его мнению, Геббельс был и останется никчемным горластым агитатором, он не пара его дочери.

Магда указала отцу на дверь и велела больше никогда не появляться. Даже в более поздние годы, когда он просил разрешения

посмотреть на внуков, она оставалась глуха к его мольбам. Матери она объяснила: «Я знаю, что делаю. Если нацисты придут к власти, я буду обеспечена всем. А если придут коммунисты, я и так все потеряю».

В конце 1931 года они поженились. Бракосочетание состоялось в мекленбургском поместье Гюнтера Квандта. Шафером был сам Гитлер. Мать Геббельса просила его венчаться в католическом храме, но к этому имелись препятствия, поскольку Магда была разведенной женщиной. Геббельс обратился за разрешением к епископу Берлина, но бесцеремонный тон его письма практически испортил все дело. Не получив ответа через три дня, Геббельс сообщил епископу, что обойдется и без его благословения. Впрочем, он обходился без него всю жизнь.

Глава 5

Последний рывок

1

До конца 1931 года не произошло ничего, что помогло бы нацистам извлечь из победы на выборах практическую выгоду. Геббельс задавался вопросом, сколько им еще осталось ждать. У партии опять начались финансовые трудности. Но теперь речь шла не о нескольких тысячах марок. Громадная пропагандистская машина Геббельса пожирала сотни тысяч, а штурмовые отряды – миллионы марок. До сих пор Геббельс не беспокоился, так как их известность ширилась, и дело того стоило. Но теперь ему стало тревожно. «Берлинская полиция приостанавливала выпуск газеты более десяти раз за неполный год. Иными словами, газета на грани банкротства, а пером невозможно защитить себя от произвола и беззакония».

И тут Геббельса посетила мысль, которая показалась ему прекрасным выходом. По конституции президент рейха избирался каждые восемь лет, и срок Гинденбурга подходил к концу. Канцлер Брюнинг надеялся, что Гинденбурга переизберут подавляющим числом голосов. Гитлер и большинство его соратников не верили в успех. Зато, вступив в коалицию с престарелым президентом, они могли надеяться на некоторые взаимные уступки. Дело уже было почти решено, когда вмешался Геббельс. Он доказывал, что нацистам

нельзя упустить случай и показать свою растущую мощь. Практически в одиночку он убеждал Гитлера пойти против Гинденбурга. Точно так же, в одиночку, он убеждал мюнхенцев в том, что победа над дряхлым фельдмаршалом вполне достижима.

Несколько недель Гитлер колебался, но к 19 февраля он созрел.

Гитлер позволил Геббельсу объявить о решении на очередном массовом митинге в «Шпортпаласте» 22 февраля. «В течение часа я подготавливал аудиторию. Затем я провозгласил, что фюрер будет баллотироваться в президенты. Толпа пришла в восторг, и следующие десять минут превратились в непрерывное чествование фюрера. Все вскочили с мест и кричали от ликования. Казалось, что рухнет крыша».

На другой день Геббельс опять бранил газетчиков. «Они утверждают, что я сам выдвинул кандидатуру фюрера или даже заставил его стать претендентом! Они ничего не знают!» На самом деле газетчики были далеко не невеждами. Геббельс в одиночку вовлек Гитлера в избирательную кампанию, и Гитлер это понимал. Так что у Геббельса были все основания тревожиться о последствиях, если дела фюрера примут дурной оборот.

2

Геббельс засучил рукава и взялся за дело. Если прочесть его книгу «От «Кайзерхофа» до рейхсканцелярии», то может сложиться мнение, что он поставил себе целью не добиться избрания Гитлера, а продемонстрировать всем мощь своей машины. «У меня возникло желание сделать из кампании того года шедевр пропагандистского искусства, – писал он. – Мы творили чудеса нашими плакатами, наша агитация работала безукоризненно. Вся страна сидела и слушала».

Плакатам уделялось особое внимание. «Я в подробностях объяснил фюреру наш пропагандистский план. Надо было выиграть предвыборную борьбу большей частью за счет плакатов и речей. Наши финансовые ресурсы были ограниченными...» Когда он готовил плакаты, его терзали головные боли. Он рассказывал американскому журналисту Эдгару Анзелю Моуреру, что иной раз с трудом мог подыскать пару слов для текста на хороший плакат.

Из четырех кандидатов в президенты как лидер коммунистов, так и ставленник крайне правых участвовали в гонке ради участия. С

самого начала разгорелась борьба между Гитлером и Гинденбургом. По конституции требовалась победа абсолютным большинством, в противном случае назначались перевыборы.

Как часто бывало и прежде, Геббельс возлагал надежды на публичные выступления. В последние две недели предвыборной кампании он выступал по три раза за вечер в разных местах. Главным его соперником был канцлер Брюнинг, впадавший в религиозный экстаз при имени Гинденбурга. «Только раз в сто лет Господь посылает нации такого человека, как Гинденбург», – вещал он, прекрасно сознавая, что Гинденбург – выживший из ума старик.

Вот как Геббельс вспоминает день выборов 13 марта: «Все верили в нашу победу, один я был настроен скептически». Он покривил душой: будь он скептичен, то не позвал бы к себе стольких гостей, чтобы отметить победу. Но к десяти часам сомнений уже не осталось. «Мы потерпели поражение. Ужасная перспектива! Наша ошибка заключалась не в том, что мы неверно оценивали свои шансы, а в том, что мы недооценили шансы противника. До абсолютного большинства им не хватило всего сотни тысяч голосов. С сентября 1930 года мы увеличили число своих сторонников на восемьдесят шесть процентов – и что толку? Члены партии пали духом...»

Но более всех пал духом сам Геббельс. Его охватила паника. Фюрер не ввязался бы в борьбу, если бы он не настаивал. А что будет, если Гитлер потребует его к ответу за подрыв авторитета? Сначала он даже не осмелился позвонить в Мюнхен и спросить, как воспринял известие Гитлер. Вместо этого он связался с людьми Брюнинга, чтобы выяснить, можно ли еще прийти к соглашению.

Настала полночь. Гинденбург получил 18 661 000 голосов, Гитлер – 11 338 000, коммунисты – почти 5 000 000, крайне правые – 2 500 000. Наконец Геббельс позвонил в Мюнхен. Он решил посоветовать Гитлеру признать победу Гинденбурга. Хотя тот и не набрал абсолютного большинства, но будущие перевыборы, по мнению Геббельса, будут чистой воды проформой. Почему же не отступить с достоинством?

Но это был тот случай, когда Гитлер доказал, что он по праву стал фюрером партии. Он один сохранял спокойствие и заявил, что не откажется от борьбы. Услышав его голос, Геббельс вновь обрел самообладание.

Готовясь к новому этапу кампании, он уяснил, где его пропагандистский механизм дает сбой, и сосредоточился на устранении недостатков. Под его контролем находились всего 120 из 976 газет Германии, и никто лучше его не знал, насколько несовершенной была их манера подавать материалы. «Реорганизация прессы нам нужна, как хлеб насущный», – записал он 13 января.

Он собрал всех своих работников и потребовал коренных улучшений. «Мы должны набраться мужества и извлечь опыт из наших ошибок. Никому не нравится признавать собственные промахи, но без этого мы не сдвинемся с места. Я должен держать их в руках, а они обязаны подчиняться и стараться всюю», – писал он.

Новая запись о том же через несколько недель: «Основной упор в нашей работе будет сделан на агитацию. Наша техника должна быть усовершенствована до предела. Путь к победе лежит через самые современные методы».

Его посетила блестящая мысль. Он зафрахтовал самолет для Гитлера, что позволяло фюреру «выступать три–четыре раза в день на площадях и стадионах... чтобы не терять время и чтобы его смогли услышать полтора миллиона людей». Он собрал лучших нацистских журналистов для освещения турне Гитлера и выработал для них график сдачи материалов в режиме военных корреспондентов.

Геббельс дрался до последнего. Гинденбург снова победил, набрав более 19 миллионов голосов, но и результат Гитлера – 13 417 000 – показывал, что его звезда еще не закатилась.

На другое утро Геббельс уже разворачивал новую кампанию, на этот раз предстояли выборы в ландтаги других земель (в том числе в Пруссии и Баварии). Выборы должны были состояться уже через две недели. Геббельс выступал по три раза за вечер, находя еще время раздавать указания сотням других ораторов. Чтобы попасть на первые полосы, он задумал устроить публичные дебаты с рейхсканцлером Брюнингом, но тот отказался выйти с ним на одну трибуну. Тогда шеф нацистской пропаганды воспроизвел запись радиовыступления Брюнинга в Кенигсберге. Время от времени Геббельс останавливал запись, чтобы возразить своему незримому оппоненту. «Публика сходила с ума. Успех был потрясающий», – писал он. И вот запись следующего дня: «Печать только и говорит, что о нашей словесной дуэли в «Шпортпаласте». До чего же тупы евреи. Вместо того чтобы

молчать обо мне, они раскудахтались, будто я украл интеллектуальную собственность Брюнинга и что правительство подаст на меня в суд!»

С технической точки зрения кампания была проведена блестяще, в ритме крещендо от одного этапа к другому. Геббельс выдавал одну за другой тысячи идей, и все они были направлены на то, чтобы усилить воздействие на людей, пробудить в них еще больший энтузиазм. Геббельс производил оглушающий шум, но сказать ему было практически нечего. Сила его механизма легко подавляла всех прочих, за его трезвомом уже никто не мог разобрать, что говорят другие. С полной уверенностью можно утверждать, что Геббельс знал свою аудиторию. Небывало грубый уровень его кампаний очень хорошо показывает, что он думал об интеллекте обывателей.

Так о чем же говорил Геббельс эти месяцы? О том, что у них дурное правительство, что оно не может восстановить порядок, не говоря уж о том, чтобы добиться процветания. Это было верно. Но вдвойне верно было то, что штурмовые отряды не позволят разрушить порядок, каким бы он ни был.

Речи, речи и опять речи. За последнюю неделю перед выборами в ландтаги Геббельс произносил по четыре речи каждый день. «Я мог ограничиться несколькими словами, и все были довольны». Он заболел гриппом и выступал с высокой температурой.

Еще одна победа нацистов. В баварском ландтаге они получили 43 места против 9 прежних, в Пруссии – 162 против 9, в Вюртемберге – 23 против одного. В целом за нацистов проголосовало больше немцев, чем в сентябре 1930 года во время «лавины».

3

Даже после окончания предвыборных кампаний Геббельс не мог перевести дух. Шла непрерывная борьба. В рейхстаге депутаты от национал-социалистов устроили побоище, и туда, чтобы навести порядок, явился сам заместитель комиссара полиции Бернхард Вайс. Увидев его, Геббельс закатил истерику. «Сгинь, Изидор!» – завопил он фальцетом.

В прусском ландтаге сто шестьдесят депутатов-нацистов подрались с восьмьюдесятью коммунистами. В ход пошли столы, стулья и чернильницы. «Мы пели «Хорста Весселя», – торжественно говорил Геббельс. – Это всего лишь предупреждение. Это всего лишь

способ заставить нас уважать. Зал выглядел как после опустошительного набега. Но победа была за нами».

Он был настолько горд, что тотчас же позвонил фюреру, чтобы сообщить ему хорошие вести. «Он в восторге! – записал Геббельс на другой день после того, как Гитлер заставил его снова и снова пересказывать «новость». – Я должен был доложить во всех подробностях, и он от удовольствия потирал руки. Политическое значение инцидента трудно переоценить».

На какое-то время отряды СА были запрещены в Берлине, и Геббельс надеялся, что подвернется случай устроить беспорядки, он чуть ли не из кожи лез. «Вечером я зашел в большое кафе на Потсдамерплац в компании пятидесяти бойцов СА. Невзирая на запрет, они были при полной форме, и мы рассчитывали, что события будут развиваться бурно. Как было бы приятно, если бы явилась полиция, чтобы их арестовать... К сожалению, они не удостоили нас такой чести. Мы спокойно прошествовали через Потсдамерплац на Потсдамерштрассе. Полицейские сначала изумленно вскидывали брови, а потом стыдливо отводили глаза».

Намного больше повезло Геббельсу со студентами Берлинского университета. Они возмутились тем, что рядом с ними учатся евреи, и потребовали изгнать их. Берлин был потрясен. Ничего подобного никто не мог припомнить.

Тем временем борьба с Брюнингом продолжалась с нестихающей яростью. «Мы должны свергнуть его во что бы то ни стало». И он действительно был свергнут, но не из-за происков Геббельса, а благодаря человеку, которого Брюнинг, не жалея сил, защищал как очередного рейхс— президента, — из-за фельдмаршала фон Гинденбурга. Старик, стараясь покрыть своих приятелей-юнкеров, которых канцлер хотел привлечь к ответственности за разбазаривание общественных фондов, объявил ему о своем недоверии. Брюнинг подал в отставку.

Уже через четыре часа после этого Гинденбург принял Гитлера и Геринга, чтобы сообщить им новость, которую они уже и так знали. Старый рейхспрезидент сказал, что новым канцлером будет назначен Франц фон Папен и что он надеется на их с Гитлером взаимопонимание. Гитлер в ответ пробормотал что-то невразумительное, а Гинденбург, не поняв его, довольно кивнул. Он был рад, что Гитлер не возражает.

О Франце фон Папене практически ничего не было известно. Он состоял в Католико-центристской партии, но не играл в ней равным счетом никакой роли. Он придерживался более правых взглядов, чем Брюнинг. Он был промышленником, и его дела процветали. Он был тесно связан с рурскими магнатами и имел влияние на владельцев стальных картелей. Как офицер в отставке, он был вхож в круг Гинденбурга. Президент питал к нему глубокое почтение.

Лишь один случай в его карьере получил изрядную огласку. Во время Первой мировой войны он, будучи военным атташе при посольстве Германии в Вашингтоне, занимался сбором информации и подрывной деятельностью в Соединенных Штатах. Однажды он оставил свой портфель в нью-йоркской подземке, из-за чего в руки американцев попали списки его агентуры. В результате его отозвали. Такая оплошность поставила бы крест на его политической карьере где угодно, но только не в Германии.

Геббельс пришел в ярость от назначения фон Папена. Их опять надули. Опять приходилось ждать, а время уходило. Экономический кризис, который так помог нацистам, теперь грозил им неприятностями, так как ущемлял интересы кругов, которые их финансировали. Некоторые компании, первоначально субсидировавшие движение, обанкротились. «И.Г. Фарбениндустри» была вынуждена вдвое сократить выплату дивидендов акционерам.

4

3 июня 1932 года рейхстаг был распущен еще раз. Новые выборы назначили на 31 июля. Геббельсу снова пришлось запускать свою пропагандистскую машину, нельзя было терять ни минуты. «Мы должны делать наше дело везде: когда стоим, идем, едем в машине или летим в самолете, – отметил он 1 июля. – Можно вести дискуссии везде: на лестницах, в коридорах, в дверях или по дороге на вокзал. Ни минуты на отдых. Мы облетим и исколесим всю Германию вдоль и поперек. Мы прибудем за полчаса до митинга, а может, и позже. Мы взойдем на трибуну и будем говорить.

Публике наплевать, что было с оратором до того, как он открыл рот. Ей станет скучно, если он будет не в форме, если в его речи не будет задора, если он не найдет нужных слов. А он все это время изнемогает от жары, пытается собрать воедино мысли. Акустика отвратительная, не хватает воздуха, голос становится хриплым. Но на другой день ушлые газетчики напишут, что оратор, к сожалению, «был вялым даже больше обычного»...

По окончании выступления вы чувствуете себя так, словно парились в бане в теплой шубе. Вы бросаетесь в машину, трясетесь еще два часа по скверным дорогам, прибываете на место в два часа ночи, до четырех обсуждаете партийные дела, а в шесть садитесь на

берлинский поезд. И тут болтливый сосед разбудит вас, чтобы дружеской беседой развеять вашу скуку...

Назад, в Берлин... Два дня я диктую тексты для плакатов, брошюр, статей. Я падаю с ног от усталости. А еще пишу речь для радио».

Иногда случалось даже так, что проявления народной любви, столь желанные в обычной обстановке, действовали ему на перевозбужденные нервы. Он вернулся с митинга смертельно усталый и рухнул в постель в надежде немного поспать. Но не тут-то было. «В восемь утра перед гостиницей выстроился хор девушек и отчаянно затянул старинные баллады. Не скажу, что я получил удовольствие».

Однако не всегда и не везде нацистов встречали радушно. Как-то вечером Геббельс проезжал через свой родной город Рейдт. «Негодяи перекрыли дороги. К счастью, было так темно, что мы проскользнули неузнанными. Коммунисты развесили плакаты с угрозами, что живыми мы оттуда не уйдем».

А утром «перед гостиницей собралась шумная толпа. Полиция не стала вмешиваться, заявив, что в ее обязанности не входит защищать оппозицию. Вот как обстоят дела в Германии... В конце концов нам пришлось вызвать отряды штурмовиков и СС, чтобы очистить улицы. Разумеется, они не стали церемониться. Наши люди рассвирепели не на шутку, и я был вынужден покинуть свой родной город как беглый преступник, осыпаемый проклятиями и презрением. Вслед мне летели камни».

9 июля 1932 года, выступая перед сотысячной толпой на самой большой берлинской площади Люстенгартен, Геббельс, наконец, решился взяться всерьез и за фон Папена. «Я прошу немецкий народ задуматься над последними четырнадцатью годами стыда и позора, упадка и политического унижения... Что изменилось за прошедшие несколько недель? Ничего! Единственное отличие лишь в том, что у тех, кто нами правит, теперь другие лица. А с экономикой дела обстоят по-прежнему – хуже некуда. Новое правительство не приняло никакой программы общественных работ. Нищета растет, и голодный не знает, где ему удастся поесть в следующий раз...»

31 июля состоялись выборы. Нацисты одержали свою самую крупную победу, более чем вдвое улучшив результат двухлетней давности. В новом рейхстаге они получили 230 мест – больше, чем

любая другая партия. Вторыми были социал-демократы со 133 мандатами, третьими – коммунисты с 89.

Даже он пришел к мысли, что это предел возможностей. «Теперь нам осталось все взять в свои руки, – писал он в дневнике 1 августа. – Надо сделать короткую передышку, чтобы укрепить позиции, а затем мы покажем, как мы умеем управлять». Через несколько дней он добавляет с угрозой: «Раз уж мы взяли власть, мы никогда ее не отдадим. Разве что нас вынесут отсюда вперед ногами».

5

После женитьбы Геббельс переехал в квартиру Магды в западной части Берлина. В 1932 году она превратилась в неофициальную штаб-квартиру партии. Гитлер, обычно останавливавшийся в отеле «Кайзерхоф» неподалеку от Вильгельмштрассе, проводил вечера у Геббельсов. Магда особо готовила для него что-нибудь вегетарианское. Гитлер приходил со своим другом Пуци Ганфштенгелем и адъютантами Брукнером и Шаубом. Почти ежедневно заезжали Геринг и граф Хелльдорф. Их водители ели вместе с прислугой на кухне. Геббельс также держал охрану из шести штурмовиков, постоянно болтавшихся в прихожей.

Домашние расходы выросли непомерно. Геббельс выдавал жене ежемесячно семьсот марок. Когда она сказала ему, что ей нужно по крайней мере тысяча двести, он был неприятно удивлен. И потом он часто напоминал ей, что в студенческие годы существовал на девяносто марок в месяц, так что ей вполне достаточно и семисот. Ему было прекрасно известно, семисот недостаточно, но ему хотелось ее помучить, потому что он сознавал ее правоту.

Она никогда не возражала ему. Она просто начала понемногу расходовать свой пятидесятитысячный капитал. Но с той поры Магда пыталась экономить на всем, на чем было можно. Вся прислуга была единодушна в том, что она была скупа до крайности и тратила на еду ровно столько, сколько необходимо, чтобы не умереть с голоду.

Даже после победы нацистов на выборах было еще неизвестно, насколько мудро поступила Магда, связав свою судьбу с ними, по крайней мере с точки зрения материального благополучия. Положение партии в некотором смысле стало менее прочным, чем ранее. Исход зависел от того, сумеют ли нацисты избежать серьезных ошибок в

последующие месяцы. Геббельс постоянно твердил об этом и советовал партийным бонзам быть поумереннее. Но штурмовики не хотели и слушать, они стали берсеркерами.

Годами Геббельс и другие вожди нацизма превозносили штурмовиков в своих речах. И это было необходимо, чтобы внушить почтение другим и поугатать правительство. Штурмовики оклеивали стены домов своими плакатами и сдирали плакаты своих противников. Если их хоть чем-то задевали, они дружно орали: «Пробудись, Германия!» и «Долой евреев!». Иногда они поливали транспаранты соперников особой жидкостью, которая самовоспламенялась по прошествии определенного времени. Неожиданно загоравшиеся на улицах костры привлекали сотни зевак и ставили в тупик полицию, а в целом являлись доказательством того, что полиция не в состоянии поддерживать порядок. Идея подобного трюка пришла в голову Геббельсу, а нацистские ученые разработали окончательную рецептуру и состав.

Если бы СА ограничились подобного рода «невинными развлечениями», Геббельс без колебаний одобрил бы их. Но они отбились от рук. Они выискивали на улицах людей с еврейской, на их взгляд, внешностью, которые далеко не всегда были на самом деле евреями, и избивали их. Бывали и смертельные случаи, покрывать убийц стало невозможно, и в конце концов штурмовиков стали недолюбливать.

Геббельс отдавал себе отчет в том, что сдерживать нацистских молодчиков после того, как их довели до точки кипения, задача почти невыполнимая. Он сам приложил для этого все усилия. Подобно ученику чародея, Геббельс не мог остановить вызванные им силы, как и предсказать их следующий шаг.

«Если возможность будет упущена, катастрофа неминуема, — писал он в день приезда Гитлера в Берлин. — Фюрер стоит перед трудным решением. Не обладая достаточной силой, он не может владеть ситуацией. А в таком случае он должен отказаться принимать на себя ответственность. И вследствие его отказа начнется сильнейший упадок в рядах нашего движения и среди наших сторонников».

Фон Папен предложил Гитлеру пост вице-канцлера в своем правительстве. Гитлер, разумеется, вынужден был ответить отказом.

Неужели они не понимали, что у него не было выбора? Неужели они не понимали, что человек, которого преподносили как полубога и спасителя, не может занять пост номер два? Во второй половине дня Гитлеру было велено предстать перед Гинденбургом. Фельдмаршал даже не предложил ему сесть. Он отчитал Гитлера за то, что тот не сдержал своего слова и не поддержал правительство фон Папена. Он обвинил его в желании узурпировать всю власть. И, не дав Гитлеру сказать ни слова в оправдание, выставил вон, как провинившегося лакея.

Больше всего Геббельса взбесило то, что его побили на его собственном поле. Все ведущие газеты опубликовали пресс-релиз рейхсканцелярии о встрече Гитлера с Гинденбургом. Гитлер выглядел как простофиля, которому сделали выволочку. Геббельс написал резкое опровержение, но было слишком поздно. Им нанесли непоправимый урон.

30 августа в первый раз собрался новый рейхстаг, в котором нацисты были самой представительной партией, и председателем должен был стать человек из их рядов. Выбор пал на Германа Геринга.

Геринг сразу же переехал в небольшой дворец напротив здания рейхстага. Чтобы добраться до рейхстага, ему даже не требовалось переходить улицу: между двумя зданиями был прорыт подземный тоннель.

6

Геббельс продолжал атаки на фон Папена и его правительство. «В своих редакционных статьях я вел огонь по тем, кто на самом верху. Если мы хотим сохранить партию в целости, мы опять должны разбудить самые примитивные инстинкты толпы», – писал он 4 сентября. Через три дня он произнес речь. «В зале яблоку негде было упасть. Я провозгласил лозунг: «Долой баронов!»

Но и Геббельс столкнулся с немалыми трудностями. Многие немцы стали подозревать нацистов в излишнем радикализме. С другой стороны, главари штурмовиков полагали, что партия действует слишком нерешительно. Боевиков из СА охватывало нетерпение. Большинство из них были либо безработными, либо теми, кто бросил работу в надежде, что скоро вся Германия окажется в их власти и тогда они начнут пожинать сладкие плоды победы. Некоторые командиры

штурмовых отрядов выходили из партии, создавали собственные организации и кричали о том, что Гитлер их предал. Геббельс угрюмо вопрошал: «Чем все это кончится?»

Положение фон Папена тоже было далеко не завидным. Самый бездарный в истории Германии канцлер ни у кого не пользовался поддержкой. Его круг состоял исключительно из гугенберговских промышленников и юнкеров. О том, как непрочно он сидит в своем кресле, стало ясно, когда в рейхстаге против него проголосовали 512 депутатов, а за него – только 42. «Самый громкий провал в парламенте, – записал Геббельс. – Фюрер сам не свой от радости».

Но Геббельс не радовался. Приближалась новая предвыборная кампания, и становилось более чем очевидным, что нацисты столкнутся с трудностями. «Эта кампания будет самая тяжелая. Партийная касса пуста. Предыдущие кампании съели все наши фонды», – признавался он 16 сентября. Но для тревоги были и другие поводы. «От слишком многих речей люди тупеют до бесчувственности... Наши противники надеются, что мы выдохнемся».

О финансовом положении партии можно было сказать, что она уже выдохлась. Для выравнивания годового бюджета требовалось от 70 до 90 миллионов марок. По самым скромным прогнозам, к выборам дефицит должен был вырасти до 15 миллионов марок.

Геббельсовские газеты находились не на должном уровне. «Сегодняшнее состояние не позволяет нам выполнить наши грандиозные задачи», – жаловался он 1 октября. А через три дня он добавит: «К этой кампании трудно подключать редакционные составы со стороны. Они все слишком добросовестны и работают слишком медленно».

Как бы там ни обстояло дело с «людьми, тупеющими от речей», ему опять пришлось прибегнуть к митингам и ораторам. «У нас лучшие агитаторы. И днем и ночью они находятся непосредственно в массах».

Геббельс вызвал лидеров всех других партий на политические дебаты. Но большинство из них уже были стреляными воробьями и не ответили на вызов. Лишь гугенберговской Немецкой национальной народной партии хватило смелости пригласить Геббельса на свой митинг. 19 октября он и двое гугенберговцев должны были выступить

с одной трибуны, а потом провести дискуссию. Ему представилась неплохая возможность, и он ее использовал наилучшим образом.

«После обеда я работал, а потом с волнением ждал начала сражения... В шесть тридцать позвонили и сказали, что перед местом предстоящего митинга творится бедлам. Народнопартийцы не справились, они оказались слишком слабы, чтобы удержать толпу. Тысячи наших людей запрудили улицы...

Сотни уже просочились в зал неведомо как. Народнопартийцы толпились у входа, потрясали билетами, но войти внутрь уже не могли. Председатель рвал и метал. Мог ли он подумать, что в зал набьются одни нацисты, которых он щедро оделил билетами?

Перед началом меня на плечах внесли восторженные парни из СА. Наши люди вопили так, что невозможно описать. Дебаты были выиграны, еще и не начавшись».

Председатель боялся, что толпа вздернет его на фонаре, если он помешает Геббельсу. Оба оратора, которые должны были вести дискуссию с Геббельсом, с трудом слышали сами себя. Наконец председатель взмолился и попросил Геббельса утихомирить аудиторию. «Я был вынужден встать рядом с оратором, чтобы он мог продолжить свою речь».

Тотчас же после митинга он отправился в редакцию «Ангрифф». «Мы отпечатали миллион экземпляров, так как опасались, что народнопартийцы пустят в ход свою мощную прессу и превратят нашу победу в поражение. В три часа мы закончили, а в шесть газета уже продавалась».

Речи, речи и опять речи. «Я говорил и говорил, говорил так много, что уже не помнил, где, как и когда». Но он знал, что, несмотря на все его усилия, партия потеряла до миллиона голосов.

«Национал-социалистическое движение оказалось в очень трудном тактическом положении, — писал он впоследствии об этом времени. — На предыдущих выборах мы собрали много голосов тех, кто поверил, что с победой партии они будут вознаграждены. Однако партия оказалась еще дальше от победы, чем прежде, и наши попутчики покинули нас».

Он был прав. Нацисты потеряли более двух миллионов голосов, что соответствовало тридцати четырем мандатам в рейхстаге. Они так и остались самой крупной партией, но все же их ореол непобедимости потускнел. Геббельс не пытался дурачить ни себя, ни друзей. «Нам нанесли ощутимый удар», – признавал он 6 ноября. Нацистам грозила катастрофа. «Отчет о финансовом положении выглядит совершенно безнадежно, – продолжил он 11 ноября. – У нас одни долги и обязательства, а после поражения достать значительную сумму денег нет никакой возможности».

За коммунистов проголосовало более шести миллионов немцев. Чтобы забрать себе их голоса, Геббельс продолжает наступление на «аристократов», собравшихся вокруг фон Папена. Одновременно он изо всех сил раздувает страсти вокруг «коммунистической угрозы». Не проходило и дня без того, чтобы толстосумам, финансировавшим Гитлера, не напоминали: если нацисты не придут к власти, в Германии наступит коммунизм.

Его политика запугивания не прошла бесследно для окружения Гинденбурга. Фон Папен был вынужден уйти. Престарелый фельдмаршал опять продемонстрировал, что выскочка-ефрейтор ему не ровня, и осадил фюрера. Преемником фон Папена стал генерал Курт фон Шлейхер, могущественный интриган, долгое время пребывавший за сценой и кооперировавшийся то с Гитлером против Брюнинга и фон Папена, то наоборот – в зависимости от того, на чьей стороне была сила. Теперь, по зову Гинденбурга, он вышел на авансцену, чтобы приструнить Гитлера.

Геббельс, предпочитавший оставаться за кулисами и схожий в этом со Шлейхером, мог оценить новую обстановку лучше других. Он написал в «Ангрифф»: «Ныне генерал фон Шлейхер, державшийся всегда в тени, вышел на свет общественного мнения. Не думаем, что это сослужит ему хорошую службу, поскольку всем давно известно, что тень человека всегда больше его самого».

Однако нацистов это не утешало. Тенденция в расстановке сил была неблагоприятная. На выборах в Тюрингии, сутки спустя после назначения фон Шлейхера, они потеряли почти сорок процентов голосов. «Положение катастрофическое», – замечает Геббельс.

Грегор Штрассер, руководивший организационным отделом и все еще второй человек в партии, пришел к убеждению, что нацисты

миновали пик своего могущества. Сейчас или никогда, решил он и стал ратовать за объединение с другими партиями. Его решение ускорило окончательный разрыв с Геббельсом.

За девять лет до этого Штрассер «открыл» Геббельса. Он дал ему первый шанс проявить себя. После того как Геббельс стал гауляйтером Берлина, между ними началось своеобразное соперничество, которое совсем обострилось, когда геббельсовская «Ангрифф» вытеснила штрассеровские газеты из Берлина. Но с тех пор признаков открытой вражды не было, и ничто не указывало на явную ненависть Геббельса.

Теперь Штрассер вступил в переговоры с генералом фон Шлейхером. Он загодя пытался убедить Гитлера в том, что настало время пойти на компромисс. В том, как дальше развивались события, нет полной ясности. Известно только то, что Гитлер ехал в Берлин, и Штрассер встречал его на вокзале. Но он ждал фюрера зря, потому что Геббельс с Герингом успели сесть в тот же поезд уже на подходе к столице и по дороге убеждали Гитлера в своей правоте. Геббельс и, возможно, в меньшей степени Геринг сознавали, что, несмотря на антинацистские тенденции, у партии еще сохранялись шансы достичь своих целей, и прежде всего потому, что другой партии такой ориентации не было.

Затем события стали развиваться стремительно. Гитлер объявил, что не будет участвовать в сделке, после чего Штрассер снял с себя полномочия, упаковал чемоданы и исчез из Берлина. Гитлер не ожидал, что тот пойдет так далеко. Он встревожился. «Если в партии произойдет раскол, мне останется только пустить себе пулю в лоб!» – кричал он.

Следующие три дня решали все. Собери Штрассер воедино всех своих сторонников в партии, и Гитлеру, Геббельсу и всему движению пришел бы конец. Как ни странно, он не сделал ничего подобного. Таким образом, Гитлеру выпал неоценимый случай убедиться в преданности своих людей, хотя Геббельс втолковывал всем и каждому, что Штрассер «годами строил козни и вредил». Несколько дней спустя угроза раскола миновала. Возобладало мнение, что партия обойдется и без «второго номера». Штрассеровские учреждения были закрыты, а часть его функций возложена на Геббельса. «Его наследство растащили на куски», – цинично заметил Геббельс.

Приближалось Рождество. Экономический кризис углублялся. Число безработных достигло головокружительной цифры 7 000 000 человек. В то время как женщины еще могли найти работу за меньшую плату, многие мужчины оставались без заработка на протяжении двух, трех, а то и пяти лет. Улицы заполняли нищие.

Магда Геббельс заболела и была отправлена в больницу. Геббельс провел безрадостный Сочельник у ее постели. На Рождество он отправился в Берхтесгаден. Магда должна была присоединиться к нему в канун Нового года. Вместо этого Геббельсу позвонили из Берлина и сообщили, что ее состояние ухудшилось. Когда он попытался дозвониться сам, оказалось, что телефонная линия отключена из-за снежной бури. Заказать самолет тоже оказалось невозможным. Он сумел связаться с Берлином через тридцать шесть часов и узнал, что лучше ей не стало.

Но за эти тридцать шесть часов он придумал, как спасти партию.

8

Последовавшие затем дни стали, возможно, самыми лихорадочными в жизни Геббельса. Он не покидал больницу больше чем на несколько часов. Одновременно он день и ночь разрабатывал новый план, который должен был принести успех. В сущности, он был предельно прост: выиграть предвыборную кампанию в Липпе, самой маленькой земле в составе Германии, где менее 150 000 человек проживало на территории менее 1200 квадратных километров. Кто там придет к власти, не имело никакого значения. Там не было крупных городов, главным образом поселки и деревушки.

Расчет Геббельса был верен: ни одной партии соперников не было дела до Липпе. Никто из их лидеров даже не бывал там, поэтому нацистам не составляло труда одержать там убедительную победу, показав тем самым, что антинацистские настроения уже в прошлом. «Мы намерены сосредоточить все силы именно там, чтобы восстановить свой престиж, – откровенно признал Геббельс 3 января. – Партия покажет, что она способна одержать победу».

Мысль лежала на поверхности, в то же время в ней была искра гениальности. Но даже на такую незначительную кампанию, как оказалось, трудно найти деньги. «Я занял для начала кампании всего

двадцать тысяч марок», – признался позднее Геббельс. Неделями раньше он тратил миллионы.

Влиятельные берлинские газеты смеялись над нацистами, Геббельс не замечал их насмешек. «В первый же вечер я выступал трижды, преимущественно в маленьких деревнях. Собирались все жители... Все идет прекрасно, лучшего нельзя и желать. Я снова общаюсь с людьми... Я говорю просто и убедительно».

Другие нацисты делили с ним эти обязанности. Геринг, Фрик, даже Гитлер выступали перед крестьянами и горожанами захолустного Липпе. Те же люди, которые произносили речи перед несметными толпами, теперь «стояли на трибуне в заштатном городке и обращались к аудитории в пять, шесть, от силы в семь десятков человек».

Все две недели кампании Геббельс почти не бывал дома. Два-три раза в день он звонил и спрашивался о здоровье Магды. Ему отвечали, что ее состояние улучшилось, но не намного. От него скрывали, что врачи уже приговорили ее. Один Гитлер знал, насколько плохо обстоят дела. Но в конце концов она чудесным образом пошла на поправку, а к концу кампании ее жизнь уже была вне опасности. Только тогда Гитлер открыл правду Геббельсу. Геббельс отметил этот факт в дневнике без комментариев. «Политическая обстановка все еще пребывает в брожении», – гласила следующая запись.

Нацисты одержали еще одну впечатляющую победу. Геббельс заявил: «Партия опять устремилась вперед». Этот факт был намного важнее, чем результат кампании сам по себе. «Выбор граждан Липпе – далеко не местное дело, – комментировал Геббельс в «Ангрифф» 20 января. – Это проявление чувств, которые охватили граждан всей страны. Огромные массы опять пришли в движение, и движутся они к нам».

Тем временем состоялась важнейшая встреча. В доме кельнского банкира барона Курта фон Шредера Гитлер встретился с фон Папеном, к которому еще недавно питал отвращение, и несколькими промышленными магнатами, среди которых был Фриц Тиссен. Гитлера уверяли в том, что самые неотложные долги партии будут погашены, и обещали поддержку в борьбе с правительством Шлейхера. «Бароны и те, кто на самом верху», как их именовал Геббельс в своих обличительных статьях, отдавали себя в

распоряжение фюрера. Неужели они не знали, что его звезда вот-вот закатится, что народ настроен против него? Знали, но именно поэтому бросились его спасать. Они прекрасно понимали, что через шесть – восемь месяцев нацистская партия может сойти со сцены и тогда не останется ни одного популярного движения, на которое магнаты и юнкеры могли бы опереться. Теперь или никогда. Господа из Кельна решили, что теперь.

«Правительство потеряло доверие, – злорадствовал Геббельс. – Давайте спросим в рейхстаге: действует ли еще правительство Шлейхера? И если да, то что оно намерено предпринять?»

Шлейхер ушел в отставку 28 января. 30 января 1933 года Гинденбург опять принимает Гитлера. Геббельс отнесся к известию скептически. «Всякое может случиться и сорвать наши планы», – подумал он. Но через несколько часов он узнал, что ничего случиться уже не может. «Это похоже на сон, – второпях записывал он. – Вильгельм– штрассе наша».

Вечером сотни тысяч людей прошли маршем мимо рейхсканцелярии, распевая «Хорста Весселя» и приветствуя фюрера в принятой нацистами манере. «Родился новый рейх! – гордо возвестил Геббельс. – Четырнадцать лет труда принесли нам победу. Мы достигли цели. Германская революция началась».

Грандиозное шествие затянулось далеко за полночь. Огни факелов в руках участников были видны далеко в ночной темноте, а их голоса разносились эхом по городу. Гитлер, как и другие партийные бонзы, чувствовал себя на вершине счастья. Лишь Геббельс, стоявший позади фюрера, казался спокойным. Он смотрел на шествие отрешенным взглядом. В конце концов, он организовал и провел столько парадов, что зрелище еще одного не трогало его. Размах не вызывал в нем благоговения. Не в его натуре было обманывать себя и тешить самолюбие. Вот о чем он думал, глядя на ликующую толпу: «Все поменялось. Никто не сомневается в нашей победе. Попробуй теперь найди тех дезертиров, из-за которых мы лишились двух миллионов голосов два месяца назад»^[33].

Даже в час торжества Геббельс ничего не забывал и не испытывал к соратникам ничего, кроме презрения.

Они шли час за часом. Гитлер улыбался и салютовал им. Позади него стоял незаметный Геббельс...

Часть вторая

Власть

Глава 1

Диктатор

1

Нигилист Петр Степанович Верховенский из «Бесов» Достоевского утверждал, что «жаждет лучшего» и готов, «действуя пожарами, как средством народным по преимуществу, ввергнуть страну, в предписанный момент, если надо, даже в отчаяние». Книга оказала значительное влияние на молодого Геббельса. Геббельс в юные годы во многих отношениях так походил на Верховенского, что временами казалось: начинающий пропагандист мыслит и действует по его образу и подобию.

«В девять фюрер пришел к ужину, – записал Геббельс в дневнике 27 февраля 1933 года. – Мы слушали музыку и болтали. Вдруг раздался телефонный звонок. Горит рейхстаг! Я решил, что звонивший бредит, и даже не сказал ничего фюреру. Однако несколько других звонков подтвердили ужасную весть. Пламя полыхало над куполом рейхстага. Поджог!

Я поставил в известность фюрера, и мы помчались со скоростью более ста километров в час. Все здание уже было объято огнем. Нас встретил Геринг, скоро подъехал фон Папен. Уже выяснилось, что рейхстаг загорелся не случайно, его подожгли. Без сомнения, коммунисты предприняли отчаянную попытку захватить власть в атмосфере паники и террора...

Геринг тотчас наложил запрет на всю коммунистическую и социал-демократическую печать. Той же ночью руководство компартии было арестовано. Штурмовые отряды были подняты по тревоге и приведены в состояние боевой готовности... Мы с фюрером поехали в редакцию «Фелькишер беобахтер», чтобы без задержки готовить редакционные статьи и воззвания».

Не только коммунисты, но и тысячи других представителей оппозиции были схвачены той ночью. С самого начала стало ясно, что

нацисты готовили переворот заранее. У полиции и у штурмовиков оказались готовые списки с именами и адресами жертв. Не могло быть совпадением и то, что в ту ночь 27 февраля, за неделю до предстоящих выборов, и Гитлер, и Геринг, и Геббельс, и Фрик, и прочие главари нацистов разъехались из Берлина.

По Германии поползли всевозможные слухи. Имя Германа Геринга всплывало везде, где бы ни упоминался пожар в рейхстаге. Но за хитроумным планом стоял не Геринг, а Геббельс. Берлинский департамент полиции узнал правду лишь по прошествии нескольких месяцев. В середине февраля бригаденфюрер Карл Эрнст, правая рука командира берлинских СА графа Хелльдорфа, созвал у себя дома на тайное совещание своих приближенных и сообщил, что перед ними поставлена задача совершить государственный переворот с целью раз и навсегда покончить с марксистами, а именно поджечь рейхстаг, где «слишком много болтают». Затем Эрнст объяснил, что в поджоге обвинят коммунистов, и обещал, что полиция не будет вмешиваться^[34].

«...Действуя пожарами...» – сказал Верховенский. И Геббельс долго вынашивал мысль поджога рейхстага. Это он провел подготовительную беседу с Карлом Эрнстом 18 февраля, это он занимался отбором людей для операции, это он показал помещения в рейхстаге, которые надо было поджечь в первую очередь. Но самое главное, это он уверил Эрнста в том, что полиция не сунется в подземный переход между рейхстагом и домом Геринга.

У Достоевского пожар потрясает человека и «взывает к его собственным разрушительным инстинктам...».

Геббельс первым интуитивно понял, к каким далеко идущим последствиям приведет пожар в рейхстаге. Ему удалось убедить Гитлера, что непременно произойдет «нечто поразительное». Он даже отрепетировал с Гитлером вспышку ярости при виде пылающего здания.

Внутри объятых пламенем рейхстага был схвачен голландский коммунист Маринус ван дер Люббе, признавший потом свою вину. Геббельс использовал этот факт, чтобы обвинить всех коммунистов в целом, так как ему было совершенно ясно, что в одиночку такое крупное преступление совершить невозможно. А если у поджигателя были сообщники, то, несомненно, из числа коммунистов.

«Теперь мы просто обязаны пресечь коммунистическую угрозу, – рычал Геббельс в очередном номере «Ангрифф». – Чего еще ждать, когда двадцатичетырехлетний иностранный коммунист, нанятый русскими и немецкими заговорщиками, мечтающими разнести чуму по всему миру, смог поджечь рейхстаг? Разве мы не должны судить их шайку как закоренелых уголовников? Разве мы не вправе воздать им по заслугам? И разве Провидение не вознаградит тех немцев, которые освободят родину от этого наказания Божьего?»

Геббельс не стал дожидаться, когда Провидение подаст ему знак. Он требовал незамедлительных действий. Он умолял Гитлера повесить ван дер Люббе перед рейхстагом. Он убеждал и себя, и других в справедливости подобного наказания, а позже даже публично признал, что казнь входила в его первоначальные планы^[35]. Но существовала и другая причина столь сильного желания отделаться от ван дер Люббе: Геббельс сам готовил голландца к проникновению в рейхстаг, где тот должен был устроить свой потешный фейерверк, пока люди из СА делали настоящее дело^[36].

Но здесь Геббельсу не повезло, так как старик Гинденбург отказался наотрез выставлять Германию в невыгодном свете ради спектакля. Ван дер Люббе должен был предстать перед беспристрастным немецким судом вместе со своими арестованными соратниками: Эрнстом Торглером, председателем коммунистической фракции рейхстага, болгаринном Георгием Димитровым, руководителем центральноевропейской секции Коминтерна, и еще двумя болгарскими коммунистами – Поповым и Таневым.

2

Геббельс, полный дурных предчувствий, решил ничего не оставлять на волю случая. Он призвал некоего доктора Эберхарда Тауберта, сомнительной репутации человека с бегающими глазками, который ведал в его департаменте антикоммунистической пропагандой, и поручил ему готовить все необходимые материалы. Тауберт проконсультировался в верховном суде, где ему сказали, что лишь после того, как будет установлена вина Торглера или Димитрова, обвинение может быть официально сформулировано как «коммунистическое преступление». По свидетельству Тауберта, Геббельс тотчас же предложил себя и Геринга в качестве свидетелей.

У них якобы имелись доказательства, что коммунистическая партия вела длительную подготовку к вооруженному восстанию.

В процессе подготовки к перекрестным допросам председателю суда, общественному обвинителю, а также Геббельсу и Герингу был передан длинный список соответствующих вопросов. По задумке Геббельса, должна была произойти сенсация. Он хотел, чтобы общественный обвинитель спросил Торглера, выступал ли тот когда-либо за насильственные методы в своей политической борьбе, а Торглер, разумеется, должен был ответить отрицательно. Вот тут-то вмешался бы Геббельс и под присягой представил полный набор доказательств, свидетельствующих о том, что обвинения против лидера коммунистов более чем справедливы.

Хорошо продуманный план провалился из-за невероятной несобранности общественного обвинителя: тот припоминал свою роль, только когда Геббельс вставал со скамьи свидетелей.

Геббельс быстро убедился в том, что в Лейпциге все надежды нацистов рухнули. Тремя днями раньше, во время перекрестных допросов, Геринг потерял самообладание, угрожал обвиняемым и вел себя как нельзя более глупо. Мало того, он предоставил Димитрову возможность, к тому же не одну, превратить зал судебных заседаний в трибуну для антинацистской пропаганды.

Болгарский коммунист вел себя мужественно. Он знал, что ничего страшного с ним не случится, так как Сталин недвусмысленно дал понять, что не позволит принести в жертву столь ценного агента.

Свидетельства Димитрова в Лейпцигском верховном суде, вероятно, произвели на Геббельса неординарное впечатление. Уж кому, как не ему, было знать цену публичных выступлений в суде. Десятью годами ранее он сам видел, как Гитлер превратил процесс над нацистами в пропаганду нацизма. Сам Геббельс за последние десять лет не раз стоял перед судьями по обвинению в клевете, и всякий раз ему удавалось в той или иной степени обратить процесс себе на пользу. Теперь уже Димитров доказал, что нацистов можно бить их же оружием. Он стал широко известен за рубежом, и еще до начала суда общественное мнение пришло к выводу, что в поджоге рейхстага виновны нацисты, и только нацисты.

«Партия одержала великую победу, — записал Геббельс через четыре дня после прихода Гитлера к власти, — но эта победа не окончательная. У нас есть правительство, программа, воля к возрождению, недостает только доверия немецкой нации».

Геббельс имел в виду тот факт, что у нацистов не было большинства даже в собственном кабинете Гитлера. Кроме фюрера, Геринга и Фрика, ставшего министром внутренних дел, другими членами кабинета были консервативные националисты вроде вице-канцлера фон Папена, министра иностранных дел Константина фон Нейрата, министра финансов графа Шверина фон Крозига и Альфреда Гугенберга, получившего портфель министра экономики и сельского хозяйства. Положение, при котором нацисты были в меньшинстве, можно было ликвидировать, распустив рейхстаг и проведя внеочередные выборы. Возможно, эта кампания стала бы последней для Йозефа Геббельса. «Во время совещания у фюрера было решено, что я останусь свободным от министерского поста, чтобы полностью посвятить себя приближающейся кампании, — записал он в дневнике. — В Берлине были собраны все гауляйтеры. Я ознакомил их с тактикой и техникой предвыборной борьбы. Мы поставили перед собой цель достичь абсолютного большинства».

Геббельс признавал, что эта кампания значительно отличалась от предыдущих. «Стало намного легче, так как мы можем направить на наши цели всю мощь государства, — записал он 3 февраля. — Печать и радио в нашем распоряжении. Мы покажем, что такое мастерство в политической агитации. В средствах мы не ограничены».

Немецкое радио всегда находилось под контролем государства, оппозиционные партии к микрофону не допускались. По этой причине Геббельс до сих пор произнес всего одну речь по радио, а Гитлер и вовсе ни одной. Теперь Геббельс решил превратить радиовещание в инструмент нацистской пропаганды. Он не стал терять время и поспешил заменить прежних руководителей радиостанций на преданных членов партии. Выступления Гитлера планировалось проводить только в больших городах, где имелись мощные передатчики, чтобы его слова могли достичь каждого дома в окрестных селениях. Слушателям надо было также передать атмосферу, царящую в зале, поэтому Геббельс всегда предварял выход Гитлера на трибуну.

Кампания взяла старт в берлинском «Шпортпаласте». Гитлер, как и обычно, довел аудиторию до исступления, но радиослушатели оставались равнодушными. Для них речь Гитлера прозвучала бесцветно, неувлекательно и даже несколько истерично. По окончании митинга Гитлер с Геббельсом еще раз прослушали запись. Гитлер задумчиво заметил: «Похоже, радиозвездой мне никогда не стать». Этот случай произошел на «Радио-Шенхайт».

Геббельс, со своей стороны, полагал, что у них есть большое поле для совершенствования. Всю ночь он просидел вместе с радиоинженерами и специалистами, пытаясь разными способами менять тембр голоса фюрера. Они делали его то мягче и спокойнее, то тверже, резче и выразительнее. Так он создал из Гитлера радиозвезду. После той первой речи в «Шпортпаласте» радиоаудитория Гитлера приходила в такой же бредовый восторг или негодовала – смотря по обстоятельствам, – как и те, кто видел и слышал его «в живом виде».

Выборы состоялись 5 марта. «Мы достигли триумфа, – подводит итог Геббельс. – Результат превзошел все ожидания. Что значат для нас теперь цифры? Мы стали хозяевами в рейхе и в Пруссии, все прочие повержены в прах».

Но что же в самом деле значили цифры? В рейхстаге нацисты набрали только сорок четыре процента, а совместно с партией Гугенберга – немногим меньше пятидесяти одного процента голосов. Для воплощения замысла Гитлера этой суммы, пожалуй, было недостаточно. Таким образом, становится очевидным смысл поджога рейхстага. Разумеется, партии, едва не совершившей «кровавый вооруженный переворот», то есть коммунистам, путь в парламент будет закрыт. Найдутся также основания, чтобы обвинить несколько дюжин социал-демократов в пособничестве поджигателям рейхстага и выдать ордер на их арест. И тогда в оставшейся части депутатского корпуса нацисты получат очень удобное и приятное большинство.

События развивались по плану и очень быстро. За несколько месяцев прекратили свое существование не только социал-демократическая и коммунистическая партии, но и все остальные, включая гугенберговскую Немецкую национальную народную партию. Оскорбленный Гугенберг подал в отставку, а некоторые из его друзей переметнулись на сторону нацистов.

13 марта 1933 года первый редактор «Ангрифф» Юлиус Липперт был назначен бургомистром Берлина. В тот же день Гитлер сообщил кабинету министров о своем намерении учредить министерство национального просвещения и пропаганды. На другой день Гинденбург привел к присяге новоиспеченного члена кабинета доктора Йозефа Геббельса. К тому времени президент настолько одряхлел, что, видимо, уже и не помнил об указе, который его заставили подписать в ночь, когда вспыхнул рейхстаг. А в указе, среди многого прочего, говорилось, что «ограничения личной свободы, а также свободы слова и печати дозволяются только в тех случаях, когда эти ограничения имеют законное основание». Эти несколько слов и послужили «основанием» для создания министерства пропаганды.

Но какой смысл был заложен в министерстве пропаганды? Зачем нацистам понадобилась пропаганда? Очень скоро немецкий народ – и не сорок процентов, а все девяносто – словно опьянел от неожиданного счастья. Немцы развешивали флаги и украшали улицы, посылали восторженные телеграммы Гитлеру и другим нацистским вождям. Началось повальное переименование улиц, в каждой мало-мальски уважающей себя деревушке появлялись по меньшей мере Гитлерштрассе и Гитлерплац. Все были счастливы, уверовав, что уж теперь-то все трудности позади и не будет ни безработных, ни голодных. Это было похоже на массовый бред, на непонятное поветрие. Не проходило ни ночи без факельного шествия. Ежедневно надлежало исполнять гимн Германии и «Хорста Весселя». Вся Германия погрузилась в состояние сродни полурелигиозному пароксизму.

Всеобщая перемена настроения, по логике, должна была обрадовать Геббельса и его приближенных зрелищем массовых митингов, маршами, флагами и молодцами в нацистской форме – именно к этому они и стремились на протяжении лет. Теперь вся Германия, казалось, сошлась на один кошмарный митинг, поставленный Геббельсом.

В те дни немцы продемонстрировали далеко не лучшие черты своего характера. Геббельс едва скрывал презрение. Он навестил мать в Рейдте и потом записал: «Весь городишко, несколько месяцев назад изгнавший меня с проклятиями, суетится от восторга и радости...»

В пропаганде отпала необходимость: после пожара в рейхстаге каждый немец возжелал, пока не поздно, стать нацистом. Никому не хотелось оказаться последним в очереди. Все искали знакомства среди партийных руководителей и, из практических соображений, среди штурмовиков. У последних появился скверный обычай избивать всех, кого они не считали друзьями, то есть всех, кто от них не откупался.

В те дни многие немцы платили по самым разнообразным причинам: чтобы заслужить благосклонное отношение со стороны партийных органов, чтобы получить членский билет с липовым порядковым номером из числа первых, чтобы найти защитников среди СА или покровителей среди СС, чтобы вступить в одну из многочисленных организаций при партии. Несмотря на всеобщий оптимизм, многие в душе побаивались, и не без оснований. Никто не мог быть уверен, что какой-нибудь член нацистской партии не станет его преследовать. В конце концов, любой потерявший работу и обиженный на хозяина человек мог теперь оказаться влиятельным членом партии. Был всего один способ защитить себя: стать товарищем по партии. Так была ли необходимость в министерстве пропаганды?

Лучше Геббельса никто не знал, что в самом названии «министерство пропаганды» содержится противоречие. Пропаганда тем эффективнее, чем меньше людей сознает, что их обрабатывает пропаганда, и наоборот. Естественно, можно было ожидать, что одно известие об учреждении министерства пропаганды (а точнее, говоря казенным языком, министерства национального просвещения и пропаганды) вызовет у людей неприятие и желание уклониться и от просвещения, и от пропаганды. По мнению Фрицше, Геббельс прекрасно понимал это, но вслух высказывал совершенно противоположное: «Вокруг пропаганды не должно быть ничего тайного. Мы признаем открыто, что хотим влиять на людей. А для этого самый верный способ – пропаганда».

Выступая 16 марта 1933 года, Геббельс сформулировал свою мысль предельно откровенно: «Правительство, подобное нашему, должно принять меры, преследующие далеко идущие цели... Оно должно усилить свою пропагандистскую работу, чтобы привлечь людей на свою сторону... Просвещение общества пассивно по своей сути, пропаганда всегда активна... Наше предназначение работать с

массами до тех пор, пока они не придут к нам». Более ясно выразиться он не мог.

Он все еще был одержим идеей защищать самоценность пропаганды, поэтому еще раз воспользовался возможностью разъяснить свои взгляды. «Пропаганда является термином, который часто недопонимают и о котором часто говорят пренебрежительно. В глазах профана это нечто или неполноценное, или презренное. Слово «пропаганда» имеет скверный подтекст».

Невзирая на «скверный подтекст», Геббельс никогда не пытался отказаться от термина. Наоборот, в июне 1937 года он выпустил инструкцию для рекламной группы при Организации национальной экономики. «Не разрешается использовать термин «пропаганда» в сочетании с любыми коммерческими продуктами... Термин «пропаганда» применим лишь к политической деятельности. Пропаганда используется политиком, который хочет навязать кому-либо какую-либо идею или подготовить людей к изменению законодательства. Производитель или торговец, желающие продать свой товар или услугу, прибегают к рекламе».

По-видимому, главная причина для создания министерства пропаганды была одна – сам Геббельс. Несомненно, Гитлер хотел ввести его в свой кабинет, тем более после своих успехов Геббельс имел право на это рассчитывать. Но он не являлся специалистом в какой-то важной отрасли, как, например, Геринг в авиации, и не был опытным, прошедшим хорошую школу чиновником, как Фрик.

Само собой разумеется, мы вправе не обращать внимания на записи в дневнике, судя по которым Гитлер обещал ему портфель министра пропаганды еще за год до фактического назначения. Как уже отмечалось выше, существуют вполне достоверные свидетельства о том, что подобные записи часто являлись более поздними вставками. Незадолго перед захватом власти Гитлером Геббельс еще надеялся, что его сделают министром внутренних дел. По словам фрау Берендт, Гитлер его отговорил, ссылаясь на то, что в этом положении у Геббельса не будет реальной власти. Но все-таки истинной причиной отказа Гитлера стало то, что он еще раньше обещал этот пост Фрику. Потом Геббельс рассчитывал стать министром по делам культуры, но старик Гинденбург неожиданно заупрямился – он не доверял Геббельсу и не пожелал ему поручить руководство школами и

церковный надзор. Тогда Гитлер решил создать для Геббельса министерство печати, но его разубедил Фрицше, аргументируя тем, что для Геббельса это «слишком узкое поле деятельности». Кроме того, Геббельс был не прочь взять себе не только печать, но и радиовещание, кинематографию и театры. В конечном итоге все это привело к тому, что в первые дни февраля 1933 года родилось министерство пропаганды.

5

Министерство пропаганды должно было занять «Леопольдпаласт» на Вильгельмплац напротив рейхсканцелярии и отеля «Кайзерхоф». Старинное красивое здание было построено Шинкелем, одним из выдающихся прусских архитекторов XIX века. Само здание Геббельсу понравилось, но внутреннее убранство – нет. «Каменщики должны были обрубить лепнину со стен и ободрать дурацкие плюшевые занавеси, чтобы впустить свет». Когда чиновники отказывались помогать ему в перестройке здания, он вызывал штурмовиков и приказывал им сделать все необходимое. Старые канцеляристы в ужасе вопили и выдирали жалкие остатки волос на голове. «Сударь, известно ли вам, что так недолго и в тюрьму угодить?» – усмехался Геббельс, а вскоре эти люди исчезали из платежных ведомостей.

Старинный дворец был быстро перестроен и обставлен в скромном современном стиле. Геббельс гордился своим новым министерством. Позже, когда в голливудском антифашистском фильме «Я был нацистским шпионом» сняли кабинет Геббельса с громадными свастиками на стенах и коврах, Геббельс возмутился и пожаловался американскому корреспонденту, что его министерство оболгали.

Но организационная структура была важнее внешнего облика. Первоначально Геббельс планировал пять различных департаментов: по радиовещанию, печати, кинематографии, пропаганде и театральному искусству. 8 марта он записал: «Все эти департаменты очень важны для меня, и я посвящу им себя всего, без остатка».

Но люди и структуры, курировавшие почти все перечисленное, находились под юрисдикцией иных правительственных ведомств. Прежде чем стать министром пропаганды, ему предстояло отвоевать будущую империю у других кабинет-министров.

От министерства внутренних дел ему достался надзор за печатью и радиовещанием, а также право утверждать и регламентировать национальные праздники, да еще литературная, драматургическая и кинематографическая цензура. От министерства экономики ему досталась особого рода коммерческая деятельность, наподобие Лейпцигской и Кенигсбергской ярмарок. Главное почтовое ведомство передало ему сеть агентств, рекламировавших железнодорожные и воздушные линии, равно как и все прочее, связанное с рекламой иностранного туризма. Кроме того, под контролем Геббельса оказались все немецкие театры, за исключением прусских, оставшихся, к его неудовольствию, под крылом у Геринга. Но самое важное заключалось в том, что министерство иностранных дел передало ему право освещать за рубежом события в Германии любыми средствами, какие он сочтет приемлемыми.

Те, кто наблюдал за маленьким Доктором в тот период, когда он брал на себя все новые и новые функции, поражались его ненасытной жажде власти. Справедливости ради следует сказать, что в первые месяцы после прихода к власти вся нацистская верхушка спешила прибрать к своим рукам все, что было в пределах досягаемости. Но Геббельс, казалось, старался превзойти остальных и расталкивал их локтями. Складывалось впечатление, что им движут месть и тщеславие. Но все-таки кое-где ему пришлось потерпеть поражение.

На инаугурации министерства пропаганды Геббельс объяснил, какими мотивами он руководствовался. «Есть два способа революционных преобразований, – сказал он. – Вы можете косить своих противников из пулеметов до тех пор, пока они не признают вашего превосходства в пулеметах. Это самый простой способ. Но вы также можете произвести революционные изменения в душе нации, и таким образом, не устранив вашего противника физически, вы завоюете его...»

Противники? Да и кого надо завоевывать? Разве не вся нация, как вещал Геббельс, была за Гитлера?

В большинстве своем немцы действительно были за Гитлера. Но как долго они будут оставаться бездумно преданными? Вот потому-то и понадобилось изобрести способ сделать так, чтобы немцы ходили по струнке и в то же время радостно улыбались. В этом и заключался главный смысл существования министерства пропаганды, уникального

в своем роде, потому что оно было создано не на время военных действий, а на тысячу лет, пока будет сохраняться установленный нацистами режим.

Вот потому-то Геббельс и получил контроль над всеми средствами влияния на умы людей. Сцена в кинофильме, строки в поэме, портрет девушки, скрипичный концерт – ничто не должно было остаться без внимания. Вот потому-то Геббельсу и требовалась власть над такими разными сферами человеческой деятельности. Он должен был стать абсолютным владыкой над новостями и комментариями к ним, над играми и развлечениями, чтобы подавлять в зародыше любую информацию, любые настроения, которые могли бы нанести вред его целям. Он занимал превосходную стратегическую позицию, откуда мог управлять чувствами и мыслями среднестатистического немца.

Вскоре после создания министерства пропаганды среднестатистический немец стал похож на животное, запертое в клетке. Поначалу пленник, возможно, и не был стопроцентным нацистом. Но кем еще он мог стать в итоге, если в его рацион входила только геббельсовская пропаганда? Даже если он не принимал на веру все, что ему вколачивали в голову, у него не было способа отличить правду от лжи. Он был принужден проглатывать то, чем его кормил Геббельс. И он глотал не разжевывая.

Иностранные обозреватели удивлялись вопиющим противоречиям в геббельсовской пропаганде. Эксперты предрекали, что Геббельс по прошествии времени утратит доверие масс. Но поскольку ни один человек в Германии не мог указать массам на эти противоречия, лишь единицы приходили к пониманию, насколько грубо работает пропагандистская машина. Геббельс верно рассчитал, что у народа короткая память.

Как-то раз Геббельс сам описал механизм пропагандистского воздействия на свои несчастные жертвы.

«Дело вашего вкуса, восхищаться или нет успехами пропаганды, которая отгораживает людей стеной от внешнего мира, повторяет пустые слова о спасении, всеобщем счастье и всем остальном в том же духе, но все-таки доводит крестьян и рабочих до одури и заставляет верить, что у них не жизнь, а рай земной. У них полностью отсутствует возможность сравнивать. Крестьянин и рабочий

напоминают человека, сидящего много лет в глухом каземате. После бесконечной темноты его легко убедить в том, что керосиновая лампа – это солнце... Разум нации, который мог бы противостоять подобной системе, более не существует. Зато система владеет средствами подавления такого разума в зародыше. Вся страна охвачена сетью информаторов, которые восстанавливают детей против родителей...»

Лучшего описания целей и эффекта нацистской пропаганды не существует. Однако Геббельс не брался за эту статью до 19 июля 1942 года, пока не настало время анализировать «загадочную русскую душу».

6

Когда Геббельс создал министерство пропаганды, он гордился тем, что оно самое маленькое в Германии. В его воображении оно выглядело молниеносно действующим, чрезвычайно эффективным современным механизмом. Оно и было таким, но не настолько маленьким, как представлялось Геббельсу.

Вначале появилось девять департаментов (вместо пяти, намеченных ранее Геббельсом). Позже их число увеличилось до двенадцати, а в конечном итоге – до шестнадцати. Среди них были административный департамент, департаменты пропаганды, печати, радиовещания, кинематографии, театра, департаменты, курирующие музыку, литературу, изобразительное искусство, и другие. К середине 1933 года в министерстве уже насчитывалось триста сотрудников и пятьсот человек вспомогательного персонала.

Важнейшими людьми при Геббельсе были Леопольд Гуттерер и его адъютант Гуго Фишер, отвечавшие за нацистскую пропагандистскую машину. Когда-то Гуттерер состоял в «Вольном корпусе», а Гуго Фишер подвизался в СА и был близок с убийцами Ратенау; позже он стал одним из приближенных Гиммлера. Другим ценным работником был первый адъютант Геббельса Карл Ханке, офицер СС, высокий и несколько меланхоличный мужчина с приятной внешностью. Позже он подал в отставку при довольно драматических обстоятельствах.

Одним из первых нацистов, вступившим в партию даже раньше Геббельса, был участник «пивного» путча Ганс Хинкель. Какое-то время он выпускал несколько маленьких нацистских газет, потом, в

тот же год, что и Геббельс, переехал в Берлин и стал помощником Штрассера – редактором его «Писем национал-социалиста». Теперь Геббельс поставил его управлять кинематографом и театром. Хинкель пользовался большим успехом у женщин и был известен своими бесчисленными интрижками с киноактрисами, что вызывало гнев Геббельса. Хинкеля то и дело то отстраняли от должности, то снова восстанавливали – Геббельс был выше мелочной придирчивости и злопамятства. Еще Геббельс открыл Энгена Адамовски, яркого молодого репортера, второго после Геббельса талантливого теоретика пропаганды. Ему Геббельс доверил радиовещание, и тот работал превосходно.

Геббельс, всегда веривший в то, что звучащее слово воздействует намного сильнее, чем написанное, справедливо утверждал, что радио – оружие пропаганды номер один. «То, что печать совершила в девятнадцатом веке, радио совершит в двадцатом», – провозгласил он 18 августа 1933 года. Но еще в марте того же года он издал указ о том, что немецкая радиовещательная компания переходит полностью в ведение министерства пропаганды. Таким образом была установлена монополия в эфире^[37].

16 августа ответственный за радио Адамовски говорил в своем выступлении: «Мы, национал-социалисты, должны молниеносно откликаться на события и выказывать достаточно энергии и целеустремленности, чтобы производить впечатление как на Германию, так и на весь остальной мир... Мой товарищ по партии доктор Геббельс 13 июля приказал мне очистить немецкое радио от сил, мешающих нашему делу. Сейчас я могу доложить, что работа выполнена в соответствии с приказом».

Геббельс не просто принял радио из рук главного почтового ведомства, он еще задумал получить из этого прибыль. Каждый владелец приемника был обязан платить две марки в месяц за лицензию. Геббельс надеялся, что доходы будут значительными, и объявил о том, что министерство пропаганды переходит на самоокупаемость. Однако иллюзии быстро развеялись. Действительно, на эти деньги мог бы существовать небольшой и рационально устроенный механизм, как и задумывал поначалу Геббельс, но не раздутый колосс, в который скоро превратилось министерство пропаганды.

Отдел внутренней печати надзирал за более чем 2300 газетами и периодическими изданиями. Несмотря на резкость выступлений многих из них в тот период, когда Гитлер еще только рвался к власти, и несмотря на то, что многие крупные газеты (по меньшей мере полдюжины из них признавались по всем показателям лучшими в мире) принадлежали евреям, министерству пропаганды не составило труда подчинить их себе.

Этому весьма способствовал *Schriftleitergesetz* — закон, позволявший государству поступать с журналистами по своему усмотрению. Если журналист не состоял в национал-социалистической партии, или его статьи казались «сомнительными», или его бабушка не важно по какой линии была еврейкой, с ним могли расправиться. Если даже одна его фраза не одобрялась в министерстве пропаганды, его могли вышвырнуть на улицу.

И ему не у кого было искать защиты, хозяин менее всех остальных мог ему помочь. К тому же хозяев, как таковых, становилось все меньше. На них оказывали давление, их принуждали продать свою собственность. Если они упрямылись, выпуск их газет приостанавливали на день, на два, а то и более. И так, постепенно, не мытьем, так катаньем их все равно заставляли уступить.

Многими газетами владел руководитель издательства «Эйер-Ферлаг» Макс Аманн, чьим тайным компаньоном был сам Адольф Гитлер. Другие газеты скупил Геринг. Геббельс не приобрел ничего, хотя при его положении ничего не могло быть легче. В чем, в чем, а в этом надо отдать ему должное.

Невооруженным глазом изменения заметить было невозможно. Ни названием, ни внешним видом газеты не отличались от прежних. Лишь постепенно миллионы читателей начинали понимать, что потребляют не прежнюю независимую прессу, а нацистскую стряпню. Не многим газетам, в том числе и известной «Франкфуртер цайтунг», позволялась некоторая доля независимости, чтобы создать у международной общественности впечатление, что цензуры в Германии не существует.

Отдел новостей в департаменте печати министерства пропаганды достался Гансу Фрицше, одному из самых способных сотрудников, которых привлек Геббельс. Это был высокий и привлекательный мужчина тридцати с небольшим лет, успевший заработать репутацию

талантливого журналиста. Он много лет занимал высокие должности в агентствах новостей. В политике он придерживался националистических взглядов гугенберговского толка. В 1937 году его назначили руководителем департамента национальной печати, где он и пробыл до 1942 года, когда его отправили на несколько месяцев на восточный фронт. По возвращении он принял руководство департаментом радиовещания.

Во всем, что касалось прессы, новостей и радио, Фрицше был кладезем познаний. Он никогда не питал иллюзий в отношении низких стандартов гитлеровской печати. Более того, он никогда не скрывал своего мнения о нацистских редакторах, а мнение о них у него было весьма низкое. Порой присутствовавшие на пресс-конференциях журналисты бывали поражены его саркастическими репликами в адрес «Фелькишер беобахтер» и ее издателя Альфреда Розенберга, бывшего близким другом фюрера. Несомненно, Фрицше знал толк в своем деле, и без него Геббельсу не удалось бы создать столь эффективно работавшее министерство пропаганды. Также верно и то, что Фрицше ни на йоту не верил в идеалы нацизма, хотя и поставил ему на службу свой талант.

Фрицше даже позволял себе время от времени критиковать Геббельса. Помимо него подобной привилегией пользовался лишь Вальтер Функ, невзрачный коротышка с безудержной тягой к алкоголю и исключительно сильным талантом, проявлявшимся иногда во всем блеске. Он был редактором «Берлинер берзенцайтунг» и, обладая глубокими знаниями в экономике и финансах, давал частные уроки самому Гитлеру. Геббельс взял его к себе на должность заместителя по печати, где он и пробыл до 1937 года, когда занял пост министра экономики.

Для Геббельса его талант был подарком судьбы. Но в то же время Функ постоянно ставил своего начальника в неловкое положение из-за связей с кругом известных мужчин, продающих свою любовь за деньги. Но Геббельс относился к его порокам терпимо. Причина заключалась в том, что Функ был нужным человеком и водил знакомство с нужными людьми. У него были превосходные отношения с берлинским высшим светом, а сам он, невзирая на странности, выглядел вполне светски. Тот факт, что сливки общества не скрывали своих эксцентричных причуд, заставлял и Геббельса смотреть на

причуды Функа сквозь пальцы. Геббельс тоже заразился от них легкой формой снобизма.

7

Теперь Геббельс достиг власти. Не той власти, которая давала возможность управлять экономикой Германии, как у Шахта, и не той власти, которая позволяла арестовать и отправить в концлагерь любого неугодного, как у Гиммлера. У него была особая власть – власть определять, что именно люди должны знать, читать и думать. Перед ним открывалось широчайшее поле деятельности, как нельзя лучше подходившее Геббельсу с его умением убеждать других и вести их к цели.

Он много лет жаловался на то, что при Веймарской республике ему чинили всяческие препятствия и перекрывали все пути. Теперь препятствий не было. Всего год назад государство и полиция запретили его газету по политическим мотивам и поставили ее на грань краха. Теперь сила была на его стороне, и он мог, не прибегая к грубому подавлению, продемонстрировать недругам иные, более изощренные методы борьбы с оппозиционной прессой. «У нас, к нашему глубокому удовлетворению, появилась возможность принимать меры против враждебно настроенной печати. Внезапно все еврейские газеты, доставившие нам столько горьких минут, исчезли с улиц. И случилось это на удивление тихо», – писал он.

Геббельс был уже не тем, что прежде. Прошедший год изменил его. Казалось, он, при своем врожденном даре убеждения, утратил интерес к горячим публичным спорам, к постоянной полемической борьбе, где он с таким успехом использовал и перо, и живое слово. Он как бы стал несколько мягче в первые недели после прихода Гитлера к власти. Он проехался по местам, где когда-то учился, и записал: «Сколько воспоминаний мне навеял старый Гейдельберг! Я вспоминаю его с чувством ностальгии... Фрайбург полон прелести. Я не видел его пятнадцать лет, а он все тот же, что и раньше».

По-видимому, Геббельс решил покончить с демагогией. Зачем тратить время и силы, стараться быть умнее, изворотливее и стремительнее, чем враги, если их можно заставить сидеть тихо с помощью силы? Реально не осталось никого, кто мог ему противоречить. Геринг воровал и строил замки, Гиммлер создавал

свою личную армию, а Геббельс произносил нескончаемый монолог, который все прочие должны были слушать.

Он потерпел неудачу как писатель. Теперь он мог греться у костров, где горели книги авторов, которым больше повезло с известностью: Томаса Манна, Зигмунда Фрейда, Максима Горького, Анри Барбюса, Лиона Фейхтвангера и других знаменитостей. По поводу костров он произнес речь, примечательно короткую, после чего министерство пропаганды разослало всем немецким газетам циркуляр с указанием умерить восторг по поводу горящих книг. Может быть, его мучила совесть?

Другим «достижением в сфере культуры» стала его ссора с выдающимся дирижером Вильгельмом Фуртвенглером, которому хватило мужества воспротивиться запрету на выступления музыкантов-евреев. Геббельс написал ему письмо, где в грубой форме изложил, что является немецкой культурой, а что – нет. Из объяснений Геббельса следовало, что достоянием культуры может считаться лишь гигантский плакат во славу Третьего рейха.

Очень показателен также следующий случай. В первом полугодии 1933 года Геббельс затеял провести массовую манифестацию в Кельне. Он обратился к архиепископу и потребовал в определенный момент звонить в колокола. Тот отказал, хотя и понимал, что колокольный звон нужен Геббельсу в пропагандистских целях. Геббельс не стал тратить время на препирательства. По его приказу кельнское радио записало благовест на магнитофонную пленку. «Я мог бы воспроизвести запись прямо в студии, – рассказывал он через четыре дня в Берлине знакомой актрисе. – И миллионы радиослушателей поверили бы, что манифестация проходит под колокола. Но как быть с сотней тысяч людей, столпившихся на соборной площади? Поэтому я распорядился заранее установить там громкоговорители, а когда из них раздался колокольный звон, никто не усомнился в том, что звонят с соборной колокольни».

8

Однако было немало признаков того, что в Германии оставались разного рода противники нацистского режима. Появлялись и распространялись сотни свежих анекдотов о новой власти, в которых высмеивались Гитлер, Геринг, Геббельс и другие вожди. Геббельс

приходил в бешенство. Он опять обвинял во всем евреев и не раз проклинал их в присутствии сотрудников. Однажды Фрицше спросил его, отчего он считает, что только евреи являются врагами режима? Почему французы или русские не могут тайно противодействовать доктрине нацистов? «Мне думается, и французы, и даже русские оказались бы под влиянием нашей пропаганды, – отвечал Геббельс. – Но только не евреи. Евреи – никогда».

У евреев, разумеется, были все причины не поддаваться геббельсовской пропаганде: Гитлер недвусмысленно дал понять, что в Третьем рейхе им не на что надеяться. Те, кто покидал Германию, пытались, как могли, поведать миру об ужасах, творившихся в их бывшем отечестве: об арестах, пытках, концлагерях, поголовном истреблении. Геббельс называл их свидетельства «бесстыдной ложью, лишенной всяких оснований». Однако надо было принимать ответные меры.

Его осенила идея грандиозного шантажа. «У нас есть только один способ заткнуть рты тем, кто клеветает на нас за границей, – вероятно, объяснял он Гитлеру и другим нацистским вождям. – Надо приструнить тех, кто распространяет клевету, и тех, кто извлекает из нее выгоду, то есть евреев, живущих в Германии, которых мы до сих пор не трогали. Мы объявим в масштабах всей страны бойкот еврейским предприятиям. Тогда евреи за границей, возможно, поймут, что может случиться с их соплеменниками в Германии, и сменят тон».

В то время как Гитлер и в особенности Юлиус Штрайхер горячо поддержали его мысль, Яльмар Шахт, Вальтер Функ и даже Геринг, то есть все, кто хоть немного смыслил в экономике, пришли в ужас. Они прекрасно понимали, что, если бойкот продлится хотя бы неделю, закроются тысячи предприятий, сотни тысяч людей потеряют работу, и вся экономика Германии окажется на грани краха. Но отменять назначенный бойкот уже было поздно. Подготовка к нему была закончена. Более того, Гитлер отказался публично заявить, что Геббельс превысил свои полномочия. Но сам Геббельс уже знал, как следует выйти из положения. Он «приостановит» бойкот через день после его начала – 1 апреля 1933 года. Он даст шанс евреям во всем мире показать, что они умеют вести себя прилично. И если «мировой кагал» проявит благоразумие, бойкот не будет возобновлен.

Он знал, что бойкот не будет возобновлен ни при каких обстоятельствах. Но мир попался на его удочку. Многие евреи посылали письма и телеграммы своим родным и близким друзьям за границу, умоляя прекратить антинацистскую пропаганду. Таким хитроумным ходом Геббельс выиграл свою первую войну нервов и изобрел технологию, которую нацисты потом использовали во многих случаях, и почти всегда успешно.

Бойкот прекратили, но антисемитская кампания продолжалась, хотя и не в такой откровенной форме. Поскольку ликвидировать предприятия, принадлежавшие евреям, было нецелесообразно, нацисты вначале занялись чисткой и стали изгонять евреев из рядов государственных служащих, юристов, врачей, университетских преподавателей и школьных учителей, журналистов, актеров и музыкантов. Через неделю после «прекращения» бойкота вышел первый антиеврейский указ, по которому на всех должностях в государственных учреждениях (включая даже почтальонов и смотрителей в музеях) должны были работать только лица «чисто арийского» происхождения. Эта мера казалась менее пугающей, чем бойкот, однако дискриминация на следующий год усилилась. То, что 1 апреля 1933 года во всех цивилизованных странах сочли поправлением законов, в Германии постепенно становилось нормой.

Но Геббельсу не удалось заставить замолчать противников нацизма за рубежом. Ирония заключалась именно в том, что помешали ему те мужественные писатели и деятели литературы, кого Геббельс поспешил выдворить из страны. Некоторые из них были «неарийцами» и чудом избежали ареста после поджога рейхстага.

Их было не много. Они разъехались по миру: в Париж, Прагу, Лондон, Нью-Йорк и Амстердам. Не везде их принимали с распростертыми объятиями. У них не было денег, они с трудом писали на иностранных языках, из-за чего не могли найти работу в стране, куда их изгнали. И тем не менее они настойчиво распространяли правду о том, что происходило внутри Германии. Они упрямо твердили миру об угрозе, а он не желал слушать их пророчества. Они без устали взывали к совести человечества, но оно притворялось глухим и немым.

Они голодали, но умудрялись издавать крошечные журналы и газеты, в которых раскрывали правду. Зачастую к ним относились

враждебно и говорили, что они «злоупотребляют гостеприимством», чтобы «клеветать на дружественную державу». Они подвергались бесконечным унижениям. Но заставить их замолчать было невозможно.

В сравнении с Геббельсом их влияние было ничтожным. Но Геббельс ненавидел их за то, что они вторгались в его область и нарушали его монополию на распространение информации о Германии. Несколько раз нацистские агенты за границей находили их и избивали. Одного писателя-антифашиста убили, а другого похитили на нейтральной территории и тайно увезли в Германию.

Но горстка писателей, посвятивших себя борьбе с нацизмом, продолжала подымать голос вопреки всем чинимым им препятствиям. Они первыми восстали против Геббельса. Слушали их не многие.

Глава 2

Будущее мира

1

Очень часто в течение первого года существования гитлеровского режима Геббельс заканчивал свои речи словами Ульриха фон Гуттена: «Как радостно жить!» И у него были все основания радоваться. Дело оставалось за малым: выполнить свой долг и заставить всю нацию испытывать то же радостное чувство. Для этого он принялся изобретать и учреждать национальные праздники.

Он начал с Первомая. В течение пятидесяти с лишним лет это был праздник рабочих-социалистов. После революции 1918 года немецкие социал-демократы пытались объявить его общенациональным, но все их усилия пропали даром. Зато теперь Геббельс добился успеха в том, что его предшественникам оказалось не по плечу. Присвоив чужую идею (а к этой уловке он прибегал много и часто), Геббельс достиг сразу нескольких целей: он наглядно показал немецким рабочим, что у них слабые вожаки, он завоевывал симпатии среди простого люда, а тем, кто попался на его пропагандистскую удочку, начинало казаться, что национал-социалистическая партия – рабочая партия не только по названию, но и по характеру.

Во всех городах и селах проходили манифестации и массовые митинги. Самое грандиозное действие разворачивалось, естественно, в Берлине, где полтора миллиона человек заполняли поле аэродрома Темпельхоф. Хотя сотни тысяч людей могли бы и сами собраться в определенном месте, Геббельс не пустил организацию манифестаций на самотек. Он приказал следить за тем, чтобы рабочие каждой фабрики, служащие каждого учреждения и даже актеры каждого театра и учителя каждой школы принимали участие в театрализованном действии. И если погода выдавалась хорошая, все с немалым удовольствием проводили время. А природа настолько благоприятствовала геббельсовским мероприятиям, что немцы даже стали называть погожий денек «гитлеровской погодой».

Но на следующее после праздника утро полиция закрыла штабы многочисленных профессиональных объединений. Сами профсоюзы были запрещены, их руководители – арестованы, а немалые денежные фонды – конфискованы в пользу государства. Немецкие рабочие остались без своих организаций, без руководства и без своих исконных прав. Им остался только доктор Роберт Лей, создавший «Трудовой фронт» и придумавший лозунг «Сила через радость».

В сентябре в Нюрнберге состоялся партийный съезд. От года к году съезды нацистской партии становились все представительнее и представительнее, но еще в сентябре 1932 года, когда победа Гитлера вряд ли у кого вызывала сомнение, съезд больше выглядел как обычный конгресс партии, опасавшейся вызвать неудовольствие полиции. В 1933 году Геббельс не стал себя ни в чем ограничивать, возможности позволяли ему организовать крупнейшее собрание, какое когда-либо видели в Германии, а может, и во всем мире.

Нюрнберг превратился в палаточный лагерь. За два– три дня до открытия сюда прибыло 750 000 человек – чуть ли не вдвое больше, чем все население города. Местная беднота, которой не всегда хватало на хлеб, питалась благотворительным супом из 800 громадных котлов по 500 литров каждый, расставленных на всех углах. Всего же за несколько дней на содержание делегатов съезда было израсходовано 550 тонн хлеба, более 50 тонн сливочного масла, 70 тонн сыра, 100 тонн кислой капусты, 10 тонн шпика, 50 тонн кофе, 150 тонн мясных консервов и 170 тонн свежего мяса. Кроме того, делегаты выкурили 2 500 000 сигарет и 450 000 сигар.

Статистика умалчивает о том, сколько было выпито пива и вина. Горожане, которые сами не являлись сторонниками аскетизма, полагали, что и в напитках был поставлен мировой рекорд. И этот, и последующие съезды сопровождались всплеском мелкой уголовщины и тысячами дорожных происшествий.

Erntedankfest – праздник благодарения за урожай – проводился ежегодно в первую неделю октября в маленьком городке Бюкебурге. Геббельс и ему придал общенациональный характер. Он не мог пройти мимо возможности восславить общее дело рабочих и крестьян и нерасторжимую связь города с деревней.

Нет нужды говорить, что день рождения Гитлера тоже превратился во всенародное торжество. Он всегда начинался долгим радиовыступлением Геббельса, в котором тот долго поздравлял фюрера и повторял, что каждый немец должен быть благодарен судьбе за то, что ему довелось жить под правлением такого единственного и неповторимого государственного мужа.

Геббельс прекрасно знал, что национальные праздники есть не что иное, как те же массовые митинги, пышные процессии и факельные шествия, которые он изобрел в 20-х годах, только возведенные в общенародную степень. В итоге они превращались в устрашающих размеров сборища, которым обычные залы и стадионы уже были тесны и которые выплескивались на улицы и площади, где репродукторы Третьего рейха усиливали всенародное ликование. Следуя своему собственному указанию добиваться расположения масс «еще до того, как оратор начнет говорить», он узаконил и ввел в обиход выработанный нацистами ритуал. По прошествии двух-трех лет многим немцам казалось, что они отмечают эти праздники всю жизнь, а нацисты существуют испокон веков. Но самым важным было то, что празднества заставляли их забывать о не выполненных Гитлером обещаниях. То есть он использовал рецепт, изобретенный древними римлянами: дайте им *panem et circenses*^[38], и они ваши.

В то же время массовые торжества должны были произвести на зарубежные страны впечатление стабильности и единства. Мир, еще не разобравшийся в обманчивой сути гитлеровской тактики, не мог поверить, что правительство Германии ставит колоссальные зрелищные представления, чтобы затушевать поступающие из страны леденящие кровь сведения о концентрационных лагерях и о пытках в

застенках СА. Нескончаемые празднества вполне соответствовали намерению нацистских главарей предстать в глазах мировой общественности людьми с чистыми руками.

2

Геббельс с самого начала сознавал, насколько важно создать такой безобидный образ нацизма за рубежом. В первые годы его радиопропаганда использовала наряду с другими средствами коротковолновые передатчики для распространения новостей из Берлина, Дрездена и Мюнхена и трансляции филармонических концертов из Лейпцига. Геббельс совместно с Эвгеном Адамовски составил некое подобие пятилетнего плана немецкого радиовещания. План предусматривал постоянное увеличение объемов пропаганды на зарубежные страны. Затопить информацией соседей Германии не составляло труда. Из Штутгарта, Фрайбурга, Франкфурта и Трира заполнялся эфир Эльзас-Лотарингии. Кельнская радиостанция вещала на Бельгию. Дания слушала передачи из Гамбурга, Бремена и Штеттина. Бреслау и Гляйвиц работали на Чехословакию, а Мюнхен – на Австрию. В распоряжение Цезена под Берлином отдавался весь остальной мир.

В Цезене у Геббельса было 12 коротковолновых станций мощностью по 100 000 киловатт. Англия в то время располагала 16 станциями, но всего по 50 000 киловатт.

Соответственно в Италии их было 4, в России – 6, в США – 11, а в Японии и Франции – по 3.

Геббельс начал трансляцию на шести языках. Уже в 1933 году он открывает вещание на Соединенные Штаты, в 1934-м – на Южную Африку, Южную Америку и Дальний Восток, в 1935-м – на Ближний Восток и Центральную Америку.

В 1933 году ежедневный объем вещания составлял от силы 1 час 45 минут. Годом позже он увеличился до 21 часа 15 минут. В 1935 году – до 22 часов 45 минут. В 1936 году – до 43 часов 35 минут, а в 1937-м его станции в сумме вещали 47 часов в день, что означало круглосуточную работу по меньшей мере двух передатчиков.

3

Период 1933–1936 годов был для нацистского режима самым трудным и опасным. «Западноевропейские плутократы, – вспоминал Геббельс это время, – встали перед выбором: разрушить немедленно и до основания новую Германию или попытаться достичь прочного мира. В те дни альтернатива еще существовала»^[39].

Задачей Геббельса было всячески сохранять иллюзию альтернативы. Мир следовало убаюкать до такой степени, чтобы он впал в спячку: тогда он не заметит, как Гитлер перевооружает Германию, а если и заметит, то пусть это случится, когда остановить фюрера уже будет невозможно. Особенно трудно было затушевывать несвоевременные выступления правительственных чинов, наподобие вице-канцлера фон Папена. Тот выступил с речью, в которой откровенно насмехался над теми, кто умирает в своей постели, и воспевал смерть на поле брани как единственно достойную мужчины. Чтобы смягчить впечатление от речи фон Папена, Гитлеру пришлось объявить депутатам рейхстага, что «до лучших времен никакая европейская война не позволит нам изменить в нашу пользу нынешние неблагоприятные обстоятельства... Вспышка безумия может привести к крушению всего существующего социального устройства».

Слова, которые Гитлер произнес в качестве всего лишь отговорки, для Лиги Наций представляли собой искреннюю надежду и послужили поводом для того, чтобы включить вопрос о разоружении в повестку дня. Этот факт сам по себе уже таил угрозу для нацистов. Пока Германия оставалась членом Лиги Наций, перевооружение было затруднительным, поскольку она была обязана содействовать проведению различных не совсем приятных проверок и расследований. Регулярные совещания в Женеве грозили пролить свет на то, что Германия желала скрыть под завесой секретности. С другой стороны, выйти из Лиги Наций означало вызвать подозрения у мирового сообщества. Чтобы в конце концов определить, какой из путей предпочтительнее, Гитлер послал в Женеву Йозефа Геббельса.

По существующим правилам такого рода важная миссия обычно поручалась министру иностранных дел. Но полномочия на «право и обязанность предоставлять сведения о Германии иностранным державам» были переданы Геббельсу. «Старожилы» министерства иностранных дел возмущались узурпацией власти Геббельсом, но

усталый и не склонный к активным действиям Константин фон Нейрат пошел на поводу у министра пропаганды.

Геббельс прибыл в Женеву в конце сентября 1933 года. За исключением короткой поездки в Рим, он никогда не бывал за границей. Древний швейцарский город покорила его своими извилистыми улочками, старинной архитектурой, прекрасными соборами и знаменитым озером, окаймленным заснеженными горными вершинами. В Женеве не было и следа чопорности и церемонности, в этом и крылось ее особое очарование, это же послужило причиной, из-за которой она стала местом встреч Лиги Наций. Женева представляла собой не совсем подходящие подмости, чтобы высокие государственные деятели представали здесь во всем блеске и со всеми регалиями. Здесь известные политики могли позволить себе стать частными или почти частными лицами и обсуждать международные дела за аперитивом. Но Геббельс не был и не хотел быть частным лицом. Он появился в Женеве в сопровождении шести рослых и дюжих эсэсовцев, которые неотлучно находились при нем и даже не удалялись при встречах с иностранными дипломатами, из-за чего создавалась отнюдь не дружественная атмосфера. Они охраняли его, присутствовали на ассамблее Лиги Наций и на всех пресс-конференциях. На окружающих они производили самое неблагоприятное впечатление.

Само их присутствие шокировало Женеву. Ни у кого из значительных лиц здесь не было охраны. Геббельс, со своей стороны, тоже был неприятно разочарован и даже раздражен. Демократические принципы Лиги вызывали у него отвращение. Все с уважением и вниманием выслушали длинный доклад австрийского канцлера Энгельберта Дольфуса, хотя Австрия была ничем по сравнению с Германией. В Лиге Наций присутствовали даже цветные! Все усилия Геббельса были напрасны. Он вернулся в Берлин, и через шестнадцать дней Германия вышла из Лиги Наций.

Формальным поводом для такого шага послужило то, что Лига Наций не предоставила Германии права наравне с другими великими державами...

По прибытии в Берлин Геббельс уведомил своих пропагандистских агентов при посольствах и миссиях за рубежом, что им следует ожидать важных указаний. Так называемые атташе по пропаганде были его изобретением. Большинство этих людей никогда не работали за границей, опыт жизни в других странах отсутствовал, им также не был знаком образ мыслей иностранцев. Зато везде, где только было можно, они вели довольно топорную и назойливую агитацию за идеи национал-социализма.

Осенью 1933 года Геббельс разослал им секретные инструкции общим объемом более чем в две тысячи слов^[40].

«Конфиденциально допускается подтвердить, – комментировал он выход Германии из Лиги Наций, – что последние имевшие место события в некоторых аспектах благоприятны для Германии и повлекут за собой быстрые и радикальные перемены в вопросах вооружения, что станет предметом долгих дебатов в Женеве. Однако все публикации и персональные заявления в рамках нашей пропагандистской кампании за рубежом ни при каких обстоятельствах не должны создавать впечатления, что Германия стремится к такому развитию событий».

И еще: «Наша пропаганда должна внушать всему внешнему миру, что Германия желает лишь мирного решения всех насущных проблем... Тех, кто отказывается признавать справедливые требования Германии, необходимо искусно обвинять в подрыве мирного сосуществования... Форма убеждения должна быть ненавязчивой и постоянно меняющейся... Мы обязаны заставить хотя бы часть общественности за рубежом поверить, что у Германии нет иного пути, кроме как самой взять то, что ей принадлежит по праву...»

И наконец: «Все меры по усилению нашей обороноспособности – мы не говорим ни слова о подготовке к агрессии – будут недостаточно эффективными, если за ними будет установлен контроль со стороны мирового сообщества».

Были и многие другие указания. «Тенденции в нашей международной политике, как в прошлом, так и в будущем, настоятельно побуждают нас наиболее сосредоточиться на работе в зарубежных государствах, – говорилось в директивах. – Принято решение не требовать, по крайней мере в ближайшее время, от сотрудничающих с нами органов выполнения долговых обязательств...

В случае, если даже самая малая иностранная газета, являющаяся подписчиком Германского информационного агентства, окажется не в состоянии оплатить информационные услуги, представляется возможным возмещать им расходы».

Другая выдержка касается разрешения немецким пропагандистам «конфиденциально брать на себя финансовые обязательства по отношению к выразившим на то желание издателям». Главным лейтмотивом директивы было требование подавать новости для иностранной прессы таким образом, чтобы создавалась видимость, будто они исходят из нейтральных источников и подписаны известными «специальными корреспондентами». Требовалось также принять все меры предосторожности, чтобы клиенты не обнаружили связь «корреспондентов» с министерством пропаганды.

В иных случаях газеты либо просто покупались Геббельсом или его агентурой, либо субсидировались настолько щедро, что не могли и дня просуществовать без денег из Берлина. По некоторым независимым исследованиям (официальные подсчеты никогда не проводились), министерство пропаганды приобрело или содержало более 350 газет во всем мире, не считая еще 300 немецкоязычных. Многие из них, правда, не имели ощутимого влияния и вряд ли могли формировать общественное мнение. Такой размах требовал громадных расходов, далеко выходящих за рамки бюджета геббельсовского ведомства. Только в 1934 году на иностранную пропаганду было истрачено 262 миллиона марок. Частично эту сумму покрывали члены немецких клубов и прочих организаций, объединенных в Ассоциацию немцев за границей.

Все же Геббельс тратил слишком много денег, во всяком случае по мнению президента рейхсбанка Яльмара Шахта, которого охватывала тревога при виде того, как деньги рекой текли за рубеж. В 1935 году он велел пометить банкноты из сумм, выделенных Розенбергу, Гиммлеру и Геббельсу и предназначенных для использования только внутри Германии^[41]. Вскоре помеченные банкноты обнаружились за границей – вышеуказанные нацистские главари пустили деньги на оплату своей агентуры. Как рассказывал министр иностранных дел фон Нейрат американскому послу во Франции Уильяму Буллиту, самым отъявленным расточителем был Геббельс, тративший миллионы на иностранную пропаганду без осязаемых успехов.

Немецкая пропаганда за границей большей частью терпела поражение, потому что Геббельс, лепивший из немцев что угодно, как из воска, не имел малейшего понятия об образе мыслей иностранцев. Вероятно, он поступал как типичный немец. Его представления о том, как следует обрабатывать жителей другой страны, не выходили за рамки представлений его агентов. Очень примечательна в этом плане его первая встреча с иностранной прессой 7 апреля 1933 года, когда он принялся поучать газетчиков, какова должна быть журналистика в их странах. «В Англии и Франции, несомненно, общественное мнение по всем важнейшим вопросам общенационального характера формируется и поддерживается в единой унифицированной манере независимо от различных точек зрения политических партий по любым отдельным аспектам». Редко ему доводилось так выдать свою неосведомленность и сделать *faux pas*^[42] грубее.

Везде, где только было можно, Геббельс старался дискредитировать тех, кто писал статьи, в той или иной степени враждебные Третьему рейху. «Необходимо постоянно и настойчиво создавать для информационных агентств, находящихся в оппозиции к нам, соответствующие «материалы» и «новости» с тем, чтобы при их публикации указанные агентства утратили доверие, – говорилось в его тайных циркулярах. – Материалы должны отбираться таким образом, чтобы у нас всегда имелась возможность не только отрицания, но и убедительного опровержения перед лицом общественного мнения».

Лишь в одном отдельном случае Геббельс открыто признался, что не находит способа возобладать над общественным мнением. Речь шла о Соединенных Штатах. В своих циркулярах он подчеркивал, что влияние на американское общественное мнение было для нацистов делом первостепенной важности. «Пропаганда образа Германии должна осуществляться с учетом того, что американская пресса настроена явно враждебно к нацистской Германии», – жаловался он. Но дело, по его мнению, осложнялось еще тем, что им нечего было противопоставить. «В Соединенных Штатах и Канаде все виды официальной пропаганды развиваются давно и достигли высокой

степени эффективности». Так, например, Геббельсу казалось, что имело смысл настроить американцев против французов, постоянно напоминая, что те отказываются выплачивать свои военные долги. Точно так же он всерьез искал способ внушить американцам мысль о расовой близости англосаксов и немцев. Но он не обманывал себя надеждой на ощутимые результаты. «Когда мы имеем дело с североамериканской печатью, мы должны ясно представлять себе, что получить важные материалы будет предельно трудно, несмотря на наш в целом правильный и сильный финансовый подход. Возможно, в некоторых случаях мы добьемся расположения тех или иных редакторов или корреспондентов, но решающего влияния мы можем достичь лишь путем финансового участия в издании, то есть уже опробованным нами методом».

За несколько месяцев до того, как разослать агентам свои секретные циркуляры, он пошел на беспрецедентный шаг. Геббельс нанял известного в Соединенных Штатах весьма высокооплачиваемого специалиста по связям с общественностью Айви Ли. Судя по всему, идея принадлежала не ему. По некоторым данным, хорошо знавший США Яльмар Шахт был наслышан об успехах Айви Ли, и прежде всего о том, как чудесно преобразился в глазах людей Джон Д. Рокфеллер-старший. Старик был едва ли не самой одиозной фигурой в Соединенных Штатах, когда ему пришла в голову мысль пригласить к себе мистера Ли. Шахта уверяли, что только Ли способен волшебным мановением руки остановить растущую среди американцев ненависть к нацистам.

В дальнейшем Ли, когда давал показания комиссии по расследованиям при конгрессе в Вашингтоне, рассказал, что члены высшего директората «И.Г. Фарбениндустри» попросили его «составить мнение о Гитлере». В начале 1933 года он отправился в Германию и в конечном итоге разработал рекомендации, целью которых было представить Гитлера за рубежом в более благоприятном свете. Ли настоятельно подчеркивал, что передал свои выводы концерну «И.Г. Фарбениндустри» и не имел сношений с правительством Германии. Тогда он уже зарабатывал от 25 до 33 тысяч долларов в год.

В то время, впрочем, как и сейчас, профессия советника по связям с общественностью была неизвестна в Европе. Хотя крупные

промышленные объединения и нанимали пресс-агентов и специалистов по рекламе, правительства европейских государств не видели необходимости создавать свой привлекательный образ. Видимо, больше всех к роли правительственного эксперта по связям с общественностью приблизился сам Геббельс.

Сведений о встречах Геббельса и Ли в 1933 году нет, но в январе 1934 года Ли возвращается в Германию и несколько раз беседует с Геббельсом. Встречи проходили без свидетелей, оба они уже умерли, так что мы никогда не узнаем, о чем в действительности шла речь. Как стало понятно из нескольких разрозненных замечаний Ли, он презирал Геббельса по двум причинам: за неспособность предвидеть, как откликнется Америка на некоторые плохо продуманные шаги (вроде антиеврейского бойкота), и за то, что тот произносил высокопарные фразы о необходимости убедить мир в ценности нацистской идеологии, вместо того чтобы взглянуть на дело с чисто профессиональной точки зрения. Мнение Геббельса о Ли нам неизвестно.

Ли советовал Геббельсу приостановить свою пропаганду в Соединенных Штатах и почаще встречаться с представителями иностранной печати, а также дал рекомендации, как следует себя с ними вести^[43]. Четыре недели спустя Геббельс устроил прием для дипломатов и иностранных корреспондентов. Очевидно, он хотел проверить на деле, насколько хорошо знал Ли свое ремесло. Однако вскоре он окончательно потерял терпение и начал изгонять иностранных газетчиков из Германии. Одной из первых его жертв оказалась Дороти Томпсон, в то время более известная не как политический публицист, а как жена нобелевского лауреата Синклера Льюиса. Она навлекла на себя гнев Гитлера, взяв у него интервью незадолго до прихода фюрера к власти и написав, что он невзрачный, не вышел ростом и никогда не добьется успеха.

Другими жертвами стали Леланд Стоу, Эдгар Анзель Моурер и Х.Р. Никербокер. Последний пользовался особой неприязнью у Геббельса, и одно время министр пропаганды вынашивал мысль обвинить его в убийстве. Целыми днями «мудрецы» из ведомства Геббельса ломали головы, пытаясь придумать, как использовать случившееся несколько лет тому назад самоубийство одного из знакомых и подтасовать факты так, чтобы подозрения пали на

журналиста. В итоге они были вынуждены признаться своему начальнику, что невозможно подтвердить его версию мало-мальски достоверными свидетельскими показаниями.

Всякий раз высланные из Германии журналисты оказывались в центре внимания. У них брали интервью, они писали книги, разъезжали по стране с лекциями. Настоящая карьера Дороти Томпсон началась после ее изгнания. Леланд Стоу написал пользовавшуюся успехом книгу «Гитлер – значит война». Айви Ли и его преемники слали из Нью-Йорка яростные телеграммы, умоляя министра пропаганды прекратить преследования американских журналистов, но Геббельс был не в силах совладать с собой. Почему он, владыка немецкой печати, должен смотреть сквозь пальцы на выпады со стороны иностранных шелкоперов? Он продолжал следить за каждым их шагом и делал выговоры по малейшему поводу. Таким образом, он упустил последнюю возможность выставить Германию в более благоприятном свете в Соединенных Штатах.

7

Третий рейх подвергался критике не только из-за рубежа. Внутри страны также поднимались голоса против гитлеровского режима. Справедливости ради надо сказать, что два с половиной миллиона человек из семимиллионной армии безработных получили работу. Однако их заработок оставался очень низким, фактически, таким же нищенским, как и в те времена, когда Гитлер называл жалование рабочих «подаванием». И на какие бы ухищрения ни шел Геббельс, скрыть действительное положение вещей было невозможно.

«Я с тревогой наблюдаю, как изо дня в день немцы шумно радуются тому, что Гитлер пришел к власти. Не лучше ли припасти наше ликование до того дня, когда мы получим результат?» – писал Освальд Шпенглер в книге «Час решения», опубликованной в 1934 году. Философу, у которого Геббельс позаимствовал некоторые мысли об исторической миссии нацистов, не верилось, что Гитлер и есть тот самый новый Цезарь, чей приход он предвещал. Он разочаровался в нацистах. В 1933 году на фестивале в Байрейте он два часа беседовал наедине с фюрером. Позже он признался друзьям, что пришел в ужас от банальностей, которые изрекал Гитлер.

«Я не стану ни браниться, ни льстить, – писал Шпенглер. – Я воздерживаюсь от оценки того, что сейчас происходит. Верно оценить событие можно лишь тогда, когда оно станет отдаленным прошлым и определение результата – дурной или хороший – станет безоговорочным фактом, то есть по прошествии десятилетий... Великое событие не нуждается в современной оценке... История вынесет свой приговор, когда современников уже не будет в живых. Нельзя говорить о победе, если нет противника... Сейчас не время для проявления чувств и для триумфа... Германия находится в опасности. И мой страх за Германию не уменьшается... Я вижу дальше других».

Геббельс вышел из себя из-за такого беспрецедентного вызова нацистской мощи и едва прикрытой критики Гитлера и его самого. Но он не только разъярился, он еще и испугался. Кто-то в Германии еще позволял себе вольнодумствовать, и, что хуже всего, этот человек действительно умел мыслить. Надо было что-то срочно предпринимать.

Вначале Геббельс собирался ответить Шпенглеру лично. Несколько раз, то днем, то ночью, он брался за перо, но потом сообщил своим сотрудникам, что отказался от своего замысла. «В конце концов, кабинет министров Германии не может опуститься до частных споров со всяким, кому вздумается написать книгу». Вместо этого он приказал нескольким авторам подготовить контраргументы на доводы Шпенглера. Были опубликованы две брошюры, но успеха они не имели. Книгу Шпенглера раскупили, а глас министра пропаганды оказался гласом вопиющего в пустыне.

Шпенглер провел остаток своих дней в горестном молчании и одиночестве. В 1936 году он скончался со словами: «Мне страшно за Германию. Она в смертельной опасности, и ей грозит гибель».

8

С тех пор как Шпенглер выпустил свою книгу, так горько разочаровавшую его «ученика» Геббельса, министр пропаганды присоединился к хору гонителей интеллигенции. Гитлер заклеил их в «Майн кампф» как «смертельных врагов всякого политического убеждения масс». Теперь ему вторил Геббельс: «Не надо смешивать интеллект с разумом нации. Либерально-демократические

интеллектуалы, с одной стороны, погрязли в критиканстве, а с другой – бездумно подражают западной демократии».

К несчастью, Геббельс сам не был обделен интеллектом. Все, что он и Гитлер говорили об интеллигенции, могло быть сказано и о нем. Он прекрасно это сознавал, и его ненависть к интеллигенции превращалась в своего рода ненависть к самому себе. Он ненавидел свою тягу к критическому анализу и пытался ее подавить с тех пор, как повстречался с Гитлером. К тому же он боялся тех, кому хватало смелости мыслить самостоятельно, вместо того чтобы жить и думать по рецептам министра пропаганды. Чем дольше он пребывал на своем посту, тем больше в нем крепло убеждение, что никому, кроме, естественно, него самого, нельзя позволять мыслить. И чтобы закрепить такое положение вещей, он готов был на что угодно.

Шестью годами ранее, когда Геббельс травил полицейского офицера Бернарда Вайса, он заставил его совершить серьезную ошибку: подать в суд за клевету. Тем самым Вайс создал нацистам рекламу, которая им не стоила ни гроша. Теперь Геббельс сам допустил точно такой же промах. Успев привыкнуть к совершенно иным масштабам деятельности, он вознамерился превратить борьбу с инакомыслием в обширную кампанию. Он назвал ее «кампанией просвещения», и она была направлена против «паникеров и критиканов». При этом он употребил немецкие слова, которые, к сожалению, невозможно перевести: *Miessmacher* и *Kritikaster*. Оба слова по звучанию напоминали еврейские фамилии. *Miessmacher* вызывало в воображении раздражительного и желчного язвенника, видящего во всем только дурную сторону. Слово *Kritikaster* было изобретено самим Геббельсом, и у немецкого обывателя создавалось впечатление, что это никчемный человечешко, не способный ни на что, кроме брюзжания.

Кампания длилась два месяца. По стране прокатилась волна в две тысячи митингов, после чего никто не хотел, чтобы его заподозрили в сходстве с *Miessmacher* и *Kritikaster*. А меньше всех остальных этого хотели журналисты.

К тому времени редакторы уже получали свежую информацию по телетайпу и другим современным средствам связи. Как правило, это были циркуляры, отпечатанные на желтой и зеленой бумаге и содержащие различные комментарии и даже обзоры киноэкрана и

рецензии на литературные новинки. К ним прилагалась инструкция с указанием, что выносить на первые полосы, а что помещать на последних страницах.

Потом вдруг произошло то, что Геббельс мог бы и предвидеть. Все немецкие газеты стали похожи, как близнецы, независимо от того, где они печатались: в Кельне, Кенигсберге, Гамбурге или Мюнхене. Читатели быстро заметили сходство, и девятнадцатимиллионный тираж снизился до восемнадцати миллионов в год. Геббельс пришел в ярость. Последовали новые желто-зеленые циркуляры и указания не просто перепечатывать официальные материалы, а предварительно переписывать их по-своему. Однако указания и циркуляры настолько въелись в газетчиков, что даже в переписанном виде материалы выглядели одинаково что в Кенигсберге, что в Кельне.

Тогда Геббельс собрал в своем министерстве всех редакторов и разъяснил им, что им не следует «бояться», что некоторая доля критики им допускается, главное – не перейти в разряд *Kritikaster*. В заключение Геббельс добавил, что они всегда могут заглянуть к нему посоветоваться и поспорить.

Дураков понимать Геббельса буквально не было, потому что собравшиеся были стреляными воробьями. Но Эйм Вельк, хорошо известный писатель и редактор крупнейшего еженедельника «Грюне пост», набрался храбрости и написал язвительную статью. Там он прежде всего высказал глубокую признательность Геббельсу за предложенную честь поспорить с ним лично, но – увы! – «сие невозможно». «Геббельс великий человек, он живет в огромном доме, там пропасть комнат и вокруг снуют толпы людей. Я честно явился в дом с тысячью окон и тысячью приемных. В каждой из них я спрашивал, как же нам дальше делать газету...»

Как только Геббельсу донесли о статье, он тотчас же наложил вето на выпуск газеты, приостановил ее печать на неопределенное время и отозвал издательскую лицензию, а автора отправил в концлагерь.

Позже Велька выпустили и даже позволили снова вернуться в ряды газетчиков. Понадобились согласованные усилия множества людей, чтобы Геббельс пусть и нехотя, но переменял свое мнение. Он уже был совершенно не способен понять, что, прибегая к насильственным мерам, он подрывает собственный авторитет.

Знакомые Геббельса, в том числе одна пишущая дама из журнала мод, пытались его переубедить. Дама доказывала ему, что, раз уж он так часто просил указывать ему на ошибки, то теперь надо не обижаться, а радоваться. Геббельс с трудом верил собственным ушам. В конце концов, он член правительственного кабинета и его достоинству будет нанесен урон, если всякий станет над ним насмехаться!

За один год Геббельс далеко продвинулся, продвинулся в отрицательном смысле. Вместо того чтобы обрушиться на Велька со всей своей иронией и тем самым поставить его на место – для такого мастера полемики, как Геббельс, это не составило бы труда, – он поддался вспышке гнева и не стал искать в свою пользу аргументы интеллектуального плана. Он отказался от литературного творчества, потому что стал диктатором. Он отказался от борьбы, потому что проигрывал.

После случая с Эймом Вельком желающих уклоняться от предписанной линии больше не находилось, вследствие чего общий дух журналистики деградировал. Вот почему в октябре 1934 года Геббельс разослал секретное указание всем редакторам и настоятельно предупреждал их против чрезмерного преклонения перед партией и официальными лицами. «Печать однообразия должна быть смыта с лица немецкой прессы».

9

Однако не со всеми *Kritikaster* можно было покончить одним махом, как с газетчиками. 17 июня 1934 года вице– канцлер фон Папен выступил перед преподавателями и студентами Марбургского университета и произвел сенсацию. С подкупающей откровенностью он заявил, что среди населения Германии растет недовольство, что бесполезно приукрашивать действительное положение вещей и тем более совершенно бессмысленно постоянно твердить немцам, что им надлежит думать и чувствовать.

Это был прямой выпад против Геббельса, хотя фон Папен не упоминал никаких имен. Через полчаса после происшествия кто-то из министерства уже сообщил по телефону содержание речи Геббельсу. Тот немедленно отдал всей немецкой прессе распоряжение не печатать ни слова из выступления фон Папена. Затем сам приготовил ему публичный ответ. «Жалкие пигмеи! – кричал он. – Нация еще не

забыла те времена, когда вы, господа, восседали в креслах и правили страной!»

Через две недели в доме доктора Эдгара Юнга, личного секретаря фон Папена и подлинного автора марбургской речи, появились гестаповцы. Его увели с собой, и больше его никто никогда не видел. С самим фон Папеном расправиться было невозможно – ему покровительствовал сам Гинденбург и военные.

Генералы тоже стояли в положении *Kritikaster* по отношению к Геббельсу. Они были недовольны тем, что Гитлер создал свою личную армию, и дали фюреру понять, что его штурмовые отряды должны быть или расформированы, или, по крайней мере, уменьшены до безопасной численности. Особенную ненависть вызывал в них капитан Эрнст Рем, начальник штаба СА, и они желали избавиться от него навсегда.

Гитлер и в самом деле избавился навсегда и от Рема, и от сотен других главарей СА во время «ночи длинных ножей» – кровавой чистки 30 июня 1934 года. Закулисное действие этого массового избиения так и не стало достоянием публики. По слухам, Геббельс обсуждал с Ремом возможность нового переворота, но с ведома Гитлера или без его ведома – неизвестно. Сам фюрер долго колебался, к кому ему примкнуть: то ли к армии, то ли к самому радикальному крылу своей партии^[44]. Кое-кто считал достаточным доказательством участия Геббельса в «заговоре» тот факт, что Геббельс в течение тридцати шести часов неотлучно находился при фюрере из опасений, что и его могут ликвидировать.

Однако беспокойство Геббельса можно объяснить более простыми причинами. Многие жертвы кровавой резни были людьми, которые еще несколько дней назад считались близкими друзьями фюрера и его верными последователями. Расправа с ними ставила перед Геббельсом труднейшую пропагандистскую задачу. Нельзя было сделать вид, будто ничего не случилось, когда по всему рейху рыскали эсэсовцы и устраивали массовые казни.

Фрицше подробно описывает, как и какое решение принял Геббельс. «Во второй половине дня 1 июля я стоял у окна в своем кабинете и видел, как доктор Геббельс вышел из рейхсканцелярии. Вскоре он зашел ко мне, что случилось нечестно. Его большие глаза полыхали огнем. Он молча протянул мне визитную карточку Гитлера.

На обратной стороне был записан короткий текст, который я смог расшифровать только с помощью доктора Геббельса. Это было сообщение о смерти Рема. Заканчивалось оно словами: «Затем он был расстрелян».

Доктор Геббельс сказал:

– Опубликуйте.

Я ответил:

– Здесь не хватает одного слова.

– Какого?

– Трибунал.

– Его судили, но об этом не сказано.

– Я верю, что его судили по всем правилам, но нам, в расчете на будущее, чертовски важно сказать, что военный суд состоялся. Давайте добавим.

– Не могу. Фюрер передал мне текст в этом виде. Он сам его составил. Я не вправе изменить что-либо.

Я кивнул, как бы в знак согласия. Доктор Геббельс ушел. Я поднялся в зал телетайпов и продиктовал сообщение, включив в него слова: «По приговору трибунала».

Вдруг зазвонил телефон.

– Вы отправили сообщение?

– Да.

– Без изменений?

– Да.

Через несколько минут я услышал неровную поступь доктора Геббельса. Увидев мою приписку, он спокойным, но властным тоном потребовал тотчас же внести исправления, что я и сделал в его присутствии. Потом он обернулся ко мне и с проступившим на лице волнением спросил:

– Вы понимаете, что ваше разгильдяйство может стоить мне головы?

Я усмехнулся:

– Я внес изменения против вашей воли, и я один буду нести ответственность. Вам прекрасно известно: несмотря на то, что его, несомненно, судили, за границей нас не поймут, если не будет слов о военном трибунале.

Геббельс взорвался. Он выкрикнул что-то о «буржуазном малодушии» и удалился».

У Геббельса были веские причины так тревожиться. Он так же хорошо, как и Фрицше, сознавал, что мир с большим подозрением отнесется к сообщению о смерти Рема, что даже немцы не смогут удержаться от лишних разговоров и пересудов и что лучше было бы добавить несколько слов о приговоре трибунала. Но в то же время тысячи людей знали, что никакого суда не было и не могло быть. Геббельс был слишком хорошим мастером пропаганды, чтобы не понимать, что вынужден совершить грубейший промах в столь тонком вопросе.

В тот вечер он объявил по радио о «заговоре» Рема и о справедливом наказании, постигшем негодяев. Гитлер сам участвовал в подготовке информации об этом, как его потом называли в зарубежной печати, «внутреннем деле». Он признал все те факты, которые и без его признания были общеизвестны. Через несколько дней, 11 июля, Геббельс мог сказать: «Правительство не пытается скрыть от общественности те свои действия, которые, вероятно, могли бы стать объектом критики. Оно предпочитает действовать открыто, чтобы люди сами могли убедиться в необходимости принимаемых мер».

10

В девять часов утра 2 августа голос Геббельса вновь прозвучал на немецком радио. На этот раз сообщение было коротким: рейхспрезидент Гинденбург покинул этот мир. Он завещал похоронить его прах в родовой усадьбе в Нейдеке и пожелал, чтобы на похоронах присутствовали только ближайшие родственники. Геббельс заполнил страницы немецкой прессы некрологами, в которых восхвалял Гинденбурга как одного из величайших деятелей Германии. Однако с последней волей фельдмаршала он не посчитался. Живой пропагандист оказался сильнее мертвого рейхспрезидента. Тело Гинденбурга перевезли в Танненберг в Восточной Пруссии, где почивший полководец одержал одну из самых крупных своих побед в Первой мировой войне. Над свежей могилой звучали речи, а Геббельс поставил грандиозный спектакль, сравнимый разве что с нюрнбергским партийным съездом.

На самом деле покойный никогда не обладал подлинным величием. Изрядная доля ответственности за поражение в войне лежала на нем, да и в том, что в послевоенные годы Германии приходилось затягивать пояс потуже, была его вина. По убеждениям он был ярким монархистом и не стал преданно служить республике, хотя и принес клятву на конституции. Обладая весьма посредственными умственными способностями, он хвастал тем, что за всю жизнь прочел от силы полдюжины книг. В его пользу можно было сказать одно: он всегда питал сильное отвращение к Гитлеру и еще более сильное – к Геббельсу. Свое презрительное отношение к ним он был вынужден скрывать, но преодолеть свои чувства никогда не мог. Старый вояка, должно быть, инстинктивно понял всю сущность Геббельса, он увидел в нем нигилиста. У Гинденбурга все же были некоторые достоинства и вера в свои идеалы, а у Геббельса, подсказывало ему чутье, никаких.

Несколько часов спустя после кончины Гинденбурга армия была приведена к присяге на верность Гитлеру. А еще через двенадцать дней в Берхтесгаден явился фон Папен и вручил Гитлеру завещание покойного президента. Как только его обнародовали, поползли слухи, что завещание поддельное.

Для сомнений и подозрений было предостаточно причин. Итак, в конце концов завещание обнаружилось, и лежало оно в конверте, запечатанном большими сургучными печатями. Но чтобы его найти, вовсе не был нужен громадный срок в двенадцать дней, тем более если учесть, что Гинденбург был не в состоянии его написать без помощи своего сына или Мейсснера, статс-секретаря (Гинденбург никогда не пользовался услугами машинисток). «Затеряться» оно тоже не могло, так как, по легенде, было составлено в замке Нейдек, откуда Гинденбург перед смертью никуда не выезжал.

5 августа министр пропаганды известил британских корреспондентов о том, что завещание отсутствует, и за весь период между кончиной Гинденбурга и чудесным появлением завещания ни одна немецкая газета ни словом не обмолвилась о его возможном существовании. Это означало только одно: циркуляры министерства пропаганды запрещали под каким-либо видом упоминать о нем.

Но еще более показателен стиль самого документа. Гинденбург никогда не был замечен в склонности к литературным оборотам

немецкого языка. Его мемуары писали специально нанятые люди, владевшие пером. А его многословное завещание пестрело несвойственными ему выражениями. Так, например, он назвал себя «фельдмаршалом мировой войны», то есть теми же словами, которые изобрел Геббельс во время последней избирательной кампании. Гинденбург непременно использовал бы правильное название воинского звания: генерал-фельдмаршал. Гитлер именовался не иначе как «мой канцлер». Но так мог бы сказать сюзерен – император или король, – но никак не Гинденбург. Весь тон был слишком высокопарным, а иногда даже встречались выражения вроде «знаменосец культуры Запада» или «юдоль страданий и слез, где царит угнетение и саморазрушение». Это были типичные клише нацистской пропаганды.

Гитлер упоминался в «завещании» несколько раз, в то время как о любимом и почитаемом Гинденбургом кайзере не было ни единого упоминания. Ничто не выражало его верноподданнических чувств к монарху. И наконец, несмотря на его глубокую религиозность, ни о Боге, ни о религии не было сказано ни слова. Одного этого более чем достаточно, чтобы считать, что документ был сфабрикован. Он мог быть написан только кем-то из узкого нацистского круга, кем-то из тех, кто в последние годы стоял в жесткой оппозиции к Гинденбургу. Одним казалось, что «завещание» подделал сам Гитлер. Другие, и среди них французский посол Андре Франсуа-Понсе, полагали, что подделка – дело рук Геббельса.

«Пропаганда – жесткая доктрина, она проистекает из живого и глубокого воображения», – заявил Геббельс несколько дней спустя на партийном съезде в Нюрнберге. Как иллюстрацию к своим словам он мог бы привести поддельное гинденбурговское завещание.

11

«Нынешнее положение Германии в сфере внешней политики напоминает время 1910–1913 годов, – написал Геббельс в одном из своих секретных циркуляров. – Непримирым врагом Германии, как Веймарской республики, так и национал-социалистического правления, является Франция». Его послание предназначалось исключительно агентам за рубежом. С другой стороны, было необходимо убедить французов в том, что нацисты желают мирного

франко-германского сотрудничества. С этой целью некто Отто Абец, молодой человек из Германии, связался в конце 1934 года с писателем Жюлем Роменом. Последний в то время являлся президентом международного Пен-клуба, который за несколько месяцев до описываемых событий выступил с осуждением преследований еврейских и нееврейских писателей-либералов в Германии и полыхающих костров из книг. Мсье Ромен был пылким пацифистом, наивно веровавшим в то, что мир можно сохранить усилиями «людей доброй воли»^[45].

Абец и представился писателю таким «человеком доброй воли». Он организовывал поездки французской молодежи в Германию, а теперь предложил Жюлю Ромену помочь ему с приглашением группы молодых немцев во Францию – с тем, чтобы укрепить культурные связи. Наконец, он пригласил и самого мэтра в Берлин выступить перед немецкой молодежью. В Жюле Ромене зыграло тщеславие. Он принял предложение в ноябре 1934 года. При входе в Берлинский университет его приветствовали сотни эсэсовцев, тысячи членов гитлерюгенда выстроились перед ним, в его честь звучали фанфары. Еще никогда частному лицу не оказывали такой прием в Германии. И Геббельс не преминул подчеркнуть это при встрече с писателем, которая состоялась на следующий день. Он жал ему руку и уверял, что речь, произнесенная Роменом, произвела на фюрера сильнейшее впечатление. Речь тут же перепечатали все газеты, естественно по указке Геббельса. Жюль Ромен был крайне польщен. Он хотел верить, что способствовал великому делу единения немецкой и французской молодежи. Вряд ли ему когда-либо приходило в голову, что, по сути, он выступил в роли бесплатного рекламного агента доктора Йозефа Геббельса.

Вопреки опасениям Геббельса завоевать французскую прессу оказалось еще легче. Интервью с Гитлером появлялись на первых полосах. Мадам Титайна, лучший репортер «Пари суар», самой крупной по тиражам газеты на континенте, едет в Берлин, и там ей улыбается удача: она берет интервью у самого фюрера. Точно так же поступает Бертран Жувенель из «Паримиди». Похоже, издатели не думали, что подобными публикациями создают Гитлеру рекламу стоимостью в многие миллионы. То же самое можно сказать и о британской прессе, хотя и с некоторыми оговорками. К примеру,

лондонская «Санди экспресс» опубликовала статью Геббельса, где тот опровергал сообщения о бесчеловечных преступлениях, творимых в Германии. Специалистом по интервью у нацистских главарей стал Уорд Прайс из «Дэйли мэйл», которой владел лорд Ротермир. После процесса по делу о поджоге рейхстага он стал рупором гитлеризма и неоднократно заявлял, что оправдание Димитрова – позорная судебная ошибка. 9 марта 1935 года он предоставил Риббентропу возможность выступить с утверждением, что Германия не вооружается.

12

16 марта 1935 года министерство пропаганды пригласило немецких и иностранных журналистов на пресс-конференцию, где доктор Геббельс должен был выступить с заявлением «чрезвычайной важности». В небольшом конференц-зале собралось около сотни человек, и через несколько минут ожидания вошел торжественный и значительный Геббельс. Он зачитал новый указ Гитлера о восстановлении всеобщего военного обучения и призыве новобранцев в создаваемые вооруженные силы численностью в двенадцать армейских корпусов, что было равно тридцати шести дивизиям.

А потом Геббельс написал одну из своих самых бесстыдных статей, где обосновывал необходимость новых мер. Она была озаглавлена «Ясность и логика». «Германия с недоумением наблюдает за тем, как повели себя европейские столицы после опубликования указа о возрождении вермахта. Нам казалось, что мир воспримет это событие с явным облегчением и чувством удовлетворения. Германия совершенно открыто заявляет о своих намерениях, и это является необходимым, если не обязательным условием для логичной и плодотворной оценки международного положения». С непревзойденным цинизмом Геббельс продолжал: «Долгое время утверждалось, что Германия скрытно перевооружается, и это вызывало беспокойство официальных кругов за рубежом. Не раз высказывались пожелания, чтобы Германия раскрыла свои тайны». Сейчас, по мнению Геббельса, пожелание исполнилось. «Исторический шаг фюрера заключается в том, что он положил конец всяческим спекуляциям. Теперь миру известно действительное положение вещей».

Посланцы британского, французского и итальянского правительств встретились в Италии в городе Стреза и выразили свой протест против односторонних действий Гитлера. На том дело и остановилось. 18 июня 1935 года англичане заключили с германским послом по особым поручениям Иоахимом фон Риббентропом военно-морской договор, по которому Германия получала право иметь свой флот в пределах 35 процентов от суммарного тоннажа британского флота. В своем первом же комментарии Геббельс заявил, что договор доказывает мирные намерения Германии.

К тому времени Италия под предводительством Муссолини уже вторглась в Абиссинию^[46]. Единственный голос протеста против диктатуры и агрессии раздавался из-за Атлантического океана.

3 января 1936 года Франклин Д. Рузвельт выступил перед конгрессом США с речью: «Пришло время, когда американский народ должен обратить внимание на растущее зло, на явную агрессию, рост вооружений, утрату стойкости, то есть на положение, которое порождает предпосылки, ведущие к трагедии всеобщей войны».

Доктор Геббельс был первым, кто осознал, что появился противник, представлявший серьезную угрозу Гитлеру и его планам. Уже в вечерних газетах 4 января по его директиве газеты напечатали комментарий к речи Рузвельта: «Американскому ли президенту заботиться о делах в Европе и Африке?»

13

Следующий демарш Гитлера начался таинственно. Около семи часов вечера 6 марта 1936 года несколько служащих министерства пропаганды были вызваны на работу. Никто не знал, что происходит. Когда они прибыли, им сообщили только то, что им запрещено пользоваться телефонами и покидать здание. Лишь приближенные к Геббельсу люди были в курсе предстоящих событий. Тем же вечером ведущие представители немецкой печати получили приглашение явиться к восьми часам утра следующего дня в Помпейский зал на важное совещание. Были также приглашены несколько иностранных корреспондентов.

Сразу же возникло множество толков, все гадали, что кроется за приглашением. Одни полагали, что министерство пропаганды готовится объявить о спуске на воду новой сверхмощной субмарины

водоизмещением пять тысяч тонн, другие утверждали, что речь пойдет о новом дирижабле, оснащенном техническими новинками. Потом радио объявило, что Гитлер на следующий день в полдень собирает рейхстаг для важнейшего заявления. В течение ночи сотрудникам Геббельса стало известно, что тот готовится к новым выборам. Но зачем и какие выборы могли понадобиться Гитлеру, если в стране осталась одна партия? Новости медленно шли по кругу из кабинета в кабинет министерства пропаганды: через несколько часов подразделения германских вооруженных сил войдут в долину Рейна, которая по Версальскому договору должна была оставаться демилитаризованной зоной, а Гитлер решил распустить рейхстаг, чтобы дать немецкому народу возможность посредством новых выборов одобрить свершившееся.

На следующее утро ожидавших газетчиков препроводили в Помпейский зал, где они оказались пленниками.

Все выходы охранялись эсэсовцами. Через полчаса их накормили бутербродами и отвезли в аэропорт, где посадили на самолеты. Только при взлете они узнали, что летят в Кельн, Кобленц и Франкфурт, дабы стать свидетелями того, как германская армия маршевыми колоннами войдет в долину Рейна.

Тремя часами позже Гитлер объявил эту новость ликующему рейхстагу. Радиостанции всего мира трубили о неслыханном событии. Экстренно собирались кабинеты министров во всех европейских столицах, за исключением Лондона: 7 марта была суббота, и все официальные лица с Даунинг-стрит разъехались на уик-энд за город. Введя войска в долину Рейна, Гитлер нарушил свое же обещание, но опять против него не приняли никаких действенных мер. Между тем Геббельс развернул мощную кампанию поддержки, и 29 марта вдруг обнаружилось поразительное единодушие у немцев, принявших участие в новых выборах: 99 процентов населения пришло на избирательные участки, и 98,8 процента из них одобрили Гитлера, отправившего части вермахта в долину Рейна. Едва ли кто в Германии сомневался в подлинности этих результатов. Пассажиры, летевшие на дирижабле «Гинденбург» тоже приняли участие в голосовании. На борту было 40 человек, за Гитлера отдали свои голоса 42.

В начале августа 1936 года Геббельс устроил самый большой в своей жизни прием. Действие происходило на его новой загородной вилле в Шваненвердере на островке озера Ваннзее, где обитали самые состоятельные и утонченные семейства Берлина. Деньги на приобретение виллы дал ему Гитлер. На лужайке перед домом натянули тенты. Гостей на остров доставляли на катерах. Угощение было непривычно богатым и изысканным для уклада дома Геббельса. Шампанское лилось рекой. Веселье длилось до поздней ночи, оркестр без остановки играл танцевальную музыку, и даже был фейерверк.

Хозяева – Магда в белом вечернем платье из органди^[47] и Геббельс в белом двубортном костюме – веселились вместе со всеми. Они могли быть довольны: у них собрались люди с именами. Да к тому же у многих имена звучали на иностранный манер. Тут были немцы, французы, англичане, американцы, итальянцы... Наступило время Олимпийских игр.

Спорт в Третьем рейхе тоже относился к ведомству министерства пропаганды и, по мнению Геббельса, был превосходным средством поддержания национального энтузиазма и международного престижа. Побеждал не сильнейший, а немец – гласил его девиз. А если уж победа волею судьбы доставалась кому-то другому, то этот другой непременно должен был быть арийцем.

Победа немецкого боксера Макса Шмелинга над Джо Луисом на нью-йоркском стадионе «Янки» летом 1936 года пришлась как нельзя более кстати. Исход боя стал большим сюрпризом для многих знатоков, предрекавших, что у Джо Луиса не будет затруднений во встрече с немцем, который был значительно старше. В Германии, напротив, никто не сомневался в победе Шмелинга. Чтобы самый сильный человек самой сильной в мире нации позволил себя побить неарийцу, да к тому же негру – такого просто не могло быть. Сам Гитлер и, разумеется, Геббельс послали Шмелингу поздравительные телеграммы. Геббельс тут же воспользовался случаем и устроил ему в Германии триумфальную встречу, которой не постыдился бы Древний Рим.

Берлин был выбран столицей Олимпийских игр еще в 1932 году, до прихода Гитлера к власти. Начиная с 1933 года во всем мире все многочисленнее становились ряды тех, кто протестовал против проведения Олимпиады в стране, где у власти стояли люди,

проповедовавшие разделение рас на высшие и неполноценные и где с таким жаром пропагандировали милитаризм. Им отвечали, что «спорт не имеет ничего общего с политикой» и что несправедливо и неспортивно менять решение в последнюю минуту. Поборники «справедливости» и «спортивной чести» не замечали, как нацисты, а в особенности Геббельс, нещадно эксплуатировали тот же самый спорт, чтобы доказать, что гитлеровский режим приемлем во всех аспектах. Геббельс старался как мог скрыть вопиющие противоречия. В одной из своих речей он договорился до того, что пожелал посредством Олимпиады «установить мир во всей мировой прессе».

Одновременно Олимпийские игры явились прекрасным средством поднять престиж Германии за рубежом. Было сделано все, чтобы произвести благоприятное впечатление на иностранцев. На несколько недель были убраны таблички, запрещающие евреям входить в отели, сидеть в кафе или отдыхать на пляжах. Был приостановлен выпуск антисемитской газетенки Юлиуса Штрайхера «Дер штюрмер»^[48].

Иностранцы попались на его уловку. Они славно провели время в столице и стали сомневаться в правдивости сообщений о концентрационных лагерях и гестаповских застенках. Зарубежные спортсмены увезли с собой незабываемые впечатления от таланта главного постановщика Олимпийских игр – Геббельса. В одном только случился неприятный казус: невзирая на превосходство арийской расы, Олимпиада еще раз подтвердила высочайшее мастерство выдающегося спортсмена – американского негра^[49]. Однако такое ничтожное обстоятельство не могло отразиться на общем великолепии представления.

15

30 октября Геббельс опять стоял на трибуне берлинского «Шпортпаласта». Казалось, совсем немного времени минуло с того дня, когда в столице появился бедный, никому не известный молодой человек. С тех пор прошло десять лет, и он стал одним из самых могущественных людей в Германии, если не в Европе.

В своем выступлении Геббельс говорил о прошедших годах, как бы оглядываясь на пройденный путь. Он рассказывал, как в 1926 году фюрер приказал ему ехать в Берлин и как он был рад подчиниться.

Гитлер слушал его речь у себя в рейхсканцелярии и понимал, что Геббельс слегка перестарался. Он усмехнулся и сказал своему окружению: «Давайте преподнесем Доктору сюрприз». Через четверть часа он стоял рядом с Геббельсом и произносил короткую импровизированную речь. «Гауляйтер вовсе не был так уж рад ехать в Берлин, как сейчас притворяется. Тем более значительными следует признать его победы» – таков был смысл слов фюрера.

«Без вас я никогда не смог бы завоевать Берлин, мой дорогой доктор Геббельс, – говорил он с теплом. – Без вас я никогда не смог бы создать наш пропагандистский механизм, самый мощный в мире... Я знаю, что вы сейчас испытываете, мой дорогой доктор Геббельс. Я так же, как и вы, взволнован нашими успехами, но ими мы в первую очередь обязаны вам... Ваше имя никогда не исчезнет из истории Германии!»

27 декабря 1936 года в Германии впервые было введено потребление жиров по карточкам.

Глава 3

Интерлюдия

1

До 1936 года произошло много разных событий. В Испании мятежники под предводительством генерала Франсиско Франко свергли свою страну в гражданскую войну. Нацистская Германия была первой державой, формально признавшей правительство Франко, о чем мир узнал из интервью Геббельса в ноябре 1936 года, непосредственно перед тем, как фашистов остановили под Мадридом.

Немецких «добровольцев» послали в Испанию еще в июле. Позднее Геббельс признал этот факт совершенно открыто. В одной из статей он пояснил: «Когда авторитарные государства вмешиваются в конфликты, ими движет исключительно чувство национального бескорыстия, берущее свое начало в их обязательствах по отношению к Европе...» Немецкая военная пропаганда – так же как и люфтваффе – должна была пройти испытания в сражающейся Испании.

У Геббельса появились обширные возможности выказать свои таланты, как, например, когда германские военно-воздушные силы

устроили напояз «пробу силы» и 3 мая 1937 года стерли с лица земли маленький городок Гернику. Геббельс ожидал от оскорбленного мирового сообщества вспышки негодования, поэтому его пропагандистская машина стала забрасывать мир сотнями историй о «красном терроре». 9 сентября 1937 года он выступил с длинной речью, где якобы раскрыл «правду» об Испании и предостерегал мир о неизбежности коммунистической диктатуры в случае поражения Франко.

После одной из тяжелейших избирательных кампаний в американской истории на пост президента был переизбран Франклин Д. Рузвельт. По указанию министерства пропаганды немецкая пресса заняла нейтральную позицию. Соединенные Штаты являлись дружественным государством, а любого вмешательства во внутренние дела дружественного государства следовало всячески избегать. Однако Рузвельт вновь недвусмысленно дал понять, что остается противником любых форм диктатуры. Одного этого было более чем достаточно, чтобы пробудить вражду всего нацистского руководства, и Геббельса в частности. Последний тогда дал указание прессе всячески принижать значение победы Рузвельта, которую во всем мире встретили с удовлетворением и даже радостью. На масштабное мировое событие отводилось всего несколько строк.

Другим событием, которому немецкой прессе не рекомендовалось уделять излишнее внимание, стал так называемый кризис британской короны. Незадолго перед тем молодой король Англии влюбился в мисс Уолли Симпсон, американку, которая уже дважды побывала замужем. Все стороны, имевшие какое-либо касательство к делу, сошлись во мнении, что брак невозможен, поскольку в ней нет ни капли королевской крови и она не может быть представлена ко двору. На сцене и за кулисами развернулась драматическая борьба, которую американский публицист Х.Л. Менкен назвал величайшей интригой со времен Рождества Христова, но подробности этой истории не представляют интереса для нашего повествования. Достаточно заметить, что правительственные круги Германии с неудовольствием восприняли отречение Эдуарда VIII, который, как им казалось, был расположен к нацистам.

Геббельс был потрясен тем, какой оборот приняли дела в Англии. Когда Эдуард VIII отказался от престола, он с оттенком

мечтательности сказал жене и теще: «Подумать только, молодой человек был рожден, чтобы занять самое высокое положение в мире. Не шевельнув даже пальцем, он уже был правителем Индии и королем Англии. Ему стоило только захотеть, и любая женщина принадлежала бы ему, а он отдал все ради одной».

Примерно два года спустя он оказался перед таким же трудным выбором, что и король Англии. Обстоятельства вынудили его принять решение, и он его принял, хотя результат был несколько иным. Но он об этом еще не мог знать.

2

По-видимому, в ноябре 1936 года Геббельсу пришлось пережить сильнейшее разочарование. Тогда распространилось известие о том, что лауреатом Нобелевской премии мира стал немецкий писатель-публицист Карл фон Осецкий. Его антивоенные взгляды, которых он не скрывал, вызвали ненависть у армейских кругов, и суд Веймарской республики приговорил его к тюремному заключению по обвинению в шпионаже. В ночь, когда горел рейхстаг, его снова арестовали, к тому же одним из первых.

С тех пор он умирал медленной и мучительной смертью в концлагере. Его били и пытали, в конце концов он заболел туберкулезом. Но мир о нем не забыл, как о других заключенных. Снова и снова поступали запросы о его судьбе, набирали силу возмущенные голоса в Швеции, Швейцарии, Англии и даже в Соединенных Штатах. Нобелевская премия Осецкому была данью цивилизованного человечества выдающемуся пацифисту в знак протеста против вопиющей несправедливости.

Геббельс оказался в странном и неестественном для него положении. Вот два человека: он, облеченный всей полнотой власти, почти диктатор, которому никто не смеет возразить, и другой, брошенный в застенки и приговоренный к забвению. Но о нем не забывают, о нем говорят! Вскоре протесты настолько усилились, что Геббельс был вынужден выпустить его, но лишь для того, чтобы поместить в еще больший концлагерь под названием Германия^[50].

В Москве Верховный суд полным ходом проводил чудовищную чистку. Не важно, сколько правды было в обвинениях и была ли она вообще, важно то, что процессы были уникальны в одном: подсудимые

признавались во всем, что им ставил в вину прокурор, и даже больше, даже в тех преступлениях, о которых их не спрашивали.

Во всем мире, наверное, не было никого, кто не пришел бы в недоумение. А Геббельс, помимо всего прочего, должен был изумиться до крайности. Подсудимые не просто не дорожили своей жизнью – это он еще мог бы счесть за героическую готовность самопожертвования, – они упускали возможность для пропаганды своего собственного мировоззрения, что казалось ему глупым и достойным порицания. Более, чем Гитлер в Мюнхене, более, чем Геббельс в берлинском суде, русские притягивали к себе взоры общественности, и весь мир ждал их показаний. У них была возможность поведать всем свою философию мировой революции – возможность, которая никогда, в самом прямом смысле этого слова, им больше не представится. Но они молчали.

3

5 октября 1937 года Франклин Д. Рузвельт выступил со своей знаменитой «карантинной» речью.

«Мир, свобода и безопасность девяноста процентов населения земного шара подвергается опасности со стороны оставшихся десяти процентов, которые угрожают взорвать весь международный порядок и законность... К несчастью, следует признать, что эпидемия мирового беззакония распространяется.

Когда появляется угроза физического заболевания, общество налагает карантин на больных с целью защитить здоровую часть населения от распространения болезни... Война, объявленная или тайная, та же заразная болезнь. Она может поразить страны и народы, даже очень далекие от театра военных действий».

Геббельс был как громом поражен, когда наутро ему подали речь президента США в переводе на немецкий язык. Он сразу осознал всю значимость слов Рузвельта. Он объяснил помощникам, что ни англичане, ни французы никогда не были столь прямолинейны и откровенны в официальных выступлениях. Президент США ясно дал понять, что ни на грош не верит в мирные уверения немецкой (и японской) пропаганды. Он открыто высказал свои опасения, что нацисты готовятся к войне.

В последующие недели немецкая пропаганда немало говорила о Франклине Делано Рузвельте. Вот в чем, как уверяли специалисты Геббельса, заключается разница между Гитлером и Рузвельтом: единственной заботой фюрера является сохранение мира, в то время как президент США, в угоду своим избирателям, вынужден взяться за разжигание войны.

4

К тому времени Геббельс уже допустил одну из самых серьезных своих оплошностей. Он начал преследовать католическую церковь. Он развязал грандиозную кампанию, которая, как показало развитие событий, оказалась дутой. Ее суть можно свести к библейским словам: «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Ему вздумалось уничтожить ту силу, которая давала миллионам немцев силу духа и покой в душе. С этой целью Геббельс обвинил католическое духовенство во всевозможных грехах и бросил против него отборные силы^[51].

Поход против католиков отличался беспрецедентным насилием и на редкость безнравственными методами. Ежедневно пресса печатала репортажи и свидетельства, содержавшие самые гнусные обвинения, то есть просто пасквилы, которые ни одна уважающая себя газета не решилась бы опубликовать прежде. 30 апреля 1937 года травля превратилась в расправу: несколько тысяч католических священников были арестованы по подозрению в гомосексуализме. Сразу же последовала волна новых антикатолических статей, в которых утверждалось, что вина подозреваемых уже доказана. Сам Геббельс внезапно вспомнил, что и он был воспитан в римско-католической вере. Так же внезапно он вспомнил, что у него четверо детей, и очень красноречиво описал страдания воображаемого отца католического семейства, которого охватывает чувство омерзения, когда до того доходят слухи о творимых в католических семинариях непотребствах.

Несмотря на громкий поднятый шум, затея Геббельса провалилась. Вряд ли нашелся в Германии хоть один человек, который поверил в то, что монахи действительно виновны в столь тяжких грехах. Возможно, впервые миллионам немцев в голову закралась мысль, что во имя государственных интересов их потчуют исключительно ложью. Геббельс потерял лицо, а люди, годами не

бывавшие в церкви, демонстративно пошли к мессе, давая тем самым понять, кому они доверяют, а кому – нет.

«Все сотрудники нашего министерства прекрасно видели, чем кончилось дело», – сказал позднее Фрицше. Факты были очевидны, не заметить их не мог даже ребенок. Один Геббельс упрямо не хотел признавать свою ошибку. И никто из друзей и соратников был не в силах переубедить его.

5

Геббельс стал великим человеком. Хотя и не самым великим: Гитлер был единственным, Гитлер был фюрером, и Геббельс понимал это. Он не был рожден, чтобы стать первым, – это он тоже понимал. Но он мог быть первым в своих удельных владениях, и он был там первым.

Теперь в его распоряжении был впечатляющих размеров кабинет. В центре на длинноворсном ковре с красно-синим узором стоял массивный, украшенный тонкой резьбой стол красного дерева. За ним стояло великолепное кресло эпохи Ренессанса с высокой спинкой. На столе, кроме тяжелой бронзовой лампы и вазы с цветами, обычно ничего не было. У окна находился круглый стол для совещаний с современными низкими креслами, крытыми ярко-красным шелком. На стене, по соседству с работами Рубенса и Рембрандта, висел огромный, выполненный маслом портрет фюрера.

Геббельс был близоруким и, оставаясь наедине с самим собой, надевал очки. Но даже самые близкие ему люди никогда не видели его в очках – ему не позволяло тщеславие. Все доклады для него печатали на машинке с тройным по размеру шрифтом. (То же самое и по той же причине делали для Гитлера.) Одна из первых внутренних инструкций, изданных Геббельсом на посту министра пропаганды, запрещала кому-либо пользоваться зелеными чернилами и зелеными карандашами, это право он оставил себе. С первого взгляда на бумагу сотрудники видели, какую правку внес сам Геббельс.

Таким образом он устроился. Вокруг находились кабинеты адъютантов, личных секретарей, помощников и стенографистов. На долю последних выпали самые тяжелые обязанности: от них требовалось неотлучно присутствовать при министре, чтобы записывать каждое его слово, поскольку никто, включая его самого, не

знал, когда ему понадобится та или иная фраза из произнесенных походя.

За несколько лет, прошедших с тех пор, как он занял «Леопольдпаласт», министерство пропаганды разрослось до чудовищных размеров. Вокруг для служебных нужд скупили все дома, да еще в придачу было выстроено новое пятиэтажное здание. В его внутреннем дворе находилась оранжерея с диковинными деревьями, тропическими растениями и фонтанами. Всего в здании было пять подъездов, два из которых предназначались только для министра, его заместителей и высокопоставленных посетителей.

Новое здание состояло из почти пятисот помещений. Тут были большие и малые конференц-залы, студии звукозаписи, залы для просмотра киноматериалов, архивы. В подвале размещалась столовая, где можно было одновременно обслужить две тысячи человек.

Ежедневно в министерство приходило от трехсот до пятисот человек, желавших попасть на прием к министру пропаганды. Но он не принимал никого, за исключением сотрудников, некоторых друзей и актеров и актрис – о них более подробно будет сказано ниже. Каждый день с почтой приходило около пяти тысяч писем, и, по свидетельству управляющего делами министерства Карла Мелиса, Геббельс требовал давать на них ответ в течение двадцати четырех часов.

В штате министерства пропаганды существовала сложная бюрократическая иерархия: 3 помощника министра, 4 Ministerialdirigenten, 8 Ministerialdirectoren, 22 Oberregierungsrate, 63 Regierungsrate, 7 Ministerialrate. Все эти труднопереводимые титулы соответствовали определенному рангу в иерархии.

Геббельс начинал со 150 сотрудниками и 200 людьми из вспомогательного персонала. К началу 1936 года их число выросло до 800 и 1600 соответственно. Через год, по приблизительным подсчетам, в министерстве пропаганды в сумме уже работало 3000 человек. В апреле 1933 года хватало пяти уборщиц, а через три года их стало сто пятьдесят. А министерство продолжало расти. К концу войны министерство пропаганды владело двадцатью двумя зданиями и еще тридцать три арендовало. И во всех кабинетах люди писали, диктовали, стенографировали, печатали, говорили в микрофоны, звонили, посылали телеграммы – и все ради Геббельса.

С того времени, когда он был депутатом рейхстага и гауляйтером Берлина с «королевским» жалованьем девятьсот марок в месяц, он прошел долгий путь. Но если брать в расчет исключительно финансовую сторону, то он мог бы желать и большего. В 1935 году его ежемесячный заработок министра составлял 1750 марок, к которым добавлялась еще небольшая сумма на представительские расходы. Потом Гитлер увеличил его жалованье на три тысячи. Но и после этого Геббельс никак не мог достичь суммы шесть тысяч марок, что выглядело совсем смехотворно по сравнению с действительно огромными деньгами, которые беззастенчиво клали себе в карман другие нацистские главари.

Зато само министерство пропаганды поглощало поистине чудовищные суммы. Первоначально министерство финансов рейха выделило Геббельсу бюджет в четыре– пять миллионов. Тот отказался даже разговаривать о такой ничтожной сумме. Он пошел к Гитлеру, тот дал соответствующие указания, и в министерство пропаганды потекли деньги из партийной кассы.

Начиная с 1935 года на плановые расходы было истрачено 67 миллионов, к которым необходимо прибавить 65 миллионов внеплановых расходов. Но и это еще было не все. От министерства финансов требовали 35 миллионов на заграничную пропаганду, 40 миллионов для Трансокеанского агентства новостей, которое одновременно являлось гнездом политико-пропагандистских агентов, 45 миллионов для Германского информационного агентства, 40 миллионов на театр и кино. А в довершение ко всему в распоряжении Геббельса находился ежегодный тайный фонд в 45 миллионов марок. (Эти статистические сведения были мне предоставлены суперинтендантом министерства пропаганды.)

В отличие от своих товарищей по нацистской партии, старавшихся не замечать разницы между личными и служебными расходами, сам Геббельс был крайне щепетилен в денежных делах. По единодушному отзыву сотрудников министерства пропаганды, он не истратил ни гроша на свои личные нужды.

Таков он был – маленький великий человек. Его боялись, уважали, проклинали, ему льстили. Работать под его началом не было особо приятным занятием. Сотрудники, чем-либо не угодившие ему, вынуждены были уходить. «Если вы не сумели расположить его к себе,

то с работой можно было прощаться» — так сказал посыльный, проработавший у Геббельса много лет.

Его секретарь фрейлейн Инге Гильденбранд рассказывала: «То, как часто менялись люди, было особенно заметно в кругу его ближайших сотрудников. Вряд ли это можно объяснить обычным расхождением во мнениях или спорами по поводу текущих дел. Пожалуй, причина заключалась в том, что от сотрудников требовали полностью отдавать себя работе. Им было нельзя жить личной жизнью... В присутствии Геббельса в воздухе словно повисало что-то тяжелое, становилось неудобно. А если он внезапно поворачивался к вам и смотрел в упор, никто не знал, что делать... Его педантизм был невыносим. Он требовал раскладывать бумаги на его столе по строго определенным правилам. Это стало похоже на доведенный до абсурда ритуал, и мы часто посмеивались над ним: газеты и документы должны лежать точно в центре стола, папки — на краю стекла, покрывавшего стол, и все ровненько, чтобы получалась прямая линия... В частных беседах он, естественно, задавал тон и подавлял собеседника. Его реплики часто отличались остроумием, но больше бывало цинизма. Сотрудники, которых он удостаивал беседы, почтительно слушали, вежливо улыбались, когда улыбка была уместной, и облегченно вздыхали, когда он, наконец, уходил в свой кабинет».

Геббельс наслаждался своей неограниченной властью, а его статьи между тем бледнели, становились все более тусклыми, сентиментальными и скучными. Почему же так случилось? Неужели он надеялся, что журналист в состоянии написать что-то стоящее за десять минут в перерыве между предвыборным митингом и различными административными заботами? Неужели он может творить, если его заела рутина и он забыл, что такое импровизация?

Геббельс был несокрушим и полон задора, когда шел в наступление. Теперь, став министром, он олицетворял собой государство. Ему следовало перестать горланить и размахивать руками, в его облике должна была появиться сановитость. Однако он не был создан для подобной жизни.

В годы, когда национал-социалистическая партия сражалась за власть в рейхстаге, депутаты-нацисты демонстративно покидали парламентское собрание. Статьи Геббельса о рейхстаге больше

походили на далеко не дружеские шаржи, на блистательные карикатуры, в которых он изливал свою желчь на храпящих в своих креслах депутатов. Теперь Германия вышла из Лиги Наций. Какой простор открылся для сарказма Геббельса! Сколько язвительных слов мог бы он сказать о ее бесчисленных комитетах с нескончаемыми заседаниями, от которых нет никакого толку, о ленивых господах из Женевы, которым недостает ума что-либо придумать и желания что-либо сделать! Лига Наций буквально просилась на бумагу под сатирическое перо Геббельса. Но выход Германии из Лиги Наций прошел бесцветно; читая газеты, было впору зевать. Не появилось ни одной статьи, которая придавала бы событию особый острый привкус.

В прежние времена Геббельс мог язвить по любому поводу, что бы ни делала республика, она априори делала плохо. Теперь же все должно было обстоять наилучшим образом. Конечно, он признавал, что это ложь и правдой быть не могло, что в партии не было людей, способных управлять страной. Его возмущало то, как обогащались Геринг и Аманн, и в частных беседах он не скрывал своих чувств. Зато все, что выставлялось на всеобщее обозрение, следовало тщательно ретушировать, его обязанностью стало восхвалять то, что было достойно порицания. И он прекрасно понимал, что расточает похвалы ничтожествам, которым место за решеткой.

Геббельс достаточно рано увидел, где самое уязвимое место его нового положения. И он поступил в высшей степени странно. Он пытался управлять прессой и устраивать митинги так, как если бы нацисты все еще оставались в оппозиции. Партия получила всю полноту власти в Германии, а заголовки газет звучали так, словно она была на грани запрещения и уничтожения. Такое впечатление создавалось не из-за общего содержания статей – наоборот, пресса ежедневно убеждала читателей в том, что твердости режиму не занимать и он продержится еще не одну тысячу лет, – а из-за общего истерического тона, который буквально пронизывал печать и выдавал напряжение, скрывавшееся за бравурно-бодрым фасадом. Типичным для ура-патриотических газет – а в Германии других и не могло быть – являлись заголовки вроде: «Против большевистско-еврейской мировой опасности», «Евреи – подстрекатели мировой революции», «Наемники иностранного легиона Коминтерна».

Возможно, неважное качество статей Геббельса объяснялось тем, что теперь он мог диктовать их в спокойной обстановке, а не писал их «на едином дыхании». Но для читателей особой разницы уже не было, немцы стали всеядны. Никогда еще Геббельс не испытывал такого циничного презрения к народу, как в первые годы нацистского правления. С другой стороны, это было время, когда перевооружение Германии сказывалось на всех отраслях национальной промышленности. Несведущий в экономике обыватель радовался и обретал уверенность, когда читал волшебную геббельсовскую статистику. Вероятно, можно предположить, что в те годы немецкий народ безусловно поддержал бы гитлеровский режим, даже не будь Геббельса с его министерством пропаганды.

Была ли пропаганда средством достижения цели? Было ли распухавшее на глазах министерство пропаганды не более чем департаментом по связям с общественностью в поддержку какой-либо идеи, политики или правительства? Порой казалось, что все правительство Германии на самом деле является всего лишь одним из отделов министерства пропаганды. Политические методы либо принимались на вооружение, либо отбрасывались, как неприемлемые, в зависимости от того, какой пропагандистский эффект они произведут. Никто не говорил: «Правительство намерено принять те или иные меры. Каким образом в этом случае мы должны подготовить немецкий народ и весь зарубежный мир, чтобы они отнеслись к нам с пониманием?» Или: «Что мы должны сделать, чтобы оправдать свои действия?» Скорее, вопрос ставился иначе: «Каким образом мы должны действовать, чтобы свести до минимума недовольство за рубежом? Что может одобрить немецкий народ? Какие меры надо принять, чтобы успокоить мир и поднять дух немцев?» То есть, по сути, не пропаганда следовала за политикой, а наоборот.

Так пропаганда стала вещью в себе, довлеющей над действительностью. И эта поддельная действительность состояла преимущественно из лозунгов. Геббельс изобретал их сотнями, а его пропагандистская машина вколачивала их в головы немцев. Первым лозунгом был «Пробудись, Германия!», затем последовали «Наша беда – евреи!», «Народу необходимо жизненное пространство!», «Кровь и грязь!» и так далее. По мере распространения пропагандистских лозунгов немцы все больше удалялись от настоящей жизни и все глубже погружались в геббельсовскую действительность, созданную тотальной пропагандой.

К концу 1937 года были проложены первые 2500 километров шоссейных дорог рейха. Такое достижение побудило Геббельса выступить с речью под названием «Дороги Адольфа Гитлера». Она пользовалась успехом, и ее называли увертюрой к миру, хотя было очевидно, что в случае войны сеть шоссейных дорог крайне необходима для быстрой переброски моторизованных войск.

За неделю до этого Муссолини покинул Лигу Наций.

Теперь Геббельс вел такой же роскошный образ жизни, как Геринг или Риббентроп. Он тратил безумные деньги на себя лично. Его гардероб состоял из доброй сотни костюмов, и полные комплекты одежды всегда и везде были в его распоряжении.

По меньшей мере дважды в день он менял рубашку и белье, но еще чаще – обувь. По свидетельству секретарей, у него было сто пятьдесят пар обуви из самых разнообразных материалов и всех мыслимых фасонов и расцветок. Его любимым цветом был белый. Летом, везде, где только было можно, он появлялся в белом льняном костюме, белых туфлях и носках. Белая одежда выгодно оттеняла его смуглый цвет кожи. Его круглогодичный загар был искусственным: не менее часа в день он проводил под кварцевой лампой, благодаря чему всегда выглядел человеком, только что вернувшимся с отдыха на горнолыжном курорте или пляже. Лишь в последние недели перед смертью ему стало не до загара.

Геббельс любил окружать себя красивыми людьми. Он терпеть не мог невзрачных, бледных секретарш и требовал, чтобы они выглядели холеными и хорошо одетыми. Он также ненавидел тех, кто непрестанно рассуждал о том, что предназначение женщины – кухня и дети. Его чувства оскорблял вид большинства жен гауляйтеров, безвкусно наряженных провинциалок, словно воплощавших идеал женственности по-нацистски. В конце концов он написал едкую статью, где вдоволь посмеялся над подобными представлениями.

«Некоторые люди – я имею в виду тех, у которых жизнь позади или которым и жить не стоит, – денно и ночно читают нам проповеди во имя революции. Однако их мораль не имеет ничего общего с подлинной моралью... Они сами себя возвели в сан судей и с завидной настойчивостью суют свой нос в частную жизнь других. Как бы им хотелось учредить по всей стране комиссии по надзору за целомудрием и смаковать любовные истории мюллеров и шульцев. Дай им волю, они мигом превратят национал-социалистическую Германию в нравственную пустыню, где будут царить доносы, грязные сплетни и вымогательство».

Геббельс не имел ничего против косметики, и тем не менее для него стало открытием, что и Магда ее употребляет. Как-то раз он застал жену за макияжем и удивленно спросил: «Дорогая, с каких пор

ты пользуешься косметикой?» На что она безмятежно ответила: «Я всегда ею пользовалась, милый».

Во всем, что касалось женских ухищрений, он оставался наивным, как ребенок. Однажды они отдыхали на балтийском курорте Бад-Хейлигендамм. Геббельс долго оглядывал женщин на пляже и вдруг взорвался, обнаружив, что почти все они блондинки. «Я бы принял специальный закон и запретил женщинам обесцвечивать волосы перекисью водорода!» – сердито сказал он. Все смущенно умолкли – Магда тоже не была натуральной блондинкой, да и обе киноактрисы, в компании которых они отдыхали, пользовались краской «Нордик» из салона красоты. По словам матери Магды, Геббельс так никогда и не узнал, что волосы его жены были крашеными.

Домашняя экономия Магды граничила с крохоборством, хотя Геббельс больше не испытывал финансовых затруднений. Магда сэкономила на всем, на чем было можно и на чем было нельзя: детей одевали со спартанской простотой, прислуге не оплачивали отпуск, питались скудно и невкусно. Доходило до того, что иногда почти всю неделю на столе не появлялось ничего, кроме жареного картофеля и селедки. Геббельсу было все равно, что он ест, к тому же он отличался скверным аппетитом. Однако угодить гостям было не так легко. Из-за убогого и скудного угощения дом Геббельсов пользовался дурной славой, и многие звезды берлинской сцены и кино, приглашенные к ним на обед, предпочитали загодя перекусить у себя дома.

Магда вскоре догадалась, что их званые вечера не пользуются особой популярностью, но неблагоприятная атмосфера возникала не только и не столько из-за плохого угощения. Главная причина крылась в том, что Геббельс словно умышленно пытался поставить своих гостей в неловкое положение. Всякий раз он предлагал поиграть в викторину и старался выставить напоказ чье-нибудь невежество. А кто не мог похвастаться знанием истории Германии, так это юные киноактрисы.

Однажды известная дива Йенни Юго не смогла назвать имя одного из прусских королей. Геббельс с нескрываемым злорадством смотрел на смутившуюся актрису, словно учитель, уличивший нерадивого ученика. Позже фрау Юго призналась: «Я знала его имя,

прекрасно знала, но боялась, что он не ариец. Вот и решила, что лучше промолчать».

8

Геббельс очень любил театр. «Он всего лишь несостоявшийся актер», – сказала о нем одна известная актриса.

Теперь он стал полновластным владыкой драматического театра. Через несколько недель после вступления в должность министра пропаганды он объявил о грядущих важных переменах. «Великая дробь барабанов, возвещающая начало новой эры, не должна стихать у портала театра, она должна быть слышна и в зале, и даже на сцене, – громогласно заявил он. – Я отвергаю лозунг интернационального искусства».

Одной из первых его «реформ» стало увольнение всех евреев – и режиссеров, и актеров. По сути, выбросив их на улицу, он убрал из искусства многих из тех, кто принес всемирную известность берлинской сцене. Позже он запретил театральную критику, как не преследующую нужных целей и приносящую только вред. «В будущем мы уделим внимание нашим театральным достижениям, имеющим общенациональную ценность, а пока избавим публику от этих пагубных обзоров», – возвестил он.

Геббельс просто терпеть не мог все виды критики. Как только речь заходила о недостатках, он терял последние остатки чувства юмора. Это особенно показательно в его отношении к кабаре. Как известно, кабаре в Германии было в большой степени политизировано, в нем звучали едкие комментарии в адрес правительства и власти как таковой. Естественно, в Третьем рейхе кабаре оказались в самом тяжелом положении, поскольку ни одному известному конферансье не хотелось даже ради хорошей шутки оказаться в концлагере в качестве Kritikaster. Не стоит объяснять, почему такой популярностью стала пользоваться горстка людей, которые еще осмеливались бросить вызов нацистам. Среди них был и некий Вернер Финк. Он выходил вечерами на сцену, и у него над головой висела армейская сабля, как бы символизирующая собой дамоклов меч. Он мог появиться перед зрителями с перевязанным полотенцем головой и сказать: «Что-то сегодня давление сверху

повысилось». Он мог приветствовать публику: «Хайль Гитлер!», а затем добавить: «А для одного процента среди вас – добрый вечер».

В сущности, Геббельс мог бы себе позволить просто посмеяться. Но способность к самоиронии у него отсутствовала напрочь. Время от времени он ссылал Финка и других конферансье в концентрационные лагеря. Подобные репрессивные меры не прибавляли авторам и исполнителям скетчей бодрости, и скоро публике уже не было над чем смеяться. Если требуются иные доказательства того, что Геббельс не обладал чувством юмора, можно привести как пример совершенно фантастический случай: в феврале 1939 года он объявил конкурс на лучшую шутку года.

Результат никогда не был обнародован.

9

С самого начала одним из самых крупных департаментов министерства пропаганды стал департамент по делам кинематографии. Уже на первом этапе туда были привлечены сотни сотрудников, которые взяли под свой надзор абсолютно все, что касалось кино. Геббельс вмешивался в производство уже на этапе сценария. Прежде всего требовалось представить краткое содержание будущего фильма на трех – пяти страницах. Геббельс тут же начинал делать замечания, возражать то против одного, то против другого, и дело долго не сдвигалось с мертвой точки. Иногда он высказывал особые пожелания, которые следовало понимать как обязательные к выполнению требования. К примеру, когда началась война, чуть ли не официально было сказано, что Геббельс не желает больше смотреть серьезные фильмы. За последующие несколько недель министерство пропаганды затопило заявки на съемку кинокомедий. Геббельс пришел в раздражение: кому понадобилось ставить столько комедий в суровое военное время? Нужны серьезные фильмы. Произошло всеобщее оцепенение. Миновало еще несколько недель, прежде чем недоразумение разъяснилось: недовольство Геббельса изначально вызвали не серьезные фильмы, а кинокартины из жизни врачей, которых было немало снято перед самой войной. Дело было в том, что немецкие слова *ernste Filme* и *Arzte Filme* звучат практически одинаково. Кто-то недослышал и недопонял, и в головах перепуганных сотрудников Геббельса произошла путаница.

Но в целом дело шло заведенным порядком. Сценарии переписывались по десятку раз, роли распределялись и перераспределялись, поскольку Геббельс оставлял за собой право отвергнуть любого не понравившегося ему актера, отснятый материал монтировался и перемонтировался, а иногда вся работа могла пойти насмарку, если Геббельс был решительно против. Потом устраивали специальный просмотр для самого Геббельса. Как правило, он указывал на сцены, которые надо было переснять или вообще вырезать. Для такого рода работы он всегда находил время.

В ранний период нацистского движения на кинематографический вкус Геббельса не особенно влияла идеология его партии. Например, его любимой картиной был «Броненосец «Потемкин», и ему было совершенно не важно, что фильм был снят в Советской России евреем Эйзенштейном. Его любимым режиссером был Фриц Ланг, не ариец и непримиримый антинацист. Он высоко ценил фильмы немецкого еврея Эрнста Любича. На закрытых просмотрах он часто смотрел картину «Золя» с актером еврейской национальности Полом Муни в главной роли. С годами он утратил интерес к американскому кино и отвергал голливудскую продукцию, так как, на его взгляд, она вредила правильному воспитанию. Но даже во время войны он предпочитал английские и французские фильмы немецким. Свое еретическое мнение он, разумеется, держал при себе, и только несколько близких к нему людей знали его пристрастия. Зато на публике он неизменно заявлял о «непобедимости» немецкого кинематографа, который завоюет весь мир.

В первое время Геббельс предпринял попытку снять несколько так называемых нацистско-партийных фильмов, но все они с треском провалились. Сами нацисты поначалу с энтузиазмом восприняли появление таких пропагандистских опусов, как «Эсэсовец Брандт», «Член гитлерюгенда Квекс» и «Ганс Вестмар», но у публики успеха они не имели.

10

Невозможно говорить об отношении Геббельса к кинематографу и не сказать несколько слов о влиянии кино на его личную жизнь. Его увлечение красотками из мира киноактрис не составляло тайны. Он приглашал их к себе раз-другой в неделю на вечера в Шваненвердере,

они пили с ним чай в его кабинете в министерстве пропаганды, а потом он просил то одну, то другую оказать ему честь и приехать на свидание в его усадьбу в Ланке. Усадьбу ему подарил город Берлин по случаю десятилетней годовщины со дня его вступления в должность гауляйтера столицы.

Что касается женщин, он был ненасытен. А дамы, удостоенные его благосклонности, с удовольствием принимали приглашение навестить его в Ланке. Женщин всегда тянуло к Геббельсу, теперь же он был более привлекателен, чем когда-либо. Он выглядел холемым, он был полон очарования, он мог быть весьма занимательным, если хотел этого. В присутствии женщин он напускал на себя несколько отрешенный вид, поглядывал на них свысока и саркастически улыбался с сигаретой в уголке рта. Складывалось впечатление, словно он не воспринимает женщин всерьез, словно он берет женщин только потому, что они придают этому слишком большое значение.

Но это впечатление было обманчивым. В действительности его отношение к женщинам не изменилось со времени ранней юности: он оставался застенчивым и полным романтических представлений подростком. Он все еще хранил у себя локоны женщин, которых любил или думал, что любил. Мог ли он любить? И какие его чувства считать любовью, если у него в жизни было так много женщин? Некоторые близкие друзья Геббельса полагали, что он бросался в крайности и излишества из-за глубокого чувства физической неполноценности. Но как бы то ни было, легкие победы не принесли ему счастья.

Он отдавал себе отчет в том, что большинство молоденьких актрис ложатся к нему в постель ради карьеры. В этом он даже подозревал женщин, которые действительно его любили и которым не нужна была его протекция. Но он отчаянно искал женщину, которая полюбит его самого. Снова и снова он объяснял своим любовницам, что может, но не станет оказывать им покровительство. И все равно Берлин полнился слухами, что та или иная актриса получила роль, потому что переспала с Геббельсом. Бывало и так, что сами актрисы выдавали желаемое за действительное. Достаточно было небрежно «обмолвиться» или даже намекнуть, как слух распространялся в мгновение ока, хотя зачастую на самом деле между девушкой и Геббельсом ничего не было. Напуганные продюсеры из желания доставить удовольствие всемогущему министру пропаганды тут же

предлагали роли честолубивой актрисе, и ее карьера была обеспечена. А Геббельс получал еще одно подтверждение тому, что его любят не ради него самого.

По-видимому, он никогда не тешил себя иллюзиями. Не было случая, чтобы он написал хотя бы строчку кому-либо из своих любовниц. Одной из них он объяснил свое поведение в откровенной и резкой форме: «В политике никакие меры предосторожности не бывают лишними. Есть немало людей, чьи карьеры могут внезапно оборваться с крупным скандалом. Но со мной такого никогда не случится».

И все же случилось. Почти.

11

Беспорядочные и многочисленные интрижки министра пропаганды, становившиеся достоянием берлинского общества, привели бы к краху не один брак. Магда Геббельс была не из той породы женщин, которые смотрят на похождения мужа сквозь пальцы, и последствия могли обернуться катастрофой. Первые годы их семейной жизни протекли относительно ровно и мирно. Геббельс вел себя как преданный супруг. Он был внимателен и заботлив и даже в самые напряженные дни политической борьбы находил для нее время.

И вдруг, два года спустя после замужества, ей стало известно, что он ей изменяет. Оскорбленная в лучших чувствах, она затеяла с ним ссору. Он не сдержался и пришел в ярость. Его вывело из себя то, что она осмелилась упрекать его в измене. Он тут же напомнил ей, что никогда не клялся ей в верности.

Магда едва могла поверить своим ушам. Она потребовала от него немедленно порвать с любовницей, некоей графиней В. Геббельс подчинился, но не мог скрыть разочарования. Он надеялся на то, что рядом с ним будет зрелый и понимающий спутник, а обнаружил просто ревнивую женщину. Это был первый удар. Семейную ссору быстро, хотя и весьма поверхностно, загладили, и стороннему наблюдателю Геббельсы казались вполне благополучной супружеской парой.

У них было шестеро детей. Хельга родилась 1 сентября 1932 года, Хильда – 13 апреля 1934 года, Хельмут – 21 октября 1935 года, Хольде

– 9 февраля 1937 года, Хедда – 5 мая 1938 года и Хейде – 29 октября 1940 года.

Все имена детей начинались с одной буквы – h. Не был исключением и сын Магды от первого брака Харальд. Это любопытное совпадение никто не мог объяснить^[52].

Из всех детей Геббельс особенно выделял свою старшую дочь Хельгу, которая была очень похожа на него. Она была развита не по годам, если не сказать больше. В одиннадцать лет, то есть в 1943 году, она стала интересоваться политикой, расовыми теориями и экономическими вопросами. Когда она была еще совсем малышкой, Геббельс уделял ей много времени, слушал ее пение и рассказы и обходился с ней при этом как со взрослой.

Хильда росла добродушным ребенком и любила животных. Остальные три девочки тоже были очень милыми детьми, но никакими талантами не отличались, видимо из-за возраста. Они умерли так рано, что больше о них сказать практически нечего.

К большому разочарованию Геббельса, у него родился только один сын – Хельмут. Это был тихий и не отличавшийся особыми способностями мальчик, с трудом общавшийся со своими сверстниками в школе. Геббельс пытался переложить вину за «неудачу» на жену, что было вполне в его духе. Когда родилась его вторая дочь, он так огорчился, что отказался навестить Магду в родильном доме. Он даже не послал ей цветы, передоверив это Гитлеру. В конце концов фюрер буквально приказал ему поехать к ней.

Когда Магда забеременела в третий раз, она часто повторяла своим друзьям, что Геббельс наверняка с ней разведется, если она снова родит ему дочь. Геббельс же объяснял странный факт рождения одних девочек тем, что Магда «слишком холодна». Тем не менее, когда, наконец, на свет появился сын, последовало пылкое примирение с ручьями слез. А годом позже опять родилась девочка, и опять, чтобы сохранить их семейные узы, должен был вмешаться Гитлер.

Фюрер вообще играл особую роль в семейной жизни Геббельса. Так как Гитлер находился на вершине власти, ему приходилось встречаться и общаться с бесконечной вереницей новых людей. Таким образом, кто-либо из них мог оказать на него довольно сильное влияние, и Геббельс опасался, что фюрер станет относиться к нему более холодно. Он всеми силами пытался обезопасить себя и, чтобы

поддерживать привязанность фюрера, действовал через Магду и даже через детей, которых Гитлер очень любил.

Но не один Геббельс искал расположения фюрера. Магда сама стремилась оказаться в числе тех, к кому он благоволил. Мы уже никогда не узнаем, смотрела ли она на него глазами Геббельса или на нее тоже действовал его персональный магнетизм. Близкие к Геббельсу люди полагали даже, что она состояла в связи с Гитлером. Во всяком случае, все они сходились в мнении, что в присутствии фюрера Магда преображалась. С нее слетала светская непринужденность, она как бы внутренне напрягалась, и в ней появлялась очаровательная застенчивость. Ей хотелось пробудить в нем интерес, хотелось сделать ему что-нибудь приятное. Как-то раз Геббельс вскользь упомянул о деле одного человека, который позволил себе язвительно высказаться о нацистском режиме. Гитлер спокойно ответил, что таких людей надо сажать в тюрьму. Магда, похожая на мадонну – со струящимися светлыми волосами, широко раскрытыми синими глазами и руками, сложенными, как в молитве, – бросила небрежно: «А я думаю, ему надо отрубить голову». И безмятежно улыбнулась фюреру. На самом деле, если бы судьба антинацистов была в руках Магды Геббельс, им бы вряд ли что грозило. Но в ту минуту ей показалось, что ее безжалостность понравится Гитлеру.

И все же в том, что Гитлер почти на два года отделился от их дома, была вина Магды. В 1934 году на съезде партии в Нюрнберге жены нацистских главарей впервые услышали о том, что у Гитлера появилась подруга по имени Ева Браун. Никто из них еще в глаза ее не видел. Движимые любопытством, они принялись сплетничать. В их числе была и Магда. Наконец пересуды дошли до самой Евы Браун. Она пожаловалась Гитлеру, и у того состоялся тяжелый разговор с Геббельсом. Он прямо высказал свое мнение о Магде и прочих «партийных» кумушках.

Геббельс вышел из себя. Он ни на мгновение не попытался встать на защиту жены, напротив, он осыпал ее бранью и упреками за то, что она разрушила его дружбу с фюрером.

12

Магда всегда пользовалась успехом у мужчин. Они постоянно окружали ее, а поскольку собственный муж пренебрегал ею, она не

могла долгое время противиться соблазну. Геббельс это понял, и в нем проснулась ревность. В особом отделе министерства пропаганды он устроил прослушивание ее телефонных разговоров и, таким образом, узнал о многочисленных свиданиях и нежных беседах Магды с молодым красавцем норвежцем.

Но Магда и не делала тайны из своего увлечения. Она даже сказала лучшей подруге, что намерена получить развод. Об этом же она сообщила и Геббельсу. Тот закатил шумный скандал и пригрозил рассказать все фюреру. Но на Магду угроза не подействовала.

Тогда Геббельс испугался, что потеряет Магду, и сник. В три часа утра он появился в квартире ее лучшей подруги и заставил ее поклясться жизнью ребенка, что у Магды с норвежцем еще ничего не было. В конце концов Магда не устояла перед его горячими мольбами и дала отставку норвежцу. Геббельс, со своей стороны, порвал со своей очередной любовницей, и видимость мира была восстановлена.

Их брак всегда сильно отличался от обычного бюргерского представления о тихой и приятной семейной жизни. Хотя Геббельс настойчиво просил ее заниматься детьми, ей все равно волей-неволей приходилось брать на себя многочисленные общественные обязанности. За неделю до родов она присутствовала на светских приемах до трех–четырех часов утра, а в первый же день по возвращении из родильного дома она опять была на очередном приеме. Однажды она выпала из мчавшегося полным ходом автомобиля, сломала ключицу, получила сотрясение мозга и потеряла сознание. Но через три дня ее уже видели вместе с мужем в театре.

Магда старалась удержать Геббельса. Это было похоже на бесконечные скачки на выносливость, но в каждом забеге против нее выступали свежие лошади. Приемы длились ночь напролет, в коротких перерывах она заглядывала в детскую, где возилась с детьми, а потом снова возвращалась к гостям. Иногда она уставала, и у нее опускались руки, но стоило Геббельсу обратиться к ней с просьбой, как она собиралась, наряжалась, накладывала на лицо косметику и опять улыбалась. Каким-то образом в этой суматохе она умудрялась выкраивать время для детей, которых растила с терпением и любовью. Она не падала духом и отказывалась передать детей на попечение новым нянькам и гувернанткам. Она редко теряла самообладание, даже когда они болели.

Мать и сестра Геббельса иногда гостили у них, но они были совершенно не приспособлены к безумному круговороту в их доме. Мать всю жизнь оставалась все той же: простой, скромной и богобоязненной. Ошеломляющие успехи сына всегда оставались для нее загадкой, она только покачивала головой и шептала про себя: «Господи, откуда у него все это?» У нее не было особых притязаний, и она неизменно отвечала отказом на частые предложения Геббельса помочь ей материально. Только в последние годы она разрешала ему время от времени оплачивать ее лечение на водах.

Его сестра обладала весьма недурной наружностью. Тихая и сдержанная по натуре, она помогала по дому. Геббельс едва ее замечал. Когда Магда лежала с очередной беременностью в клинике и заботы по домашнему хозяйству взяла на себя Мария, врач, зашедший к Геббельсу, отозвался о ней с похвалой. Тот с удивлением посмотрел на сестру, словно он впервые ее увидел. Частым гостем в доме также была мать Магды, фрау Берендт, особенно когда надо было присмотреть за детьми. С зятем она не ладила, и отношения у них были натянутыми. Она ему никогда не доверяла^[53]. Геббельс платил ей той же монетой. На его взгляд, она слишком много болтала (что верно, то верно), а кроме того, он не мог ей простить, что она когда-то была замужем за евреем.

Иными словами, дом представлял собой мирный очаг, когда в жизнь Геббельса вторглась молодая киноактриса, которую мы назовем Х.

13

Возможно, Х не обладала классической красотой, но была чрезвычайно привлекательна. Она была не очень высокого роста и стройная, на бледном нервном лице выделялись темные выразительные глаза. За один вечер она вошла в плеяду театральных звезд, выступив в паре с очень интересным актером, немецким двойником знаменитого Гэри Купера. Ни для кого не было секретом, что они жили вместе и он собирался на ней жениться.

Как-то летом 1937 года она встретила с Геббельсом. Ирония судьбы состояла в том, что их встречу устроила Магда, желавшая познакомиться с молодым актером. Его пригласили на чаепитие, и он, по предложению Магды, привел с собой Х.

Геббельс влюбился в нее с первого взгляда.

До поры до времени никто ничего не подозревал. *X* частенько заходила домой к министру пропаганды и была в прекрасных отношениях с Магдой. Даже ее приятель-актер не догадывался, насколько серьезным и глубоким становился ее интерес к Геббельсу.

Их связь открылась случайно. Как-то вечером он возвращался из студии и увидел *X* и Геббельса в весьма откровенном положении внутри ее автомобиля. Оценив ситуацию, актер пробормотал: «Ну что же, по крайней мере, теперь мы знаем, что к чему, господин Доктор», – и удалился.

Каким-то образом случай получил огласку. Поговаривали, что их застали на месте преступления. За несколько дней обычное дело превратилось в сенсацию. Шептались, будто бы актер дал Геббельсу по физиономии. Актер стал едва ли не народным героем. Некоторые его поздравляли – уж больно многие ненавидели Геббельса.

В тот период многие имели возможность наблюдать вблизи эту пару: Геббельса и юную актрису. Никто не усомнился в том, что *X* горячо любит его. Ей незачем было думать о карьере, она и так пользовалась колоссальным успехом. Она видела в нем единственно мужчину.

Вероятно, Геббельс это чувствовал. В любом случае, уж он-то ее любил. На него обрушилась всепоглощающая страсть, которая затмила собой все в его жизни. Все его существование сводилось теперь к одному – к женщине, которую он любил. Любовь словно отодвинула все остальное на задний план.

14

В начале 1938 года внутри Третьего рейха и вокруг него произошло много событий, определенным образом повлиявших на положение, в котором оказался Геббельс.

Гитлеровский военный министр генерал Вернер фон Бломберг вынужден был неожиданно уйти в отставку, так как германский офицерский корпус счел его недавнюю женитьбу недопустимым мезальянсом. Гитлер воспользовался сумятицей в рядах военных и заодно вынудил покинуть армию нескольких недостаточно надежных, с точки зрения нацистов, военачальников.

Незамедлительно начальником генерального штаба вооруженных сил Германии стал генерал Вильгельм Кейтель.

Гитлер готовил аншлюс Австрии. Положение складывалось как никогда благоприятное. Французский кабинет Камила Шотана мог пасть со дня на день. В Советской России на смену одной чистке приходила другая. Благодаря общей политике Италии и Германии в Испании восстановились отношения с Муссолини. Британский министр иностранных дел Энтони Иден ясно осознавал угрозу, исходящую из Германии, но премьер-министр Чемберлен упрямо отказывался предпринимать что-либо, что могло возбудить в Гитлере вражду. Кто мог тогда противостоять аншлюсу?

13 марта 1938 года Геббельс объявил о присоединении Австрии как о практически решенном деле. 9 апреля Австрии позволили провести плебисцит по испытанному рецепту Геббельса. Результат не удивил никого: 99 процентов населения высказались за аншлюс.

Но в происходивших весьма важных событиях Геббельс сыграл малозаметную роль. Он редко появлялся на публике. Все его мысли и поступки заполнила великая драма его жизни – любовь к молодой актрисе. Мировая история, вершить которую он так мечтал, стала для него не больше чем интерлюдия.

Глава 4

Глухая дробь барабанов

1

Это была его большая любовь.

Он виделся со своей звездой ежедневно. Не важно, насколько он был занят, он всегда умудрялся выкроить немного времени и спешил заехать к ней хотя бы на несколько минут. Он приказывал водителю остановиться за один-два квартала от ее дома, а потом поворачивал за угол и поднимался к ней. Его визиты украдкой, разумеется, не были секретом для чужих глаз. Позже она купила дом в пригороде, и встречаться стало немного легче.

Иногда он не мог уйти из министерства. Тогда она ехала на Вильгельмштрассе и прохаживалась по площади, на которую выходили окна его кабинета. Стоя у окна, он видел ее и был счастлив. А иногда

ему приходилось работать ночью над важной статьей или речью для выступления. Тогда он звонил ей и просил оставаться у телефона. Сам он при этом откладывал трубку, а она сидела у себя, прижимала трубку к уху и слушала его дыхание и скрип пера. По крайней мере, он чувствовал, что она есть, что она где-то далеко, но в то же время рядом. Он говорил, что это придавало ему сил.

Это была большая любовь. Как они ни старались сохранить тайну, их связь просочилась наружу. Все министерство пропаганды только о ней и говорило. Фрицше высказался так: «Он все поставил на карту». Вся индустрия кино смаковала новость. Продюсеры и режиссеры соперничали друг с другом, чтобы пригласить ее на роль, без всяких на то усилий со стороны Геббельса и Х. Господа из мира немецкого кино действовали по своей собственной инициативе. Им подвернулся случай снискать благорасположение Геббельса, и они без зазрения совести пытались извлечь из него выгоду для себя. Они даже пытались использовать ее в своих корыстных целях. Не проходило недели без того, чтобы тот или иной киномагнат не уговаривал ее представить министру какой-нибудь проект. Она сама за свою услугу не получала ничего. Но она была доброй по натуре, да к тому же ей нравилось выглядеть влиятельным человеком, и она охотно соглашалась выступать посредником, помогая своим просителям зарабатывать немалые деньги. Потом, правда, ей пришлось убедиться, что благодарность не входила в число их достоинств.

Геббельс был счастлив. Но Х, видимо, желала большего. Она говорила знакомым, что ждала, когда он разведется, чтобы, соответственно, выйти за него замуж. Ее желание было лишено всякой корысти, ей не был нужен муж-министр, ей нужен был он, мужчина, которого она отказывалась делить с другой женщиной.

Если бы в ее поведении была хоть капля расчетливости, крайне недоверчивый Геббельс тут же бы ее учуял. Но она вела себя так по-детски наивно, что он в душе признал ее желание справедливым и решил поговорить с Магдой.

Весь Берлин знал об их романе, одна Магда оставалась в неведении. Может быть, пересуды доходили и до нее, но она отказывалась им верить? Актриса по-прежнему иногда навещала ее, хотя теперь намного реже. Как-то раз Магда заметила у нее на пальце красивое кольцо и спросила, кто его подарил. «Человек, которого я

люблю», – вынуждена была ответить Х. Позже Магда припомнила ее ответ.

А теперь Геббельс стоял перед женой и пытался с ней объясниться. Он говорил, что их брак распадается, что он полюбил другую и просит Магду предоставить ему свободу. На просьбу о разводе она не ответила ни «да», ни «нет».

Геббельс ушел из дома. Он решил, что Магда согласилась и сама предпримет все нужные шаги, чтобы окончательно оформить развод. Он не возвращался домой неделю и жил в отеле «Кайзерхоф» напротив министерства пропаганды. Не получая известий от Магды, он поехал в Шваненвердер. Вначале на звонок в дверь никто не выходил, потом появилась Магда, спросила, зачем он пожаловал, и добавила, что ему там нечего делать. Геббельс ответил, что хочет повидаться с детьми. Магда исчезла, и через несколько минут вышли дети. После этого случая время от времени Геббельсу разрешали встречаться с детьми снаружи дома, но внутрь путь ему был заказан. Магда объявила детям, что отец, вероятно, никогда не вернется домой.

Первым делом Магда продала землю, прилегавшую к вилле в Шваненвердере. Одновременно она начала еще больше сокращать расходы. Нескольких человек из прислуги уволили, других предупредили, что, возможно, жалованье будет задержано на неопределенный срок. Магда и не думала просить денег у мужа, а сам он не выказывал желания содержать ее.

Магда поговорила откровенно с Карлом Ханке, заместителем министра пропаганды и ближайшим сотрудником Геббельса. Молодой, высокий и стройный, с темными печальными глазами, он уже давно был влюблен в Магду, и она наверняка прекрасно знала о его чувствах.

Зачем она обратилась к нему? Искала совета и утешения или хотела встретить родственную душу?

Она стала его любовницей. Любопытно то, что она не только забыла о своих невзгодах, но и обрела счастье, судя по всему подлинное. Как-то раз она сказала подруге: «Мне кажется, я могу быть счастлива с любым мужчиной». Шли даже толки о том, что они поженятся. Но когда Магда рассказала о своем намерении Герингу, тот позвонил фюреру, и на следующий день она уже вылетела в Берхтесгаден.

Позже Магда рассказала, что просила у фюрера согласия на развод с мужем. По ее словам, Гитлер ответил, что, несомненно, их размолвку еще можно уладить. Но Магда упрямо твердила, что между ней и Геббельсом все кончено.

2

Теперь начал действовать Гитлер. Он немедленно вернулся в Берлин и приказал Геббельсу явиться к нему. Между ними произошел весьма оживленный разговор, который длился более двух часов (об этом позже рассказывал сам Геббельс). Гитлер вел себя так, словно отказывался верить, что дело зашло слишком далеко. Разве фюрер не выучил Геббельса, как самого себя? Разве он не провел в его доме столько счастливых часов? Гитлеру всегда казалось, что брак Геббельса особенно удачен, естественно, и нынешняя размолвка должна разрешиться к всеобщему удовлетворению.

Геббельс отвечал, что поправить ничего нельзя. Всплыло имя Х. Геббельс доложил, что любит ее и хочет на ней жениться.

Гитлер встревожился. Он спросил: как же Геббельс предполагает это устроить? Нет, министру пропаганды Германии не к лицу разводиться. Какой пример он подаст немцам? И Гитлер подводит черту: не годится даже разговаривать о разводе.

Геббельс ответил: «Я все продумал, мой фюрер. Я полностью осознаю, что при сложившихся обстоятельствах не могу дольше оставаться на посту министра пропаганды. Поэтому я прошу освободить меня от моих обязанностей. Пожалуйста, позвольте мне получить развод и жениться на Х. Я с радостью уеду с ней. Вы как-то говорили, что вам нужен надежный человек в Токио? Так нельзя ли назначить меня послом в Японии?»

Не больше и не меньше. Геббельс был готов бросить все ради любимой женщины. Он уже был готов повторить все, что не так давно сделал король Англии. Как часто он насмеялся над политиками, загубившими свое настоящее и будущее ради личной жизни, ради счастья. А теперь сам собирался поставить крест на своей карьере.

Но убедить или растрогать Гитлера было не так просто. С ним случился один из его знаменитых приступов маниакальной ярости. Из всего, что он в возбуждении нечленораздельно выкрикивал, Геббельс понял одно: Гитлер никогда, никогда ему этого не позволит. Фюрер

метал грома и молнии, он кричал, что Геббельс просит невозможного. Его истерика достигла кульминации в словах: «Тому, кто вершит историю, не дозволена личная жизнь!»

Но Геббельс устал вершить историю. Он опять и опять приводил свои доводы, и, наконец, Гитлер решил: Геббельс может развестись с Магдой и жениться на Х, но только при условии, что по прошествии года его чувства не изменятся. Но тем временем он не должен встречаться со своей актрисой. Геббельсу не оставалось ничего другого, как подчиниться и дать слово чести.

Поздно вечером он вернулся в министерство пропаганды. Он написал записку любимой женщине, где объяснил, что по приказанию Гитлера не может с ней видеться. Записка ее подкосила. Она слегла и несколько последующих дней никуда не выходила, рыдая и отказываясь от пищи. Ее дом находился под постоянным наблюдением гестапо. Гиммлер надеялся, что Геббельс попытается встретиться с ней, и жаждал представить Гитлеру доказательства, что министр пропаганды не сдержал свое слово.

Гиммлер пошел еще дальше. На просмотре фильма с участием Х, как только она появилась на экране, в зале послышались смешки и кошачье мяуканье. Полиции было велено не вмешиваться. Скандал, естественно, устроили эсэсовцы в штатском.

Трон Геббельса зашатался. Многие полагали, что его дни сочтены. Не только Гиммлер, но и Гейдрих, и Геринг, и многие другие нацисты калибром помельче бросились собирать на него все, что могло его в той или иной степени скомпрометировать. В то время Гитлер не испытывал к нему особой приязни: подруга актрисы через посредство Евы Браун пыталась замолвить слово за несчастных любовников, и Гитлер решил, что Геббельс взялся за закулисные интриги. В припадке раздражения он приказал держать Геббельса под домашним арестом в министерстве пропаганды. Новость мгновенно облетела всех. Многие уже видели на посту министра Бальдура фон Шираха, некоторые другие ставили на Альфреда Розенберга.

Геббельс знал, как много людей быстро уверовали в то, что его карьере пришел конец. Он также знал, что крысы первыми бегут с тонущего корабля. Поэтому он искренне удивился, когда известная берлинская актриса (известная не только своими ролями, но и антинацистскими взглядами) пришла его навестить. «Ваши коллеги

покинули меня», – сказал он с тоской. Затем внезапно уронил голову на стол и разрыдался в отчаянии. Он рыдал долго, не сдерживаясь, а потом рассказал ей о распоряжении фюрера^[54].

По личному указанию Гитлера фильмы с участием Х изымались из проката и запрещались по всей Германии. Сама Х, ослабевшая от постоянных волнений, нуждалась в долгих неделях покоя. За все это время от Геббельса не было ни строчки, ни слова, и она терялась в догадках, пытаясь объяснить себе его молчание. Иногда она ходила под окнами его кабинета в министерстве. Возможно, он стоял там, за шторами, но она не могла знать об этом. Иногда она бывала на премьерах, потому что там должен был присутствовать и он. Она видела его, но не знала, заметил ли он ее.

Ее следующий фильм не вышел на экраны – как объяснили, по техническим причинам. Продюсеры все еще не забывали ее, то один, то другой начинали с ней переговоры, рисовали заманчивые перспективы и вдруг теряли интерес. Так происходило всякий раз, и главное – без объяснений. В лучшем случае говорили, что такой фильм в данной обстановке нежелателен. О запрете не было ни слова – просто нежелателен.

Далеко не сразу она поняла, что стала жертвой планомерного, хладнокровно продуманного бойкота. Она отказывалась этому верить, в ней еще не умерла надежда выйти замуж за Геббельса. Но наконец и эта надежда исчезла. К концу 1938 года она осталась без денег. Она упаковала чемоданы, погрузила их в двухместный автомобиль и покинула Берлин, где менее года тому назад считалась известной актрисой. Никто не заметил ее отъезда.

Шесть месяцев спустя, накануне войны, она еще раз наведлась в Берлин. Директор большой кинокомпании задумал устроить показ старых фильмов с ее участием и даже предложил ей новую роль. Он считал, что прошел уже достаточный срок, и поэтому пригласил ее в Берлин. Магда, узнав о том, что соперница возвращается, продиктовала секретарше анонимное письмо, адресовала его самой себе и подписала: *«Женщина из народа»*. В письме она возмущалась тем, что кинозвезда опять появится на экранах. Письмо она показала Ханке.

Тот приехал к киномагнату с двумя эсэсовцами, представился и ударил его по лицу. Пощечины оказалось достаточно, чтобы пресечь

все действия в пользу Х.

Примечателен тот факт, что на этот раз Ханке поступил вполне «бескорыстно», так как Магда больше не была его любовницей, она вернулась к Геббельсу. Вначале она отвечала отказом на все мольбы Геббельса и даже Гитлера. Она твердо вознамерилась развестись и выйти замуж за Ханке. В конце концов Гитлер потерял терпение и приказал ей с Геббельсом прибыть в Берхтесгаден. Там и состоялось показное примирение. «Берлинер иллюстрирте цайтунг» поместила на первой полосе фотографию с Геббельсом и Магдой – надутыми и отвернувшимися друг от друга – и сияющим от радости Гитлером в качестве связующего звена между ними. Если и оставался до того времени в Германии хоть один человек, не догадывавшийся о неладах в семействе Геббельс, то теперь о них узнали все. Только Гитлер выглядел очень довольным, словно сваха после сговора.

Престиж Геббельса сильно пошатнулся, и Магда прекрасно знала почему. «После случая с Х мой муж потерял свое влияние на людей, – говорила она. – Дети на улицах и то это видят». Но Магда тоже стала другой. Она больше не желала жертвовать собой ради Геббельса. Ей хотелось жить своей собственной жизнью. Она решила одним махом сменить гардероб, прическу, мебель в спальне. Когда мебель привезли, она сказала, что спальня ее больше не заботит, и отослала заказ назад. Геббельс же все больше и больше времени проводил с другими женщинами.

Снаружи все выглядело вполне благопристойно. Няня рассказывала: «Со стороны все выглядело как надо: хороший дом, здоровые и воспитанные дети, любящие родители. Но на самом деле их семья распалась. Обстановка была тяжелая, практически невыносимая. Каждый день мы ждали, что на нас посыплются несчастья».

3

В феврале 1938 года Риббентроп сменил на посту министра иностранных дел престарелого и слишком консервативного для нацистов барона Константина фон Нейрата. Риббентроп был моложе и энергичнее, но именно эти его качества не нравились Геббельсу. Кроме того, он не принадлежал к числу «старой гвардии». Риббентроп примкнул к нацистскому движению всего за несколько лет до прихода

нацистов к власти, а ко времени, когда Гитлер стал рейхсканцлером, еще даже не был членом партии. К тому же он происходил из так называемых высших классов. У него было дворянское звание – потому, что его усыновила знатная семья, – и значительное состояние – потому, что он женился на деньгах.

После вступления в должность Риббентроп уведомил Геббельса о своем несогласии с заведенным еще Нейратом порядком оставлять всю зарубежную пропаганду в руках геббельсовского ведомства. Геббельс бросился к фюреру и стал доказывать свое с пеной у рта, но тот не поддержал его. Гитлер сказал, что Риббентроп прав. Он все еще был зол на Геббельса из-за случая с Х и не хотел ему покровительствовать.

Это послужило причиной открытой неприязни между Риббентропом и Геббельсом. С тех пор они общались друг с другом исключительно в письменной форме, вплоть до самых последних дней. Их бумаги пестрели плохо завуалированными шпильками вроде «Я вынужден настаивать на том, чтобы мои указания...» или «Такое нарушение моих прерогатив...».

Желая задобрить иностранную прессу, Риббентроп открыл на Фазаненштрассе клуб, где корреспонденты могли вкусно поесть. Там была хорошая выпивка, и желающие могли провести время с приятными девушками. Взбешенный Геббельс тут же в противовес открыл свой клуб иностранной прессы на Лейпцигерплац.

На первом этапе внутренней войны верх одержал Риббентроп. За границей под контролем Геббельса оставались только атташе по пропаганде. Но министр пропаганды опасался министра иностранных дел не только из соображений престижа. На съезде партии в 1938 году Риббентроп собрал всех немецких послов за границей, которых на это время вызвали в Нюрнберг, и объявил им, что не желает получать доклады о протестах против гитлеровской политики, если Германия предпримет военные действия против Чехословакии или Польши.

Геббельсу донесли о странном указании Риббентропа, и он задумался.

4

Геббельс не хотел войны. Это не значит, что он руководствовался моральными соображениями. Просто он не понимал, почему немцы

должны подвергать себя ненужному риску. Он всегда придерживался того мнения, что угрозы войны «нет и не будет, пока мы сами того не захотим», как он однажды сказал Герману Раушингу.

Простейшим способом достичь победы без кровопролития была пропаганда. Немцев надо было попеременно то доводить до безумной ярости, то запугивать до состояния полной растерянности и беспомощности. Таким образом, вся остальная часть человечества жила в обстановке постоянной угрозы и в конечном итоге была только рада, когда казавшийся неизбежным вооруженный конфликт проходил стороной. В результате та или иная область или даже целая страна сама падала перезрелым плодом в руки тех, кто развязал пропагандистскую кампанию.

Теперь пришел черед Чехословакии. Геббельс запустил свою пропагандистскую машину и заранее подготовил немецкое радио к «войне нервов». Чтобы подкрепить хоть чем-то требования, которые Германия предъявила Чехословакии, он развязал невиданную прежде откровенно грубую кампанию. Заголовки всех газет Третьего рейха кричали: «Немецкие женщины и дети под гусеницами чешских танков!», «Газовая атака чехов в Ауссиге!». Днем позже появлялись другие: «Чехи мародерствуют!», «Чехи убивают!» и так далее.

13 сентября 1938 года лидер судетских немцев Конрад Хенляйн выступил с обращением и заявил, что жизнь немцев под властью чехов стала невыносимой. Заканчивал он словами: «Мы хотим вернуться в рейх!» Автором воззвания был Геббельс. Он прекрасно понимал, что министр обязан быть сдержан в своих выступлениях, поэтому статьи с самыми резкими своими заявлениями он подписывал псевдонимом Сагакс^[55].

Сагакс писал: «Взывать к властям Чехословакии бесполезно. С другой стороны, хотелось бы спросить Лондон и Париж: доколе Прага будет испытывать наше терпение?» Через несколько дней Сагакс снова пишет: «Зов наших судетских братьев «Назад в рейх!» будет звучать до тех пор, пока их чаяния не сбудутся».

Угрозы Геббельса были направлены не столько против Праги, сколько против западных государств. Именно его настойчивая пропаганда вынудила в конечном итоге престарелого Чемберлена посетить Гитлера в Берхтесгадене, а затем в Годесберге. Визит главы правительства Великобритании побудил Геббельса придать своей

пропаганде еще более агрессивный характер. Это было похоже на порочный круг, в котором Европу поочередно то манили миром, то пугали войной. Геббельс хотел привлечь в Германию поток иностранных туристов^[56], поэтому никогда не пел хвалу доблестной немецкой авиации. Он проливал слезы над ужасной судьбой немцев в Чехословакии, поэтому утверждал, что немецкие танки никому не грозят.

Внешне противоречивая пропаганда Геббельса преследовала весьма недвусмысленные цели, и ее успехи были немалыми. Геббельс гипнотизировал мир. В Париже и Лондоне людям уже явственно слышались разрывы бомб, и государственные деятели готовы были пойти на что угодно, лишь бы предотвратить катастрофу. В результате всех охватил страх перед войной, из-за чего на свет появился Мюнхенский пакт, предавший Чехословакию. Подписание пакта было в значительной степени ускорено усилиями геббельсовской пропаганды.

Несколько дней спустя после того, как он был подписан, Геббельс сказал в «Шпортпаласте»: «Меня много раз спрашивали, что будет, если Чемберлен не приедет в Германию? Но у меня всегда был один ответ: прекрасный господин Чемберлен должен приехать».

5

7 ноября 1938 года семнадцатилетний польский гражданин еврейского происхождения Гершель Гриншпан ворвался в посольство Германии в Париже и застрелил секретаря миссии Эрнста фон Рата. Мотивы и обстоятельства этого убийства так никогда и не были полностью выяснены. Гриншпан заявил, что мстил за притеснения родителей, живших в Германии. Однако поговаривали, что он стал всего лишь жертвой немецких провокаторов. Полагали, что Геббельсу понадобился новый пожар рейхстага.

Действия Геббельса действительно наводили на подобную аналогию. «Где находился Гриншпан последние три месяца? Кто ему помогал? Кто его снабдил поддельным паспортом? Кто научил его стрелять? – вопрошал он. – Нет и не может быть сомнения в том, что еврейские организации прятали его у себя в подполье и планомерно готовили к хладнокровному убийству».

После такой прелюдии Геббельс приходил к выводу, что преступление совершил не один отдельно взятый еврей, но и все еврейское сообщество в совокупности. «В каком закулисье должны мы искать этих людей? Неделями и месяцами крупные еврейские газеты за рубежом подстрекали мир объявить войну Германии и начать с убийства видных представителей национал-социалистического режима».

Когда Геббельс писал эти строки, немецкий народ уже откликнулся «стихийно» на гибель дипломата, который даже не был членом нацистской партии. По всей Германии громили и грабили еврейские магазины. Самих евреев избивали и расправлялись с ними на месте или отправляли в концентрационные лагеря. Горели синагоги, от них не оставляли камня на камне. Произошел погром невиданных дотоле масштабов. Печать едва успевала следить за развитием событий. Заголовки вроде «Сгорела синагога» стали обычными. Иногда из разных частей страны поступали два, три, а то и пять десятков сообщений о разрушенных синагогах. Часто заметки шли без комментариев, коротко сообщалось о том, что в синагоге вспыхнуло пламя, и ничего более. Последнее обстоятельство дает основания полагать, что некоторые редакторы пытались дать понять читателям, что они против бесконечной череды преступлений – именно преднамеренных преступлений, которые нельзя считать непроизвольной вспышкой народного гнева.

Геббельс, однако, с удовлетворением отмечал: «Взрыв народного негодования показал, что чаша терпения немцев переполнилась...»

Показателен тот факт, что правительство Германии не приняло никаких мер к тому, чтобы остановить погромы. Геббельс с присущим ему цинизмом опровергал «нелепые» предположения и домыслы словами: «Если бы организатором демонстраций был я, то на улицы вышло бы не несколько тысяч человек, а от четырехсот до семисот тысяч, и тогда результат был бы более впечатляющим»^[57].

В действительности Геббельс управлял событиями, стоя за сценой. Об этом факте было известно очень немногим, и даже Фрицше узнал о нем гораздо позже от самого Геббельса. Геббельс объяснил это так: «Иногда необходимо идти на крайние меры»^[58]. Однако он допустил серьезный просчет. Одно дело, когда некий усредненный немец читает антисемитские статьи и слушает речи, и

совсем другое, когда он собственными глазами видит, как грабят и избивают соседей-евреев, с которыми он прожил бок о бок много лет и которых уж никак нельзя обвинить в мировом сионистском заговоре.

Германия ужаснулась кошмару еврейских погромов. К евреям подходили незнакомые люди, жали им руки и говорили, что им стыдно за немцев. В трамваях и метро немцы демонстративно уступали место евреям. В магазинах их пропускали вне очереди. И многие так называемые арийцы рисковали жизнью, укрывая евреев.

Геббельс, вероятно презиравший немцев не меньше, чем евреев, – впрочем, он питал глубокое отвращение ко всему человечеству, – не мог даже допустить мысли, что после пяти лет постоянной обработки немецких мозгов остался хоть один человек, не поддавшийся его влиянию и сохранивший способность рассуждать и чувствовать самостоятельно. Он ошибся. Особенно в том, что касалось чувств. Но его ошибка не была принципиальной, просто он опередил общественное мнение на несколько лет.

Когда Геббельсу доложили, что население отрицательно отнеслось к массовому избиению евреев, он крайне огорчился. Он с горечью в голосе пожаловался помощникам на то, что еще многие считают евреев людьми.

Магде казалось, что его вспышки раздражительности не что иное, как детский вздор. Не так давно подруга затащила ее в меховой салон, и там они купили манто по очень низкой цене. Хозяином салона был еврей. Дорожная сумка, которую она подарила мужу, была сшита в мастерской, где владельцем был еврей. А теперь Геббельс вдруг требует, чтобы она отказалась от фарфорового сервиза только на том основании, что одна четырнадцатая часть фабрики принадлежит евреям? Вздор! Как-то раз она завела разговор о его любимой дочери и спросила: «А что ты станешь делать, если Хельга выйдет замуж за еврея?» Он ответил без запинки: «Тогда у меня больше не будет дочери».

Его патологическая ненависть к евреям иногда превращалась в пародию на антисемитизм. Вот, к примеру, дискуссия, которую он затеял на совещании у Геринга, где обсуждался еврейский вопрос.

ГЕББЕЛЬС: «Я придерживаюсь мнения, что у нас есть прекрасный повод уничтожить синагоги. Те, что еще остались целы, должны быть снесены самими евреями, пусть разберут их на камни.

Мы заставим их платить за все. В Берлине евреи уже готовы к этому. Мы построим им отдельные дома, стоянки для машин... Я также считаю необходимым издать распоряжение и запретить евреям посещать немецкие театры, кинотеатры и цирки... Недопустимо, чтобы евреи сидели рядом с немцами в театрах, кино и оперетте... Сегодня еврею еще позволено находиться в одном купе с немцем. Поэтому мы должны распорядиться таким образом, чтобы рейхсминистерство путей сообщения предоставляло евреям отдельные купе. Если же эти купе будут заняты немцами, то евреи не имеют права требовать, чтобы им выделили место. Отдельное купе предоставляется им только после того, как сядут на места все немцы. Им запрещается пребывать вместе с немцами, а при отсутствии мест для евреев они должны стоять в проходе».

ГЕРИНГ: «Тогда лучше предоставлять им отдельное купе».

ГЕББЕЛЬС: «Только если поезд не переполнен».

ГЕРИНГ: «Минуточку. Надо пустить один еврейский вагон. А если он уже полон, пусть остальные евреи ждут другой поезд».

ГЕББЕЛЬС: «Предположим, что в Мюнхен едет не так уж много евреев, скажем, их всего двое на весь поезд, а прочие купе переполнены. Тогда евреи могут сесть только после того, как будут предоставлены места всем немцам».

ГЕРИНГ: «Я бы отдал евреям один вагон или одно купе. А если поезд, как вы говорите, будет переполнен, закон нам не потребуется. Мы просто вышвырнем их вон, и пусть они сидят всю дорогу в туалете!»

ГЕББЕЛЬС: «Не согласен! Я не верю, что их вышвырнут. Должен быть закон... Помимо этого, евреям следует запретить сидеть в немецких парках. Я вижу, как они прогуливаются по саду на Ферберлинерплац, как они присаживаются рядом с немецкими матерями и их детьми, как они шепчутся, распускают слухи, настраивают против власти...»

Когда через несколько лет Гриншпан попался в руки нацистов, Геббельс взялся готовить чудовищное судилище. Но потом вдруг, без всяких объяснений, отказался от своего замысла. Может быть, он вспомнил, как неудачно для него прошел процесс о поджоге рейхстага, а может быть, у него нашлись иные причины. Гриншпана просто хладнокровно умертвили.

В январе 1939 года, то есть в период, который Рузвельт определил как «мир, основанный на страхе», Гитлер известил своих ближайших соратников, включая и Геббельса, что собирается начать войну еще до конца года^[59].

Новая пропагандистская кампания Геббельса началась 25 февраля со статьи, озаглавленной «Война уже видна?».

Он заявил, что войну разжигает не Третий рейх, а западные демократы. «Чего, в конце концов, они хотят? Вероятно, им не хватает чутья, столь необходимого, чтобы оценить международную обстановку... Всем давно известно, что нам от них ничего не нужно».

Вскоре последовал ответ Великобритании. Как бы защищаясь от обвинений в милитаризме, Невиль Чемберлен в речи перед группой англичан и американцев сказал, что настало время помочь Германии встать на ноги, а для этого ей нужно выделить международные кредиты. Он еще верил, что Германия стремится к миру^[60].

Геббельс использовал передышку для подготовки своего тотального наступления на Чехословакию. Он дал указание прессе в обязательном порядке включать в редакционные материалы и выносить в заголовки следующие темы^[61]:

1) чехи развязали террор против немецкого населения, чешская полиция творит произвол, вооруженные шайки чехов нападают на немецкие дома;

2) чешские войска концентрируются на границе с Судетами;

3) словацкое меньшинство на границе Судетской области подвергается преследованиям и насилию, словаков похищают и депортируют, чехи должны уйти из Словакии;

4) коммунистические лидеры тайно встречаются в Праге.

А утром 15 марта 1939 года ошеломленные пражане проснулись от грохота немецких танков. Чтобы оправдать вторжение в Чехословакию и ее раздел, Геббельс написал 18 марта: «Области Богемия и Моравия ныне возвращаются под сень германского рейха... Это всего лишь завершение исторического процесса, который начался еще в 1000 году, когда древнейший богемский летописец Козьма Пражский признал, что Богемия – часть Германии».

С неслыханным цинизмом Геббельс подтвердил, что никакие протесты мирового сообщества их не остановят. Германия не должна входить в Чехословакию, потому что чехи и немцы принадлежат к разным расам? У Геббельса подобный довод вызвал смех. «Призывы к защите чешского народа от пресловутого германского гнета звучат просто смехотворно, так как их провозглашают политики, согнавшие все народы и расы мира в свою Британскую империю и пользовавшиеся методами, которые отнюдь не отличались гуманностью. Наоборот, они прибегали к насилию. Кроме того, зря англичане апеллируют к нашим же национал-социалистическим принципам. Кстати, мы и не подозревали, что вирус национал-социализма настолько глубоко поразил головы в Лондоне, поэтому то, что они прибегают к нашим доводам, оправдывает действия Германии».

7

Там, где дело касалось чистой полемики, Геббельс постоянно выигрывал. На его бесстыдную ложь трудно было что-либо возразить. И все же он допустил серьезный промах: он уверовал, что такое положение будет сохраняться и дальше, что любое недовольство и протест против действий Германии можно будет заглушить обычными средствами пропаганды. Он надеялся, что в будущем Гитлер будет одерживать победы, прибегая только к печатному слову.

Его надежда на то, что сражаться не придется, была вполне искренней, хотя Гитлер уже решил начать войну. В этом и заключалась ошибка Геббельса: он пал жертвой курьезной формы самогипноза. Убеждая в собственной правоте себя, он впадал в самообман и в конце концов уверовал в то, что в состоянии убедить и других. «Новая война потрясет европейскую культуру до основания», – возвещал он.

После того как нацисты вступили в Прагу, англо-германские отношения заметно ухудшились. 31 марта Франция и Англия гарантировали независимость Польши и обязались предоставить ей помощь в случае нападения Германии. Позднее Чемберлен дал такие же обещания Румынии и Греции. Конечно, он не был в восторге от того, что его вынуждали брать на себя подобные обязательства, но с общественным мнением в своей стране ему приходилось считаться. Несомненно, Геббельс производил желаемое впечатление на

британское и французское правительства, но не на их народы. В этом контексте всплеск активности британской внешней политики означал в конечном счете поражение методов Геббельса.

Сразу после заключения франко-британского договора с Польшей Геббельс написал очередную провокационную статью, озаглавленную «Кто хочет войны?». По его словам, Германия искренне пыталась ее избежать. «Если в черный час истории разразится новая европейская война, во всем мире должен раздаться крик: «Евреев к ответу!» Статья появилась в прессе через два месяца после того, как Гитлер принял решение начать войну в том же году! Но Геббельс, видимо, все еще надеялся, что до войны не дойдет.

Конечно, Геббельс допускал, что кое-какие изменения в Европе и мире необходимы, потому что «немецкий народ принадлежит к так называемым неимущим нациям. У англичан есть империя совершенно несоразмерных масштабов... А наша собственная территория слишком мала, чтобы прокормить наш народ». Позже, в конце апреля, он повторяет: «Всем нам известно, что существуют нации, которые купаются в роскоши и не знают, что делать с излишками сырья и золотым запасом. Но есть и другие, которые с трудом могут удовлетворить свои самые насущные потребности».

Он никогда не устал утверждать об этом. Запись от 20 мая: «Германия и Италия – два самых пролетарских народа в Европе. Целые страны и континенты находятся под игом богатых наций, которые скопили бесчисленные богатства путем бесцеремонного и подлого грабежа». Приведем еще выдержку из статьи «Классовая борьба наций»: «Есть такие, что не в силах потребить все, что они произвели, в то время как нуждающиеся сидят на голодном пайке... Вот причина кризиса и напряженности, которые так тревожат Европу...» По официальной версии, он вел борьбу с враждебным Германию зарубежьем, но по сути – сдерживал воинственные настроения и в собственной стране. Он все поставил на оружие пропаганды в надежде так запугать другие народы, чтобы война стала немыслимой.

8

Рузвельт был убежден, что надвигается война. Еще 14 апреля он обратился к диктаторам с призывом: «Я уверен, вы осознаете, что

сотни миллионов человеческих существ во всем мире ныне пребывают в постоянном страхе новой войны, а может быть, и ряда войн». Тогда же президент предложил Гитлеру и Муссолини ввести десятилетний мораторий на военные действия для всех суверенных государств Европы и Ближнего Востока.

Фактически, Гитлер дал ответ Рузвельту в своей речи перед рейхстагом. Он объявил, что Германия более не считает себя связанной ни военно-морским соглашением с Англией от 1935 года, ни польско-германским пактом о ненападении, подписанным в 1934 году. После его воинственной речи Геббельс осознал, что войны избежать не удастся. Создавалось даже впечатление, что он сам теперь прилагает все усилия, чтобы она действительно стала неизбежной. Когда 6 мая польский министр иностранных дел полковник Юзеф Бек в примирительной речи в последний раз попытался призвать к мирному решению польско-германского вопроса, Геббельс не разрешил газетам напечатать ни единого слова. Только через сутки немецкое радио лаконично сообщило о выступлении Бека без ссылок на его содержание. Вместо этого слушателям поведали о том, что в Польше поднялась волна преступлений против граждан Германии.

В последующие дни пропагандистский трюк повторялся снова и снова, и накал страстей достиг высшей точки в статье Геббельса «Вместо указательных знаков – штыки».

В ней Геббельс живописал разразившиеся в Польше погромы немецких семей. Погромы, естественно, были мнимыми.

В разговоре с Фрицше Геббельс раскрыл, что он в действительности думает о развязанной им новой антипольской кампании: «Вся эта болтовня о войне – совершенный вздор. Конечно, наш удар направлен против Польши, но это не будет войной против Запада. У Англии сдадут нервы, и получится новый Мюнхен».

В Англии и особенно во Франции находилось немало людей, которым новый Мюнхен казался вполне приемлемым и которые не хотели воевать за Польшу. Геббельс называл их голоса «голосами благоразумия». Когда бывший французский министр авиации Марсель Деа опубликовал статью под названием «Умереть за Данциг?», Геббельс создал ему шумную рекламу в прессе.

Поскольку «голосов благоразумия» было недостаточно, Геббельс вспомнил об «угрозе окружения». Призрак окружения бродил среди

политиков Германии еще со времен Эдуарда VII^[62]. Он стал пугалом на страницах немецкой печати в месяцы, предшествовавшие началу Первой мировой войны. Геббельс воскресил почивший в бозе термин и придал ему несколько иной, обновленный смысл. Он собирался убедить своих соотечественников и весь остальной мир в том, что вокруг Германии смыкается кольцо враждебных стран и она вынуждена вступить в бой, разумеется, чтобы защитить себя. 20 мая он написал статью «В осаде», за ней 27 мая последовало продолжение «Еще раз про осаду». А 1 июля он подробно растолковал значение «ужасного слова «окружение».

В то время «ужасное слово «окружение» стало все чаще и чаще встречаться в его речах и других трудах. Оно стало всеобъемлющим лозунгом и лейтмотивом нацистской пропаганды. Благодаря этому слову весь мир оказался в окружении – в окружении геббельсовской пропаганды.

Фрицше, однако, понял, что международное сообщество стало по-иному воспринимать пропагандистскую кампанию Геббельса. Обзоры материалов в зарубежных средствах массовой информации стали его тревожить. И он начал класть эти обзоры на стол Геббельсу, чтобы тот сам их прочел и убедился, насколько изменился и стал более агрессивным тон англичан со времени Мюнхенского соглашения. Геббельса нелегко было убедить, но Фрицше ежедневно доставлял ему свежие сведения, пока как-то вечером министр не позвонил ему. «Вы правы, – сказал Геббельс. – Англия идет к войне. Против этого надо что-то предпринять».

Геббельс доложил Гитлеру. Тот выслушал его, но, как и обычно, фюрер все знал лучше других. Если Риббентроп сказал, что Англия не выступит в поход, значит, не выступит.

По возвращении Геббельса Фрицше спросил его о результатах, но тот только пожал плечами. И вдруг Геббельс закричал в отчаянии и гнев: «Мы не для того работали шесть лет, чтобы на седьмом году потерять все!»

В то самое время шли переговоры между Гитлером и Сталиным по пакту о ненападении.

9

У Геббельса было слишком мало времени, чтобы подготовить немцев к поразительной новости. В воскресенье 20 августа 1939 года в печати появились смутные упоминания о том, что Германия и Советская Россия близки к подписанию нового торгового соглашения. Никаких комментариев не было. Само по себе соглашение казалось делом рутинным, лишенным всякого политического значения. Единственное, что стало обращать на себя внимание, так это то, что из прессы напрочь исчезли всяческие антисоветские выпады. Министерство пропаганды дало указание приостановить «на время» клеветническую кампанию против большевиков.

В 11 часов утра в понедельник 21 августа по радио внезапно объявили экстренный выпуск новостей. В первых двух параграфах советско-германского соглашения говорилось следующее:

1. Обе договаривающиеся стороны берут на себя обязательство воздерживаться от любых актов насилия, агрессии и применения силы по отношению друг к другу как самостоятельно, так и в союзе с другими государствами.

2. В случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению третьей страны, вторая договаривающаяся сторона не будет поддерживать эту третью страну ни в какой форме.

Многие немцы, как и жители других стран, были поражены. С 1933 года нападки на большевиков были частью повседневной официальной политики. Материалы антисоветской направленности заранее готовились для публикации в приложениях к газетам. 25 августа в Мюнхене должна была состояться лекция на тему «Обвиняется Москва – коминтерновский план мировой диктатуры», которую в последнюю минуту пришлось заменить концертом русской музыки. За одну ночь русские и немцы превратились в братьев по оружию. Как мог Геббельс объяснить такую метаморфозу своей аудитории? Будь у него побольше времени, справиться с задачей было бы намного проще. Но и теперь, и много раз в более позднее время главную роль в событии играла внезапность. Гитлер нанес удар без предупреждения. Поскольку фюрер пожелал удивить мир, Геббельс не

мог подготовить немецкий народ. Точно так же он не мог мгновенно остановить маховик антисоветской кампании.

Геббельс столкнулся с неординарной дилеммой. Еще весной он постоянно упрекал Запад в том, что он отказывается объявить войну большевизму. 22 апреля он возмущался тем, что лорд Галифакс назвал большевизм «абстрактной философией», а 17 июня вышел из себя после заявления Чемберлена о том, что, «если будет найден способ, могущий обеспечить сотрудничество с Советским Союзом в укреплении мира, Англия будет это приветствовать».

Теперь его вынудили делать аналогичные заявления. И он их делал не моргнув глазом. В вечернем выпуске своей газеты «Ангрифф» уже на следующий день после подписания пакта он написал: «Мир перед свершившимся фактом: два народа, исходя из общей позиции в международной политике и продолжительной традиционной дружбы, создали основу для взаимопонимания».

Подумать только, традиционная дружба! Несколько дней германская пресса сосредоточилась на главной теме: пакт уменьшает, а может быть, даже исключает опасность войны. Возможно, это было именно то, что немцы хотели прочесть. Послушно, не возражая, они приняли к сведению и сам пакт, и все слова о «традиционной дружбе» между их страной и Советской Россией. Скорее всего, их безропотность правильнее считать не личной заслугой Геббельса, а следствием его монополии как на новости, так и на комментарии к ним. В Советской России существовала точно такая же монополия, если нарком иностранных дел Молотов мог безнаказанно выразиться: «Фашизм – это дело вкуса». Но всюду в мире, где еще сохранилась свобода печати, сообщение о пакте произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Сам Геббельс нигде не выразил своего мнения о заключении пакта. Он только заметил в новогоднем обзоре последних событий, что «попытки Британии вовлечь Россию в свою политику окружения потерпели крах».

10

Пока Геббельс предпочитал хранить молчание. После 14 июля и до конца года он не опубликовал ни одной статьи. Никогда прежде Геббельс не замолкал так надолго.

Его тревожила надвигавшаяся война. Его терзали сомнения – он поделился ими с Фрицше, – не несет ли он ответственности за такой угрожающий поворот событий. Он двинул свою пропагандистскую машину в наступление на противника в надежде запугать его до такой степени, чтобы тот не осмелился вступить в войну. Но он перестарался, он запугал противника настолько, что тот в отчаянии решил поставить на карту все. Немецкая пропаганда оказалась слишком эффективной. Не будь она столь хороша, было бы лучше.

Теперь он, внешне, как и всегда, спокойный, сидел в своем роскошном кабинете и думал. Когда начнутся боевые действия, ему предстоит вести военную пропаганду. Этого можно было избежать, но уже слишком поздно. Что ему оставалось делать?

Антипольская кампания ни в коем случае не должна была ослабевать, а, напротив, нарастать. «Убит офицер СС!» «Застрелены двое штурмовиков!» «Избита ни в чем не повинная семья!» «Вся Польша в военной лихорадке!» «Хаос в Верхней Силезии!»

Что еще он мог сделать? Геббельсу представили новые нормы потребления продуктов: 700 граммов мяса в неделю, 280 граммов сахара, 110 граммов повидла, 2 унции кофе. Уголь, мыло, обувь, текстиль тоже будут распределяться по карточкам. Это был удар по немецкому народу, и никто лучше Геббельса не знал, насколько серьезный. Зарубежные страны представили введение карточек как поражение в еще не начавшейся войне.

Конец августа выдался жарким и душным. С безоблачного неба солнце лило свои лучи на покрытые асфальтом улицы Берлина. К железнодорожным составам на станциях тянулись солдаты, их провожали жены и дети. Никто из них не радовался, их лица оставались строгими и серьезными. Печать и радио, находившиеся во власти Геббельса, и не пытались возбудить в массах энтузиазм. Министр пропаганды рассудил, что если люди не считают войну развлечением, то это вполне естественно.

После 1933 года в истории Германии произошло немало событий, когда площадь перед рейхсканцелярией бывала запружена ликующей толпой. Сегодня, 28 августа, когда посол Великобритании вернулся с окончательным ответом своего правительства, на Вильгельмплац едва ли насчитывалось пять сотен человек. Повсюду, и в столице, и во всем рейхе, люди были против войны и ясно дали это понять. Они не имели

представления о том, что поставлено на карту. Данциг? Польский коридор? Стоит ли воевать ради них? И почему им раньше не сказали ни слова? Почему правительство вело их за собой, как поводырь слепца?

И вот 1 сентября 1939 года Гитлер объявил депутатам рейхстага, собравшимся в «Кроль-Опера-Хаус»:

«В 5 часов 45 минут утра мы ответили на польский орудийный огонь и с той минуты на бомбы отвечаем бомбами». Было невыносимо жарко. Все взмокли от пота. Геринг выглядел так, словно только что вышел из бани. Один Геббельс, как обычно, сохранял хладнокровие и спокойствие. Он впервые показался на людях в новой форме. Со сложенными на коленях руками, он, казалось, внимательно вслушивался в речь Гитлера, которую в те минуты переводили на множество языков и транслировали по всему свету. Гитлер сказал: «Я вновь облачился в одежды, которые были для меня самыми дорогими и священными, – в солдатскую форму. И я не сниму ее, пока мы не одержим победу. Иначе мне незачем жить».

Какой особый смысл услышал в его словах Геббельс? Не стали ли они для него предупреждением судьбы? Мог ли он предположить или предугадать, что должно случиться потом?

В ту ночь в Берлине впервые было затемнение. Понимал ли Геббельс, что больше никогда в жизни не увидит сверкающих огнями вечерних улиц столицы? Сейчас он сидел в своем громадном министерстве пропаганды, а вокруг простирался темный Берлин, столь разительно отличавшийся от того Берлина, каким он его увидел тринадцать лет тому назад, когда приехал впервые. Тогда он был полон света, красок, музыки, шума, словом, он был полон жизни.

Предстояло много работы. В конце концов, разве не было настоящей необходимости пробудить в людях энтузиазм? Разве не было его обязанностью заставить людей радоваться и пить за грядущую победу, чтобы потом они охотно пошли на заклание, как в 1914 году?

«Нет, – сказал министр пропаганды своему верному Фрицше. – То, что буржуа называют настроением людей, не является решающим фактором в военное время. Энтузиазм и ликование всего лишь подобие чучела, которое сжигают на костре. Он бесполезен для нас, а значит, нет смысла его пробуждать. В конце концов, как долго это

продлится? Давайте не будем тешить себя иллюзиями, война будет долгой и упорной. И в ней куда важнее будет твердая решимость, которая выражается в ежедневном исполнении своих обязанностей, а не шумные празднования побед»^[63].

Наверное, он был единственным руководителем в Германии, верно оценивавшим длительность и тяготы войны. Теперь ему предстояло модернизировать свой механизм пропаганды таким образом, чтобы он мог преодолевать препятствия.

И он этого достиг. Его машина стала не просто мощной, она получила способность к самовозрождению и в результате пережила германский вермахт и даже сам Третий рейх.

Часть третья

...И Слава

Глава 1

Победы и молчание

1

3 сентября 1939 года в Атлантическом океане на пути следования в Соединенные Штаты был торпедирован и затонул английский лайнер «Атения». Пассажиры, среди которых было много американцев, а большинство составляли женщины и дети, бежали из Европы, охваченной предчувствием надвигающейся войны.

Корабль был потоплен германской подводной лодкой, но официально этот факт никогда не признавался. Немецкое командование хранило молчание – по рекомендации министерства пропаганды^[64].

Геббельс действовал с молниеносной быстротой. Прежде чем Британия, Соединенные Штаты или какая-либо другая страна успели сообщить и прокомментировать ужасное событие, Геббельс, не давая противнику времени найти подтверждения тому, что британский лайнер был атакован германской субмариной, уже выступил с ошеломляющим «разоблачением»: англичане, по его словам, сами пожертвовали «Атенией», чтобы представить немцев настоящими

преступниками в глазах всего мира. Как утверждал Геббельс, этот хитроумный пропагандистский маневр был разработан коварным Уинстоном Черчиллем, первым лордом Адмиралтейства, но, к счастью, нацистам удалось разоблачить подлый обман. Захлебываясь от усердия, германские пресса и радио на протяжении нескольких недель с утра и до вечера распространяли нелепую стряпню своих идеологов, призванную защитить военную машину Германии от нападков противников. «Совершенно исключено, – твердил дружный хор пропагандистов, – чтобы немцы имели хотя бы косвенное отношение к гибели «Атении» по той простой причине, что фюрер категорически запретил любые нападения на пассажирские корабли».

Сам фюрер до такой степени остался доволен пропагандистским трюком своих вассалов, что лично распорядился поместить в «Фелькишер беобахтер» крайне агрессивную статью, в которой Черчилль выставлялся главным виновником того, что множество людей погибло в океане. Геббельс, который сам руководил всей кампанией, написал всего одну статью, связанную с делом «Атении», и даже не поставил под ней свое имя. Иначе говоря, он хранил молчание до конца года. Вскоре его добровольное безмолвие породило самые разнообразные слухи. Некоторые поговаривали, что его отстранили от должности. Их утверждения были не так уж и далеки от истины, но только в том смысле, что Геббельс не был допущен к редактированию сообщений германской армии. Генералы отказались передать ему это право. Более того, не кто иной, как Отто Дитрих, сменивший Вальтера Функа на посту главы департамента печати Третьего рейха, был удостоен чести постоянно присутствовать на совещаниях в штаб-квартирах высших военачальников и занимать место рядом с самим Гитлером. Именно ему Гитлер поручил выпуск так называемого «Тагеспароле» – краткой директивы, которую министерство пропаганды передавало в редакции газет с четкими разъяснениями, каким образом следует представлять читателям внутри страны военную обстановку.

Геббельс пытался взять выпуск «Тагеспароле» на себя, но Гитлер пресек его попытки в корне. Это тоже было своего рода поражение, которое, однако, не принесло существенного вреда могущественному аппарату Геббельса. Были ли справедливы слухи о том, что армия никогда не жаловала Геббельса и что генералы советовали Гитлеру

отстранить его? Говорили также, что Геббельс намеревался выступить с речью, предупредить народ о предстоящих тяжелых испытаниях и призвать каждого немца к жертвенности во имя великой победы, но Гитлер якобы наложил на нее вето и сказал: «Уж не считаете ли вы себя именно тем человеком, которому подобает произносить такие речи?» Был ли справедлив и этот слух?

Возможно, в каждом домысле содержалась крупица правды. Можно даже допустить, что некоторые главари Третьего рейха полагали, что Геббельс со своей пропагандой изжил себя, что в нем уже не было необходимости, так как германская армия изо дня в день одерживала быстрые и впечатляющие победы. И все же представляется крайне невероятным, чтобы Гитлер всерьез намеревался устранить своего министра пропаганды в военное время. Он сам писал: «Примеры доказывают, к каким невероятно важным результатам может привести умело развернутая пропаганда во время войны»^[65].

2

Кроме того, Гитлер отдавал себе отчет в том, что военными успехами в первые недели – а затем и в течение всего 1940 года – он был в значительной степени обязан огромной подготовительной работе, проделанной Геббельсом. Поляки, а позднее и французы, растерянные и деморализованные так называемой «психологической войной», фактически, потерпели поражение еще до начала боевых действий. Никто не может сказать, что могло бы случиться, окажись тактика Геббельса в Польше такой же неэффективной, как и та, что он позднее применил в отношении Англии.

Геббельс начал внимательно изучать методы пропаганды своих противников, и то, что он узнал, не могло вызвать у него уважения: вражеская тактика воздействия на умы людей оказалась на поверку по-детски беспомощной и любительской. В то время как в Польше германские дивизии шли маршем от победы к победе, британские самолеты кружили над Германией и сбрасывали листовки, в которых Чемберлен наивно призывал немцев, пока еще не поздно, порвать с Гитлером.

Вопиющее отсутствие психологического чутья не укладывалось в голове. Геббельс презрительно обозвал глупых бриттов

«подмастерьями от пропаганды», а Фрицше не замедлил познакомить с изобретенным им острым словом своих радиослушателей. Геббельс пошел еще дальше. С удивительной проницательностью он понял, что союзническая пропаганда была полностью лишена идеологической основы, в ней не было ни слова о том, во имя чего велась война. Казалось, среди тех, кто вдохновлял пропаганду противника, не нашлось ни одного человека, кто сам знал бы, зачем и почему они воюют. Именно этот их промах и стал отправной точкой для пропагандистской кампании Геббельса. Неприятелю на все лады задавали один и тот же вопрос: «Какого черта вы ввязались в дурацкую войну?»

Логика была такова: если союзники не понимают, зачем они вступили в войну, то им лучше отказаться от ее продолжения. Но если они упорствуют, следовательно, вся ответственность ложится на них, и только на них. Однако была ли война вообще? Если и была, то геббельсовскому пропагандистскому аппарату, похоже, об этом было очень мало известно. Само слово «война» очень глухо упоминалось в немецкой прессе. Война против Польши называлась не иначе как «кампания» или, в крайнем случае, как «карательная экспедиция», и только.

Тактика замалчивания действительных целей принесла свои плоды: великие победы в Польше не представлялись таковыми в сознании среднего немца. Когда, после всего лишь недельного сопротивления поляков, войска Германии подошли к Варшаве, весь мир содрогнулся, но на улицах крупных немецких городов царило обычное спокойствие. Геббельс и не собирался без крайней необходимости пробуждать энтузиазм масс. Министерство пропаганды нисколько не приукрашивало сообщения генштаба, излагаемые простым и по-военному лаконичным языком. Предполагалось, что немецкий народ должен думать следующим образом: нам подаются факты, и ничего кроме фактов, они говорят сами за себя, следовательно, все обстоит именно так, как нам сообщают, фактам можно доверять.

Более того, подкупающая точность донесений с театра военных действий имела также целью повлиять на общественное мнение за границей, и эта цель достигалась. Вскоре сложилось общее впечатление – и об этом говорили во всеуслышание, – что сообщения

немцев более достоверны, чем информационные сводки союзников, и что германская печать публикует известия о событиях, о которых затем союзническое командование сообщает только через два-три дня.

Что правда, то правда, в то время в военных сводках немцев не утаивалось практически ничего, поскольку речь шла исключительно о постоянных успехах. Вероятно, именно по этой причине Геббельс мог себе позволить обходиться без цензуры при передаче информации о положении на фронте иностранным корреспондентам. В то же время в Париже и Лондоне газетчики сталкивались со значительными ограничениями со стороны властей. В Париже цензоры буквально демонстрировали торжество глупости над здравым смыслом. А в Лондоне одному иностранному корреспонденту, попросившему дать ему одну из листовок, которые дождем сыпались на Германию, было отказано в просьбе с многозначительным объяснением, что, дескать, «листовка может попасть в руки врага».

Подмастерья от пропаганды...

Геббельс продолжал хранить молчание. Он был всецело поглощен улучшением своего механизма пропаганды, он его совершенствовал до мельчайшего винтика. Он начал составлять и рассылать так называемые учебные письма своим людям в различных округах. Эти документы, как правило не содержавшие более двух тысяч слов, касались всех насущных политических вопросов и указывали, каким образом их следует трактовать с пропагандистской точки зрения. Например, в сентябре и октябре 1939 года в них содержались инструкции вроде той, что мы приводим:

«Самым опасным и хитрым нашим противником была и остается Англия. Англичане сделали все возможное, чтобы окружить Германию кольцом враждебных ей государств. Народ Германии сегодня уже не расколот на десятки других партий, а являет собой сплоченное общество... После окончания польской кампании конфликт с Англией неизбежен, и борьба с ней будет жестокой. Если бы народ Германии оказался без вождя, он был бы беззащитен перед опасностью... Мысль потопить лайнер «Атения» пришла в голову Черчиллю, чтобы втянуть в водоворот войны и Соединенные Штаты...»

И вот самое важное: «Хотя политика Германии в сфере распространения новостей все еще служит целям информации, ее изначальным предназначением является формирование

общественного мнения и управление им». Геббельс не собирался выпускать из-под своей диктаторской власти средства массовой информации.

3

Со стороны казалось, что в министерстве пропаганды не происходит никаких изменений. Здание день и ночь охраняли патрули в штатском, автомобиль Геббельса, как и всех остальных членов кабинета министров, сопровождал эскорт полицейских на мотоциклах. Радиопередающие установки внутри министерства находились под строгой охраной. Менее значимые подразделения вроде отдела кадров и архива были переведены в боковые флигели, а департаменты радио, печати и кино переместились в главное здание, чтобы у Геббельса была с ними постоянная и непосредственная связь. Министерство пропаганды перешло на круглосуточный режим работы, и всем сотрудникам предлагалось проводить двадцать четыре часа на рабочем месте, после чего им предоставлялись сутки отдыха. Для тех, кто оставался на ночь в стенах министерства, были приготовлены армейские раскладные кровати и одеяла.

Из числа работников министерства пропаганды лишь очень немногие были призваны на службу в армии или на флоте, поскольку Геббельс придерживался мнения, что пропагандисты в своем кабинете будут работать эффективнее и с большей пользой, чем на фронте. Он издал приказ, запрещавший служащим его ведомства записываться в добровольцы. Только в последние два года войны он позволил своим сотрудникам служить в армейских частях.

4

Задолго до того, как Геббельс узнал, что не будет допущен к редактированию армейских сводок, он понял, что этих сообщений, каким бы сухим или, напротив, красочным языком они ни были бы изложены, будет совершенно недостаточно во время затяжной войны. Ему был нужен особый инструмент, который бы перенес картины боевых действий в тыл, сделал бы их живыми и захватывающими для массового читателя. С этой целью он создал так называемые пропагандистские роты.

Еще до начала войны под руководством Геббельса был составлен список всех газетных репортеров, которые, по его мнению, по своим качествам подходили на роль военных корреспондентов. Отобранные газетчики посещали особые военные курсы, где их учили искусству писать репортажи из района боевых действий. Они должны были обладать специальными военными знаниями, чтобы с пониманием дела рассказать читателям об определенном батальоне или полке, к которым их могли прикомандировать. Перед отправкой на фронт курсанты сдавали обязательный экзамен^[66].

Геббельс говорил о своих пропагандистских ротах и батальонах как о чем-то совершенно новом и уникальном в области сбора и подачи информации о войне, что, в сущности, так и было. Позднее его идею позаимствовали военно-морские силы Соединенных Штатов. «Еще со времен мировой войны мы прекрасно помним, как журналисты бестолково бродили поодаль от передовой, слонялись среди солдат и подслушивали то здесь, то там обрывки разговоров, а потом сочиняли свои истории, настолько далекие от действительности, что у читателей в тылу складывалось совершенно превратное представление о военных действиях», — писал он. Современные военные корреспонденты — настоящие солдаты, «хладнокровные и бесстрашные», а человек с кинокамерой в руках подвергается такой же опасности, как и человек с огнеметом. «Помните об этом, когда читаете газету, или смотрите выпуски военной хроники в ближайшем от вас кинотеатре, или слушаете сводки о событиях на фронте по радио», — заключал он.

Выпуски кинохроники были по-настоящему дороги его сердцу. Их снимали операторы, входившие в состав пропагандистских батальонов. Им самим предстояло решать, какие сцены достойны съемок, у них был достаточный запас времени, чтобы выбрать нужные сюжеты, от них же, согласно инструкциям, требовалось предоставить внешне достоверные и естественные материалы. Отснятые сотни метров пленки специальным курьером доставлялись в Берлин, проходили цензуру в министерстве пропаганды, а затем включались в очередной выпуск кинохроники. Иногда отснятый на фронте материал не удовлетворял Геббельса, и тогда он приходил в неопределимую ярость и кричал, что съемки никуда не годятся, что его операторы слишком

осторожничают и не хотят идти в гущу событий и что он потребует от них исполнения долга любой ценой в любых условиях.

Операторы, попавшие на военные корабли, считали, что им не повезло. Чаще всего корабли простаивали в порту, поэтому снимать было совершенно нечего, разве что можно было запечатлеть на пленке, как команда обедает или проводит время на палубе. Стоило Геббельсу увидеть подобную «хронику», как он выходил из себя от бешенства. С другой стороны, его приводили в восторг съемки пикирующих самолетов, прыжков с парашютом, воздушных боев, грузовиков с динамитом, трудной жизни команды подводной лодки, вышедшей в поход, и многое другое, что наглядно доказывало, какому риску подвергал себя оператор ради нескольких кадров.

5

Несмотря на постоянную особую заботу о выразительных и впечатляющих документальных фильмах о войне, Геббельс ни на минуту не выпускал из вида свою самую важную задачу — монопольное право на отбор и подачу новостей. Чтобы обезопасить себя от любой попытки нарушить его прерогативы, 1 сентября Геббельс объявил о том, что отныне немцам запрещается слушать иностранные радиостанции. Те, кого заставляли за этим занятием, подвергались аресту, а если еще было доказано, что они в довершение ко всему еще и распространяли услышанные в зарубежных передачах новости, то виновным грозил концентрационный лагерь или даже смертная казнь.

Геббельс сам составил декрет, от выполнения которого не освобождался никто, включая даже членов кабинета министров. И только у Геббельса была власть дать кому-либо право слушать программы новостей, шедшие по эфиру из-за рубежа. Однако исключения он делал крайне редко. Многие видные сотрудники министерства пропаганды были лишены возможности следить за новостями по иностранному радиовещанию. Они принимали участие в важных совещаниях, не имея ни малейшего представления о том, как комментируют за рубежом те или иные события. Только те, кто должен был готовить отклики германского радио на новости, распространявшиеся за границей, наслаждались неограниченной свободой во всем, что касалось зарубежных передач. По словам его

стенографиста Якобса, Геббельс позволил только нескольким министрам слушать иностранное радио – например, Розенбергу и Шверину фон Крозигу, – но позднее отменил свое разрешение.

Хотя декрет вступил в действие с первого дня войны, Геббельс весьма неохотно пошел на такие строгие меры. Будь хоть малейшая на то возможность, он предпочел бы не прибегать к ней, так как запрет слушать иностранное радио был равносителен признанию, что в Германии существует цензорский надзор над информацией.

Для любого пропагандиста есть два вида цензуры: тот, который официально признается властями, и второй, негласный, которого якобы не существует. Например, тот факт, что на оккупированных Германией территориях введена строгая цензура, тщательно скрывался от читателей. Согласно инструкции Геббельса, запрещалось выпускать газеты с пробелами в столбцах, которые бы указывали на купюры, сделанные цензором. Любая статья, изъятая из набора по соображениям цензуры, должна была заменяться на другую, чтобы не возбуждать у читателей подозрений.

С другой стороны, цензурство, как таковое, признавалось на радио изначально. Новый декрет был направлен не против горстки редакторов, а против миллионов радиослушателей, за которых решали, какие передачи им слушать, а какие – нет.

С точки зрения пропаганды это был весьма рискованный шаг, и Геббельс делал все возможное, чтобы сгладить неприятное впечатление, произведенное непонятным указом. Он израсходовал немало времени и чернил, пока объяснял доверчивым и простодушным немцам, почему им не стоит слушать иностранные передачи. В своих объяснениях он акцентировал свой главный довод – информация, передаваемая по германскому радио, более достоверна, чем стряпня иностранного радиовещания, которая в основном состоит из лжи и клеветы. Почти сразу же он создал особый статистический отдел и поручил ему регистрировать и вести учет искажений действительности в сообщениях иностранной прессы и радио. Вскоре Фрицше мог доложить, что «за семь недель войны набралось 108 подобных случаев». Не столь важно, что сама по себе цифра была явно завышена, население в целом верило в непогрешимость статистики и мало-помалу теряло доверие к сообщениям из-за границы.

Остальные аргументы оказались менее убедительными. Вероятно, самый неудачный из них сформулировал сам Геббельс в одной из своих речей по истечении шести месяцев после начала войны: «Как солдат не имеет права наносить себе умышленное увечье, чтобы избежать отправки на фронт, так и гражданское население Германии не должно калечить свое моральное состояние, слушая ложь, состряпанную пропагандой противника за рубежом. Нельзя ни на минуту терять веру в нашу военную мощь».

Если бы эту мысль отважился высказать вслух кто-нибудь другой, Геббельс первым высмеял бы его в своей неподражаемой язвительной манере. Но теперь немцы дружно смеялись над его высокопарным и неуместным заявлением. В свою очередь Геббельс старался выставить на посмеище тех, кто продолжал слушать иностранное радиовещание, несмотря на грозившее им наказание. «Мы имеем весьма сомнительное удовольствие ежедневно слушать передачи британского радио, – писал он. – Их комментаторы до такой степени безграмотны, а их рассуждения настолько нелепы, что не вызывают ничего, кроме отвращения».

Но никто лучше самого Геббельса не понимал, что все его язвительные выпады бесполезны. Люди были готовы преступить его запрет, но их единственно останавливал страх. Они боялись, что их разоблачат, арестуют и предадут суду. Не Геббельс и не Гиммлер мешали им слушать сообщения иностранных корреспондентов – им было известно, что за первый год войны более полутора тысяч человек были приговорены к заключению в тюрьму или в концлагерь, а в лучшем случае к принудительным работам за то, что они настраивали свои приемники на волну передач из Лондона.

Однако полиции не удалось выявить и схватить подавляющее большинство тайных слушателей «зарубежной клеветы». Абсолютная власть Геббельса в подборе и подаче новостей пошатнулась. Медленно, но неизбежно сообщения из-за границы распространялись по Германии, невзирая на то, что было опасно просто попасть под подозрение в некоей, пусть даже иллюзорной, причастности к иностранным источникам информации. Постепенно расхождения между официальными и неофициальными сообщениями все больше и больше бросались в глаза и зачастую приводили к курьезным ситуациям. Так, например, случилось с одним офицером подводной

лодки, пропавшим без вести во время выполнения задания. Германское военно-морское командование объявило его погибшим. Близкие моряка заказали заупокойную службу по усопшему, но еще до ее начала друзья сообщили убитым горем родителям, что их сын не утонул и что он, по сообщению британского радио, живой и здоровый, находится в плену. Отменить панихиду, не возбуждая подозрений властей, было невозможно, поэтому «покойника» отпели чин по чину, хотя все скорбевшие об утрате прекрасно знали, что причин скорбеть не было.

Указ о запрете на иностранные передачи немало способствовал росту недовольства среди населения. Геббельс, постоянно державший руку на пульсе германского народа, получал регулярную и своевременную информацию обо всех изменениях в настроении народа. И он это понимал.

Он также отдавал себе отчет в том, что сообщения о дальнейших успехах германского оружия не могут значительно улучшить положение. Сам факт, что эти победы были одержаны с поразительной легкостью, производил парадоксальное воздействие на обывателя: ему казалось, что война – не более чем прогулка и что солдат на фронте живет припеваючи, в то время как мирное население в тылу терпит лишения. Геббельс направил своих эмиссаров на заводы и фабрики, но они постоянно передавали ему одно и то же: недовольство среди народа растет. Геббельс совместно с министром труда Робертом Леем тут же отдает приказ своим агентам успокаивать рабочих обещаниями: дескать, после войны Гитлер намерен построить шесть миллионов новых домов, где будут жить рабочие, и прекрасные гостиницы, где они смогут отдыхать во время отпуска, он также существенно повысит заработную плату и так далее. Однако рабочие слушали геббельсовских эмиссаров и оставались равнодушными.

Зная о ропоте недовольных, Геббельс пытался возражать им. Рабочие считают, что деятели нацистской партии уклоняются от военной службы? «Девяносто пять процентов вожаков гитлерюгенда были призваны в действующую армию. Четыреста человек из них пали смертью храбрых только во время польской кампании. Сегодня в рядах нашей армии сражаются шестьдесят восемь процентов от общего числа бойцов штурмовых отрядов, а ведь СА – это тоже члены национал-социалистической партии...» Кое– кто поговаривает, что

Гитлер не держит своего обещания не воевать на два фронта? «Отличие нынешнего положения от мировой войны заключается в том, что нашим западным границам не грозит даже малейшая опасность. Угроза войны на два фронта осталась далеко в прошлом».

Вскоре после окончания польской кампании – приблизительно в то время и писал Геббельс эти строки – он решил основать новую газету. Геббельс давно перестал писать для «Ангрифф», поскольку в ней весь тон публикаций отличался чрезмерной агрессивностью. С другой стороны, «Фелькишер беобахтер» претерпела мало изменений и продолжала оставаться органом старой мюнхенской клики, из-за чего Геббельс вряд ли чувствовал бы себя как дома на ее страницах.

Новое издание должно было выходить в свет еженедельно. Центральное место среди материалов каждого номера предназначалось для статей самого Геббельса. В них он намеревался беседовать с немецким народом как бы в неформальной обстановке и неофициальным тоном разъяснять и комментировать злободневные вопросы дня, чтобы установить более тесные отношения с миллионами своих читателей. Как Геббельс сам сказал своим сотрудникам, он хотел разговаривать с народом как журналист, а не как член правительственного кабинета.

Такова была внешняя причина, которая побудила Геббельса затеять новое издание. Но он доверительно признался Фрицше, что, на его взгляд, немецкая печать день ото дня становится все более скучной и однообразной. Он заявил: «Пресса должна иметь больше свободы. Ни один человек, будь он даже семи пядей во лбу, не в состоянии написать приличную статью, если его опутать колючей проволокой и бить кувалдой по голове при малейшем подозрении в неблагонадежности». Фрицше отвечал: «Согласен. Но именно вы ввели в наш обиход и колючую проволоку, и кувалду»^[67]. Геббельс промолчал. Своим новым еженедельником он надеялся подать хороший пример для подражания и поднять повыше общий уровень немецкой прессы.

«Рейх» впервые вышел в свет 26 мая 1940 года. Геббельс написал всего две редакционные статьи, а затем в течение долгих месяцев не печатал ни слова на страницах своей газеты. Только в конце 1940 года он нарушил молчание.

Геббельс и не пытался с помощью своей пропагандистской машины удушить союзников – в отличие от своих коллег-подмастерьев из Парижа и Лондона, он понимал, что никакие заклинания прессы не вызовут в первый год оккупации ни всеобщего, ни местного восстания в захваченной Германией стране, если только до этого германской армии не будет нанесено серьезное поражение. Своей главной задачей Геббельс считал добиться успеха там, где его сотоварищ по кабинету министров Риббентроп раз за разом терпел сокрушительную неудачу. Задача заключалась в том, чтобы ограничить конфликт и не позволить другим государствам в той или иной форме принять в нем участие.

Битва геббельсовской пропаганды велась одновременно на многих полях: в Цюрихе, Берне и Базеле, в Стокгольме, в Анкаре и в Будапеште, в Лиссабоне и в Мадриде, в Вашингтоне. Она велась любыми доступными средствами, начиная с подкупа и угроз и кончая распространением ложных слухов и демонстрацией кинофильмов о непобедимости вермахта. Широко использовалась также статистика, отражавшая рост промышленности и вооружений в Германии. Обещания раздавались какие угодно и кому угодно. Наиболее активно и напористо эта работа велась на территории Швейцарии и Соединенных Штатов.

Во время Первой мировой войны немецкоговорящая часть населения Швейцарии, сосредоточенная главным образом в крупнейших городах страны Цюрихе, Базеле и Берне, с сочувствием относилась к Германии, столкнувшейся с серьезными трудностями. Но на этот раз в их среде царило отчетливо выраженное враждебное отношение к нацистам. Геббельс отправил в Швейцарию одного из своих самых талантливых агентов доктора Клауса Хюгеля, который также сотрудничал с абвером. Тот установил связь с людьми, симпатизировавшими нацистам. Поскольку национал-социалистическая партия в Швейцарии находилась под запретом, там было создано несколько организаций с иными вывесками, но таких же по духу. Вряд ли нацисты всерьез рассчитывали втянуть Швейцарию в войну на своей стороне. Но в то же время им было необходимо удержать ее от присоединения к союзникам, для чего в первую очередь следовало ослабить влияние франкоязычной прессы.

Несколько недель спустя после поездки Хюгеля двести видных граждан Швейцарии направили правительству петицию с требованием ввести цензуру прессы. «Некоторые авторы совершенно не принимают в расчет особенности нашей страны, поэтому, имея весьма туманные представления о международной демократии, они пытаются убедить всех, что наша внутренняя и внешняя политика очень близка к той, что проводится демократами за рубежом, – говорилось в петиции. – Они наносят оскорбление иностранным правительствам, для чего используют набор лексики международных эмигрантов-отщепенцев. Это есть планомерная террористическая акция, бросающая тень на тех граждан нашей страны, которые защищают дружественные отношения со всеми соседними державами...»

Даже сам Геббельс не смог бы выразиться более удачно. Если бы швейцарское правительство одобрило петицию (этого не произошло, хотя само по себе появление петиции помогло ослабить воинственное настроение швейцарской прессы), ни одна швейцарская газета не посмела бы сказать худого слова о Германии, а самые радикальные швейцарские нацисты были бы освобождены из тюрем и получили бы возможность снова плести свои заговоры.

Безусловно, борьба за изоляцию Соединенных Штатов имела гораздо большее значение, и началась она еще до начала войны. Сотрудники германского консульства в Америке работали под руководством иностранного департамента министерства пропаганды, то есть лично герра фон Гиннанта, генерального консула в Нью-Йорке, которого туда направил сам Геббельс. Агенты всю старались убедить американские газеты присоединиться к Трансокеанской службе новостей, предлагая за это щедрые взятки – в 1940-м и 1941 годах на подкуп было истрачено около миллиона долларов. Они разворачивали то одну, то другую пропагандистскую кампанию, распространяли ложные слухи, чтобы американцы поверили, что Германия практически выиграла войну. Такие представительства, как Германская информационная служба железных дорог и Германо-американская торговая палата, за чьими вывесками тоже скрывались люди Геббельса, работали в это время сверхурочно. Немецкое радио, пытаясь создать более дружественную атмосферу в Соединенных Штатах, с удовлетворением отмечало, что большинство американцев

предпочитает нейтралитет и что «поджигателей войны» среди американского населения явное меньшинство.

К счастью для Геббельса, его усилия в некоторой степени поддерживались и частью американцев, правда, они сами об этом и не подозревали, поскольку совершенно определенно не были на содержании у немецкой пропаганды.

Со своей стороны Геббельс пытался заигрывать с корреспондентами зарубежных газет в Берлине. Однако ему не удалось завоевать их расположение даже тем, что их причислили к категории иностранных рабочих. Это был широкий жест, поскольку они получали право на повышенную норму хлеба, масла и мяса. Гораздо больше журналистам пришлось по душе отсутствие всякой формы цензуры, из-за чего статьи иностранных корреспондентов из Берлина стали преобладать на страницах газет нейтральных стран, и в особенности Америки, оттеснив на второй план сообщения парижских и лондонских коллег-газетчиков.

Но Геббельсу явно не доставало последовательности, чтобы использовать полученное преимущество. Он приходил в негодование оттого, что печать нейтральных стран осмеливается высказывать свое мнение, и он решил, что пришло время преподать им урок и объяснить, что такое есть нейтралитет. «Между государственным нейтралитетом и нейтральной позицией общественного мнения не должно быть сколь-нибудь значимого расхождения. Нейтральные страны поступили бы весьма благоразумно, если бы действительно оставались нейтральными. Их правительства не должны ограничиваться робкими заявлениями о сохранении нейтралитета, в то время как ничем не сдерживаемое общественное мнение и печать этих стран ведут настоящую канонаду клеветы против рейха и его национал-социалистического режима... Физически слабому человеку, оказавшемуся свидетелем матча между двумя боксерами, следует держаться на почтительной дистанции от схватки...»

В его словах прозвучала ничем не прикрытая угроза. В самом деле, Геббельс уже пришел к выводу, что из всех средств, которые он пускал в ход, чтобы добиться невмешательства в конфликт третьих стран, самыми действенными были угрозы. Так, наиболее впечатляющим предостережением являлась кинохроника с захваченных территорий. Однажды влиятельные лица из нейтральных

стран были приглашены на просмотр фильма о польской кампании. Горящие польские деревни, вой и разрывы падающих бомб, артиллерийский обстрел невиданной мощи, танковые колонны, растянувшиеся на многие мили, – все это красноречиво говорило охваченным ужасом зрителям: «То же самое ожидает и вас, если вы ввяжетесь в войну».

Во время войны против Франции Геббельс приказал снять еще один фильм. Он был назван «Победа на Западе». В нем также основной упор был сделан на разрушения, которые принесла война.

7

За недели и даже за месяцы до начала польской кампании германские прессу и радио заполнили рассказы об ужасной судьбе немцев, оказавшихся во власти «польских угнетателей». Однако поход на Запад должен был явиться для всех полной неожиданностью. Геббельсу приходилось строго хранить тайну, и даже его ближайшие сподвижники не имели малейшего представления о том, когда начнется неизбежная война на западном направлении. В ночь, когда германские войска получили приказ вторгнуться в Голландию и Бельгию, Геббельс послал нарочных к шести или восьми своим сотрудникам с приглашением явиться к нему в кабинет рано утром следующего дня. В 8 часов утра 10 мая 1940 года Геббельс передал Фрицше две речи, которые надо было немедленно огласить по радио. У Фрицше оставалось так мало времени, что он едва успел разобрать почерк своего начальника перед тем, как включить микрофон.

Огромная предварительная работа к тому времени уже была завершена. В течение так называемой «войны слухов» население Франции подвергалось психологической обработке, до мельчайших подробностей продуманной министерством пропаганды. Главным оружием, как следует из названия, стало распространение ложных слухов, тысячи частных лиц получали странные письма, по радио звучали откровенно грубые выпады против союзников – Геббельс нанял нескольких предателей-французов, которые пытались убедить соотечественников в том, что «Англия полна решимости вести войну до последнего француза».

Великий писатель Жан Жироду, бывший в то время главой французского министерства информации, прекрасно видел, какие

цели преследует пропагандистская война. «В течение вот уже двух лет мы находимся в гуще военных событий», – заявил он 14 декабря 1939 года. Для иллюстрации своей точки зрения он процитировал самого Гитлера: «Наша война начинается задолго до того, как войска приступают к боевым операциям... Артиллерийская подготовка перед наступлением, свойственная окопной войне, в будущем будет заменена применением психологического оружия с целью подорвать моральный дух противника посредством пропаганды, прежде чем заговорят пушки». Жироду добавляет: «Мы тоже ведем борьбу подобного рода. Полагаем, что, поступая так, мы выигрываем». Увы, он искренне надеялся, что так и будет, но как пропагандист он не мог равняться с Геббельсом.

Французские солдаты, оборонявшие «линию Мажино», стали объектом яростного пропагандистского давления, в ход был пущен весь накопленный до того опыт. Если французские солдаты покидали укрытие, противник не открывал по ним огонь. Немецкие офицеры с бесстрастным видом позволяли им уйти невредимыми, словно теннисисты, которые терпеливо ожидают, когда их соперник отступит на свою позицию, чтобы затем продолжить игру. Иногда по ночам французским солдатам приходилось восстанавливать разрушенные фортификационные укрепления, и тогда внезапно то место, где они сгруппировались, заливал ослепительный свет прожекторов, а усиленные громкоговорителями голоса призывали напуганных французов ничего не бояться, дескать, немцы не собираются стрелять, а только хотят помочь их работе освещением.

Данные военной разведки также использовались в пропагандистских целях. Не проходило и получаса после прибытия президента Франции на какой-либо участок фронта – его передвижение содержалось в строжайшей тайне и сопровождалось всеми мыслимыми мерами предосторожности, – как германские громкоговорители извещали всех и каждого о его местонахождении. В другой раз, когда «линию Мажино» посетил Черчилль и для него был устроен ленч, немцы самым подробным образом перечислили все блюда, поданные ему на стол.

Геббельс держал в рукаве и множество других трюков. В частности, он распространял листовки с предсказаниями Нострадамуса, которые тот якобы сделал еще сотни лет тому назад и в

которых предрекал скорую победу Германии – на самом деле их сочинил сам Геббельс. Кроме того, в его распоряжении были десятки тысяч поддельных экземпляров бельгийского журнала «Ля герр де 1939». Все статьи в них до последней запятой соответствовали настоящим, единственным отличием от подлинника были кроссворды и шарады, в их ответах был заложен деморализующий смысл. Их пересылали французским солдатам через Швейцарию. Разумеется, все подобные издания благополучно прошли цензуру, так как никому и в голову не пришло обратить пристальное внимание на кроссворды.

В окопах французов распространялись фотографии порнографического содержания, вызывавшие у солдат неуверенность и ревность: на снимках неизменно была надпись, что именно так жены солдат изменяют им с англичанами, в то время как их мужья обороняют «линию Мажино». Кроме того, они получали письма, где им сообщали, что их жены пустились во все тяжкие. Следует отметить, что такого рода письма отправляли не только агенты Геббельса, но и французские коммунисты, которые в то время выступали против войны и использовали сходную тактику, чтобы ослабить воинственные настроения. И Москва и Берлин заявили, что война развязана англичанами. В Москве их называли капиталистами, в Берлине – плутократами, но это было единственное различие.

8

Тон германской пропаганды против Франции изменился только тогда, когда война на Западе была развязана по-настоящему. «Теперь на западные государства плутократов обрушилась лавина германских войск, – писал Геббельс. – Теперь их армии, наивно веровавшие, что им предстоит только сидеть в ожидании на «линии Мажино» или вольготно прогуливаться вдоль «линии Зигфрида», волей-неволей сойдутся с нами в жестокой и кровавой битве...»^[68]

В полном соответствии с его угрожающим тоном германское радио буквально взорвалось криками о тысячекратном возмездии, о невероятной растерянности в рядах противника, об истреблении, о панике, о невиданном катаклизме, о бронированных колоннах и пикирующих бомбардировщиках и снова о тысячекратном возмездии.

Теперь, и только теперь, Геббельс решился пробудить в массе немецкого народа энтузиазм по отношению к войне. 10 мая он

запретил прессе Германии печатать специальные выпуски. У него родилась совершенно новая мысль: использовать так называемые специальные радиосообщения.

Специальные радиосообщения могли прерывать любую передачу. Сначала шло короткое обращение к слушателям: «Внимание! Внимание! Прослушайте специальное сообщение службы радиовещания!» Затем раздавался гром фанфар. Звучал целый оркестр из ста музыкантов. Мелодии варьировались в зависимости от страны, над которой брали верх доблестные германские войска – над Францией, позже над Советской Россией или же над Англией в морской войне. В целом получалось впечатляющее представление.

Эффект, достигавшийся этим крайне драматизированным средством, основывался на собственных расчетах Геббельса и был проверен в многочисленных опытах, которые он проводил над всеми, кто оказывался у него под рукой. Прежде чем первое специальное сообщение было передано по радио, он пригласил к себе нескольких друзей из театрального мира и секретарей, чтобы они прослушали пробный выпуск. Каким должен быть интервал между призывом к вниманию и первыми звуками фанфар? Сколько секунд потребуется матери семейства, чтобы подойти к радиоприемнику с кухни? Какой интервал времени должен быть между фанфарами и самим сообщением? А сколько времени понадобится матери семейства, чтобы собрать у приемника отца и детей? Да и сколько раз надо давать позывные фанфар? Один, два или три?

Геббельс размышлял, прикидывал, подсчитывал время, с хронометром в руках наблюдая за людьми. Наконец специальные сообщения о победах германского оружия выплеснулись на страну. Фанфары. Победный трубный звук...

Фанфары Геббельса гипнотизировали всю Германию, включая и его самого. Примерно в то же время «Рейх» опубликовал его статью «Несравнимое время». Почему он назвал то время несравнимым? Да потому, что «история не повторяется». Подобное утверждение представлялось крайне важным как для всего немецкого народа, так и для Геббельса лично. Четвертью века раньше, когда германская армия вторглась во Францию, она тоже сначала шла от победы к победе, но в конце концов оказалась наголову разбитой. Не станут ли сегодняшние победы повторением вчерашней истории? Нет. «История не

повторяется... Наше нынешнее положение никоим образом нельзя сравнивать с тем, в котором мы находились в 1914 году».

Вскоре сопротивление французов выдохлось и захлебнулось. Германские войска вошли в Париж, а маршал Петен был вынужден просить мира, как это сделали немецкие генералы в 1918 году. Тогда немцам пришлось пойти на поклон в личный железнодорожный вагон маршала Фоша в Компьене. Теперь нацисты заставили французов пройти через такое же унижение, и даже больше – они извлекли на свет Божий стоявший в музее тот самый вагончик маршала Фоша. История повторилась, но с точностью до наоборот.

Только Геббельсу могла прийти в голову блестящая пропагандистская идея – изготовить гигантских размеров политический плакат, своего рода анонс, извещающий весь мир о том, что события приняли совершенно иной оборот, что на этот раз победа досталась Германии^[69].

Подписание Компьенского перемирия стало величайшим спектаклем, поставленным Геббельсом. Однако сам постановщик не присутствовал на представлении, его больше заботило то, чтобы весь мир как можно скорее и как можно подробнее узнал о событии. Для него это было настолько важно, что даже второстепенные мероприятия, как, например, подготовка радиотехники к трансляции переговоров, удостоились отдельного выпуска. В специально организованной передаче миллионы радиослушателей узнали во всех деталях, каким образом историческая новость будет распространяться по всему миру. Это был один из редчайших случаев, когда Геббельс позволил своей аудитории заглянуть за кулисы.

Несколько недель спустя победа над Францией отмечалась торжествами в рейхстаге. Геббельс тоже присутствовал. В длинной речи Гитлер описывал, как была достигнута победа. Многие генералы стали фельдмаршалами. Отдельно были отмечены заслуги «рейхсминистра доктора Геббельса, организовавшего пропаганду, эффективность которой была неизмеримо выше в сравнении с уровнем мировой войны».

Но несколькими минутами позже Гитлер сказал: «Ход войны за последние десять месяцев доказал, что я был прав, а мои оппоненты ошибались».

Неизвестно, так ли это было на самом деле, но министру пропаганды показалось, что замечание Гитлера касалось прежде всего его, Геббельса. Около года тому назад он опасался, что развязанная война может привести к краху нацистского режима. Тогда он поспешил к Гитлеру и умолял фюрера не начинать военных действий, чтобы избежать возможных ужасных последствий. Через некоторое время после окончания речи Гитлера Геббельс вошел в кабинет Фрицше, напомнил, как тот предостерегал против начала войны, передал слова Гитлера и сказал, многозначительно подняв палец: «За это я должен благодарить вас!»

На что Фрицше ответил ему: «Война еще не окончена».

Геббельс ни разу не возвращался к этому разговору вплоть до марта 1945 года. Тогда он сказал Фрицше: «Вы помните, как предупреждали меня в те дни? И как пять лет тому назад считали, что война еще не окончена? Вы никогда не напоминали мне о своих пророческих словах. Благодарю вас».

9

Когда Гитлеру стало известно о капитуляции Франции, от радости он потерял способность владеть собой и производил впечатление умалишенного. Кинозрители всего мира, видевшие хронику, снятую в Компьене, были, мягко говоря, поражены его странными ужимками и гримасами. Гитлер окончательно уверовал, что война выиграна. И когда он произносил свою речь в рейхстаге, он нисколько не сомневался в победе. Однако у Геббельса не было даже короткой передышки.

Довольно скоро он понял, что Фрицше прав: война еще не окончена. А это означало, что необходимо наращивать силу и эффективность военной пропаганды. Победы германского оружия сопровождались продвижением армии в глубь вражеской территории, захватчики завладевали домами и запасами продовольствия и жестоко обращались с мирным населением. Как бы ни старалась пропаганда внушить побежденным иллюзию, что немецкий солдат образец благородства, присутствие вражеских армейских и их бесцеремонное поведение сводили на нет все ее усилия. Следовал вывод: чем значительнее военные успехи, тем больше и напряженнее должна

работать машина пропаганды. Уже на первых этапах войны Геббельс осознал, что это был порочный круг.

Но сначала Геббельсу пришлось успокоить свой народ. Немцы ожидали, что после победы над Францией наступит мир, и испытали острое разочарование, узнав, что правительство намерено продолжать войну. Рост народного недовольства мог привести к катастрофическим последствиям. И Геббельс немедленно приступил к составлению тайных инструкций для пропагандистских отделений во всех уголках рейха.

«2 августа 1940 года... Если речь заходит о Франции, агент обязан настойчиво внушать собеседникам следующие мысли: все разговоры о том, что французский народ ни в чем не виноват и что он оказался жертвой внезапного нападения, не более чем пустая болтовня. Их необходимо решительно опровергать. Народ всегда в ответе за своих вождей. Среди французов царило явное антинемецкое настроение... То, как плохо обращались во Франции с гражданскими и военными немцами, заключенными в тюрьму, является дополнительным доказательством их враждебности ко всему германскому...

Агенты должны подавлять любые проявления сочувствия к французам... Что касается нашего наиглавнейшего врага, то есть Англии, агенты должны подчеркивать, что мы не можем подходить к англичанам с той же меркой, что и к остальным европейским народам. Англичане не связаны тесными узами с судьбами и предназначением иных народов Европы... В то же время агенты должны быть осмотрительными и не создавать впечатления, что предстоящая схватка с неприятелем будет детской игрой». (Автор этой книги нашел под руинами здания министерства пропаганды папку с подлинными документами. Среди них были и инструкции, о которых идет речь.)

Агентам также предлагается применять в отношении англичан иной подход, нежели к французам. «Все разговоры должны сводиться к разоблачению и осуждению плутократов, в то время как сам народ будет представляться в роли жертвы неумной алчности ее правителей... Ходят слухи, что за победой над Англией последует война с Советской Россией. Необходимо разъяснять людям, что эти слухи лишены всякого основания. Главным доказательством в глазах людей должна стать речь фюрера.

Более того, агентам предписывается проследить, чтобы в местной прессе не появлялись статьи, затрагивающие эту тему».

И наконец: «Агенты должны схематически, не вдаваясь в подробности, рисовать блестящие перспективы нового европейского порядка, который будет установлен после войны... На вопросы отвечать, что установление порядка находится в компетенции фюрера... Для решения данной задачи требуется, чтобы самая чистая в расовом отношении и деятельная нация заняла главенствующую роль в Европе».

Итак, идея нового порядка в новой Европе подается немцам. И пока народ Германии убеждают в том, что он станет хозяином Европы, населению оккупированных стран внушается иное представление о грядущем переустройстве Европейского континента. 11 сентября 1940-го Геббельс сам сказал это во всеуслышание в своей речи года перед писателями, художниками, музыкантами и журналистами Чехословакии. Он начал с того, что во времена, когда авиация и радио сокращают расстояния между странами, «народы становятся ближе друг к другу». Разумеется, немцы «никогда не намеревались осуществить процесс переустройства Европы силой, и нельзя говорить, что, не будь национал-социалистов, на континенте царили бы мир и спокойствие. Нет, не будь нас, на нашем месте оказались бы другие». И он заключает: «Совершенно ни к чему выяснять, любим мы друг друга или нет. В конечном счете не это самое главное. Главное состоит в том, что мы можем предложить миллионам людей в Европе новую основу и новые идеалы для жизни».

На первый взгляд, его слова не имеют ровным счетом никакого отношения к пропаганде. Но на самом деле это был обходной маневр: немцам, только немцам, а не какому-либо другому народу предназначалась его пропагандистская стряпня, потому что Геббельс в душе свято веровал, что им удастся установить новый порядок в Европе. Он также понимал, что план европейского переустройства необходимо проводить в жизнь немедленно, не теряя времени, поскольку каждое ушедшее мгновение множило число противников Германии в оккупированных странах и подавляло в народах желание жить при новом порядке под надзором Германии. Геббельс мечтал о создании некоего подобия Великой хартии, он хотел документ, в котором бы излагались основные принципы грядущего нового порядка. Он обсудил свою мысль с Фрицше, и тот взялся разрабатывать документ во всех тонкостях и подробностях. Геббельс с

большим удовлетворением прочитал написанный Фрицше окончательный проект и сказал, что представит его на одобрение фюреру. Однако Гитлер придерживался того мнения, что последнее слово должно принадлежать Риббентропу, как министру иностранных дел.

Разговор между Риббентропом и Геббельсом, как его передавал потом министр пропаганды своему верному Фрицше, был резким и коротким. Риббентроп прочитал проект, небрежно оттолкнул его в сторону и отрезал: «Нам эта ерунда ни к чему». Он подразумевал, что нет никакой нужды уговаривать побежденные народы, если их можно держать в узде с помощью военной силы. Геббельс встал и негодуя воскликнул: «Очень скоро вы сами увидите, что эта ерунда нам понадобится, и еще как понадобится!» Обещания ввести новый порядок еще чаще замелькали на страницах прессы, но большего Геббельс сделать не мог.

Он вновь столкнулся с Риббентропом, но уже по другому поводу. Министр иностранных дел настаивал на том, чтобы ему предоставили право просматривать каждое интервью Геббельса перед публикацией в прессе. Гитлер согласился с его требованием. Своеобразная цензура больно ударила по самолюбию Геббельса. Дело ухудшалось еще тем, что Риббентроп не просто пользовался своими полномочиями, он пользовался ими в намеренно оскорбительной манере. Так, в апреле 1940 года Геббельс дал интервью корреспонденту газеты «Пополо д'Италия». Он отослал его в министерство иностранных дел, и оттуда оно вернулось с многочисленными поправками и даже с сокращениями на несколько страниц. К интервью было приложено письмо (в настоящее время оно находится в распоряжении автора), в котором говорилось: «Страницы 6, 7, 8 и 14 исключены фюрером, с которым господин рейхсминистр обсуждал интервью».

Геббельс пришел в ярость. Справедливости ради следует заметить, что его постоянные стычки с Риббентропом происходили не только из-за вопросов престижа. Оба они придерживались совершенно различных точек зрения на пропаганду. Вероятно, точнее будет сказать, что Геббельс был опытным специалистом и знал пропаганду как свои пять пальцев, тогда как Риббентроп не понимал в ней ровным счетом ничего. Более того, разница между пропагандой и

реально проводимой политикой осталась навсегда тайной для Риббентропа.

«Лицо политики меняется каждодневно, — объяснял однажды Геббельс Фрицше, пытаясь отвести душу после очередной схватки с несносным Риббентропом. — Но направление пропагандистской линии может изменяться только медленно, исподволь. Политика может и должна шагать напрямик, срезая углы. Но пропаганда не будет за ней поспевать. Пропганда не в силах поддерживать и объяснять каждый политический шаг каждого дня. Она работает в целом на генеральный курс».

Геббельс был убежден, что Риббентроп просто не в состоянии усвоить этот основополагающий принцип, а потому его удел — вносить неразбериху во внешнюю политику и тем самым вредить делу. «Уж лучше бы он занимался своим виноделием!» — частенько жаловался Геббельс.

Самым крупным промахом Риббентропа, вероятно, было дело Лорда Ха-Ха.

10

Уильям Джойс, ирландский фашист по прозвищу Лорд Ха-Ха, поступил на службу в министерство пропаганды за несколько дней до начала войны и никогда не пользовался уважением Геббельса. Когда тот впервые появился в министерстве, Геббельс встретился с ним, в короткой беседе убедился в его способности работать диктором и принял на работу с относительно низким жалованьем. Он не придавал особого значения новому сотруднику. В первые недели войны Джойс был всего лишь мелкой сошкой среди сотрудников департамента радиовещания министерства пропаганды. Затем к нему пришла популярность, что стало неожиданностью как для него самого, так и для всех остальных. Возможно, своим успехом он был обязан ореолу таинственности, окружавшему Лорда Ха-Ха в начале его деятельности (достаточно сказать, что его первая жена узнала голос бывшего супруга только по прошествии изрядного времени). Возможно, слушателей привлекала манера его речи, напоминавшая выговор английского аристократа. Возможно, причина крылась в его врожденном чувстве юмора. Как бы то ни было, это вопрос спорный. Бесспорно другое: согласно надежным оценкам, пятьдесят процентов

британских радиослушателей настраивали приемники на программу с его участием. Так дело обстояло во время польской кампании и в первые дни боев на западном фронте. Но после Дюнкерка англичанам явно стало не до веселья, и они отказывались слушать его шутки.

Именно тогда Лорд Ха-Ха совершил грубейшую ошибку. Он никак не мог понять, что его соотечественники, в трудную минуту поставившие у кормила власти Черчилля, уже не были расположены ни к смеху, ни даже к улыбкам. Ему, как никому другому, следовало бы знать, что запугивать англичан бесполезно. А он только тем и занимался. Лорд Ха-Ха пророчил Англии все мыслимые и немыслимые несчастья, если она не образумится и не сдастся Гитлеру. В результате подавляющее большинство радиослушателей стало выключать приемники, как только раздавался его голос.

Как позже подтвердил Фрицше, еще до того, как промах англичанина бросился всем в глаза, Геббельс чутьем почувствовал что-то неладное. Геббельс понял, что Лорд Ха-Ха допустил непростительную для пропагандиста ошибку: он пытался идти за ежедневно менявшей курс политикой. Геббельс решил избавиться от него. Когда Риббентроп услышал, что ирландский пропагандист уволен, его охватила ярость. Он вызвал Лорда Ха-Ха к себе и взял его на работу в свое министерство, да к тому же с королевским жалованьем. С того дня Геббельс никаким образом не касался пропагандистских методов английского «лорда», а тот до конца войны не достиг даже малейшего ощутимого результата.

11

После капитуляции Франции Геббельс сообщил своим агентам, что теперь главным противником Германии является Англия. И это не было дежурной пустой фразой. Геббельс своим тончайшим нюхом чувствовал, что от нее исходит угроза. И он понимал, что в борьбе против Англии его пропаганда может оказаться не столь эффективной. Государственные деятели и политики Англии, занимавшие руководящие посты, были не из той породы людей, которых легко запугать. Ох уж эти черчилли, идены, даффы куперы! Геббельс ненавидел их лютой ненавистью. Но в то время его ненависть не выходила за рамки личной неприязни, она еще не стала предметом публичных высказываний. С падением Франции он снова

перестал печататься. Его последняя статья появилась 16 июня, и в ней, что очень показательно, Геббельс высказывал сомнение, что англичане были сотворены «по образу и подобию Божьему». С тех пор он не писал ничего значительного, если не считать нескольких речей к возвращавшимся на родину войскам, а также выступления на открытии выставки живописи и беседы о кино и молодежи. В июле, августе, сентябре, октябре и ноябре не вышло ни одной его статьи. Только незадолго до Рождества он нарушил свое молчание.

Ненависть Геббельса к англичанам выразилась не только в его инструкциях агентам, но и в сценарии фильма, где заседание британского кабинета министров было представлено в карикатурном виде. В число действующих лиц были включены Чемберлен, Черчилль, Галифакс, Иден, Саймон и Дафф Купер. Министры пытаются разработать план пропагандистской кампании против Германии. Они разочарованы и подавлены – в Германии, несмотря на их усилия, так и не произошел переворот. Не понимая, как такое могло случиться, министры ломают головы над тем, что же делать дальше. Черчилль нехотя признается, что английские подводные лодки в основном нанесли урон немецким кораблям только в его отчетах. Долгие и несуразные препирательства по поводу предстоящей пропагандистской кампании прерывает вой сирены, объявляющий воздушную тревогу. Министры спешно прячутся в бомбоубежище.

Скорее всего, Геббельс написал сценарий для собственного развлечения, чтобы дать выход мучившей его злобе. Разумеется, сценарий не был опубликован^[70].

Пропаганда англичан вызывала у него презрение. Он по-прежнему смотрел на джентльменов, пытавшихся соперничать с ним, как на «подмастерьев от пропаганды». «В Англии новость – у них появился министр информации. Нас бросает в дрожь от одной мысли, что придется иметь дело со столь грозным противником!» – насмешливо откликнулся на известие Геббельс.

И еще: «Если бы мы тайно отправили к ним целую пятую колонну, о которой так любят поговорить за границей, и то наши агенты не справились бы с работой лучше... Впрочем, на самом деле нет ничего смешного в том, что нам ежедневно приходится сталкиваться с такой вопиющей бездарностью». Позднее, в июне 1941 года, он сказал: «Можно придерживаться разных точек зрения на

поведение английского народа и по-разному оценивать доблесть солдат Британской империи, но несомненно одно: они ни в коей мере не заслужили такой жалкой прессы, такого несуразного радиовещания и такой совершенно недейственной пропаганды».

Вместе с тем Геббельс с удивительной проницательностью понял, в чем суть трудностей, с которыми пришлось иметь дело английской пропаганде. «Британская политика в области информации и пропаганды оказалась в весьма затруднительном положении. С одной стороны, для немцев картину всего происходящего в Англии следует рисовать самыми радостными красками. С другой стороны, та же картина, предназначенная для Соединенных Штатов, должна выглядеть как нельзя более мрачно».

Сражение против Британии вступило в решающую фазу. День за днем самолеты люфтваффе устремлялись через Ла-Манш, чтобы поставить Англию на колени. Судя по заявлениям германского радио и прессы, битва завершилась победой, едва успев начаться.

Психологическая война против Британии заключалась в том, что англичанам без устали твердили: Гитлер въедет в Лондон не позже пятнадцатого августа. Потом эту знаменательную дату перенесли на пятнадцатое сентября. В тот день газета «Рейх» вышла с передовицей (написанной, кстати, не Геббельсом), в которой было сказано: «Как сообщают историки, великий Карфаген был превращен в пепелище за семнадцать дней. Сегодня уже девятый день, как Лондон полыхает огнем». В тот период немецкая печать пестрела заголовками вроде «Англия колеблется перед выбором: голод или капитуляция». Тайные инструкции министерства пропаганды обязывали все газеты заранее подготовить статьи с описанием торжественного въезда фюрера в Лондон. Не хватало только даты, которую следовало поставить в последнюю минуту.

Битва с Англией закончилась для Германии плачевно. Это было первое поражение и Германии, и, в некоторой степени, ее пропаганды. Лично Геббельс не мог нести ответственность за провал. Он прислушивался к самонадеянным заверениям военных, в том числе и Геринга. Потом он никогда не повторит свою ошибку. Он позволил своим людям громогласно предсказывать победу с указанием точных дат. Сравнение Лондона, горевшего уже девять дней, с Карфагеном,

сожженным дотла за семнадцать, было поспешным и непродуманным. Оно предполагало, что Лондону отпущено не больше недели сроку...

15 сентября, когда события приняли неожиданный оборот и Герингу пришлось отказаться от попыток взять верх над Англией в воздухе, Геббельс «дрался в арьергарде» и провел операцию настолько блестящую, что ее можно было бы приравнять к победе немецкой пропаганды. С одной стороны, ущерб, нанесенный Англии бомбардировщиками люфтваффе, многократно преувеличивался, с другой, желая создать и закрепить в умах радиослушателей образ превращенного в крошечный ад Лондона, он пошел даже на то, что признал храбрость и стойкость британского народа. Он не обошел вниманием и сотрудников Би-би-си, то есть своих главных противников в эфире. «Дикторы обоих полов беседовали у микрофонов так мило и непринужденно, словно они знали о воздушных налетах только понаслышке. Думаю, он достоин нашего уважения».

Потери Германии – 158 самолетов только в один роковой день 15 сентября – никогда не признавались. Даже о самом поражении, как таковом, не было сказано ни слова по той простой причине, что и о войне с Британией до того нигде не говорилось. Германская пропаганда всего лишь сообщала, что несколько самолетов люфтваффе нанесли Англии беспрецедентный урон. Однако подразумевалось, что победа над англичанами будет одержана, как только фюрер сочтет необходимым подать сигнал.

Это заявление прозвучало в речи Геббельса в Вене 26 октября. Затем он повторил свое пророчество по Берлинскому радио и сказал, что в «окончательном поражении» Англии не может быть никаких сомнений. Наконец, он заверил приглашенных на пресс-конференцию иностранных корреспондентов в том, что «германская военная машина преодолет Ла-Манш с такой же легкостью, с какой она сокрушила «линию Мажино».

Однако теперь он не связывал себя определенными датами. Он уже один раз обжегся и понял, насколько это опасно. Как он выразился в интервью о «методах ведения интеллектуальной войны»: «Вы должны быть совершенно уверены, что за вашими словами последуют соответствующие события. Лучшая политика – основывать любой лозунг исключительно на фактах».

Приближалось Рождество. Семейство Геббельс переехало в новое жилище. Это был старинный особняк, перестройка которого обошлась в 2 425 000 марок. Он располагался недалеко от Бранденбургских ворот на Герман-Герингштрассе. За домом был сад, примыкавший к садам при министерствах, находившихся на Вильгельм-штрассе, и к саду рейхсканцелярии. От своего городского дома до министерства пропаганды Геббельс добирался в автомобиле за две минуты.

Особняк не отличался особыми размерами и скорее походил на большую виллу, во всяком случае, он не шел ни в какое сравнение с роскошными дворцами Геринга и Риббентропа. Оператор домашнего коммутатора, не называя ни имени владельца особняка, ни его звания, скромно отвечал на звонки: «Резиденция». Дом был меблирован со вкусом и основательностью, но без малейшего намека на претенциозность. Через парадный вход посетитель попадал в большую приемную. На первом этаже располагались несколько гостиных, столовая, кинозал и небольшой домашний театр со сценой для представлений. Второй этаж занимали спальня Геббельса, апартаменты Магды, семейная гостиная, детская игровая комната, музыкальная гостиная и кабинеты личных помощников министра. Для них и для остального обслуживающего персонала были отведены спальни на третьем этаже.

На всех этажах пол был устлан толстыми мягкими коврами, стены покрывал бархат или шелк. Мягкий свет ламп не резал глаза. В доме не слышались ни громкие голоса, ни даже шаги. Двери закрывались бесшумно. Телефонные аппараты – по одному в каждой комнате – были отрегулированы так, что, вместо звонка, раздавался тихий жужжащий звук. Вся атмосфера в доме была наполнена тишиной. Прислуга была практически невидимой: им строго-настрого приказали не попадаться Геббельсу на глаза. Министр не общался ни с кем, кроме родных, ближайших помощников и дворецкого, который прислуживал за столом.

Мягкие ковры, тишина, приглушенные голоса, бесшумные шаги. А всего в нескольких сотнях футов находилось министерство пропаганды, битком набитое людьми и жужжащее, как

потревоженный улей, двадцать четыре часа в сутки. Двести сорок различных программ вели вещание на тридцати одном языке – в сумме это значило восемьдесят семь часов эфира ежедневно. Геббельс запустил свою машину на полные обороты, чтобы заглушить участвовавшие сообщения о зверствах гитлеровской военщины в Голландии, Бельгии, Франции, Норвегии и Польше.

Еще задолго до начала войны он сделал ловкий и продуманный ход для достижения этой цели. Он написал статью под названием «Отрубленные детские руки». Она была посвящена тому, как пропаганда может создавать видимость жестокого обращения с населением завоеванных стран. Он напомнил своим читателям, как во время Первой мировой войны англичанам удалось восстановить мир против немцев. «Сколько было сказано слов об отрубленных детских ручках, выколотых глазах, изнасилованных женщинах, об издевательствах над немощными стариками. Эта пропаганда лжи велась на протяжении нескольких лет и в итоге убедила весь мир в том, что немцы – нация варваров». Он снова и снова доказывал, что британская пропаганда постоянно прибегала к обману, и тем самым настраивал всех цивилизованных людей на недоверчивое отношение ко всему, что им придется читать во время войны. Теперь же, когда немцы действительно творили все те зверства, в которых их обвиняли еще в Первую мировую войну, люди отказывались этому верить, и чем страшнее была жестокость нацистов, тем с большим подозрением мир относился к подобным сообщениям. Таким образом Геббельс предоставил в распоряжение германской бестии бесценное время – то время, когда жестокость не вызывала протеста.

Празднование Рождества происходило в кинозале. Дети и прислуга получили множество подарков. Гитлер, который, как говорили, во время войны сам не принимал рождественские подарки и не делал их, прислал фрау Геббельс десять фунтов кофе. К восторгу детей, на праздник пришел даже Санта-Клаус. Геббельс весело смеялся и подтрунивал над детьми, время от времени напоминая им, что Санта-Клаус не настоящий.

А затем все дружно пели: «Тихая ночь, святая ночь...»

Глава 2

Война на много фронтов

Первые месяцы 1941 года Геббельс потратил исключительно на попытки втоптать в грязь Уинстона Черчилля. Его ненависть к Черчиллю была глубокой и ожесточенной. Позже его сотрудники утверждали, что не проходило и дня без того, чтобы Геббельс не отпустил в адрес британского премьер-министра несколько оскорбительных замечаний. Геббельсу было безразлично, что люди становились невольными свидетелями его грубых выходок, скорее даже наоборот: чем больше было публики, тем лучше. Он называл Черчилля не иначе как «пьяницей, развязавшим войну». Личная жизнь дочери Черчилля становилась темой для непристойных острот. В какой бы связи ни упоминалось имя Черчилля, министр пропаганды тут же превращался в Геббельса тех времен, когда тот боролся за власть и его любимым приемом был удар ниже пояса.

Возможно, он понял еще до того, как это осознали другие, что Черчилль являлся самым непримиримым врагом нацизма, человеком, который будет сражаться с врагом не на жизнь, а на смерть.

Неделя за неделей Геббельс вел яростный спор с Черчиллем. Из-под его пера шел поток язвительных статей: «Кем же себя, в конце концов, считает Черчилль?», «Англия и ее плутократы», «Сделано на черчиллевской фабрике лжи», «Псевдосоциалист», «Старый циник», «О владычестве Британии на море» – вот только некоторые из их названий. О чем бы он ни писал, он обязательно возвращался к Черчиллю и набрасывался на него со всей ненавистью и бессильной яростью. Он вышел из себя, когда Черчилль отказался признать потери, которые якобы нанесли британскому флоту немецкие подводные лодки. Он упрекал Черчилля за то, что тот «устраивал пиры в роскошных лондонских ресторанах, где рекой лилось вино», в то время как «британские газеты советовали голодающему народу заменять мясо морковью и картофелем, сваренным в мундире».

Он обнаружил, что в лице Черчилля нет «ни одной черты, свойственной порядочному человеку». И далее: «Оно обезображено цинизмом. Его ледяные глаза выдают бесчувственную натуру. Он готов шагать по трупам, лишь бы удовлетворить свое безмерное и ненасытное честолюбие... Черчилль до сих пор не знает, каким

образом Англия может выиграть войну. Ответ был ему неизвестен и тогда, когда по его настоянию Британия объявила войну рейху». Мало того: «Он совращает не детей, а целые народы. Для него они не больше чем средство достижения цели. Он так же чувствителен, как и бегемот... Черчилль подобен игроку, которого невозможно убедить, что лучше вернуться домой с остатками состояния, чем спустить все до последнего гроша. Что же, прекрасно, пусть Черчилль продолжает игру – расплачиваться придется Англии». Так пророчествовал Геббельс. «Когда настанет время писать историю поражения Британских островов, самая важная глава в ней будет названа «Черчилль».

Весной 1941 года казавшееся далеким поражение Британии, похоже, стало неминуемым. «Мировой порядок созрел для падения, он даже перезрел!» – кричал Геббельс. Операции «Морской лев», которой отводилась роль завершающей точки во вторжении в Британию, предшествовала ожесточенная борьба в воздухе. 10 мая она достигла невиданного ранее накала. Никогда Лондон не подвергался таким безжалостным бомбардировкам. Seriously пострадали Вестминстерское аббатство, здание парламента и Британский музей. Геббельс ликовал. Его совершенно не трогало, что был нанесен невосполнимый урон историческим памятникам, обладающим высочайшей культурной и художественной ценностью.

Действительно, он еще верил, что моральный дух неприятеля можно сломить непрерывными атаками с воздуха^[71]. Однако, несмотря на собственную убежденность и на неоднократные уверения Геринга, что победа не за горами, Геббельс так и не выступил перед публикой с конкретными обещаниями, хотя соблазн был велик. В то же время он дал указание снова опубликовать отчет Американского института общественного мнения от июля 1940 года, согласно которому только 32 процента американцев верили в победу Британии. Зато он тщательно скрывал от немцев результаты более позднего опроса населения, который был проведен Институтом Гэллага весной 1941 года и по которому эта цифра выросла до 50 процентов.

Как бы то ни было, Геббельса беспокоил не только Черчилль, но и весь британский народ, его поразительная стойкость и нежелание признать поражение. Сам Геббельс считал, что англичане проиграли войну по всем статьям. «Почему истекающий кровью боксер все еще

топчется в нокдауне на ринге и бестолково размахивает руками, тщетно пытаясь нанести удар? Почему он не может понять, что бессмысленное сопротивление только приведет противника в ярость, и тогда последний, нокаутирующий удар будет всесокрушающим? Почему?» – в истерике вопрошал Геббельс.

2

Еженедельно Геббельс писал редакционную статью для газеты «Рейх». Этот печатный орган помогал ему проводить нужную политику. Его статьи читались не только в Германии, но и во всей Европе людьми, которые не отличались особыми симпатиями ни к нацистам, ни к германскому правительству. Читатели, настроенные большей частью нейтрально, а порой и оппозиционно, потом утверждали, что их привлекал всего лишь стиль Геббельса, а не содержание его статей. Тем не менее хлесткие аргументы Геббельса зачастую достигали своей цели. В статье о поэтах и писателях он так объяснял психологию читателя: «Для современников нет ничего более интересного и увлекательного, чем увидеть, какие слова нашел человек их поколения, чтобы передать все, что они сами чувствуют, но не могут выразить в своей беспомощной немоте».

Вероятно, так оно и было. На читателя в первую очередь производил впечатление стиль, тот стиль, которому, по словам самого Геббельса, невозможно научиться, как невозможно научиться понимать и чувствовать пропаганду.

Прежде, в те времена, когда он редактировал «Ангрифф», статьи были для него всего лишь самым доступным и быстрым средством, которое к тому же не требовало особой вдумчивости. Он мог под впечатлением последних событий за несколько минут продиктовать текст любому сотруднику, оказавшемуся под рукой. Иногда он даже откладывал другие дела, чтобы поскорее отправить статью в типографию. Он диктовал из головы, без каких-либо предварительных набросков, при этом расхаживал взад-вперед, без остановки излагая свои мысли. Иногда он подкреплял их жестикуляцией и патетическими интонациями в голосе, то угрожающе поднимая сжатый кулак, то с размаху ударяя рукой по столу, как будто стоял в это время на трибуне. Он ни на минуту не прерывал поток слов и без всякой паузы говорил: «Конец. Все». Стенографист уходил, статью

перепечатывали, в редких случаях Геббельс вносил в нее незначительную правку, но обычно даже не пробегал ее глазами. Отсюда и происходили его напористые и броские сентенции, порой грубые и сформулированные на скорую руку.

Но теперь он подходил к задаче совершенно иначе. Он заранее делал предварительные заметки. Для него готовили цитаты или краткие выдержки из необходимых книг, и он их внимательно изучал. Затем, обычно поздно вечером, он закрывался в кабинете или в студии и писал статью в черновом варианте. Теперь свои статьи он редактировал по два-три раза, а некоторые и по семь. Когда, наконец, написанное удовлетворяло его, он не передавал статью секретарю, а звонил личному стенографисту и диктовал ее всю от начала до конца по телефону. Ее тут же перепечатывали и представляли Геббельсу, который еще раз проходил ее по ней карандашом, пока на свет не появлялся окончательный вариант, соответствовавший тому, что он называл совершенством.

В результате Геббельс выработал блестящий, ясный, почти аскетический стиль, построенный на отточенных фразах и прекрасно подобранных словах, передающих все нюансы мысли. Казалось, он стремился вернуться к годам своей ранней юности и к традиции древнегреческих и римских мастеров прозы, которых он штудировал в школе. Многие из его статей скорее напоминали «упражнения в латыни, чем настоящий немецкий язык», по колкому выражению, которое молва приписывала рейхс-министру вооружений Альберту Шпееру. Но главным в них было содержание – оно должно было оказывать успокаивающее воздействие на читателя. Создавалось впечатление, что их писал не человек, ведущий жестокую и беспощадную борьбу, а победитель, выигравший сражение и размышляющий о недавних событиях с бесстрастной отчужденностью, победитель, которому не подобает раздражаться, тем более впадать в неистовство.

Все другие статьи, печатавшиеся в газете «Рейх», также были написаны не без таланта. Авторам запрещалось прибегать к грубому, характерному для национал-социалистов жаргону, который мог вызвать неприязненные чувства в читателях. Не допускались также истеричные заголовки, которыми пестрела остальная германская пресса.

За каждую статью Геббельс получал гонорар в пять тысяч марок, что при учете покупательной способности равнялось двум тысячам долларов.

3

Помимо еженедельных редакционных статей, Геббельс писал и множество других, которые анонимно или под псевдонимом Сагакс печатались в «Фелькишер беобахтер» и других газетах. Кроме того, он готовил многочисленные речи, которые сразу же диктовал, поскольку в них шла речь о делах жизненной важности. В дополнение ко всему вышеперечисленному он составлял директивные письма гауляйтерам, циркуляры своим пропагандистам и агентам, следил за бесперебойной работой гигантского аппарата министерства пропаганды, осуществлял надзор за всей кинохроникой и почти за всей кинопродукцией, производившейся как в Германии, так и в Австрии.

Все это в совокупности – статьи, речи, директивные письма, циркуляры и управление министерством пропаганды – Геббельс называл «методами ведения интеллектуальной войны». Он справедливо считал себя своего рода генералом, а свое министерство – генеральным штабом и придавал своей пропагандистской войне не меньшее значение, чем той войне, где вермахт проливал свою и чужую кровь.

4

Директивы по ведению интеллектуальной войны разрабатывались каждое утро на совещаниях под председательством самого министра. Начинались они в одиннадцать часов, за ними следовали две пресс-конференции – в час дня и в пять часов вечера, – на которых Фрицше или другие помощники Геббельса передавали прессе утвержденные утром указания.

На этих пресс-конференциях газетчиков инструктировали, о чем и в каком ключе следует писать, а какие вопросы опустить. Большое внимание уделялось, казалось бы, самым незначительным мелочам. При обсуждении официальных сообщений Германского информационного агентства почти всегда указывалось, какие новости передать полностью, а о каких только глухо упомянуть.

Как правило, на пресс-конференциях присутствовали представители министерства пропаганды (чаще всего Фрицше), глава департамента печати рейха доктор Отто Дитрих, который зачитывал «Тагеспароле», сотрудники министерства иностранных дел, с которым велась постоянная и напряженная закулисная борьба, и, наконец, представитель командования вермахта.

Присутствие на утренних совещаниях в конференц-зале по соседству с кабинетом Геббельса вменялось в обязанность руководителям всех департаментов – радио, немецкой и зарубежной прессы, театра, литературы, кино и всех прочих. В основном говорил Геббельс, остальным полагалось внимать ему. Позже они должны были передать его директивы тем, кого вызывали на пресс-конференции. Изредка представитель министерства иностранных дел робко замечал, что его начальник, то есть Риббентроп, не совсем разделяет точку зрения министра пропаганды по тому или иному вопросу. Однако обычно разногласия между Геббельсом и Риббентропом не выносились на всеобщее обозрение, а становились предметом переписки. Двое чиновников, которые вели обмен письмами, посмеивались над тем, что их министры до такой степени не ладят друг с другом.

5

В течение 1941 года Геббельс всячески пытался выиграть пропагандистское сражение за новый европейский порядок. Надежды на успех становились все более призрачными, пока, наконец, не стало совершенно ясно, что поражения не избежать. Геббельс понял это.

Сложилось весьма парадоксальное с точки зрения пропаганды положение. Пока велась психологическая война, пропаганда успешно помогала армии подавить сопротивление противника. Иными словами, она добилась ощутимых результатов там, где обычно успех труднодостижим. Теперь же, когда боевые действия на Западе были

приостановлены, пропаганда оказалась бессильна убедить население в том, что война закончилась. Она ничего не могла сделать там, где, как правило, бывала эффективной, и это несмотря на тот факт, что в данном случае не искажала истину. Европейские армии были разбиты, но население оккупированных стран оставалось непобежденным и постепенно переходило к сопротивлению захватчикам. Повсюду зарождалось подпольное движение. Разумеется, борьба носила несколько пассивный характер и сводилась в основном к внезапным нападениям на части оккупационных войск, а офицеры гестапо вдруг с удивлением обнаружили, что без охраны разгуливать ночью по улицам чужих городов опасно.

Вермахт, СС и гестапо пытались объединенными усилиями подавить в зародыше восстание побежденных народов. Аресты и расстрел заложников стали обычным делом: пять французов за одного немца, десять бельгийцев за одного немца, пятьдесят поляков за одного немца — соотношение, как правило, определялось склонностями и настроением коменданта.

Геббельс старался всеми средствами усилить пропаганду на оккупированных территориях. Один из его зарубежных агентов как-то сказал на лекции: «Я искренне верю, что после великих побед, одержанных нашей доблестной армией, пришел черед пропаганды. Она должна помочь нам одержать духовную победу. Через тридцать или сорок лет вся Европа должна будет прийти к единодушному мнению, что немецкие принципы являются единственно верными. И эта задача будет решена».

Однако в действительности эта задача с каждым днем становилась все более и более трудновыполнимой, в основном из-за репрессивных мер, к которым прибегали оккупационные власти. Геббельс осуждал казни и экзекуции, разумеется, не из соображений гуманности, а только потому, что они оказывали противоположное воздействие на побежденные народы: вместо того чтобы запугать людей, они толкали их на открытое сопротивление.

В 1941 году и в последующие годы Геббельс взял себе за правило регулярно приглашать к себе военных комендантов из оккупированных Германией областей. Его раздражали люди в мундирах, выглядевшие, на его взгляд, слишком упитанными и розовощекими, и он пытался дать им представление о том, как следует обращаться с населением

завоеванных стран. Согласно записям Якобса, он говорил: «Господа, вы удивлены трудностями, с которыми сталкиваетесь на вверенных вам территориях и которые в основном являются следствием пассивного сопротивления народа. Лично я не нахожу в этом ничего удивительного, так как ваши методы вряд ли могут принести нам пользу. В конце концов, я знаю об этом не понаслышке. Из опыта своей собственной юности я помню, что такое подрывная деятельность. Мне также известно, каким образом с ней можно эффективно бороться. Представьте себе, господа, что враг пришел в нашу с вами страну и мы оказались в его власти. Вы поступаете либо слишком мягко и снисходительно, либо настолько строго, что переходите допустимую меру. Вероятно, вам неизвестно, что существует еще тысяча полутонов, разделяющих черное и белое. Есть такая вещь, которая называется серым цветом. Вражеским оккупационным властям в нашей стране достаточно было бы составить списки выдающихся немцев и опубликовать их с коротким объяснением: «При первой же попытке саботажа, при первом же покушении хотя бы на одного солдата двадцать человек из списка будут немедленно казнены». Простите, господа, позвольте привести в пример себя. У моей супруги весьма обширный круг друзей. Вам не кажется, что она тотчас же обратилась бы к ним? Большинство из них старые члены партии, в случае оккупации Германии врагом они, разумеется, перешли бы на нелегальное положение, чтобы руководить подрывной деятельностью. Так вот, не кажется ли вам, что она бросится к своим друзьям из числа руководителей подполья и станет их умолять: «Ради Бога, прекратите бессмысленное сопротивление! Неужели вы хотите, чтобы были убиты лучшие люди нации!» Уверяю вас, господа, жена каждого из вас действовала бы в том же духе, если бы мы поменялись с побежденными местами. Но сейчас мы взяли верх, поэтому и должны поступать соответственно».

6

По мнению Геббельса, Би-би-си не удалось бы привлечь к себе внимание населения оккупированных стран, если бы не их сообщения об арестах и казнях заложников. Он утверждал, что пропаганда союзников работала крайне неэффективно, во всяком случае на первых порах. Так он говорил и своим сотрудникам в министерстве

пропаганды, об этом же твердил и в своих радиопрограммах. Снова и снова он смеялся над попытками Би-би-си зажечь в народах оккупированных стран огонь борьбы против Гитлера. Тем временем сам Геббельс, полагаясь на свое искусство манипулировать общественным мнением, задумал объединить завоеванные нации Европы и привлечь их на сторону Германии для борьбы против Англии до победного конца.

Разумеется, его затея была обречена на провал. Более того, она лишь доказывала, насколько ошибочно делать оценку положения, исходя из головокружительных военных успехов. Трудно поверить, что Геббельс всерьез полагал, будто его тактика увенчается успехом. Ему уже было известно, какой популярностью стали пользоваться передачи Би-би-си в оккупированных странах, и не важно, было ли это следствием репрессий со стороны немецких властей или стремлением поработанных народов любой ценой завоевать свободу.

Коротковолновые станции Би-би-си постоянно наращивали объем своего вещания. Ежедневно выходило в эфир семьдесят восемь выпусков новостей, всего на триста тысяч слов. Радиовещание велось сто пятьдесят часов в сутки на сорока различных языках и диалектах. Геббельс слушал их передачи на немецком и вынужден был признать, что англичане многому научились у него.

Примером может служить ловкий ход со звукозаписью. Десять лет назад Геббельс буквально уничтожил рейхсканцлера Брюнинга, пустив по радио грампластинку с записью его речи и время от времени прерывая ее для саркастических комментариев. Теперь его же приемом воспользовались британцы. Гитлер заявляет, что ему не нужны чехи в пределах рейха? Би-би-си прерывает запись его речи, чтобы напомнить слушателям, что через несколько месяцев после заявления фюрера немецкие войска вошли в Прагу. Гитлер обещает за несколько недель поставить Британию на колени? Диктор сообщает своей аудитории, что обещание было сделано уже год назад. Гитлер говорит, что война с Англией закончится победой к Рождеству 1940 года? Комментатор вставляет ремарку, что уже приближается Рождество 1941 года.

Сам Геббельс становился объектом насмешек Би-би-си дважды в неделю, когда передавали скетч, в котором фигурировали два персонажа: школьный учитель Курт Крюгер и циничный сотрудник

министерства пропаганды Вилли Шиманский. В их разговорах Курт наивно защищает политику нацистской партии, тогда как Вилли, более сообразительный и начисто лишенный идеализма, дает ему понять, насколько глупо верить всему, что распространяет пропагандистский аппарат его хозяина и бога. «И в небе и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости^[72]. Но еще больше и в небе, и в земле, и в воде скрываем мы, пропагандисты».

Вилли сообщает своему доверчивому другу, что Англии совершенно не грозит голод и что германские подводные лодки вовсе не пустили на дно столько английских кораблей, как об этом говорят.

Курт возражает ему: «Потому что долгие летние дни неподходящее время для действий подводных лодок».

ВИЛЛИ: «А прошлой зимой фюрер сказал, что светлые летние дни – это то, что надо для них».

КУРТ: «В самом деле? Подумать только! Да-да, припоминаю, он так и говорил. Но ты скажи тогда, Вилли, какое время года лучше всего для подводных лодок?»

ВИЛЛИ: «Похоже, какая погода ни будет, им все не годится».

Курт не в силах слушать, как глумится его друг, и взрывается: «Тебя просто невозможно слушать! Как ты можешь смеяться над подобными вещами?»

ВИЛЛИ: «Ты прав, Курт, конечно, это отвратительно. Но нас, пропагандистов, уже тошнит, а чтобы нас не выворачивало, мы принимаем верное средство – глумимся над тем, к чему вас призываем».

7

В создании новой Европы под властью Германии Геббельс реально мог рассчитывать только на одно немаловажное обстоятельство: у союзников не было каких-либо конструктивных идей. В течение первых месяцев 1941 года он продолжал нападки на их правящие круги за «тот поразительный факт, что Англия ведет войну не на жизнь, а на смерть, и при этом ни один человек, ответственный за ее судьбу, не знает, за что она сражается».

Летом 1941 года, когда президент США Рузвельт и премьер-министр Великобритании Черчилль подписали Атлантическую хартию^[73], издевательствам и насмешкам Геббельса не было предела.

Во время обычного утреннего совещания он зачитал сообщение о встрече двух государственных деятелей и когда дошел до того места, где описывалось, как Рузвельт и Черчилль запели церковный гимн «Вперед, Христово воинство!», то откинулся на спинку кресла и со смехом произнес: «Представляю, как два проходимца, воздев в притворном благочестии очи к небесам, ханжески гнусавят предусмотренный протоколом гимн, а их голоса дрожат от наплыва фальшивых чувств». К полному восторгу аудитории он продолжал высмеивать их в том же духе.

Досталось от него и журналистам, в подробностях описавшим, как были одеты Рузвельт и Черчилль во время исторической церемонии. «Представьте, господа, чтобы такое сделали наши корреспонденты! Вообразите себе фюрера, объезжающего войска в пробковом шлеме с москитной сеткой, в темных очках и белом тропическом костюме! И я спрашиваю вас, господа, разве это не выходит за рамки здравого смысла? Но только не для англичан. Они сохраняют серьезные мины, когда читают этот бред!»

В статье с характерным названием «Атака на здравый смысл» он поднимает на смех саму Атлантическую хартию. «Черчиллю и Рузвельту надо было пощадить себя и не встречаться на Атлантике, потому что в результате на свет появилась всего лишь жалкая и никчемная бумажонка... Вероятно, мозг людей, писавших декларацию, высох, как Сахара. Даже в самом кошмарном сне мы не могли представить себе, что плоды их встречи будут такими скудными и бесполезными».

Даже год спустя Геббельса выводил из равновесия тот факт, что «противники не имеют ясно очерченной концепции устройства новой Европы после войны». Можно только сожалеть, что в то время его пропаганде жилось легко.

Если действенности пропаганды Геббельса на оккупированных территориях мешало разнузданное поведение германских войск, то его попытки склонить зарубежную прессу к идее новой Европы потерпели провал по вине его собственного министерства, на которое корреспонденты взирали с растущей подозрительностью.

Их постоянно вводили в заблуждение тысячами различных способов. Хотя официально цензуры не существовало и репортерам якобы предоставлялась полная свобода сообщать в свои газеты что

угодно по своему усмотрению, их корреспонденция тщательно перлюстрировалась. Если журналист писал что-либо, не устраивавшее Геббельса, чиновник из министерства приглашал его на обед и мягко журил за предвзятое отношение к Германии. Поскольку чиновник не мог признаться, что материалы зарубежных корреспондентов просматривались, ему приходилось выдумывать легенду, будто бы один из немецких журналистов читал репортаж «провинившегося» иностранца в одной из нейтральных стран. Против несговорчивых принимались более жесткие меры. Им отказывали в праве пользоваться телефонной связью с зарубежными странами и запрещали отсылать корреспонденцию телеграфом.

Бюро Шварц ван Берка, состоявшее на содержании нацистов, умело вводило журналистов в заблуждение, подсовывая им очерки о якобы действительных событиях^[74]. Другим распространителем фальшивок было загадочное Агентство зарубежной прессы Бемера, которое специализировалось на изобретении ложных слухов. После того как Геббельс одобрял состряпанную на тайной кухне «новость», ее внедряли в иностранные газеты через нейтральные страны. Материалы были любопытные, и порой они обманывали даже крупных нацистов, включая самого Гитлера. Во время одного из своих визитов к Гитлеру Геббельс застал его в состоянии иступления – тот радовался сообщению о том, что около Трондхейма пошел на дно британский крейсер. Присутствовавший при этом Риббентроп с нескрываемой гордостью похвастался, что он первым передал известие фюреру. Геббельсу пришлось пережить несколько довольно неприятных минут, прежде чем он решил признаться Гитлеру, что «новость» от начала и до конца была сфабрикована его людьми.

Другим способом использования зарубежной прессы в своих интересах был открытый или закамуфлированный подкуп журналистов. Корреспондентов снабжали табаком в количестве двадцати сигарет ежедневно. В двух клубах для представителей иностранной печати их превосходно кормили. Для репортеров из Балканских стран это было весьма существенно. Некоторые из них жили на широкую ногу, хотя их месячное жалованье не превышало ста марок. Министерство пропаганды охотно доплачивало им еще четыреста марок, триста марок давали некоторые рекламные агентства промышленных концернов, а ежемесячная дотация от

кинокомпания УФА составляла двести марок. Кроме того, корреспондентам разрешалось заказывать в Швейцарии и Дании продукты, которые можно было с большой выгодой перепродать на черном рынке. К тому же они получали ценные подарки от Геббельса ко дню рождения и к Рождеству.

Однако никакие взятки, ни большие, ни мелкие, не могли купить журналистов, чей голос действительно имел важное значение. Они проявляли недюжинную храбрость, а особенно те из них, кто представлял оккупированные страны, хотя они и находились в полной власти Геббельса. Зачастую их репортажи об обстановке в Германии бывали более правдивыми и точными, чем статьи их коллег из нейтральных стран. Как ни странно, но с ними ничего не случилось. Возможно, Геббельс уважал бесстрашных журналистов и восхищался ими.

8

Однако влияние на зарубежную прессу было всего лишь одной из забот, причинявших головную боль Геббельсу. Закоренелая ненависть к евреям не давала ему покоя. Он опять повторял своим помощникам, что не остановится, пока из Германии не будет изгнан последний еврей. «Они отравляют умы немцев. Далеко не всегда их можно отличить по внешности, вот они и толкуются в очередях у магазинов и сеют недовольство своими на первый взгляд невинными замечаниями». Ему справедливо заметили, что такая «подрывная деятельность» стала невозможной с тех пор, как евреям приказали носить на одежде звезду Давида – кстати, это была инициатива самого Геббельса. Геббельс мрачно процедил в ответ: «Да, теперь Моисеи и Левизоны сидят дома и не показываются на улице, зато посылают вместо себя престарелых родителей. Они рассчитывают на сострадание берлинцев, и наивные простаки тут же клюют на их удочку. До каких пор мне будут присылать доносы, что в вагон подземки вошла старуха-еврейка и тут же мужчины бросились уступать ей место!»

Но больше всего бесило Геббельса то, что повторялся печальный опыт 1938 года, когда многие немцы не выполняли его распоряжений, а, напротив, любыми путями и средствами пытались выразить свое сочувствие евреям. Геббельс бесновался от злобы и называл приказ

носить звезду Давида «удивительно гуманным установлением». Тем, кто говорил, что евреи тоже люди, он обычно отвечал: «Разве кто-то спорит? Они такие же люди, как воры, насильники и сводни. Все они тоже люди». Зимой 1941 года в Польшу была депортирована первая партия евреев^[75]. Некоторые сотрудники министерства, среди них и Фрицше, спросили Геббельса, справедливы ли слухи, что евреи будут отравлены газом. Геббельс ответил, что должен проверить, а на следующий день сообщил Фрицше, что в слухах нет ни доли правды: ни один еврей не будет убит ни с помощью газа, ни каким-либо другим способом.

И все же евреи, а вернее, отношение немцев к репрессивным мерам против евреев нельзя даже сравнивать с задачей, которая вдруг встала перед Геббельсом и которую он так и не смог решить. Ему не удалось найти мало-мальски вразумительное объяснение бегству Рудольфа Гесса, заместителя фюрера по партии.

9

Бегство Гесса поразило Геббельса так же сильно, как и весь остальной мир. Когда министру пропаганды сообщили новость по телефону, он потерял дар речи. Через полчаса Фрицше зашел к Геббельсу в кабинет, но не застал его там. Он позвонил ему домой, но ему ответили, что министр уехал в свою загородную резиденцию в Ланке. Только через два часа Фрицше удалось связаться с ним. Он спросил у Геббельса, какие будут указания, каким образом следует освещать это невероятное происшествие и какими причинами объяснять бегство. Геббельс ответил мрачно и немногословно: «Сегодня я не приеду в министерство». Фрицше возразил: «Но мы должны сказать хоть что-нибудь!» Тогда Геббельс пробормотал обреченно: «Говорите что хотите. Я не знаю, что вам посоветовать. Бывают обстоятельства, справиться с которыми не под силу даже лучшему пропагандисту». Геббельс бросил трубку и отправился в постель.

Спасать положение пришлось главе департамента печати рейха доктору Отто Дитриху. Результат получился удручающе жалкий. Он не придумал ничего лучше, чем предложить распространить слух, что Гесс стал жертвой несчастного случая, когда выполнял задание над вражеской территорией. Оставшееся без руководителя министерство

пропаганды возражало, поскольку опровергнуть подобную версию не составляло особого труда. Тогда Дитрих придумал иное объяснение: мол, на Гесса нашло помрачение рассудка, и он, движимый своими пацифистскими убеждениями, улетел в Англию. Более того, следовало добавить, что его нельзя считать изменником и перебежчиком, так как ему просто-напросто нечего выдавать противнику.

Когда Геббельс прочитал придуманное Дитрихом объяснение, с ним случился приступ истерии. Как можно было сказать, что Гесс, бывший заместителем самого фюрера, сумасшедший? И какие после этого мысли возникнут в умах немецких обывателей? Не станут ли они спрашивать себя: а может быть, все окружение Гитлера состоит сплошь из душевнобольных? Однако прекрасно отлаженный механизм министерства пропаганды уже заработал, и эта версия успела облететь весь мир еще до того, как англичане сообщили, что Гесс приземлился в Шотландии. Таким образом, геббельсовским пропагандистам, по крайней мере, удалось первыми распространить сенсационную новость.

Геббельс придерживался того мнения, что Гесс не мог нанести по престижу Третьего рейха более сокрушительный удар. Он даже называл поступок Гесса более тяжким преступлением, чем бегство с поля боя^[76]. Позднее он пересказал Якобсу свой разговор с Гитлером во время долгой прогулки по саду рейхсканцелярии. По его словам, он снова расспрашивал Гитлера о случае с Гессом, и тот подтвердил, что незадолго до своего бегства в Англию Гесс заходил к нему. Гесс спросил фюрера, не изменил ли он свое намерение продолжать войну с Англией, на что Гитлер ответил отрицательно. Тогда Гесс решил на свой страх и риск полететь в Англию и выступить в качестве посредника^[77]. Геббельс добавил от себя, что Гесс нанес делу рейха ущерб, размеры которого трудно сразу оценить.

10

Через несколько недель после странного поступка Гесса германские войска вторглись в Советскую Россию. Геббельс наверняка знал о планах войны задолго до вторжения, возможно, еще с декабря 1940 года, когда Гитлер отдал приказ о начале тайных приготовлений к нападению на СССР^[78], а может быть, только со 2

февраля 1941 года, когда состоялось первое совещание Гитлера с генеральным штабом, касавшееся кампании на Востоке.

Ни один из министров или советников Гитлера, оставшихся в живых после разгрома Германии и со временем давших показания на Нюрнбергском процессе, не одобрял войну с Россией. У Геббельса не было возможности высказать свое мнение, но и у него, скорее всего, нашлись бы свои возражения. Его сотрудники вспоминали, что в первые месяцы 1941 года он был, как никогда, взвинченным и раздраженным из-за любого пустяка. Часто во время интервью или совещания он восклицал: «Если бы следующие несколько месяцев уже были позади!», но он никогда и никому не объяснял причины своего дурного расположения духа. Некоторым казалось, что его беспокоила безуспешная борьба с Англией, которая шла вопреки расчетам военных. Однако нам представляется более вероятным, что его тревожили мысли о предстоящей войне с Россией. В своей последней книге «Час решения» Освальд Шпенглер, на чье мнение так полагался Геббельс, всячески предостерегал от похода на Россию.

«Эта могущественная держава, расположенная в глубине континента, неуязвима для нападения извне. Громадные расстояния – вот та сила, которую невозможно одолеть ни политическими, ни военными средствами. Наполеон на собственном опыте убедился в этом. Что пользы неприятелю в том, что он сумеет занять беспредельные пространства?.. Сама мысль о вторжении с запада изначально абсурдна. Это все равно что молотить кулаками по воздуху».

Геббельс сомневался в целесообразности предстоящей кампании, а его сомнения усугублялись особенно трудными пропагандистскими задачами, встававшими перед ним. Многие годы нацисты вели антибольшевистскую пропаганду. Потом, накануне войны, был заключен пакт Гитлера – Сталина, который произвел эффект разорвавшейся бомбы. Как по волшебству немцы вдруг обнаружили, что русские – очень милые и приятные соседи и что, оказывается, вполне можно жить и с коммунистическим государством под боком. Добросердечные отношения между Германией и Россией подчеркивались всеми доступными средствами. Когда Сталин обнял военного атташе Германии в Москве и публично сказал: «Если мы будем держаться вместе, как братья, нам ничто не грозит в будущем»,

его слова перепечатали все немецкие газеты. В течение двух лет Геббельс вел активную пропаганду за мир и дружбу с русскими, теперь в их отношениях совершился поворот на сто восемьдесят градусов. Что мог в таких условиях сделать Геббельс?

У него не было возможности пустить в ход хорошо зарекомендовавший себя способ обработки общественного мнения рассказами о жестоком обращении русских с этническими немцами, проживавшими на территории России. Этот метод должен медленно накалять страсти задолго до нападения, а в данном случае удар предполагалось нанести внезапно. Геббельсу оставалось только ждать и надеяться на благополучный исход событий. Но даже этот период относительной бездеятельности оказался весьма напряженным. Скрыть от русских передвижение войск к восточной границе рейха было невозможно, следовательно, требовалось каким-либо маневром отвлечь их внимание, и Геббельсу пришла в голову блестящая мысль.

Словно по команде, все в Германии заговорили о близкой высадке войск в Британии, о планерах и парашютных десантах. Тем же летом немцы захватили остров Крит. 13 июня Геббельс опубликовал в «Фелькишер беобахтер» статью под названием «Пример Крита».

«События на Крите убедительно доказывают, что в ограниченном морском пространстве эффективность действий люфтваффе ничуть не ниже, а то и выше, чем у морского флота, даже если бой ведется в неблагоприятных условиях. Корабли теряют свое превосходство, и море становится их кладбищем... Сегодня британцы взволнованно обсуждают падение Крита. Поставьте на место Крита Англию, и вы поймете, в чем причина их беспокойства... Фюрер сам произнес замечательные слова о том, что отныне больше нет островов... Если бы два месяца тому назад мы сказали мистеру Черчиллю, что в начале июня завладеем Критом, он бы только посмеялся, не удостоив нас ответом. Однако сегодня Крит в наших руках. Если же сегодня мы скажем ему, что произойдет через два месяца, он опять рассмеется в ответ, но потом ему придется паковать чемоданы и бежать».

Намек был более чем прозрачным. Люди даже с недоумением спрашивали себя, а не слишком ли далеко зашел Геббельс, заговорив о предстоящей кампании раньше времени, их опасения тотчас же подтвердились. Через два часа после того, как «Фелькишер беобахтер» поступила в продажу, у всех газетных киосков появились сотрудники

гестапо и арестовали весь оставшийся нераспроданным тираж. Стало очевидным, что верховное командование Германии не желало, чтобы люди читали статью Геббельса, в которой между строк заранее сообщалось о том, что по планам военных должно было произойти внезапно. В тот вечер все в Германии поверили, что высадка в Британии неизбежна и что идущие на Восток эшелоны – не более чем отвлекающий маневр.

Не стоит даже говорить, что номер «Фелькишер беобахтер» был конфискован по приказу самого Геббельса, и сделано это было с таким расчетом, чтобы немалое число немцев – а прежде всего иностранные журналисты – успело прочитать статью еще до того, как газета исчезла из продажи. Когда ему доложили о некоторых слухах, он ответил: «Я знаю, господа, что некоторые из вас думают, что мы готовимся к войне с Россией, но я должен заявить вам ответственно, что на самом деле мы намерены продолжать сражение с Англией. Вторжение необходимо и неминуемо. Прошу вас, стройте свою работу сообразно с моими словами»^[79].

Блестящая мысль Геббельса воплощалась в дело^[80].

Тем не менее несколько человек из министерства пропаганды узнали о готовящемся нападении на Россию, однако не от Геббельса, а окольными путями, через адъютанта Гитлера Юлиуса Шауба и Альфреда Розенберга, которому был обещан высокий административный пост в завоеванной России^[81]. Среди посвященных в тайну оказался и доктор Карл Бемер, глава так называемого Агентства зарубежной прессы Бемера. Он обладал незаурядным талантом, но, к сожалению, питал особую склонность к выпивке. Вскоре после публикации статьи Геббельса о Крите Бемер был приглашен на прием в посольство Болгарии. Он появился там около семи часов вечера, будучи уже изрядно навеселе. Потом он опьянел окончательно и похвастался одному из сотрудников министерства иностранных дел, что его скоро могут назначить на новую должность, а именно помощником Альфреда Розенберга, когда тот встанет во главе нового министерства.

Этого было вполне достаточно, чтобы открыть глаза остальным гостям. Пост министра Розенберг мог получить только при завоевании Советской России. В тот же вечер посол Болгарии отправил в Софию открытую телеграмму, в которой сообщал, что, по словам одного

высокопоставленного члена нацистской партии, война с Россией неизбежна.

Об этом случае тотчас же донесли Риббентропу, тот связался с гестапо, и гестапо начало действовать. Геббельс пытался защитить своего сотрудника и даже обратился к Гитлеру. Фюрер прочитал его прошение и поставил свою визу: «Провести тщательное расследование».

Двумя днями позже один американский журналист зашел к Бемеру в министерство пропаганды. В приемной он обратился к секретарше, но та удивленно посмотрела на него. «Бемер? Я никогда не слышала о таком. Возможно, вы ошиблись?»

Бемер словно умер еще до суда. И Геббельс и Розенберг просили за Бемера, чем только вызвали неудовольствие Риббентропа. Бемера приговорили к трем годам тюремного заключения. Через год ему разрешили пойти на фронт рядовым. Он попал под разрыв снаряда, и ему оторвало обе ноги до бедра. Через несколько дней он умер в госпитале под Краковом. Во всех некрологах его называли стойким национал-социалистом.

11

Всего за несколько часов до вторжения германской армии в Россию Геббельс прервал свое молчание. В ночь с 21-го на 22 июня он вызвал руководителей некоторых своих департаментов в Шваненвердер и сообщил им о событии, которое должно было произойти с минуты на минуту. Им не разрешалось ни покидать здание, ни пользоваться телефонной связью, пока Геббельс не велел им возвращаться в Берлин. Он тоже поехал с ними. Они вернулись между тремя и четырьмя утра, а в пять часов Риббентроп созвал пресс-конференцию и объявил о начале вторжения в Советскую Россию. Через несколько часов Геббельс сел у микрофона и зачитал на всю страну заявление фюрера, в котором тот объяснял, почему война оказалась неизбежной. Закончил он весьма многозначительно: «Да поможет нам Бог, особенно в этой борьбе!»

В тот же день Геббельс разослал своим пропагандистам тайное «указание № 13». Оно касалось войны с Россией и было озаглавлено «Ответ Германии на предательство еврейско-большевистского Кремля». Пропагандистам предписывалось представлять войну как

вынужденную самооборону. «Вопрос о важности большевистского государства как источника продовольствия и промышленного сырья для Германии не обсуждать и даже не затрагивать... Война ведется не против народов страны большевиков, а против еврейского большевизма и тех, кто его представляет...» И далее: «Еврейско–большевистские главари нарушили договор... Необходимо обращать внимание на неоднократные усилия фюрера, направленные на поиски мира, и на его долготерпение по отношению к постоянным нарушениям договора большевиками».

Геббельс взял на себя руководство пропагандистской войной. Перед ним стояла не просто трудная, а практически невыполнимая задача – за несколько часов добиться того, что требовало многомесячной подготовки. Ему предстояло убедить немцев, что избежать войны было невозможно, так как она была навязана Германии противником.

Через четыре часа после начала войны на восточном фронте он обвинил Советы в том, что они никогда и не собирались «соблюдать условия пакта о ненападении, подписанного с рейхом». Мало того, он особо подчеркивал, что необходимо вести речь не столько о предательстве, сколько о заговоре – «тайном заговоре большевистских плутократов».

В своем стремлении показать, насколько порочен большевистский режим, Геббельс иногда совершал грубые промахи. В указаниях агентам он рекомендовал делать упор на то, что «советскому режиму удалось изолировать страну от внешнего мира». В статье от 6 июля он писал: «Тех русских, которые будут слушать передачи германского радио на русском языке, ждет казнь. Видимо, трусливую шайку кремлевских лжецов терзают мрачные предчувствия. Они догадываются, что уготовила им судьба». И вместе с тем 17 августа он заявил: «Несколько вероломных негодяев, затесавшихся в наши ряды, приговорены к каторжным работам. В них проснулась тяга к знаниям, и они слушали вражеские программы. В высшей степени примечательно, что Лондонское радио встало на их защиту».

Его заявления следовали одно за другим настолько быстро, что немцы невольно вспоминали первое, услышав второе. Случались и другие, не такие вопиющие ошибки. Примером может служить «Сталинская линия обороны». Впервые германская пропаганда

заговорила о ней в начале июля. Немцам сообщили, что эта своего рода «линия Мажино» на востоке сооружалась в течение пяти лет. Через несколько дней появились подробности: оказывается, русским удавалось держать в тайне сооружение сложнейших оборонительных заслонов. А 12 июля по радио прозвучало специальное сообщение о прорыве «линии Сталина».

Действительно, в тот период русские постоянно отступали и признавали, что их войска отходят, но никогда ни словом не упоминали о «линии Сталина» по той простой причине, что ее не существовало. Об этом факте передали и радио Москвы, и Лондонское радио. Геббельс пришел в ярость. «В своих радиопередачах и газетных статьях пропаганда Лондона и Москвы хвастливо утверждала, что нам никогда не прорвать «Сталинскую линию обороны», – писал он. – Когда мы взламывали их «линию Сталина», они твердили, что все наши усилия напрасны и они никогда ее нам не отдадут. Теперь, когда боевые действия переместились на восток от «линии», они, наконец, решили открыть нам «истинную правду»: «линии Сталина» нет и не было, а потому и прорвать ее было невозможно»^[82].

В той же статье был еще один пассаж, который заслуживает особого внимания. Геббельс снова высмеивает методы британской пропаганды и замечает, что «только англичане могут безропотно с ней мириться». «Если бы мы применяли те же методы к немцам, нас давно побили бы камнями. Даже намек на надежду, которая может не оправдаться в будущем, оскорбляет наш народ», – писал он. На первый взгляд, его слова адресованы Лондону, но на самом деле он завуалированно обращался к Гитлеру.

Гитлер был излишне уверен в победе, а потому давал самые невероятные обещания, да к тому же он заражал своим неоправданным оптимизмом других. Никогда прежде не приходилось Фрицше делать по радио таких хвастливых предсказаний, как в первые месяцы русской кампании. Даже официальные сводки военных утратили обычную сухость, и в них появились едва ли не лирические нотки. Специальные выпуски новостей заставляли думать, что конец войны не за горами.

9 октября было объявлено, что у русских осталось всего две армии, да и те находятся на грани уничтожения. В тот же день Отто Дитрих созвал пресс-конференцию для иностранных журналистов. Он

только-только вернулся из ставки Гитлера, где был удостоен долгой беседы с фюрером. Дитрих передал газетчикам его слова: «Кампания против большевиков подходит к концу. Это единодушное мнение военных». В тот же день газеты опубликовали приказ Гитлера, который был зачитан войскам неделей раньше и в котором были слова: «Сегодня начинается великое сражение этого года. Оно принесет неприятелю окончательное и сокрушительное поражение».

Безошибочное чутье Геббельса тут же подсказало ему, какими страшными последствиями могут обернуться столь опрометчивые обещания. Он буквально взбесился от ярости. Он кричал о «немыслимой безответственности» и о «грубейшей пропагандистской ошибке за всю войну»^[83]. Опасаясь, что у немцев возникнет иллюзия близкого конца войны, он наложил на речь Дитриха вето и запретил печатать ее в газетах и передавать по радио. Он даже осмелился подать протест Гитлеру, хотя на том лежала часть вины за допущенную ошибку. Днем позже Геббельс попытался, насколько это было возможно, внести коррективы в сверхоптимистические прогнозы, сказав по радио: «Сегодняшние сражения, которые ведутся на центральном и южном направлении в России, предопределили исход кампании. Однако это нельзя понимать как окончание войны».

Неужели он уже тогда понимал, что в конце концов война будет проиграна?

12

Как бы то ни было, Геббельс не желал связывать себя неоправданно радужными предсказаниями, и в статье «Конец всем иллюзиям», опубликованной 17 октября (эта статья оказалась одной из немногих, которые он печатал дважды), он сделал так много пространных обобщений, что могло показаться, будто речь идет о крушении его собственных иллюзий.

Как и следовало ожидать, британская пропаганда воспользовалась тем, что Гитлеру опять не удалось выполнить свой план молниеносной войны и привести немцев к скорой победе, и перехватила инициативу, чем, разумеется, вызвала невероятное раздражение Геббельса. «Англичане полагают, что мы должны вести войну сообразно с их графиком и календарем, – язвительно отозвался Геббельс. – Они напускают на себя всезнающий вид, словно

присутствовали в качестве гостей на самых секретных совещаниях наших политиков и военных». Вполне допустимо предположить, что он был недоволен Гитлером, который преждевременно торжествовал победу, чем играл на руку пропаганде союзников. Несмотря на это, а может быть, именно по этой причине, он написал: «Фюрер одерживает военные победы в соответствии с его собственными планами, а не заумными рассуждениями англичан». И ради пущей осторожности добавляет: «Никому не дано знать, в какой день они осуществятся».

Он предвидел неизбежные последствия необдуманных обещаний. Война обещала быть долгой, тяжелой и кровопролитной, а народ Германии ждало горькое разочарование, потому что он не был готов к столь трудным испытаниям. Как только появились первые признаки недовольства, Геббельс вернулся к своему предвоенному трюку с *Miessmacher* и *Kritikaster*. Он изобрел двух персонажей, на которых мог выплескивать всю свою желчь: это были герр Брамсиг и фрау Кнетерих, которых он всячески высмеивал в многочисленных статьях. Но обстановка требовала более действенных мер. Геббельс приказал вызвать представителей всех пропагандистских учреждений, чтобы дать им новые указания. На встрече с ними Геббельс выглядел крайне озабоченным, если не сказать мрачным. Перед пропагандистами и газетчиками предстал совершенно другой человек, для которого, казалось, война только теперь началась всерьез.

Он объяснил им, какие требования они обязаны неукоснительно выполнять: их репортажи должны быть максимально реалистичными, ничто не должно приукрашиваться, никакие трудности, с которыми сталкиваются войска, не должны затушевываться. Он ставил задачу заставить население в тылу понять, что значит идти вперед по крови и грязи, что значит вспыхнувший от вражеского снаряда танк, что значит голод и трескучие русские морозы. Он требовал от своих людей очистить свои репортажи от показного героизма, ему была нужна более или менее правдивая картина тяжелой войны...

Геббельс понимал, что вскоре в Германию потянутся сотни санитарных поездов, набитых безногими, безрукими и безглазыми солдатами, которые будут рассказывать о пережитых на фронте ужасах. Он должен был сделать все, чтобы подготовить оставшихся дома немцев к тому, что их ожидало.

Все эти недели он жил в министерстве пропаганды. Он ночевал в небольшой комнатухе, смежной с его кабинетом, где ему поставили армейскую койку. Он не хотел терять драгоценные минуты, когда придет пора принимать безотлагательные меры. С женой он встречался крайне редко, а на игры с детьми у него совершенно не оставалось времени. Он больше не смотрел свои любимые фильмы. Совещания и встречи, которые обычно назначались за неделю, были отменены. Он не занимался делами, если только они не касались непосредственно войны с Россией.

Он выглядел усталым, похудевшим и осунувшимся. У него открылась язва желудка. Целыми днями он не ел ничего, кроме овсяной каши, и время от времени выпивал стакан молока, зато не выпускал сигарету изо рта. Благодаря ежедневным процедурам под ультрафиолетовой лампой он сохранял свой обычный загар, но тени под глазами становились все темнее. Он спал урывками. Иногда он вызывал личного массажиста посреди ночи, так как массаж успокаивал его до предела натянутые нервы. Он стал заговаривать о будущем, о своей мечте оставить политику, стать обычным человеком со своими привычками, симпатиями и антипатиями, написать книги о Гитлере, о христианстве и о художественных принципах кинематографа.

Геббельс был единственным из нацистских вождей, который чувствовал приближение катастрофы. Сугубо штатский, хоть и высокопоставленный, но все же чиновник, он видел дальше генералов. Что мог он сделать, чтобы предотвратить несчастье? Разве в его силах было помочь армии сломить яростное сопротивление русских? Он полетел в ставку Гитлера, хотя ему, как и другим членам кабинета министров, было запрещено пользоваться самолетами осенью и зимой. Он предложил развернуть широкомасштабную пропагандистскую кампанию на оккупированных территориях России, чтобы всеми возможными способами сломить моральный дух населения. Гитлер, которого занимало только одно – как выиграть войну с Россией при помощи «интуиции», – отослал его к Розенбергу. Тот снисходительно улыбнулся и ответил Геббельсу, что знает «своих»

русских: не стоит тратить попусту время и пытаться повлиять на них пропагандистскими методами^[84].

Геббельс возвратился в Берлин ни с чем. Что еще мог он сделать, чтобы предотвратить катастрофу? В первую очередь следовало удержать от вступления в войну далекую, но могущественную державу, то есть Соединенные Штаты. Геббельс ни на минуту не ослаблял начатую еще в 1940 году борьбу за изоляцию Соединенных Штатов. Но летом 1941 года американское правительство закрыло все германские пропагандистские агентства, а людей из них либо арестовало, либо выслало из страны.

14

4 декабря 1941 года русские начали мощное контрнаступление по всему фронту. Немецкие войска оказались в опасном положении. По чьей вине это произошло? Генералы предупреждали Гитлера, что с приходом зимы установятся сильные морозы, и пытались убедить его в необходимости отвести войска назад. Гитлер отказался. За катастрофические последствия прежде всего следует винить самого фюрера.

Для Геббельса такое развитие событий не стало неожиданностью. В одном из своих циркуляров он написал: «Потери на фронте невозможно восполнить». А в одной из статей признался с похвальной откровенностью: «Сегодня у германского народа есть шанс – самый большой, но в то же время последний... Победа принесет всем нам процветание, а поражение – гибель всему народу».

Впервые официальная германская пропаганда заговорила о возможном поражении в войне. По всей видимости, Геббельс хотел встряхнуть немцев, настроить их на то, что им придется идти на большие жертвы, и подготовить к потрясению.

А события на восточном фронте действительно потрясли немцев, которые не могли понять, что же случилось. Но ведь даже в случае победы несколько миллионов немецких солдат должны были остаться на зиму в России, следовательно, генштаб был обязан обеспечить войска теплой форменной одеждой, горючим, отапливаемыми казармами. Но никаких приготовлений сделано не было. На участвовавшие в сражении армии обрушился убийственный холод. Танки остановились из-за замерзшей в двигателях смазки. Резервы

опаздывали из-за разрушенной транспортной системы. Солдаты не просто мерзли, они обмораживали конечности и даже замерзали до смерти. Кто-то где-то допустил колоссальный по своим последствиям просчет.

21 декабря 1941 года Геббельс призывает население Германии собирать зимнюю одежду для фронта и рассказывает, как в действительности обстоят дела. Ввиду особого значения и крайней откровенности этого документа, его текст тщательно выверялся и несколько раз переписывался^[85]. Геббельс признавал, что тыловые службы вермахта не смогли обеспечить войска подходящей одеждой. «Но наш фронт в тылу поможет спасти своих отцов и сыновей от жестокой зимы. Если у вас дома есть какие-то теплые вещи, отправьте их на фронт». И он перечисляет: одеяла, боты, шерстяные носки, свитеры, теплое белье, наушники, шапки, наколенники, варежки и так далее. «Отдавая солдатам все, что у вас есть, вы помогаете им одержать победу».

Немцы пришли в изумление. Неужели положение на фронте до такой степени отчаянное? Возможно ли, чтобы доблестные солдаты, еще вчера снискавшие славу непобедимых, вдруг оказались в смертельной ловушке снегов и льда?

Остальные страны изумились не меньше. В английском министерстве информации едва ли не всерьез полагали, что Геббельс потерял рассудок. Германские генералы пришли в ужас, они были категорически против сбора зимней одежды на том основании, что это окажется сокрушительным ударом по настроению немецкого народа.

Но Геббельс того и добивался. «Я поверг людей в шок, – позже объяснял он своим сотрудникам, – когда сказал им, катастрофа неминуема, если они не начнут тотчас же действовать. Позвольте мне привести пример, чтобы проиллюстрировать мою точку зрения.

Представьте себе, что я сижу ночью за столом и работаю в полном одиночестве. Неожиданно дверь распахивается, и в комнату врываются грабители. «Руки вверх!» – кричат они. Разумеется, первым делом я перепугаюсь. Я машинально поднимаю руки и сижу неподвижно, как парализованный. Я не в состоянии ничего соображать. Однако через несколько мгновений шок проходит, и я начинаю прикидывать, как бы мне выпутаться из опасного положения, в котором я оказался. Возможно, рядом есть кнопка скрытого звонка,

и я могу позвать на помощь, не привлекая внимания взломщиков. Может быть, у меня под рукой лежит какой-нибудь увесистый предмет, и мне удастся пустить его в ход. Другими словами, мой мозг начинает лихорадочно искать путь к спасению.

То же самое происходит и с людьми после призыва сдавать теплые вещи. Я привел весь народ в состояние шока, и люди, осознав опасность, застыли, как парализованные. Затем загремел наш призыв: «Сдавайте теплую одежду!» И все они, как один, побежали к нам с шерстяными и меховыми вещами, лыжами и бог знает чем еще. Но испуг у них уже прошел!»

Геббельс был прав. Не столь важно, что собранные 67 миллионов теплых вещей выглядели, по мнению Би– би-си, заведомым преувеличением. Единственное, что было важно, так это поведение гражданского населения Германии. Немцы были потрясены и напуганы. С замиранием сердца слушали они передачи о страданиях своих солдат на русском фронте. Если Геббельс и опасался, что люди не поддержат войну, то теперь все его страхи рассеялись. Геббельс взывал к их чувству национального достоинства. И те, кто оставался в тылу, стремились показать, что и они готовы пойти на жертвы ради спасения своих соотечественников. Однако они еще не знали, что война потребует от них новых жертв, страшных и бесполезных.

Глубоко в сердце России холода становились все более жестокими. Русские продвигались вперед.

Глава 3

Мировая война

1

Ночь с 11-го на 12 декабря – за несколько часов до того, как Гитлер объявил войну Соединенным Штатам, которые «нарушили все принципы нейтралитета», – Геббельс провел в министерстве пропаганды. Его помощникам было приказано оставаться на дежурстве, и все они пребывали в крайне напряженном состоянии, предчувствуя, что должны наступить важные события. Однако никто не знал, что происходило. В тот вечер совещание не проводилось, и никто из сотрудников не слышал личного мнения Геббельса об

обстановке. Ему то и дело передавали телеграммы, он быстро пробежал их глазами и продолжал безостановочно расхаживать по кабинету. Он выглядел взвинченным и раздраженным, его мысли, казалось, были где-то далеко. Произошло нечто, что не укладывалось в его сознании. Нам остается только гадать, о чем он думал. Судя по всему, ему уже было известно, что Гитлер решил объявить войну Соединенным Штатам, но, видимо, он втайне надеялся, что фюрер откажется от своего намерения.

Освальд Шпенглер предостерегал от втягивания Америки в войну. «Ее сходство с большевистской Россией гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. У них одинаково громадные просторы, что делает невозможным нападение извне и исключает всякую угрозу национальной безопасности...»

Первая после объявления войны статья Геббельса была опубликована 14 декабря, через неделю после нападения на Перл-Харбор. Она называлась «Великий шанс» и была полна рассуждений на общие темы, философских раздумий и исторических аналогий. Само слово «Америка» в ней подозрительным образом отсутствовало, а тон статьи звучал странно оптимистически. «У нас появился великий шанс, единственный в своем роде. У германской нации никогда не было столь благоприятной возможности, как сегодня».

О самом Геббельсе сказать то же самое было трудно. Он оказался в сложном положении. Война с Соединенными Штатами ставила перед ним на первый взгляд неразрешимую задачу. Большинство немцев прекрасно помнило, что именно вступление Америки в Первую мировую войну привело к окончательному поражению Германии. Память народных масс была не настолько короткой, как хотелось бы Геббельсу. Следовательно, он должен был действовать немедленно. Во второй статье он твердо и открыто заявил: «Любые сравнения с третьим годом мировой войны совершенно неуместны». Тем самым он пресек все попытки проводить аналогии.

Он воспользовался временным преимуществом, которое давал ему тот факт, что на этот раз война была объявлена не Соединенными Штатами, а самой Германией. Его рассуждения были просты: во время Первой мировой войны Германия стремилась избежать конфликта с Америкой, теперь же ее превосходство в военной мощи несомненно, а значит, ей и должна принадлежать инициатива. Фюрер был более чем

прав, когда сделал этот шаг. Тем более, что с 7 декабря «положение стран Альянса стало настолько сложным, что даже политическим и военным экспертам оно кажется неправдоподобным».

И все же немецкий народ повел себя неожиданно. По каким-то загадочным причинам люди отказывались верить, что Германия объявила войну Америке. Все придерживались твердого мнения, что именно Соединенные Штаты сделали первый шаг к войне, и поколебать их уверенность было крайне трудно. Геббельсу пришлось менять тактику, но единственное, что он мог сделать для успокоения народа, – это вытащить на свет Божий старые доводы, которые были в ходу еще во времена Первой мировой войны, и прежде всего заверения в том, что помощь Америки союзникам не придет вообще, а если и придет, то слишком поздно. Еще до того, как США начали активные действия, немцы вели серьезную и кропотливую обработку населения. 30 января 1941 года Гитлер выступил с заявлением, в котором сказал, что не боится Соединенных Штатов, а через несколько дней Геббельс заметил: «Фюрер не оставил никаких сомнений в том, что рейх готов к любым неожиданностям». За две недели до налета японцев на Перл-Харбор Геббельс написал: «США не представляют для нас никакой опасности...»

Но разве сам Гитлер не говорил, что причиной поражения Германии в 1918 году была война на два фронта? Разве не он сказал, что руководитель страны, которому дорога судьба родины, не может повторить ошибку? Как следовало понимать его слова? Когда Германия вторглась в Советскую Россию, Геббельс твердо заявил, что о войне на два фронта не может быть и речи, так как Англия уже практически разбита – хотя сама Англия об этом и не подозревала. Но уж теперь-то война на два фронта стала реальностью.

Геббельс решил вставшую перед ним задачу с помощью лозунга. Как-то Гитлер изрек, что «перед людьми нельзя ставить больше одной цели, точно так же нельзя указывать им больше одного врага». В полном соответствии с мыслью фюрера Геббельс заявил, что у Германии есть только один противник: большевик и плутократ, демократ и империалист, революционер и капиталист, и этот враг в одном лице – еврей. Мировое еврейское сообщество и является заклятым врагом немцев. Да, Геббельс совершенно серьезно утверждал, что оси Берлин – Рим и их сателлитам с общим

населением двести миллионов человек угрожают одним фактом своего существования пятнадцать миллионов евреев, разбросанных по всему земному шару и не имеющих ни своего государства, ни своей армии, ни военно-морского флота, ни авиации. Каким бы смехотворным ни выглядел довод Геббельса, следует признать, что пользовался он им с чрезвычайной ловкостью и последовательностью.

Он начал готовить поле для своей пропагандистской кампании задолго до того, как Германия объявила войну Соединенным Штатам.

«Враждебная нам еврейско-большевистская партия доктринеров и коварные евреи из числа капиталистов предприняли самый дерзкий шаг, какой только можно себе представить. Плутократия нагло использует социализм, чтобы установить жесточайшую диктатуру капитализма», – писал он 20 июля 1942 года. И еще, недель позже: «Еврей в Сити и еврей в Кремле... находятся в полном единении. Они готовы играть в большевизм и капитализм, в атеизм и христианство, в демократию и автократию, в террор и либерализм – словом, во что угодно, в зависимости от того, что больше соответствует их сиюминутным целям, лишь бы спасти себе жизнь».

Снова и снова Геббельс утверждает о «сговоре большевиков и еврейской плутократии». Он заявляет: «У евреев есть два способа утверждать свое превосходство над другими народами: капитализм и интернациональный большевизм».

Но на своем обычном утреннем совещании он несколько смягчает тон. «Господа, – сказал он, – давайте не будем дурачить самих себя. Разумеется, мирового еврейского сообщества, которое стало бы держаться вместе и в радости и в беде и каким мы его себе представляем, не существует. Нельзя полагать всерьез, что интересы евреев из лондонского Сити и еврейских банкиров Уоллстрит совпадают с интересами евреев, засевших в Московском Кремле»^[86].

Любопытно, что, согласно свидетельству доктора Тауберта, Геббельсу вскоре пришлось пожалеть о своей откровенности. Вероятно, кто-то донес о его рассуждениях в ставку Гитлера, так как на следующий день Геббельс сказал, что, видимо, его мысль не совсем правильно поняли: единство устремлений мирового еврейского сообщества не подлежит никакому сомнению.

Таким образом, Геббельс выдвинул тезис о том, что Соединенные Штаты вступили в войну ради защиты интересов мирового еврейского сообщества. Еще в мае 1941 года он начинает собирать «доказательства» для подтверждения своих аргументов и приводить их. «Необходимо уделить должное внимание сведениям о еврейском происхождении Рузвельта, которые нам предоставило агентство «Национальсоциалистический корреспондент». Фотографии Рузвельта с явно выраженными чертами иудея могут быть использованы с большой пользой»^[87]. Вот еще один пример: «Не секрет, что американский президент Рузвельт окружил себя многочисленными советниками еврейского происхождения. Нетрудно догадаться, какого рода советы они ему нашептывают».

Однако его предыдущие выпады не шли ни в какое сравнение с той бранью, которой он разразился теперь, когда была объявлена война Соединенным Штатам. «Редко встретишь высокопоставленного государственного служащего, который бы с таким преступным легкомыслием оценивал международную обстановку и не принимал в расчет экономическую, духовную и военную силу противника. Нейтральные наблюдатели сообщают, что он заметно сдал, постарел и даже поседел с началом азиатского конфликта. Что же, его легко понять».

Но что бы ни говорил Геббельс о Рузвельте, он никогда не достигал той ярости и виртуозности, с какой бранил Уинстона Черчилля. Видимо, ему не доставало личной неприязни. Тем временем агитация против Соединенных Штатов набирала обороты: нападкам подвергались пресса, правительство, интервенты, они же поджигатели войны, и, само собой разумеется, евреи. Во всех материалах сквозил легкий намек: Америка – страна, достойная жалости, несмотря на свое внешнее благополучие. Конечно, втайне Геббельс предпочитал американские фильмы и музыку, но вслух он говорил другое. 18 апреля 1942 года он заявил: «То, что американцы именуют своей культурой, на самом деле не является таковой... Ежедневный душ, автомобиль отца и собственный автомобиль дочери, колоссальные небоскребы, невероятно толстые воскресные газеты...»

2 августа следует продолжение темы: «Страна, воюющая с древнейшими культурными народами Европы и Азии под предлогом спасения духа свободы, сама не имеет ни своего постоянного театра,

ни своей постоянной оперы. Антреприза вроде нью-йоркской «Метрополитен– опера» существовала за счет немецкого и итальянского оперного искусства и исполнителей и вынуждена была закрыться, когда разразилась война, из-за отсутствия подходящего репертуара – что весьма и весьма показательно^[88]. Не будь у американцев денег, они были бы самым презираемым народом мира».

Что касается «древнейших культурных народов Европы и Азии», то они, согласно геббельсовской пропаганде, сражались, «защищая все, что ими было создано за двухтысячелетнюю историю».

3

Будь на то воля Геббельса, он бы предпочел забыть о войне с Россией, а заодно и заставил бы весь народ не вспоминать о ней. «Кто сегодня еще говорит об ужасах холодов с января по март 1940 года? И кто в мае или июне 1942 года станет говорить о физических и духовных тяготах этой зимы?» – успокаивало министерство пропаганды своих слушателей 23 января 1941 года, хотя все понимали, что утешение было слабым.

Несмотря на постоянные заклинания Геббельса, что история не повторяется, немцы не могли не вспомнить о другой великой армии, которая вторглась в Россию и погибла. То, что когда-то случилось с Наполеоном, теперь могло произойти и с Гитлером. И Геббельсу не оставалось ничего другого, как взять быка за рога. «Новое прочтение литературы о поражении наполеоновской армии в кампании 1812 года против России заставляет нас обратиться к войне германской армии против Советского Союза... Сравнение с походом Наполеона хромает на обе ноги...»

Во всяком случае, Геббельс на это надеялся. Стремясь отвлечь внимание немцев от бедственного положения армий вермахта в России, его пропагандистский аппарат сосредоточился на растущей военной мощи Японии. «Начавшаяся зима препятствует проведению широкомасштабных операций на Дальнем Востоке, – начал передачу Фрицше, предлагая радиослушателям новую тему. – Между тем мы наблюдаем, как перемещение войсковых соединений на Тихом океане приобретает все больший и больший размах, что и побудило нас заняться этими событиями...» Геббельс уже дал интервью японским журналистам и в нем от имени всего народа Германии отдал японцам

дань искреннего уважения за их труды по преобразованию Восточной Азии. Пропаганда пристально следила за каждым «преобразующим» этапом. Победы Японии стали приравняться к победам Германии, поскольку означали поражение Британии или Америки.

А успехи немецких подводных лодок министерство пропаганды приравнивало по своему значению к победам японцев. О них сообщалось в специальных выпусках новостей под торжественные звуки фанфар. Геббельс не раз и не два говорил, что «германские субмарины группами появляются в Атлантическом океане и настигают свои жертвы, несмотря на сопровождающий их конвой, который было бы правильнее назвать похоронным кортежем».

Причины, по которым центр тяжести германской пропаганды был перенесен с сухопутных операций в России на океанские просторы, более чем очевидны. Подводников окружал ореол таинственности и романтики, их подвиги были сопряжены с риском и даже смертельной опасностью – с ними могли сравниться разве что доблестные летчики люфтваффе. Но главная причина крылась в другом – было совершенно невозможно проверить, как точно их торпеды попадали в цель. Когда вскоре англичане заявили, что суммарный тоннаж их судов, якобы потопленных германскими субмаринами, не имеет ничего общего с действительностью, Геббельс с праведным возмущением написал: «Всеми давно признано, что германские сводки о потерях в войне всегда соответствуют истине.

Цифры, которые мы публикуем, основываются на показаниях честных немецких офицеров и подтверждаются многочисленными очевидцами.

Здесь Геббельс явно лукавил, ибо цифры исходили от него.

В самом начале войны он обратился в военно-морское ведомство и получил исчерпывающую информацию о том, каким образом подводная лодка пускает торпеду во вражеский корабль и что происходит дальше. Оказалось, что определить, попала она в цель или прошла мимо, может только человек, стоящий у перископа. Как правило, у перископа стоит сам командир субмарины, и ему ничто не мешает сообщить своей команде, что цель поражена, а затем доложить о победе командованию. Иными словами, Геббельс убедился в полном отсутствии надлежащего контроля. Даже если бы все сорок человек команды знали, что они промахнулись, все равно они не стали бы

возражать и отказываться от почестей и наград за потопленные только на словах корабли. Таким образом, министерство пропаганды могло свободно и без всякой угрозы разоблачения оперировать цифрами по своему усмотрению, и Геббельс широко пользовался этой возможностью.

Успехи германских подводных лодок безмерно преувеличивались, в то время как возможности действенной помощи Европе со стороны Соединенных Штатов соответственно занижались согласно требованиям геббельсовской пропаганды. 18 января 1942 года: «Произведенному в колоссальном количестве американскому вооружению никогда не доведется обрушиться на население Германии, так как благодаря решительным действиям наших субмарин оно никогда не достигнет театра боевых действий...» 3 мая: «Тем временем вражеский фронт терпит одно поражение за другим. Тоннаж их флота – самый главный козырь в условиях войны – со дня на день сокращается с пугающей скоростью...» 21 июня: «Суммарный тоннаж кораблей, пущенных нашими подводными лодками на дно, достиг значения, представляющего чрезвычайную угрозу для морских операций противника, в то время как потери германских субмарин ни в малейшей степени не соответствуют хвастливым донесениям британского и американского Адмиралтейств...» 28 июня: «Так ли уж незначителен тот факт, что только в мае Англия и Соединенные Штаты потеряли суда общим водоизмещением почти миллион тонн?»

Такого рода пропаганда велась на протяжении всего 1942 года вплоть до лета 1943 года. Геббельс лично курировал подводную войну. Он поддерживал постоянную телефонную связь с военно-морским командованием, изобретал новые небывалые подвиги экипажей субмарин, преувеличивал их реальные достижения и драматизировал события.

4

И все же победы подводных лодок не пользовались особой популярностью. Их результат сказывался только впоследствии: если германским субмаринам удавалось потопить достаточное число кораблей союзников, это значило, что англичанам придется затянуть потуже пояса, они не смогут продолжать борьбу, а их самолеты перестанут бомбить Германию. Однако настоящий восторг народа

могут вызвать только вполне осязаемые плоды одержанной победы. Люди представляют себе национального героя не в образе шахматиста, который искусными маневрами загоняет противника в матовое положение, а в виде отважного воина, который завоевал новые земли или вернулся домой с богатой добычей и пленниками. На публику производят впечатление герои из плоти и крови, а не команда безымянных моряков, ведущих незримый бой под толщей воды.

В начале войны в распоряжении Геббельса оказался настоящий, а не вымышленный герой подводной войны. Он, если так можно сказать, сам упал ему прямо в руки. Еще в октябре 1939 года молодой капитан Гюнтер Прин сумел, несмотря на все охранительные меры англичан, потопить линкор «Роял Ок», стоявший на рейде в Скапа-Флоу. Впоследствии он совершил еще не один подвиг. Прин был словно создан для роли героя: он был молод, красив и удачлив. К несчастью, его командиров раздражала популярность молодого моряка, превосходившая их собственную, и они решили любой ценой избавиться от него. Ему приказали выйти в море на подводной лодке, требовавшей серьезного ремонта. Прин отказался выполнить приказ, за что был арестован, а потом исчез. Допустить, чтобы всенародный любимец предстал перед военным трибуналом, было никак нельзя, поэтому Прина заключили в концентрационный лагерь. 24 мая 1941 года немцам сообщили, что Прин не вернулся с задания. Позднее его перевели в средневековые казематы военной тюрьмы в Торгау. Как писали берлинские газеты в феврале 1946 года, его расстреляли в начале 1945 года.

Геббельс не сумел найти достойную замену Прину. К 1942 году средняя продолжительность жизни подводника составляла всего сорок шесть дней.

С самого начала войны Геббельс искал «героев», то есть людей, из которых он мог создать легенду, как он это сделал с Шлагетером и Хорстом Весселем. Однако верховное командование противилось такой форме героизации, поскольку старые генералы, составлявшие большинство военной элиты, прославились еще во времена Первой мировой войны и не желали уступать свои лавры молодежи. Даже Гитлер относился к затее Геббельса с неодобрением, видимо опасаясь, что появится новый идол, который сможет хоть на время и частично затмить его самого. В то же время у министерства пропаганды

имелись веские причины не создавать вокруг генералов ореол славы, так как среди них практически не было истинных нацистов. К тому же их победы были по своей сути победами военной мощи и стратегии, а не победами нацизма, в них не было идеологической подоплеки.

Но Геббельс не оставлял попыток отыскать «настоящего героя». Он распорядился, чтобы его немедленно ставили в известность всякий раз, когда в Берлин возвращался военный корреспондент или оператор передавал отснятую пленку в министерство пропаганды. Он беседовал с каждым из них наедине, и его настойчивые вопросы выдавали желание во что бы то ни стало найти кандидата на роль «героя».

Ему встречались летчики люфтваффе, которые вполне могли бы подойти, но они тоже были обречены на слишком скорую смерть. Не успевал Геббельс прославить их, как они погибали.

Самой большой удачей для Геббельса стал фельдмаршал Эрвин Роммель. Сравнительно молодой, он не принадлежал к клике генералов кайзеровской формации и не был аристократом по происхождению. Более того, он стал проявлять неподдельный интерес к танкам еще тогда, когда остальные немецкие генералы смотрели на танки как на железные гробы, а на войну бронированных механизмов – как на недостойную рыцарей забаву. Гитлер проявлял особую заботу о моторизованных войсках, чем в какой-то степени способствовал карьере Роммеля. После впечатляющих побед Роммеля во Франции под Абвиллем Геббельс начал методично раздувать его известность до сияющего орла славы. Партийные ораторы вдруг обнаружили, что Роммель старый член НСДАП и член СС и что он был знаком с Гитлером еще в пору зарождения нацистского движения. Ни один из этих «фактов» не соответствовал действительности, и тем не менее они стали основой для популярности Роммеля. Снова и снова военные корреспонденты описывали его как генерала, который сражается на передовой бок о бок со своими солдатами, совершенно не заботясь о личной безопасности.

Зимой 1941/42 года имя Роммеля гремело в связи с победами в Северной Африке. Для Геббельса успехи Африканского корпуса стали долгожданным событием, поскольку они отвлекали немцев от сражений на просторах России, где германские войска несли огромные потери. Чем дольше длилась война, тем больше внимания пропагандистская машина Геббельса уделяла Роммелю, который, хотя

и сражался на фронте, не подвергался такой опасности, как подводник или летчик.

Главное же заключалось в том, что Геббельс и в самом деле питал симпатию к Роммелю. Он считал, что в нем за скромной внешностью кроется огромная моральная сила, чего нельзя было сказать о большинстве остальных генералов. Он находился под обаянием почти первобытной храбрости Роммеля, ему была по душе его прямая и бесхитростная натура. Когда бы генерал ни появился в Берлине, Геббельс всегда приглашал его к себе домой и подолгу беседовал с ним, заставляя рассказывать обо всем пережитом на фронте. В конце концов, он видел в Роммеле не только материал для пропаганды самоотверженного служения рейху, судя по всему, он полюбил его.

Тем более тяжело ему было разочароваться в Роммеле в июле 1944 года^[89].

5

Все сотрудники, помощники, секретари и стенографисты сходились во мнении, что Геббельс очень изменился с тех пор, как призвал население собирать теплые вещи для солдат, замерзавших в России, а Гитлер объявил войну Соединенным Штатам. Он усвоил, насколько это было возможно для его натуры, военную строгость и деловитость. В его поведении не осталось и следа от непостоянства и непредсказуемости. Он реже шутил, не позволял ни себе, ни другим непоследовательности, требовал беспощадной и целенаправленной сосредоточенности.

Все, кто с ним общался в то время, почувствовали, что в нем происходят какие-то глубинные изменения. Человек, виртуозно владевший немецким языком и с чьим ораторским искусством не мог сравниться никто другой из нацистов, теперь ограничивал себя словарем военных терминов, его речь теперь сводилась к сухим и четким словам, которые постоянно повторялись изо дня в день, словно он хотел дать понять, что по любому вопросу может быть только одно мнение.

Любимыми выражениями Геббельса стали «ясно, что...», «не может быть сомнений в том, что...», «я твердо убежден, что...», «как бы то ни было...» и прочие не располагающие к спорам слова. Он сообщал только о событиях, полученных из первых рук. Когда он

выговаривал кому-либо, что случалось все чаще и чаще, его голос звучал с угрожающим спокойствием: «Разумеется, так поступать нельзя ни в коем случае...» или «Это должно быть сделано только таким образом...».

Зато при любом упоминании имени Гитлера его голос совершенно менялся. Когда в конце 1941 года фюрер взял на себя командование восточным фронтом, Геббельс бодро заявил, что теперь-то уж германским войскам не придется так страдать и что холод и снег больше не будут «так жестоко досаждают солдатам». Позже в своей речи по радио по случаю дня рождения Гитлера он сравнивает его с величайшим полководцем Германии Фридрихом Великим^[90], а в июне 1942 года называет фюрера «величайшим военным гением нашей истории». Все должно вернуться к лучшему, убеждает Геббельс население, потому что «богиня Истории, однажды призванная народами, не остановится, пока не завершит свое дело».

Говорил ли Геббельс искренне? Неужели он действительно слепо, без тени сомнения, верил в миссию и величие Гитлера? Мы видели, что в первые месяцы войны с Россией Геббельс уличил своего фюрера в ошибке, недопустимой и непростительной с точки зрения пропагандиста. Не потому ли он вкладывал столько жара в свои слова о Гитлере, что страстно хотел, чтобы ему верили? А может быть, ему приходилось так стараться, чтобы сохранить веру в себя, чтобы не изменять своему однажды принятому решению никогда не осуждать и даже не обсуждать поступки Гитлера, чтобы боготворить его с прежней слепой преданностью?

Да, Геббельс умышленно закрывал на многое глаза, чтобы сдержать свой обет, данный еще в молодости. И именно поэтому и именно теперь, когда приближалось лето, когда в России назревали важные события, а Гитлер планировал новое крупное наступление, Геббельс допустил промах, которого, по его глубокому убеждению, следовало всячески избегать. Он предсказал скорую победу.

6

Готовящееся наступление на юге России необходимо сохранять в тайне – таково было личное указание Гитлера Геббельсу. Геббельс ответил, что гордится возложенной на него важной задачей – ему поручили отвлекать внимание противника от планов фюрера.

«Начинаем бить в барабаны, – сказал он своим помощникам. – Пусть все поверят, что группа армий «Центр» скоро будет задействована в решающем прорыве на Москву. А потом, когда мы убедим противника, что так оно и будет, мы внезапно нападём с юга. Днём я пошлю в издательство за доктором Кригом, расскажу о наших планах и отправлю его на Балканы. Криг человек общительный и болтливый, его стараниями все узнают, что мы готовим наступление на Москву».

Для его желания работать задание было проще простого. Действительно, что за жалкое поручение для человека, который на протяжении последних двенадцати лет с блеском решал головоломные пропагандистские задачи? Для человека, который одним мановением руки сумел скрыть за дымовой завесой пропаганды подготовку к войне с Россией? Нынешняя задача – сохранить в тайне готовящееся наступление на юге – была детской игрой в сравнении с предыдущим маневром.

Но в тот период перед ним не стояли другие задачи. Война вступила в ту фазу, когда пропаганде отводилась второстепенная роль. Блицкриг провалился, и не было «блиц-побед», следовательно, не было и материала для пропаганды. Идея построения новой Европы была похоронена, и стало очевидным, что инициатива перешла в другие руки. Би-би-си могла безнаказанно повторять, что Гитлер не сдержал свое обещание, что Россия до сих пор не разгромлена, а Англия не поставлена на колени. Отвечать Геббельсу было нечего, поэтому его возражениям не хватало задора и силы. Он писал: «Мы почитаем за великую честь оскорбления и брань противника, и, напротив, его лесть и хвалебные гимны нам кажутся величайшим позором. Как бы ни изощрялась во лжи его пропаганда, она наткнется на непробиваемую стену нашей национальной дисциплины».

Но в каком состоянии находилась в Германии «национальная дисциплина»? Как немцы переносили войну, которая длилась намного дольше, чем им было обещано? И еще – самое главное – что мог предпринять Геббельс, чтобы поддержать моральный дух народа?

Германские газеты стали еще более скучными и однообразными. Как руководитель департамента печати, Ганс Фрицше тщетно пытался поддерживать мало-мальски приемлемый уровень публикаций. В течение 1941 года и в начале 1942 года он всеми силами пытался устранить всяческие крайности, не допускать на газетные страницы

вопиющие глупости, но, видимо, Геббельс не оказывал ему должной поддержки. Обозленный и обескураженный Фрицше отказался от должности и, прежде чем Геббельс успел ему помешать, ушел добровольцем на восточный фронт. Так Геббельс лишился своего самого талантливого сотрудника.

Геббельсу волей-неволей пришлось обратиться к своему ближайшему помощнику доктору Вернеру Науману, работавшему в министерстве в звании советника. Науман был старым членом партии, и Геббельс встречался с ним еще в годы своего студенчества. Это был стройный, худощавый человек с несколько резкими чертами лица. Он по-прежнему выглядел молодо, хотя ему уже было за тридцать. Геббельс питал к нему большое доверие и наделил его более широкими полномочиями, чем остальных своих сотрудников. Науман был женат и имел пятерых детей, но целиком посвящал себя работе и практически все время проводил в министерстве или в Шваненвердере и Ланке вместе с Геббельсом.

Там он и встретил Магду, которая была на десяток лет старше его и чувствовала себя заброшенной и ненужной. На этот раз у нее не было соперницы, так как никто не смог занять место фрейлейн Х, а киноактрисы, которых Геббельс привозил в Ланке, когда Магда оставалась в Берлине или в Шваненвердере, не занимали равным счетом никакого места в его жизни. Из-за напряженной работы и тревог он стал равнодушным к супружеским радостям и не уделял Магде должного внимания. Она нуждалась в утешении и сочувствии, и доктор Науман оказался подходящим утешителем стареющей, но сохранившей красоту женщины. Они подолгу гуляли по окрестным лесам, беседовали о прочитанных книгах, наслаждались обществом друг друга. Для него и этого было достаточно, но ее не удовлетворяли платонические отношения. Второй раз она изменила мужу с одним из его подчиненных.

7

Со времени ухода Фрицше Геббельс почти махнул рукой на германскую прессу, считая ее безнадежной. В беседах с друзьями он признается, что разговаривать с газетчиками стало совершенно невозможно. Причина была в том, что их стесняли его собственные запреты и ограничения. Порой он испытывал искушение предоставить

им больше свободы, но поспешно добавлял, что сделает это «после войны».

Он часто приходил в ярость от глупости германских журналистов. Часто он не мог сдержаться. «Если вы не в состоянии справиться с работой, так и скажите, я найму парочку евреев из Лондона! – вопил он. – Уж они-то знают, что и как делается».

Постепенно он стал посвящать все больше времени своему еженедельнику «Рейх». Вместе с тем он изо всех сил старался улучшить работу радио, пытался сделать программы более интересными и привлекательными для слушателей, потому что их уровень стал даже ниже, чем уровень печати. Программы составлялись в основном из речей и бравурной музыки, которые прерывались редкими выпусками новостей. С пяти утра до одиннадцати вечера они навевали на слушателей непреодолимую скуку. Все торжественные и не очень торжественные события в жизни нацистской партии освещались самым подробным образом. Бесконечные лекции о нацистском мировоззрении и расовой теории ровным счетом никого не интересовали.

Геббельс регулярно собирал всех специалистов, связанных с радио, и пытался объяснить им, на какой основе они должны строить работу радиовещания. В начале каждого совещания он доставал из кармана листы бумаги, где были записаны его замечания о прослушанных программах. Все его отзывы были сугубо отрицательными, ничего положительного в радиовещании Германии он не находил.

Однажды он сказал: «Господа, важны не слушатели, важен Слушатель с большой буквы». Кого он подразумевал под Слушателем, стало ясно из его указаний. «Вы должны готовить свои программы не для тайного государственного советника, а для лесоруба из Бад-Айблинга».

Лесоруб из Бад-Айблинга, маленького городка к востоку от Мюнхена, стал легендарной фигурой. Он появлялся словно черт из табакерки всякий раз, когда Геббельс проводил семинар с работниками радио. «Неужели вы всерьез считаете, что ваш лепет может заинтересовать лесоруба из Бад-Айблинга?» – спрашивал он с злобной иронией, когда какая-либо программа вызывала его недовольство.

Был еще один человек, на чье мнение в оценке радиопередач полагался Геббельс, – его личный водитель. По дороге в Шваненвердер или в Ланке Геббельс всегда слушал радио, а потом спрашивал шофера, что тот думет о той или иной передаче. Водитель отвечал откровенно – как правило, передачи ему не нравились. Геббельс кивал, прислушиваясь к «гласу народа». На следующий день он вызывал к себе сотрудников департамента радио и доводил до них мнение шофера. Вероятно, даже высшие германские чиновники от радио жили в постоянном страхе в ожидании приговора водителя. Случалось, что уже готовая передача отменялась в последнюю минуту, если во время репетиции кто-нибудь вдруг замечал: «Боюсь, это не понравится шоферу Геббельса».

Вслед за лесорубом и шофером немалое влияние на содержание радиопрограмм оказывали гауляйтеры и Мартин Борман. Гауляйтеры знали настроение людей в своих округах, по крайней мере им так казалось. Бывало и так, что после совещания с гауляйтерами все предыдущие планы перечеркивались, к крайней досаде авторов передач. Но они не осмеливались перечить Геббельсу – непокладистому сотруднику грозил не только гнев министра, но даже увольнение, а то и отправка на фронт.

8

В тот период Геббельс ввел на радио несколько новых программ. Прежде всего следует назвать «Фронтовые репортажи». Это были рассказы о различных происшествиях в действующих частях, свидетелями которых оказались одетые в солдатскую форму репортеры. Все сюжеты объединялись в одно целое дикторским текстом. Затем появилось «Зеркало времени» – программа, рассказывавшая в той же документальной манере о событиях, не связанных с войной. Но самым успешным нововведением оказались редакционные статьи Геббельса в «Рейхе», которые передавались по радио вечером каждой пятницы.

Становится очевидным, насколько новый стиль Геббельса, мягкий и успокаивающий, соответствовал настроениям немцев в условиях затянувшейся войны. Хотя он воздерживался от обещаний и предостерегал против излишнего оптимизма, люди всей душой отзывались на его статьи, дававшие утешение и ощущение

безопасности. После каждой передачи в министерство потоком шли тысячи писем из всех уголков страны, что еще раз доказывало умение Геббельса найти нужную струну и тронуть ее. 8 февраля 1942 года он мог с удовлетворением заявить: «Несколько дней назад газеты Соединенных Штатов вынуждены были признать, что все надежды сломить моральный дух немцев окончательно рухнули».

«Сегодня германский народ ведет себя намного достойнее, чем, например, во время наступления на Францию, – продолжал он. – Если по радио каждые три часа передают специальные сообщения о выигранных сражениях, не так уж трудно верить в победу. Но когда завоеванные территории приходится упорно защищать, когда руководство страны ежедневно сталкивается с новыми и новыми трудностями, тогда от народа требуется беспримерная сила духа. И германский народ привел замечательные доказательства своей нравственной силы и стойкости».

Разумеется, иногда «сила духа» немцев явно не дотягивала до «беспримерной». В статье «Открытый разговор» Геббельсу пришлось подбадривать немцев, впавших в уныние после очередного сокращения продовольственных норм. Тональность и смысл подобных обращений к населению вырабатывались заранее. Например, если урезались нормы выдачи хлеба, в то время как на несколько унций увеличивалось количество жиров, выдаваемых по карточкам, Геббельс требовал: «Я не желаю завтра видеть заголовки статей вроде «Жиров стало больше!». Затем он пространно объяснял газетчикам тонкости психологии при подаче неприятных известий. «Нет смысла создавать впечатление, что положение с продовольствием улучшается. Люди далеко не дураки и мгновенно раскусят ваш неуклюжий прием. Ваша же хитрость обернется против вас, если начать сообщение с приятной, но незначительной новости, чтобы подсластить пилюлю и затушевать принимаемые жесткие меры, которые скажутся на людях куда более серьезно. Поэтому лучше сообщить предельно откровенно: «Да, мы отлично представляем себе, как сокращение рациона ударит по вас, и не можем сказать, когда его отменят, но, с другой стороны, этот шаг совершенно необходим, потому что...» И здесь должно следовать объективное и вразумительное разъяснение, основанное на фактах, чтобы каждый читатель сказал себе: «Да, я понимаю, ничего не поделаешь».

В то же время Геббельс ополчался против Miessmacher и Kritikaster, которые упорно не желали чем-либо жертвовать во имя победы. «Особенно возмутительно то, что отдельные представители германского населения в тылу не желают замечать, что идет война... и начинают ныть и жаловаться, мол, табаку почти не выдают, а сами выкуривают одну сигарету за другой».

Он позволял себе одергивать немцев и отказывал в этом праве прессе Англии и Соединенных Штатов. «Вражеской пропаганде, которая тщетно пытается подорвать наше национальное единство и стойкость духа, не удастся даже оцарапать нам нос, тем более – поразить нас прямо в сердце», – уверенно писал он. В тот период пропаганда союзников вновь оказалась под градом ударов геббельсовской критики, и главным врагом вновь был Черчилль. «Он строит свою тактику на том, чтобы представлять прошлое в черных красках, а затем за сумрачным горизонтом настоящего открывать светлые перспективы будущего... На том он и строит расчет – не жалеть черной краски для прошлого, чтобы настоящее казалось лучше, чем оно есть на самом деле. Он признает, что положение неблестящее, но обязательно добавляет, что раньше оно было еще хуже». Геббельс писал эти строки 1 марта 1942 года, но 22 марта был вынужден сам воспользоваться рецептом Черчилля: «Было бы несправедливо и недостойно принижать наши блестящие достижения в ходе войны и пытаться создать впечатление, что самое худшее уже позади, а трудности, с которыми мы столкнулись прошлой зимой, не более чем детская игра».

Против Соединенных Штатов он пускает в ход свою тяжелую артиллерию. Некто Август В. Хальфельд работал некоторое время корреспондентом в Америке и по возвращении в Германию написал книгу под названием «Я видел США во время войны». Книга стала широко известна, естественно, не без помощи Геббельса. Но даже по его меркам она была вершиной дурного вкуса. В основном она содержала выпады против Рузвельта, который был описан как больной, находящийся на грани помешательства человек. Супружеская жизнь Рузвельта представлялась как цепь скандалов, дети – преступниками, правительство – неумелым и незнающим, а Адмиралтейство – сборищем растяп. Американцы выглядели нацией лентяев, автор отказывал им и в молодости, и в энергичности. Из

этого пасквиля следовало, что во всех сферах американского общества первую скрипку играют евреи и негры, стремящиеся к власти. Соединенные Штаты так и остались колонией, утверждал Хальфельд, беззастенчиво выливая на страницы своей книги потоки лжи.

9

Весенне-летнее наступление немцев, истинное направление которого было приказано скрыть Геббельсу, не принесло желаемых результатов. Единственный, кто достиг успеха, был сам Геббельс. 6 ноября 1942 года выяснилось, что Сталин действительно поверил в наступление германских войск на Москву. Он сказал, что целью продвижения немецких армий в южном направлении было отвлечь насколько возможно русские резервные части от Москвы и, таким образом, ослабить московский фронт, чтобы облегчить нанесение удара, а вся перегруппировка германских войск делалась, чтобы окружить Москву и довести войну до окончательной победы еще до конца года.

Возможно, заявление Сталина и вызвало самодовольную улыбку Геббельса, но в остальном русские давали ему мало поводов для радости. Они оказались не только достойным противником вермахта, но также остроумно и умело противостояли германской пропаганде.

Еще с августа 1941 года передачи новостей по общегерманскому радиовещанию стали вдруг прерываться неизвестным голосом, который громко кричал: «Ложь! Все это неправда!» Затем следовали уничижительные комментарии к сообщению и поправки к сводкам командования вермахта. Весь штат немецкого радио охватывала паника. Они прекращали передачу новостей и запускали вместо них музыку. Но как только в музыкальных интервалах диктор пытался продолжить сообщение, снова звучал тот же голос и так же невозможно отпускал свои ядовитые замечания. Центральное радиовещание Германии волей-неволей прекращало передачу и просило слушателей переключиться на местные радиостанции.

Немецкие специалисты, которым было поручено найти «возмутителя спокойствия», установили, что источник находится в Москве. Каким-то образом русские нашли способ настроить свои передатчики на ту же волну так, что одна станция могла вмешиваться в радиовещание другой. Позднее русские научились имитировать голос

Геббельса и даже Гитлера и передавали «их речи», которые на первых фразах звучали вполне достоверно, пока в них не появлялись откровенно пораженческие настроения.

Человек, стоявший за пропагандистскими уловками русских, был Соломон Абрамович Лозовский, заместитель наркома иностранных дел, слывший большим знатоком европейской политики. Не довольствуясь вмешательством в передачи официального германского радиовещания и пародиями на речи Геббельса и Гитлера, его дикторы позволяли себе обращаться к частным лицам в Германии. Делалось это следующим образом.

У одного пленного солдата вермахта русские нашли письмо от матери, в котором она сообщала сыну, что отец болен, ему необходимо усиленное питание, а продуктов нет. Русское радио обратилось к женщине, назвало ее имя и адрес и попросило соседей передать ей сообщение на тот случай, если она не слушает передачу. Ей посоветовали заглянуть в один из берлинских ресторанов, который пользовался услугами черного рынка и где каждый день предавались обжорству нацистские бонзы. Там, сказали русские, она может найти все необходимое, чтобы поставить больного мужа на ноги, правда, и цены там кусаются, вряд ли даже недельного заработка мужа хватит, чтобы купить хоть что-нибудь.

Подобные обращения звучали ежедневно и не один раз. Нельзя сказать, что они обескуражили немцев, зато заставили изрядно поволноваться Геббельса.

10

А у него и без того были причины для волнений. Русские настойчиво требовали от союзников открыть второй фронт. Поведение Геббельса в этом отношении весьма и весьма любопытно. Обращение русских к другим участникам коалиции можно было расценить как признание собственной слабости, и Геббельс должен был бы с удовлетворением сказать во всеуслышание, что их противник не надеется справиться с положением самостоятельно. Но в кругу нацистских вождей никто не выказывал удовлетворения. Само упоминание о втором фронте заставляло вздрагивать весь германский генштаб, а Геббельс уверял своих читателей и слушателей, что любые попытки союзников высадиться на Европейском континенте обречены на провал.

Он изобретал всевозможные аргументы, чтобы его точка зрения выглядела убедительнее. В апреле 1942 года, когда отряд британских десантников приземлился в Булони с задачей совершить стремительный рейд, Геббельс приводил их неудачу как самое наглядное доказательство. 24 августа того же года попытка десанта была повторена в Дьеппе, причем в гораздо большем масштабе. Геббельс тотчас же подготовил ответ: «Британское правительство так же хорошо, как и мы, знает, что попытки открыть второй фронт можно сравнить разве что с политическим и военным самоубийством». В статье, чей тон заставляет вспомнить те времена, когда он еще боролся за власть, Геббельс называет Черчилля «заложником Кремля» – не больше и не меньше. Его главный тезис сводится к тому, что британский премьер-министр отдал приказ на высадку десанта только для того, чтобы доказать и русским, и своему народу бесплодность всех попыток вторжения в Европу. Примечательно, что Геббельс в данном случае обнаружил удивительную способность проникать в замыслы противника. Действительно, англичане использовали рейд в Дьеппе для того, чтобы наглядно показать русским и американским союзникам, что в будущем высадка войск на береговой плацдарм будет сопряжена с колоссальными трудностями^[91].

Геббельс не устал доказывать и себе и другим, что высадка войск союзников в Европе немыслима, и это превратилось у него в навязчивую идею. Союзники не должны вторгнуться на континент, а значит, они просто не могут это сделать. Одна из его статей так и называлась: «Вход в Европу запрещен!» В ней он утверждал, что ни одно самое безумное предприятие не причинит коалиции большего несчастья, чем открытие второго фронта. «Британцам не раз и с самой жесткой прямоотой говорилось, что для них вход в Европу закрыт». И далее: «Самое главное препятствие – это немецкие солдаты, которые размещены повсюду и с нетерпением ждут случая, чтобы оказать войскам Черчилля сердечный прием». Другая его статья вышла под названием «Наказуема даже попытка!». Естественно, он имел в виду попытку союзников высадиться в Европе. Статья заканчивалась словами: «Германским солдатам, несомненно, доставит большое удовольствие объяснить и янки, что им тоже вход в Европу запрещен».

11

Тем летом Геббельс отправился в Венецию. Это была его третья поездка в город, который он очень любил. Прежде он бывал там под предлогом участия в кинофестивале как мастер немецкой кинематографии – такова была его официальная легенда. На этот раз он поехал только ради отдыха. Там же в то время оказалась – видимо, не случайно – стайка молоденьких очаровательных актрис.

Все путешествие проходило под несчастливой звездой. Геббельс собирался произнести на площади Святого Марка речь на итальянском языке, хотя не знал из него ни слова. Саму речь он написал еще в Берлине, потом велел ее перевести и записать в транскрипции. Но когда он прибыл в Венецию, ему мягко дали понять, что было бы лучше отказаться от затеи.

Ему отказали в его желании, да еще не отнеслись к нему с должным уважением на первых двух официальных приемах – этого хватило, чтобы вывести его из равновесия. Он не доверял итальянцам и подозревал, что они прослушивают его разговоры. Ради конспирации он начал диктовать своему стенографисту шепотом, из-за чего происходило немало недоразумений. Он требовал, чтобы его помощники, звоня в Берлин, пользовались в разговорах изобретенным на ходу условным кодом. Например, люфтваффе называли «дядюшкой

Германом». Путаница возрастала, и в конце концов стенографисты и секретари составили своего рода заговор, чтобы передавать шефу только самые важные телеграммы. Не подозревая подвоха, Геббельс записал в дневнике: «Телеграммы из Берлина приходят на удивление редко. Но я даже рад временному затишью в международных делах. По крайней мере, я могу немного отдохнуть, мне это не помешает».

Через неделю решили устроить прогулку на гондолах по Большому каналу. В одной из гондол разместился Геббельс с тремя актрисами и тенором, который под аккомпанемент скрипки и концертино пел арии под звездным итальянским небом. Все, за исключением Геббельса, много пили, благо запас вина был под рукой, в другой гондоле. Когда тенор устал и сделал перерыв, в четвертой гондоле два эсэсовца грянули маршевую песню. Раздосадованный Геббельс велел им «немедленно прекратить дьявольский вой».

Час-другой спустя все участники прогулки уже были изрядно навеселе. Внезапно одна из актрис сбросила с себя платье и прыгнула в воду, чтобы поплавать. Ее примеру последовали и остальные, а Геббельс, испуганный и раздраженный, остался один в гондоле. Наконец он взял себя в руки и приказал купальщицам вернуться в гондолу. Прогулка продолжалась, но мрачный Геббельс хранил гробовое молчание, из-за чего даже приглашенный им тенор не смел открыть рта.

Пару дней спустя Геббельс давал большой прием в Палаццо дель Мари. Он, как и всегда, был в ударе, умудрялся беседовать с несколькими гостями одновременно, блистал остроумием и иронией. Ближе к концу вечера знаменитый иллюзионист начал развлекать гостей своим искусством. Он взял себе в ассистенты министра пропаганды и вовсю веселился, вытаская из фрака Геббельса всячину, том числе и живого кролика. Гости с восхищением не отрывали глаз от артиста и следили за каждым его движением, пытаясь разгадать секрет фокуса. На Геббельса никто не обращал внимания, он стал даже не ассистентом, а реквизитом для демонстрации искусства иллюзиониста. Вскоре он не выдержал и сухо заметил: «Думаю, на сегодня достаточно». Вид у него был мрачный и обиженный.

Через два дня он возвратился в Берлин.

В тот период времени его тон стал еще более строгим и серьезным. Он объяснял, что русских нельзя недооценивать, потому что «на протяжении всей своей истории они выделялись из остальных народов чрезвычайной стойкостью и силой духа». И добавлял: «Но и немцы никогда не грешили недооценкой противника. В нынешней войне это крайне важно».

26 августа Москва сообщила о начале битвы за Сталинград. Месяц спустя Геббельс написал: «Само собой разумеется, что чем дольше длится война, тем больше жертв она требует». Его пропаганда сравнивала войну с восхождением на гору. Образ показался ему удачным, и он его использовал как лейтмотив в течение многих последующих месяцев – альпинист долго карабкается вверх, он чувствует, что силы его на исходе, и тут перед ним открывается почти отвесная тропа, от одного вида которой его охватывает ужас; но, одолев, наконец, последний подъем, он вдруг с радостью и торжеством понимает, что взошел на самую вершину.

Однако другие вожди Третьего рейха считали, что последний рывок будет стремительным и недолгим. 27 сентября Риббентроп объявил, что Россия разгромлена. 30 сентября в «Шпортпаласте» Гитлер произнес речь о стратегическом значении Сталинграда. «Предстоящее взятие Сталинграда станет гигантским шагом вперед, потом мы будем углублять и развивать успех. Можете быть твердо уверены: никому в мире не достанет сил вытеснить нас с завоеванного плацдарма».

Геббельс, который в тот же вечер тоже выступал с речью, выражался более осмотрительно. Он пустился в глубокомысленные рассуждения, цитировал историю войн и военного искусства, обращал внимание на ошибки и промахи вражеской пропаганды, но ровным счетом ничего не обещал и не пророчил. Его речь была прелюдией к началу новой кампании – сбору средств для армии в преддверии зимы. С тех пор как нацисты пришли к власти, средства собирались каждый год. В 1933 году Геббельс впервые провел кампанию под девизом борьбы против голода и холода. Ему удалось собрать громадную сумму, главным образом благодаря участию популярных актеров, нацистских бонз и их жен, которых привлекали к акции в обязательном порядке. Особым успехом пользовался Геринг. Он стоял у парадного входа в

министерство авиации и балагурил с прохожими, которые бросали монеты в его коробку. Люди выстраивались в длинные очереди, чтобы отдать Герингу свои гроши. Геббельсу тоже не удалось уклониться от повинности; обычно он стоял у гостиницы «Адлон». В отличие от Геринга он не разыгрывал спектакль, а когда к нему подошел репортер, желавший взять интервью, Геббельс отказался. «Прошу вас, не надо. Сегодня не мой день, а народа», – строго ответил он. Человек, едва ли не ежедневно обращавшийся к миллионам людей с ораторской трибуны, чувствовал себя неуютно посреди народных масс, и это бросалось в глаза.

Однако то время уже давно прошло. С началом войны у членов кабинета министров рейха появились более важные и неотложные дела, чем сбор пожертвований. А жены Геринга и Геббельса все еще отбывали повинность, вместе с женами менее видных нацистов. Сейчас, в 1942 году, во время ставшей уже привычной акции произошло несколько неприятных инцидентов. Возможно, дамы слишком броско нарядились, и люди почувствовали, что все это чистой воды фарисейство: укутанные в меха роскошные женщины не могут бороться с голодом и холодом бок о бок с обнищавшим народом. Из толпы неслись оскорбительные и издевательские реплики. Холеные дамы испуганно переглядывались, а потом, не выдержав, пустились в бегство на своих автомобилях.

Положение складывалось далеко не благополучное, и Геббельс это понимал. Гауляйтеры доносили ему об обстановке внутри страны. О царящих в народе настроениях он также узнавал из потока анонимных писем, ежедневно доставлявшихся тысячами в министерство пропаганды. Несколько недель подряд доктор Науман и секретари Геббельса совершенно серьезно обсуждали, стоит ли и дальше представлять министру обычный обзор писем объемом, как правило, от шести до десяти страниц, в котором указывалось точное число одобрительных и неодобрительных откликов, а также процентное соотношение писем из тыла и с фронта. Но в конце концов Науман решил сохранить верность министру. Иногда Геббельс читал самые раздраженные анонимные письма, при этом он плотно сжимал губы и хмурил брови. Затем он обычно откладывал письма в сторону и брался за статью вроде «На кого работает время?». В статьях он призывал немцев запастись терпением.

Так на кого же работало время? В последние дни октября 1942 года маршал Монтгомери разбил любимчика фюрера Роммеля. Началась агония Африканского корпуса. 8 ноября американские войска высадились в Северной Африке. В тот же день Гитлер объявил, что Сталинград взят.

Глава 4

Катастрофа

1

7 ноября 1942 года министерство пропаганды постоянно поддерживало связь с верховным командованием армии и флота. Стало известно, что появились американские и английские транспортные корабли с десантом. По предположениям немцев, высадка войск должна была произойти в Сицилии и в Северной Африке близ Торбука. Германские субмарины и самолеты люфтваффе ринулись туда, чтобы перехватить и уничтожить силы союзников. Затаив дыхание, все министерство пропаганды ожидало исхода. Никогда еще Германия не нуждалась так в победе, как сейчас.

Союзники достигли берега несколько раньше, чем их ждали, и, прежде чем им смогли помешать, первые отряды десанта захватили плацдарм. Геббельс пришел в неопишемую ярость. Как могло верховное командование допустить такой грубый промах? Он знал наверняка, что абвер не был виноват. Адмирал Канарис еще несколько недель тому назад сообщил Геббельсу, что направил Гитлеру и фельдмаршалу Кейтелю рапорт, в котором перечислил возможные районы высадки неприятельских войск: Касабланку, Оран и Алжир. (Так рассказывал известный берлинский репортер Х.Р. Берндорф.)

Поступали и другие донесения о местах и сроках высадки. Еще в сентябре главный муфтий Иерусалима известил Риббентропа о предстоящем вторжении союзников, а один из тайных агентов министерства иностранных дел прислал предупреждение еще в августе, да к тому же назвал еще точную дату операции^[92].

Увы, никто не обратил внимания на поступавшие сигналы, а теперь уже было поздно. Вместо того чтобы гордо объявить об очередном успехе германской армии, Геббельсу пришлось изобретать

причины, которые могли бы оправдать удручающий провал. «У союзников разбойничьи повадки!» – возмущенно вопила пресса. «Подлое нападение!» – с визгом вторило ей германское радио. Черчилль и Рузвельт выставлялись военными преступниками, нарушившими международные законы. Вина американцев, как утверждала геббельсовская пропаганда, состояла в том, что они захватили на Средиземном море чужие базы и никогда не вернут их законным владельцам, чем и разоблачили себя как «империалисты».

Обвинения звучали неубедительно, так как исходили от страны, которая уже два с лишним года держала в подчинении большую часть Европы. Геббельс понимал слабость своей позиции, но не мог придумать ничего лучше. 18 ноября он выступил с речью, в которой едва затронул состояние дел в Африке и высказал уверенность, что отступление Германии, пусть и досадное, само по себе не приведет к серьезным изменениям в военной обстановке.

Тот факт, что германская армия была не в силах достичь успеха, не мог не вызвать у него разочарования. Тем не менее он публиковал статью за статьей и часто выступал по радио. Большая часть его статей этого периода отличалась философской бесстрастностью, изобиловала общими рассуждениями и зачастую не имела ни малейшего отношения к положению на фронтах. Позднее о высадке союзников в Африке практически не вспоминали, но тогда она трактовалась не иначе как нападение Америки и Британии «на их прежнего союзника Францию». Сама высадка десанта увенчалась успехом, как это подавалось людьми Геббельса, только потому, что «противник после долгих поисков все-таки нашел участок, где его ждало не слишком ожесточенное сопротивление». Поскольку Африка находится далеко от Германии, а немецкие обыватели – не мореходы, они с удовольствием заглатывали успокоительный довод, сводившийся к тому, что «центральным театром военных действий является Европа, в то время как Африка – периферия».

Россия расположена гораздо дальше от Германии, чем Африка, но их не разделяет море, поэтому людям казалось, что русский фронт намного ближе к ним. Геббельс придерживался проверенной тактики, был сдержан и уклончив, пытаясь выиграть время. Он объяснял свое молчание тем, что «каждую нашу сводку читают не только немцы, но

весь мир, и часто случается так, что известие, полезное для нас, приносит вред нам же, если оно становится известным за рубежом».

Сказано было неплохо и не так уж далеко от истины, поэтому многие с пониманием относились к заклинаниям Геббельса и следовали его совету запастись терпением. Но на сколько его могло хватить?

2

Вот обычный распорядок дня Геббельса в то время.

Ровно в шесть часов утра в комнате номер 24 министерства пропаганды из наклонного желоба на стол падает контейнер с почтой. Служащий извлекает из него запечатанный пакет с пометкой «Донесения для министра», поднимается этажом выше к комнате номер 69, стучит в дверь, передает пакет секретарю ночной смены и уходит.

Секретарь просматривает донесения – в основном это новости, поступившие за ночь, – кладет их в портфель и передает его посыльному, который немедленно отправляется на машине в городскую резиденцию министра, а иногда и в Шваненвердер или Ланке, если Геббельс изволит отдыхать за городом. Там будят личного помощника Геббельса Винфрида фон Овена или доктора Рудольфа Земмлера, один из которых неотлучно находится при своем патроне. Тот выясняет, когда должен встать министр, велит прислуге разбудить себя на четверть часа раньше и снова ложится спать. Когда настает время вставать, помощник, даже не переодевшись после сна, прямо в пижаме, бросается к столу и быстро пробегает глазами все сообщения, подчеркивая красным карандашом самое важное, потом перекладывает бумаги в портфель красной кожи и вызывает личного слугу Геббельса, который должен оставить портфель на столике у кровати хозяина. Когда Геббельс встанет, он ознакомится с новостями за чашкой чая.

Когда до девяти часов остается несколько минут, к министерству пропаганды подъезжает черный «мерседес», и адъютант Геббельса – в последние годы это был гауптштурмфюрер Гюнтер Шванерман – распакивает дверцу автомобиля. Из здания министерства появляются два офицера службы безопасности, швейцар и жена суперинтенданта.

Все они встречают министра дружным «Хайль Гитлер!», на что Геббельс отвечает небрежной вариацией гитлеровского приветствия.

В сопровождении личного помощника, который несет огромный портфель, адъютанта и тех же офицеров СД он поднимается по лестнице, устланной ковровой дорожкой, и, минуя два коридора, появляется в приемной своего кабинета, где две миловидные секретарши бодро здороваются с ним: «Хайль Гитлер, господин министр». – «Пожалуйста, принесите мне последние телеграммы», – произносит в ответ Геббельс, откашливается и исчезает в своем кабинете. Через несколько минут он уже погружается в груды материалов.

Тем временем прибывает доктор Науман и торопится на доклад к Геббельсу. В десять часов утра появляется стенографист, чтобы записывать под диктовку дневник Геббельса. Он пересекает кабинет и вытягивается по стойке «смирно» перед огромным столом. Геббельс, все еще не расправившийся с телеграммами, поднимает глаза на бравого стенографиста, кивает, улыбается и сразу же, без всякого вступления, начинает быстро, скороговоркой, диктовать. На столе лежит блокнот с записями о вчерашних событиях. Диктуя, он по очереди вычеркивает пункты своих заметок, не выпуская из пальцев зеленый карандаш, а из уголка рта – дымящуюся сигарету.

Дневник занимает минут десять его времени. Прежде чем закончить, он рвет свои записи и отдает клочки стенографисту. Тот должен бросить их в особую машину для резки бумаги – в целях секретности.

«Я хочу посмотреть самые последние телеграммы», – говорит Геббельс, и они тотчас же появляются на его столе.

Телеграммы не улучшают ему настроение. Роммель продолжает отступать. Германские подводные лодки доносят всего о нескольких потопленных транспортах с войсками противника. Тем временем вновь появляется доктор Науман в обществе начальника канцелярии.

В одиннадцать тридцать поспешно входит слегка запыхавшийся офицер связи верховного командования вермахта – он ждал последней минуты, чтобы доставить самые свежие новости с фронта. Вместе с ним возвращается и стенографист. Министр поднимается, обменивается с офицером рукопожатиями и спрашивает: «Как обстоят дела? Довольно скверно, правильно?»

Геббельс говорит одно и то же каждый день. Ответ тоже составляет часть ритуала: «Я бы не сказал, что так уж скверно, господин министр».

Они переходят к большому столу, заваленному картами. Офицер начинает докладывать обстановку на фронте. Геббельс то и дело прерывает его и задает вопросы, ответить на которые офицер не в состоянии. В такие минуты Геббельс становится безжалостно прямолинейным, как по отношению к себе, так и по отношению к другим. «Предположим, что неприятель прорвет фронт вот здесь. Это поистине ужасно, не так ли?» Офицер бормочет нечто нечленораздельное. Геббельс злорадно, с оттенком презрения, ухмыляется и оставляет неприятную тему.

Практически ничего нового ему не сообщили. Военным известно не больше, чем ему; все, что они узнали, пришло с фронтов по телетайпу. В Африке германские войска терпят поражение, наступление японцев теряет силу, положение под Сталинградом меняется от плохого к еще худшему.

«Ох уж эта война... – усмехаясь говорит Геббельс и вворачивает крепкое словцо. – Иногда по-другому и не скажешь. Ну а теперь можете передохнуть и заняться другими делами», – добавляет он, после чего в сопровождении свиты отправляется проводить дневное совещание.

3

Незадолго до одиннадцати часов к министерству пропаганды начинают съезжаться автомобили. Люди в штатском и в военных мундирах поднимаются на второй этаж, где вносят свои имена в список и занимают места в зале.

Всего вокруг стола совещаний собирается около двадцати человек. Геббельсу отводится место председателя.

Не успев еще опуститься в кресло, он начинает говорить. Исходя из только что полученных донесений, он дает указания различным департаментам пропаганды. Он тщательно анализирует отдельные сообщения и объясняет, каким образом их лучше использовать. Отдельное внимание он уделяет тем новостям, которые следует подавать в полемическом ракурсе. Их он сопровождает саркастическими замечаниями. В некоторых случаях он требует

сделать карикатуры, которые будут напечатаны в газетах вместе с самим сообщением. Но в целом он не придает слишком большого значения карикатурам и не злоупотребляет язвительными шаржами на Черчилля, Сталина и Рузвельта. «Если мы будем слишком часто изображать их в сатирическом виде, – говорил он, – то добьемся обратного результата. Люди скажут: «Ладно, Черчилль только и делает, что врет, а что дальше?» В конце концов, вы должны признать, что Черчилль – личность неординарная, а его ложь – не то же самое, что вранье какого-то обывателя. И не надо мне ничего говорить об общественном мнении, господа. Разве это не так? Или я не прав?»

«Разумеется, вы правы», – звучит неизбежный единогласный ответ его подчиненных.

Если министр находится в хорошем настроении, совещание проходит весьма оживленно, иногда даже раздается смех, переходящий в хохот, когда Геббельс вспоминает о европейских монархах. «Пока не забыл, – говорит он, – вот вам свежий анекдот про короля Х. Можете его напечатать и снабдить обидными комментариями. Всем известно, что король Х незаконнорожденный ублюдок». Геббельс выдерживает паузу, чтобы присутствующие посмеялись. «Все короли ублюдки. По-видимому, это профессиональная болезнь». Снова долгий дружный хохот, в то время как Геббельс, в восторге от собственного остроумия, задыхается от смеха и вытирает слезы.

Его гнев так же шумен, как и смех. Когда он впадает в ярость, гром слышен даже за плотно закрытой дверью. Странно и забавно то, что он, низкорослый и хилый человек, в приступе бешенства обзывал всех других пигмеями, даже если они отличались могучим телосложением.

«Ничтожный пигмей! Я брошу вас на съедение народу!» – кричал он. Кстати, никто не мог сказать, что крылось за его витиеватой угрозой.

Наконец дело доходит до обсуждения еженедельного выпуска кинохроники. Чем дольше длится война, тем труднее становится сделать добротный кинорепортаж о боевых действиях. «Нельзя вечно показывать, как солдаты то наступают, то отступают, – замечал Геббельс. – Шагают они вперед или пятятся назад, на экране это выглядит совершенно одинаково».

«У кого есть возражения или замечания?» — задает он в конце ставший ритуальным вопрос. Однако возражений не бывает, замечания случаются крайне редко. Министр встает. Уже полдень. Он принимает нескольких посетителей — генерала, кинорежиссера, делегацию с фронта, летчика, получившего высокую награду.

Затем следует завтрак. Его подают у него дома. Чести присутствовать на нем удостаиваются личный помощник Геббельса, адъютант и некоторые случайные гости. За столом долго не засиживаются. Во время завтрака Геббельс без умолку говорит о войне, о политике, иногда о кино и литературе. Остальные ограничиваются односложными «да» или «нет». Обычно Геббельс ест очень мало. После завтрака он удаляется на двухчасовой отдых. Его адъютант и другие помощники также стараются воспользоваться перерывом и отдохнуть, так как остаток дня обещает быть очень напряженным, поскольку Геббельс взял себе за обыкновение работать до поздней ночи.

Днем приходят новые посетители: ораторы, руководители НСДАП из округов, пропагандисты из различных отделений его ведомства, разбросанных по всему рейху. Геббельс беседует с ними, импровизирует, стараясь воодушевить их. «Вы достаточно знаете меня, господа, чтобы убедиться, что я никогда не питаю ложных иллюзий и предпочитаю оценивать наше положение объективно. Здесь, в нашем тесном кругу, мне незачем что-либо приукрашивать, поэтому я хочу дать вам представление о том, как в действительности обстоят дела». Затем он начинает подробное описание, в котором розовых тонов оказывается намного больше, чем было обещано в предисловии, намекает, что производство вооружения растет, что подходит к концу разработка новых планов и так далее, и тому подобное, а в итоге посетители оказываются под гипнозом его болтовни. Они благодарны ему за доверительный тон и легко успокаиваются.

4

А в том, что их надо было успокаивать, нет никаких сомнений. Число недовольных среди немцев постоянно росло. Не так уж сложно сказать мирным жителям, что фронт находится очень далеко от их домов, но как объяснить им воздушные налеты союзников и падающие сверху бомбы, от которых гибли тысячи людей и рушились целые

города? Такая практически неразрешимая задача встала перед Геббельсом. Она была вдвойне трудной, если учесть клятвенные заверения Геринга, сделанные еще в начале войны, что ни один самолет союзников не сбросит бомбы на Германию.

Первые британские бомбардировщики, появившиеся над городами Германии, нанесли незначительный ущерб. Люди сбегались поглазеть на дом, в который угодила бомба, как на невиданное зрелище. Никто не воспринимал угрозу всерьез. Геббельс тоже, со своей стороны, старался приуменьшить опасность бомбардировок противника и сокращал сообщения о них до нескольких строчек. Он придерживался своей тактики даже тогда, когда налеты авиации союзников стали более жестокими, разрушения в городах – более тяжелыми, а люди, наконец, испугались.

«Наутро после жестокой ночной бомбардировки крупных городов признается тот факт, что было разрушено несколько зданий и погиб десяток человек. Неделий позже вам говорят, как бы между прочим, что погибших не десяток человек, а десяток тысяч». Это писал сам Геббельс, но речь в его статье шла о стремительном авианалете люфтваффе на Британию. Тогда он издевался над сводками англичан. Теперь ему пришлось пользоваться теми же приемами. «Любой иностранец, попавший в Берлин, удивляется, что город цел и невредим». 14 июля 1942 года он писал: «Измышления англичан о том, что своими бомбардировками они якобы вывели нашу военную промышленность из строя и уничтожили наши склады, – сплошная бессмыслица. Во время воздушного рейда англичан на Кельн мы потеряли всего 305 человек убитыми, но американские и английские газеты твердят в своих репортажах о двадцати тысячах...»

Но затем, совершенно неожиданно, Геббельс меняет линию поведения. Он не просто снимает запрет с репортажей о бомбежках, он вменяет газетам в обязанность сообщать о них. Причина была проста: стало невозможным скрывать от людей то, что и без газет было известно всем и каждому. Геббельсу грозила опасность потерять свой престиж в глазах немцев и доверие всей нации, не перейди он вовремя к другой тактике.

Геббельс изобрел термин «воздушный терроризм». Обывателю внушали, что командование союзнических армий решило, хотя им не давали для этого ни малейшего повода, прибегнуть к безжалостным

бомбардировкам с воздуха и уничтожить всех немецких женщин и детей, чтобы таким образом повергнуть всю Германию в ужас. Делая упор на беспричинную жестокость противника, он рассчитывал на короткую память людей и надеялся, что они уже забыли, как еще совсем недавно немецкие самолеты бомбили Польшу, Голландию и Англию, что никого не интересовало, куда падают бомбы: на военные объекты или на мирные города и деревни, что на улицах распевали ставшую модной песню «Мы летим на Англию» и что известия о «полыхающем Лондоне» приветствовались шумным восторгом.

Затеянная им игра принесла свои плоды. Люди были слишком встревожены обстановкой в тылу и слишком боялись со дня на день потерять крышу над головой и все нажитое имущество, чтобы вспомнить, что Германия первой прибегла к тактике «воздушного терроризма». Авиарейды союзников производили опустошающие разрушения, но Геббельс с удовлетворением замечал: «Британское верховное командование совершает роковую ошибку, если надеется своими воздушными налетами сокрушить боевой дух германского народа. В действительности происходит обратное».

Геббельс твердо придерживался новой линии своей пропаганды. Во время пресс-конференции для виднейших немецких газетчиков в сентябре 1942 года он заявил: «Нельзя всего лишь одной строчкой сообщить населению, что такой крупный город, как Дюссельдорф, лежит в руинах после бомбардировки союзников. Следует создать в редакциях специальные отделы, которые сделают описание ночного авианалета в стиле донесений с поля боя и представят его результаты в затуманенном свете...»^[93]

Его собственные статьи содержали ужасающие подробности бомбовой войны. Он получал донесения из первых рук и, когда бомбы противника падали где-нибудь в провинции, – в то время авианалеты почти не затрагивали Берлин – торопился прибыть на место происшествия, пожимал потрясенным женщинам и детям руки, выражал свои соболезнования и распоряжался немедленно выдать лишенным крова людям одеяла и накормить их кофе с бутербродами. Если же во время подобных сцен его ушей достигали угрожающие выкрики пострадавших людей, он делал вид, что не слышит их.

Геббельс видел в воздушных налетах союзников и положительную сторону: они вызывали в народе гнев и возмущение, благодаря им в людях крепла решимость продолжать войну. Кроме того, они сводили на нет все усилия той горстки немцев, которые сохранили в себе мужество и желали прекратить бессмысленную бойню путем свержения гитлеровского режима. Непрестанные бомбардировки не позволяли им проводить саботаж и агитацию среди населения. Недосыпание из-за бесконечных воздушных тревог и страх потерять родных и жилье изматывали людей, и для конспиративной деятельности, сопряженной с огромным риском, у них просто не оставалось сил.

Еще один удар по немецкому подпольному движению, а вернее, по отдельным группам оппозиции, действовавшим без какого-либо взаимного согласования, нанесла подписанная в январе 1943 года в Касабланке декларация союзников с требованием безоговорочной капитуляции Германии. «Это равносильно обращению в рабство!» – воскликнул с возмущением Геббельс по радио всего через несколько часов после подписания декларации. Надо признать, в его словах была доля правды. Альбрехт фон Кессель, один из участников заговора 1944 года, записал в своем дневнике, что требование безоговорочной капитуляции свело на нет шестилетнюю подпольную борьбу против режима Гитлера.

Геббельс интенсивно использовал «угрозу порабощения», так как прекрасно осознавал, какие выгоды дает ему новый лозунг. Теперь, в 1943 году, наступил тот момент, который он предвидел еще десять лет тому назад: немцы уже не представляли собой сплоченную массу, объединившуюся вокруг своего фюрера, их энтузиазм рассеялся как дым, эйфория от побед германского оружия прошла. Приходилось снова вести упорную борьбу за влияние на общественное мнение.

Донесения о том, что настроения в гуще немецкого народа меняются, ежедневно стекались к Геббельсу от его агентов, от гауляйтеров, из окружных отделений партии. Он читал об этом в еженедельных докладах различных учреждений, подчиненных его ведомству, и, само собой разумеется, в отчетах службы безопасности, составлявшихся людьми из СС и гестапо. Эти отчеты представляли собой весьма своеобразный опрос общественного мнения, в них анализировалось отношение людей к тому или иному событию.

Геббельс изучал их с величайшим вниманием, а нелюбезные и откровенные высказывания людей порой приводили его в такое бешенство, что он в конце концов запретил их читать сотрудникам министерства. Однако отчеты поступали заведенным порядком в секретариат, и он ничего не мог поделать.

Поскольку он был обязан поддерживать боевой дух немцев на самом высоком уровне даже во время тяжелых испытаний, ему приходилось работать днем и ночью. В начале войны можно было обойтись и без всеобщего энтузиазма, но теперь положение стало иным.

Сначала его пропаганда всеми доступными средствами доказывала, что немцы не испытывают ненависти ни к французам, ни к англичанам, ни к народам других стран, с которыми Германия находилась в состоянии войны. Теперь он взывал к немцам: «Не оставайтесь благодушными!» Теперь он говорил англичанам: «Мы ненавидим вас всей душой!» Таким образом он показывал немцам, что их нравственный долг – ненавидеть неприятеля. Теперь он с неудовольствием отмечал: «Мы, немцы, фанатичные сторонники справедливости. Порой мы заходим так далеко в нашем стремлении к беспристрастности, что боимся показаться несправедливыми к противнику и слишком строго судим себя».

Он вступил на опасный путь. На четвертом году войны, когда на долю народа выпало много страданий, а впереди его ждали еще более тяжкие испытания, вряд ли было благоразумно разговаривать с ним в полупрезрительном тоне. Следовало поддерживать в народе почтительное отношение к своим вождям, иначе одной искры хватило бы, чтобы где-нибудь взорвалась бочка с порохом. Так случилось, что взрыв действительно произошел, и прямо под носом у Геббельса.

«Бочкой с порохом» оказался небольшой мост, ведущий к Шваненвердеру, где располагалась загородная резиденция Геббельса. Мост должен был взорваться, когда по нему проезжала его машина. Во всяком случае, так рассчитывал инженер Крумеров, который, под видом рыбака, начал подготовку к покушению на министра пропаганды с декабря 1942 года. Замысел инженера не удался, его схватили, предали суду и приговорили к смертной казни.

Об этом случае в прессу не просочилось ни слова. Даже ближайшие сотрудники Геббельса не знали о нем. Сам Геббельс

сохранял полное спокойствие, но Гитлер пришел в ужас, когда ему сообщили о покушении на жизнь его главного пропагандиста. Он послал Геббельсу в качестве подарка бронированный автомобиль. Геббельс не хотел им пользоваться, опасаясь, что люди станут насмехаться над ним, если он будет разъезжать по Берлину в «бронированном гробу». Но Гитлер настоял на своем^[94].

С того дня в министерстве пропаганды меры безопасности были удвоены, если не утроены. Прежде пропуска сотрудников проверялись весьма небрежно, теперь же их внимательно изучали. Ни один посетитель не мог войти в здание министерства без сопровождения, он должен был ждать, стоя рядом с суперинтендантом, пока за ним не придет кто-нибудь из работников министерства. Охране выдали стальные каски, а всех сотрудников обязали по очереди нести дежурство на вахте по меньшей мере раз в неделю, причем женщинам в этих случаях предписывалось носить брюки и каски.

Кабинеты канцелярии Геббельса полностью изолировали от остальных помещений министерства. Тяжелые двойные двери открывались перед посетителем только после звонка и скрупулезной проверки его документов. Суперинтенданту, дежурившему у входа в святая святых Геббельса, придавались в помощь два крепких молодца в форме членов партии, вооруженных пистолетами и автоматами. Устланный толстым ковром и освещенный дорогими старинными светильниками коридор тоже находился под неусыпным наблюдением. В приемной дежурил наряд из пяти эсэсовцев, и здесь опять полагалось предъявить документы. Процедура доступа к министру стала строже даже для самых старых сотрудников, которых время от времени обыскивали перед тем, как разрешить войти.

Где бы ни находился Геббельс, его всегда сопровождали два телохранителя из СД. Они находились рядом даже во время записи его речей, хотя студия располагалась внутри министерства.

Он больше не выступал с речами в прямом эфире.

Впервые оппозиция заявила о себе еще в 1943 году. За одну ночь стены домов в Мюнхене покрылись лозунгами, написанными красной масляной краской. Они гласили «Долой Гитлера!» и «Да здравствует свобода!». Среди студентов университета стали ходить листовки с призывами к восстанию. Гестапо выследило и арестовало двух

студентов, Ганса и Софи Шолль, а также художника Алекса Шмореля. Суд был скорый, и через несколько дней их казнили.

6

Но казни уже не могли устранить угрозу мятежа. Возможно, Гиммлер еще верил в репрессии как в панацею, но Мартин Борман, ставший преемником Рудольфа Гесса после его бегства в Англию, чувствовал настроение народа так же тонко, как и Геббельс. Борман не доверял насилию как средству борьбы с недовольными. Подобно Геббельсу, он считал, что людей проще убеждать, чем наказывать, что пропаганда более эффективна, чем грубая сила. Тем не менее сам факт, что ряды сторонников Гитлера стали редеть, следовало считать поражением Геббельса не только как министра пропаганды, но прежде всего как главного пропагандиста национал-социалистической партии.

В то время – в сентябре 1942-го и в январе 1943 года – Борман часто навещался в министерство пропаганды, где вел долгие беседы с Геббельсом с глазу на глаз. Он требовал повысить уровень партийной пропаганды, обязать агентов как можно больше беседовать с людьми в поездках по стране, вести себя более напористо, обещать что угодно, а главное – скорую победу. Геббельс горячо поддерживал его, и теперь большая часть его дневных совещаний посвящалась вопросам партийной пропаганды.

В разговорах с партийными пропагандистами он старался напомнить им старые добрые времена борьбы за власть, прибегая к жесткому и напористому жаргону нацистских агитаторов. Было очевидно, что он считает себя некоронованным королем в области психологии пропаганды. «Господа, – говорил он, – пойдите и спросите у людей имя британского министра пропаганды. Бьюсь об заклад, что даже не каждый двадцатый назовет его. Но там, в Англии, нас знают».

В другой раз он сказал: «Пропаганда есть не что иное, как многократное повторение одного и того же. Когда образованный человек воскликнет: «Ради Бога, прекратите, я больше не в силах вас слушать!» – только тогда простецкий лесоруб из Бад-Айблинга встрепетается и скажет: «Ну-ка, постойте, это что-то новенькое».

В первый раз такое слышу. Дайте послушать, что он там толкует».

Снова и снова Геббельс ссылается на опыт католической церкви: «Никто из прихожан не скажет: «Святой отец, вы об этом уже говорили в прошлое воскресенье». Дело обстоит как раз наоборот: люди идут в церковь и изо дня в день слушают одни и те же проповеди. Мало того, они слушают их с терпением и вниманием. То, что годится для церкви, годится и для пропаганды».

Одной из главных тем, к которой он постоянно обращался, была «пропаганда как искусство упрощения». «Пропаганда должна быть простой и грубой, как первобытный деревянный божок. Гораздо легче выступить с заумной речью перед учеными, чем изложить ту же тему в простых и общедоступных словах, пусть даже некоторые детали будут не совсем соответствовать глубокому содержанию вашего замысла». Иными словами, за упрощением следовало свехупрощение. На сцене снова появляется агитатор из захолустного городка в долине Рейна, человек, который участвовал в сражении за Берлин, который мог говорить, что ему вздумается, потому что он был слишком неприметной фигурой, чтобы кто-то стал проверять его болтовню на правдивость и чтобы его ложь привела к каким-то последствиям. Партийная пропаганда всегда была делом маленьких, практически безымянных агитаторов, у нее было намного больше свободы, чем у официальной, государственной, чьи заявления находились в центре внимания населения. В этом и заключалось основное различие между методами партийной и правительственной пропаганды, между указаниями главного пропагандиста партии и министра пропаганды рейха, и это различие становилось все более заметным.

Министр не мог себе позволить разбрасываться пустыми обещаниями, тогда как партийный агитатор мог обещать что угодно и кому угодно. Министру приходилось взвешивать каждое свое слово, обращенное к народу, а партийный агитатор был волен болтать все, что ему взбрело в голову. Лозунги, которые Геббельс нещадно искоренял из словаря сотрудников министерства пропаганды, сплошь и рядом брали на вооружение партийные пропагандисты. В маленьких городках и деревнях его агенты рассуждали о трехтысячелетнем рейхе как об историческом факте. Они говорили, что Гитлер – новый мессия, что германская раса призвана повелевать другими народами, что фюрер готов использовать свое секретное чудо– оружие. Они громоздили нелепость на нелепость. Геббельса несколько не

тревожило то, что их речам не доставало смысла. Время от времени доктор Науман доставлял ему образцы словоблудия, которыми отличались агитаторы в глубинке. Увидев этот бред, Геббельс сначала хватался за голову, но быстро приходил в себя. «Конечно, кое-что звучит, мягко говоря, странно, – бормотал он и поспешно добавлял: – Но к пропаганде вполне применимы те же критерии оценки, что и к первобытному деревянному божку». И он снова приводил пример вездесущего лесоруба из Бад-Айблинга, чтобы проиллюстрировать свою точку зрения.

7

Днем Геббельс обычно занят телеграммами с последними известиями, телефонными разговорами с министерством, где его подчиненные дают указания немецким газетчикам и проводят пресс-конференции с иностранными корреспондентами.

Обед проходит в узком кругу близких. За столом обычно присутствует и Магда. Как и во время завтрака, угощение весьма скудное. Помощников и секретарей министра заставляют сдавать большую часть их пайка на кухню, но все равно бедолаги питаются впроголодь. Геббельс запретил Магде покупать продукты на черном рынке, а если вдруг на его имя поступала посылка с продуктами, например, от видных нацистов, находившихся в Дании или Голландии, ее немедленно передавали в военный госпиталь. Помощники и секретари после обеда у Геббельса оставались такими голодными, что у них вошло в привычку попозже заглядывать в столовую министерства, где можно было перекусить без предъявления продуктовых карточек.

После обеда наступает время посмотреть кинофильм. Затем Геббельс удаляется в кабинет, где берется за свое настоящее дело. Теперь он может вплотную заняться своими идеями, сформулировать тезисы, возникшие у него в голове еще утром, набросать план статьи или книги, обдумать новые пропагандистские акции. Он часто говорит, что идеи теснятся у него в мозгу. «Моих замыслов хватит на двадцать министров пропаганды, но мне недостает людей, которые могли бы их осуществить».

Чаще всего идеи посещают его за чтением телеграмм. Даже ночью к нему поступают последние сведения о положении на фронте

и в тылу. Отсортированные и сложенные в разные стопки телеграммы кладут на его стол рядом с тарелкой – так он требует от служащих своей канцелярии. Большая часть сообщений так и не становится достоянием публики. Рядом с зеленой и красной папками с материалами для прессы и для отделений имперской пропаганды располагаются бумаги с грифом «Совершенно секретно», донесения с пометкой «Класс А – особо важно», доступ к которым открыт только узкому кругу политических руководителей, а также «Класс В – особо важно», к которым относятся еще более секретные материалы. Есть еще «Класс С – особо важно» – эти бумаги попадают в руки только пяти-шести первых лиц рейха, не считая самого Геббельса. Уединившись в своем кабинете, Геббельс знакомится с тем, что ежедневно читают англичане и американцы, и еще с некоторыми сведениями, о которых даже не подозревают ни германская, ни союзническая разведка.

Развитие политических событий требовало от Геббельса новых и новых лозунгов. Если у него возникала идея кампании под определенным девизом, плаката или кинофильма, он обдумывал ее в течение нескольких дней. Время от времени он вскользь говорил о ней в присутствии помощников – он не столько хотел узнать их мнение, сколько воспользоваться возможностью и проверить, как она будет звучать. Затем он неожиданно в кругу самых близких сотрудников излагал свой замысел в крайне сжатой форме. «Что бы вы сказали, если бы...» – начинал он и, объясняя суть идеи, быстро бегал глазами по лицам присутствовавших, пытаясь почувствовать их отношение. На следующее утро новый замысел представлялся на совещании. Теперь он уже обрел форму и выглядит продуманным до мельчайших деталей. Стенографист Геббельса, которому иногда доводилось быть свидетелем того, как зарождается и вынашивается идея, не уставал удивляться, что Геббельс излагал любую свою мысль одними и теми же словами, на самом примитивном уровне. «Он не краснея пользуется штампами налево и направо», – сказал однажды стенографист.

Затем Геббельс тщательно отделяет свою мысль и диктует чеканные «Директивы к исполнению» своим сотрудникам. В окончательном варианте нет ни одной характерной, присущей ему черты. Он не следит за выполнением своих приказов. Он дал идею

людям – больше она его не интересует. Теперь он может сразу же взяться за новый проект.

8

Поздней осенью 1942 года с русского фронта вернулся Ганс Фрицше. Вернее было бы сказать, что возвратиться ему приказал Геббельс, который в нем крайне нуждался. Однако Фрицше не горел желанием занять свою прежнюю должность. Теперь, когда он побывал на фронте, его больше, чем когда-либо, раздражал тон и содержание немецкой прессы. Он прямо сказал Геббельсу: «Если бы вы знали, господин министр, как отвратительно обстоят наши дела на фронте».

Геббельс предложил Фрицше руководить всегерманским радиовещанием, но тот возразил: «Я не могу убеждать слушателей в том, во что не верю сам. А я далеко не уверен, что мы победим». Геббельс молча выслушал его, а затем все же настоял на своем предложении. В дальнейшем ходе беседы они изобрели название для направления своей деятельности: «пессимистическая пропаганда». Геббельс также называл свою новую пропагандистскую тактику «Сила через страх», перефразировав девиз «Сила через радость». Однако он старательно избегал употребления подобных откровенных терминов за пределами своего ближайшего окружения. Фактически, новое направление было напрямую заимствовано у Черчилля, который вел пропаганду под лозунгом «Кровь, пот и слезы».

Судя по свидетельству Фрицше, на Геббельса произвело впечатление то, как Черчилль совершенствовал свои методы. Однако на совещаниях он продолжал ядовито высмеивать британского премьер-министра, посмеявшегося тягаться с ним.

Геббельс пришел к выводу, что в тот период было нельзя твердить людям, что дела идут хорошо. В своей новогодней речи он привел слова Фридриха Великого, который внушал своим солдатам: «В трудные времена у нас должны быть железные желудки и стальные сердца, которым чужда всякая чувствительность».

И все же катастрофа только приближалась. В тот новогодний день русские сообщили, что их войска перешли в наступление на Сталинград с юга и в результате им удалось отбить промышленный район осажденного города – того самого, который, по предыдущим высказываниям Гитлера, был завоёван «на вечные времена». В сводках

германской армии весьма туманно упоминались безуспешные атаки русских, отраженные доблестными солдатами вермахта. Но затем, 16 января 1943 года, русские перешли в грандиозное контрнаступление и прорвали немецкий фронт, уничтожили и рассеяли одни дивизии и окружили другие, зажали их в железном кольце, лишив всякой надежды на спасение. Верховное командование германской армии пыталось скрыть поражение и какое-то время после разгрома сообщало только об «оборонительных боях» в районе Сталинграда.

Геббельс прекрасно понимал, что поражение под Сталинградом предопределило однозначный исход войны. Оправиться после такого удара было уже невозможно. Требовалось собрать воедино все силы, как сделали англичане после поражения под Дюнкерком, мобилизовать все людские и материальные ресурсы страны на войну. Это было начало тотальной войны.

Totaler Krieg – этот термин придумал не Геббельс, а генерал Людендорф. Ближе к концу Первой мировой войны Людендорф предпринял безуспешную попытку подчинить всю экономику Германии военным целям^[95]. Геббельс, с присущей ему осторожностью, произнес слова «тотальная война» еще на Рождество 1939 года, но тогда они прозвучали в его устах всего лишь как громкая фраза. Теперь он считал, что вся германская нация должна сплотиться в единое целое, чтобы не потерять все. С середины января 1943 года Геббельс уже не говорил ни о чем, кроме тотальной войны. Идея полностью завладела его сознанием.

Геббельс поспешил к Гитлеру, и тот с жаром поддержал его предложение. Однако, к большому разочарованию Геббельса, для разработки генерального плана действий он назначил комитет, куда вошли фельдмаршал Кейтель, Борман и глава канцелярии Ганс Ламмерс. Геббельс получил в комитете всего лишь право совещательного голоса. Кейтель настаивал на том, чтобы принимаемые меры не были слишком жесткими, иначе и без того ослабленный моральный дух немецкого народа окончательно придет в упадок.

И это говорили ему, Геббельсу! Что было известно Кейтелю и Ламмерсу о настроениях в народе? Разве могли они знать, как следует поддерживать и укреплять моральный дух людей, как вести их к победе? Кем возомнили себя эти господа? Неужели, по их мнению,

будет правильным держать немцев в неведении и скрывать, к каким ужасающим последствиям приведет поражение под Сталинградом? Да и как можно удержать в тайне разгром целых армий, стоивший жизни тремстам тысячам солдат? Триста тысяч погибших – это траурные церемонии в каждом городе, в каждой деревне, и здесь бессильна самая жестокая цензура.

Такие или подобные мысли роились в голове у Геббельса, и он взволнованно делился ими с ближайшими сотрудниками во время совместных завтраков и обедов и на совещаниях. И вдруг его осенило.

На самом деле все было довольно просто. История учила, что после поражения народ не обязательно должен пасть духом, и Геббельс неустанно повторял это своим пропагандистам. Несмотря на проигранную битву при Каннах, римлянам удалось разбить Ганнибала. «И когда по улицам Рима пронесся крик ужаса «Ганнибал у ворот!», римские сенаторы покрыли головы своими тогами в знак отчаяния, но их боевой дух оставался непоколебим, они не запросили пощады, и Рим был спасен. А по земле, где некогда стоял гордый Карфаген, прошелся крестьянский плуг»^[96]. Поражения, подчеркивал Геббельс, только тогда лишают народ сил и воли, когда о них становится известно вопреки стараниям правителей скрыть их. Тогда первое потрясение от ужасной новости усиливается еще и страшным открытием: народу не желают говорить правду. Исходя из этой предпосылки, Геббельс доказывал, что никакие события не следует ни приукрашивать, ни скрывать, люди должны знать истинное положение дел, каким бы плохим оно ни было. Сталинград должен стать для немцев их Каннами.

23 января состоялось знаменательное совещание в министерстве пропаганды. Геббельс даже не взглянул на кипу телеграмм, лежавшую перед ним на столе. Глядя прямо перед собой, он коротко сообщил собравшимся, что положение на фронте сложилось поистине отчаянное и что разгром немецких армий под Сталинградом может привести к губительным последствиям. Читателям и слушателям необходимо сказать всю правду. Пора им, наконец, понять, что они оказались перед выбором: победа или большевизм. На карту поставлена судьба отечества. Точное число погибших под Сталинградом называть не стоит, но – и тут собравшиеся на совещание пропагандисты не поверили своим ушам – неплохо бы исподволь

готовить население к худшему исходу войны. И Геббельс объяснил свою мысль: Германия не перенесет еще одного Сталинграда.

На следующее утро газеты опубликовали скорбные донесения с восточного фронта. Репортеры соперничали, живописуя тяготы войны с русскими, страдания солдат, потерявших надежду и впавших в отчаяние. В сообщениях проскальзывали фразы, явно вышедшие из-под пера Геббельса. Вот одна из них:

«В 1918 году слабость национального тыла стала причиной капитуляции Германии... Однажды Рим оказался в смертельной опасности, когда ему угрожали полчища Ганнибала, но римляне не дрогнули и в конце концов победили. Англия сумела выстоять, хотя ее постигло более тяжкое поражение, скорее даже катастрофа. Наш долг — доказать, что мы сильнее духом, чем англичане...»

Шел к концу январь 1943 года. Русские сообщали о дальнейших успехах в районе Сталинграда, в то время как командование вермахта твердило об успешном сопротивлении германской армии.

Десять лет тому назад, 30 января 1933 года, Гитлер пришел к власти.

9

И снова Геббельс стоял на трибуне в «Шпортпаласте». Гитлер взял себе за правило в каждую годовщину своего прихода к власти произносить речь. На этот раз он сам не появился, а поручил Геббельсу прочитать речь от его имени. Геббельс тревожился, он опасался, что люди будут недовольны отсутствием Гитлера. В довершение ко всему ему доложили, что в небе над Берлином появились английские бомбардировщики. Геббельс понимал, что, если он прервет митинг и поспешит в бомбоубежище до первых взрывов, это станет его поражением, поражением его пропаганды. Допустить такое было нельзя, поэтому он остался на трибуне и объявил многотысячной толпе, что митинг откладывается на час. Те, кто хочет спуститься в укрытие, могут это сделать, добавил он.

Кто-то поторопился уйти, но основная масса людей не двинулась с места. Им явно было по душе, что Геббельс остался вместе с ними. Некоторое время были слышны только отдаленные разрывы бомб. Тысячи глаз смотрели на Геббельса, он понимал это и сохранял полную невозмутимость.

Затем он начал говорить. Его речь была откровенной до предела. «Этой зимой наши солдаты опять были вынуждены вести беспримерно тяжелые оборонительные бои... Кто знает, когда и где нас призовут на последнюю решительную битву в этой войне!» Несколько раз он назвал войну тотальной. «В бесчисленных письмах буквально ото всех слоев немецкой нации звучит настойчивое требование перейти к тактике тотальной войны», – с жаром сказал он. Люди, собравшиеся в «Шпортпаласте», воодушевлялись и отождествляли себя с авторами писем, которых на самом деле никто никому и никогда не писал.

Магда пригласила на вечер гостей, зная, что Геббельс не захочет оставаться один после речи на митинге – ему требовалось дать выход накопившимся чувствам. Но на этот раз он сразу же проследовал в свой кабинет в сопровождении стенографиста. Поведение аудитории в «Шпортпаласте» безошибочно показало ему, что он мог позволить себе говорить о тотальной войне намного решительнее, чем он полагал. Он позвонил в типографию и остановил набор одной из своих статей, которая должна была выйти в свет 7 февраля. Вместо нее он поместил в газету новую статью под названием «Горький урок». Закончил ее он невероятно быстро, а лейтмотивом в ней была фраза «Мы слишком хорошо жили, несмотря на войну». Он вспоминает, как в прошлую зиму немцы собирали теплые вещи для фронта, и добавляет: «Сегодня фронт нуждается не столько в теплой одежде, сколько в людях». Он повторяет: «В бесчисленных письмах буквально ото всех слоев немецкой нации звучит настойчивое требование перейти к тактике тотальной войны».

Комитет, созданный Гитлером, скорее вставлял Геббельсу палки в колеса, чем помогал ему. Но время предъявляло суровые требования. 1 февраля верховное командование вермахта признало в своем коммюнике, что южная группировка 6-й армии оказалась в окружении. Через два дня последовало признание в поражении под Сталинградом. По империи прокатилась волна ужаса и скорби.

Настало время действовать, и Геббельс, ни минуты не колеблясь, решил приступить к осуществлению задуманной им операции. Он стал запугивать население. О страшных несчастьях на фронте говорили в специальных сообщениях радио, как это делалось в ту пору, когда германские солдаты победно шагали по Европе. Но теперь к

выпуску новостей звали не торжественные звуки фанфар – их заменила старая и печальная солдатская песня «Ich hatte einen Kameraden» в сопровождении глухого барабанного боя. В остальное время радио транслировало только похоронные марши и серьезную классическую музыку. Театры были закрыты.

Фрицше отчаянно искал военного специалиста, который мог бы растолковать слушателям, что же, в конце концов, происходило на фронте. В итоге в секретариате появились два генерала с набросками своих комментариев. Все, что написали военные, сводилось к оправданиям и поиску причин тяжелого положения армии. Фрицше позвонил Геббельсу и спросил его совета, но тот ответил категорически: «Мы не можем сказать такое народу. Бросьте всю эту чепуху в корзину». Фрицше сам встал у микрофона и произнес импровизированную речь на десять минут.

На следующий день все германские газеты вышли с траурной каймой на полях.

Народ Германии был потрясен.

Удался ли опыт доктора Геббельса по применению шоковой терапии? Пропагандисты в Лондоне и в Вашингтоне предположили, что он лишился рассудка. С главой имперской прессы Отто Дитрихом случился нервный срыв, и он слег в постель. Генрих Гиммлер носился с предложением ввести всеобщую цензуру и запретить выпуск каких-либо новостей, пока германские войска не одержат хоть небольшую, но победу.

Разумеется, Геббельс был далек от умопомешательства. Его опыт увенчался успехом. Растерянные люди пришли в себя, печаль переросла в фатальный мистицизм. Они находились под гипнотическим воздействием тезиса Геббельса, что и поражения, и потери имеют свое значение. Геббельс вопил: «Погибшие не сдаются! Они продолжают сражаться плечом к плечу с живыми солдатами!» И люди ему верили. Мало того, они опять стали доверять правительству, которое открыто говорило им горькую правду. Отныне Геббельс вновь мог их обманывать.

10

Геббельс понимал, что после пережитого потрясения от разгрома под Сталинградом немцы готовы ко всему. Теперь, как никогда

раньше, их было необходимо привести к тотальной мобилизации.

Требовалось, чтобы к нации обратился сам фюрер. Геббельс отчетливо сознавал, что в час, когда решалась судьба Германии, он не может заменить Гитлера. Он говорил: «Есть два типа ораторов, принципиально отличающихся друг от друга по темпераменту: у одного слова идут от разума, у другого – от сердца». Геббельс знал, что сам он принадлежит к первой категории, он, по его же словам, придерживался поучающего стиля и, оставаясь холодным, не мог воспламенить и слушателей. Гитлер же, напротив, «затрагивает глубинные струны души каждого человека, знает, как их обнажить, и рукой мастера заставляет их дрожать. Его голос исходит из самой сокровенной части души, а потому и проникает в человеческие сердца... Он обладает единственным в своем роде даром влиять на массы, ему тесны всякие рамки... Его речь словно магнит притягивает к себе души и сердца людей».

Но Гитлер наотрез отказался произнести речь. Он заявил, что выступит только в том случае, если будут одержаны новые победы или общая обстановка на фронте изменится к лучшему. Но до этого, сказал фюрер, он не поднимется ни на одну трибуну и не подойдет к микрофону.

Отказ Гитлера означал, что брешь должен был закрыть собой Геббельс. Все последующие дни он использовал каждую свободную минуту, чтобы поработать над своим выступлением, – он назначил его на 18 февраля в «Шпортпаласте» и придавал ему жизненно важное значение. Обычно он диктовал свои речи, используя как источник сжатые, но емкие конспекты, приготовленные помощниками; в них, в зависимости от степени важности, те или иные места выделялись красным, зеленым или желтым карандашом. Этот метод позволял работать быстро, от Геббельса требовалось только завершить отделку окончательного варианта. На этот раз он своей рукой написал всю речь, не прибегая к услугам стенографа, затем вычеркнул большую часть и переписал ее, вдумываясь в каждое слово и как бы взвешивая его. Наконец, в четыре часа утра 18 февраля, он завершил свой труд. Последние несколько часов он отсылал страницу за страницей в комнату помощников, где два стенографа спешно их печатали. Через четверть часа после того, как была передана последняя страница, он зашел к помощникам в шелковом халате, окинул всех

сияющим взором и спросил: «Ну как, вам нравится?» Все бросились поздравлять его с успехом, но он, не обращая внимания на похвалы, продолжал: «Уж эти мои десять вопросов попадут в точку, а? Сегодня вечером мы посмотрим на результат». Уже стоя на пороге, он добавил: «Могу вас заверить в одном: как только кончится война, я перестану так надрываться и отдохну как следует».

Геббельс задумал свою речь как своего рода опрос общественного мнения, в котором знаменитые «десять вопросов» должны были выяснить отношение людей к тотальной войне. Он намеревался спросить, готов ли народ пойти на любые жертвы ради победы. И он очень надеялся, что люди ответят ему «Да!». Таким образом он хотел подтолкнуть Гитлера к более решительным мерам и к началу тотальной мобилизации, чего до сих пор не мог от него добиться^[97].

Это было довольно рискованным предприятием, так как Гитлер не любил, когда его ставили перед свершившимся фактом. Возможно, именно поэтому Геббельс так тревожился и не мог уснуть в ту ночь. Он вернулся к себе, перечитал речь вслух, запоминая, где следовало выдержать паузу, а где прибавить пафоса и выразительности. Время от времени Фрицше, работавший в соседней комнате, видел, как министр выходил из кабинета, произносил фразу-другую и с небывалым оживлением добавлял: «Здесь они у меня взвоят от восторга!»

Затем Геббельс снова удалялся к себе, вставал против зеркала, жестикулировал, смеялся, вновь напускал на лицо серьезное выражение, выкрикивал несколько слов, потом переходил на трагический шепот – он репетировал все представление.

Фрицше воспользовался короткой паузой, чтобы спросить министра, что будет, если люди ответят вопреки его ожиданиям, если они будут против тотальной войны. Его вопрос ошеломил Геббельса. «Вы забываете, что к тому времени, когда я задам первый вопрос, они уже час будут меня слушать. А за час я могу заставить их сделать что угодно», – ответил он.

Фрицше промолчал. Он-то знал, что Геббельс разместит в толпе несколько сотен своих людей, которые будут подыгрывать оратору. Так делалось на всех его выступлениях.

И снова Геббельс замирал перед зеркалом, жестикулировал, следил за своим выражением лица. По привычке он немного

поворачивался влево, так как знал, что его правый профиль смотрится лучше, чем левый.

11

В «Шпортпаласте» яблоку негде было упасть уже за несколько часов до начала объявленного заранее выступления Геббельса. Билеты распределялись под бдительным надзором районных отделений партии и министерства пропаганды. Допустить, чтобы в такой ответственный момент аудитория состояла из людей пусть и сочувствующих режиму, но не горящих желанием пожертвовать собой, значило проявить крайнее неблагоразумие и излишне рисковать – слишком многое было поставлено на карту.

Несмотря на кажущуюся внешнюю бесстрастность, в глубине души Геббельс понимал, что сама по себе его речь не могла спасти положение или хотя бы улучшить его. Так было и в то время, когда нацисты боролись за власть, так было и сейчас. Стоя на трибуне перед толпой в пятнадцать тысяч человек, охваченных безумным ликованием, он находился во власти огромного напряжения. Сегодня ему предстояло сражаться, сегодня он не мог положиться на шутки или на импровизацию. За последние две недели ему в какой-то степени удалось вывести людей из шока от поражения под Сталинградом. В тот вечер он должен был обратить разгром в победу. И эта речь стала его самым блестящим выступлением.

Он начал говорить под неистовые крики. Те, кому уже приходилось его слушать и кто знал его, удивленно переглядывались: это был не прежний, знакомый им Геббельс, это был не его яркий, четкий, проникновенный голос, а то, что он говорил, не было похоже на обычные умные, красиво построенные фразы. Перед ними стоял серьезный, озабоченный человек, который пришел для разговора по душам со своими друзьями и родными, человек, которого не волновало, какое впечатление он произведет и как громко будут ему аплодировать; этот человек хотел одного: сообщить всем что-то важное. «Сталинград был и остается великим тревожным знаком Судьбы германскому народу!» – начал он. Он представил военное положение Германии более трудным, чем оно казалось немцам. Но сейчас он стоит перед людьми, воспитанными в духе строгой

дисциплины и самоотверженности, поэтому его поймут, если он обратится к ним «со всей серьезностью, какой требует положение».

Что он и сделал. Как никогда раньше, стала близка опасность распространения большевизма, и только вермахт может воздвигнуть надежную преграду на его пути. Если вермахт не остановит большевиков, если этого не сделает германская нация, то вскоре весь мир окажется под их железной пятой. Пришла пора принять срочные меры, нельзя терять ни минуты. «Решается судьба всей западной цивилизации, чья история насчитывает две тысячи лет». Да, дело обстоит именно так и именно так серьезно, признавал Геббельс, хотя и отдавал себе отчет в том, что британские газеты со злорадством скажут, что он «исподволь прощупывает почву для мирных переговоров с союзниками». Ну и пусть говорят, ведь на самом деле это не так. «Сегодня в Германии никто и не помышляет о том, чтобы, забыв честь и долг, пойти на соглашение. Все помыслы нашего народа устремлены на одно – на войну без жалости и пощады». Да, говорил он, борьба оказалась слишком изнуряющей для немцев, люди устали и разочаровались. «Никому из нас не нужны пустые обещания и обманчивые надежды».

Германская нация лишь недавно вступила в войну, и ей еще непривычны выпавшие на ее долю лишения. Однако от нее требуется не так уж много жертв, если сравнить их со страданиями русских «под ужасным гнетом ГПУ». Теперь пришел черед немцев взвалить на свои плечи тяжкую ношу. «Тотальная мобилизация всех людских и промышленных ресурсов на войну – вот веление времени!» Веление не по принуждению, подчеркивает Геббельс. «Мы добровольно откажемся от многих благ, чтобы увеличить нашу военную мощь так быстро и так значительно, насколько это возможно». Означает ли это устройство немецкого общества по большевистскому образцу? Конечно нет. «Этот шаг не является нашей целью, он всего лишь средство к достижению цели... Самые суровые меры нельзя считать слишком суровыми, когда на карту поставлена победа».

И тут он перечислил необходимые, по его мнению, меры: закрыть фешенебельные рестораны, салоны красоты и модные магазины, отказаться от прислуги. «Лучше несколько лет ходить в заплатках, чем поддаться малодушию, из-за чего, может быть, всему нашему народу придется веками ходить в рубище». Он объясняет цели тотальной

мобилизации: высвободить мужчин для фронта и женщин — для военного производства. «Не стану спорить, нам предстоит принять весьма жесткие меры, и нас ждет впереди немало тяжелых и тревожных недель, но это единственный способ облегчить наше положение».

Геббельс говорил почти час, и его аудитория пришла в полное исступление. Его речь прерывали то взрывы хохота, когда он иронизировал, то возмущенный ропот, когда он поносил русских и их западных союзников, то возгласы одобрения, когда он взывал к патриотизму соотечественников. Время от времени все заглушали неистовые аплодисменты, перемежавшиеся восторженным ревом зала. Его выступление превратилось в своеобразный диалог между ним и толпой, и порой Геббельсу приходилось поднимать руку вверх, чтобы призвать людей к тишине.

Наконец он добился того, что ему требовалось: публика пришла в нужное ему состояние. Он убедил людей, что остановка за малым — еще немного жертв, и положение прояснится. Иными словами, он назначал плату за скорый, а может быть, и не очень скорый конец войны. Готовы ли они принести требуемые жертвы? Они могли ответить «Ja» или «Nein». Дело решал их ответ. А кем они, в конце концов, были? «Люди, собравшиеся здесь, представляют весь народ Германии: и тех, кто в тылу, и тех, кто на фронте. Я прав? Да или нет?»

«В эту минуту, — отмечает стенографист Геббельса, — поднялся невообразимый шум, сравнимый разве что с бурей энтузиазма, которая бушевала в толпе во времена борьбы за власть. Словно подброшенные электрическим разрядом, люди вскочили с мест, и стены громадного зала дрогнули от громового «Да!».

Наконец Геббельс начал задавать свои десять вопросов, ради которых и был затеян грандиозный митинг:

«1. Англичане говорят, что германская нация утратила веру в победу. Я спрашиваю вас, вы верите, как верит фюрер и мы, что победа Германии будет полной и окончательной?

2. Готовы ли вы решительно и неколебимо продолжать войну, несмотря на все превратности судьбы? Готовы ли вы сплотить ряды и стоять единой фалангой за фюрера до тех пор, пока мы не достигнем победы?

3. Готовы ли вы, если потребует фюрер, работать десять, двенадцать, четырнадцать, а то и шестнадцать часов в сутки и отдать все ради победы?

4. Согласны ли вы, если потребуются, принять еще более суровые и решительные меры, чем мы себе можем представить сегодня?

5. Англичане кричат, что германский народ потерял веру в фюрера. Я спрашиваю вас: правда ли, что сегодня ваша вера в фюрера тверже и исполнена большей силы, чем когда-либо? Готовы ли вы беспрекословно и без малейших сомнений следовать за фюрером, куда бы он вас ни повел, и сделать все, чтобы довести войну до победного конца?

6. Я спрашиваю вас: готовы ли вы отдать все силы, чтобы обеспечить восточный фронт солдатами и оружием и нанести смертельный удар по большевизму?

7. Обещаете ли вы солдатам, сражающимся на фронте, что за ними всегда будет стоять их родина и что вы дадите им все необходимое для победы?

8. Хотите ли вы, и прежде всего вы, женщины, чтобы правительство, наконец, прозрело и поняло, что и женщины Германии готовы отдать все свои силы для победы?

9. Одобряете ли вы самое суровое наказание для дезертиров и мошенников, которые прикидываются пацифистами и пользуются нашими трудностями в корыстных целях? Согласны ли вы, чтобы каждый, кто мешает нам помогать фронту, объявлялся преступником и платил за это жизнью?

10. Хотите ли вы, чтобы народ в тылу сплотился и взял на свои плечи тяжелое бремя войны? Хотите ли вы, чтобы это бремя несли в равной степени и те, кто достиг вершин, и те, кто остался внизу, и богатые, и бедные?»

Гейбельсу понадобился еще почти час, чтобы задать десять вопросов: так часто его прерывали. Он подвел итог: «Народ готов на все. Фюрер приказывает, а мы должны ему подчиняться... Если когда-либо наша вера в победу была твердой и непоколебимой, то это сегодня, в час национального единения и внутренней решимости. Мы видим впереди победу и должны завоевать ее. Поэтому наш лозунг таков: «Вставай, народ, иди на бой и обрети свободу».

Обезумевшие от воодушевления люди подхватили Геббельса на плечи и унесли с трибуны. Дома его ожидали Магда и несколько ближайших сотрудников. Он так охрип, что смог только прошептать: «Невероятное, кошмарное безумие! Если бы я приказал им броситься из окна, они бы даже не задумались!»

Поздно вечером, после того как разошлись гости, Геббельс разделся и встал на весы. Эта речь стоила ему семи фунтов.

Часть четвертая

Сумерки богов

Глава 1

Крепость «Пропаганда»

1

Через четыре недели после своего знаменитого выступления в «Шпортпаласте» Геббельс устроил прием для иностранных журналистов. «Сегодня исполняется десятая годовщина образования министерства пропаганды, – сказал он гостям в приветственной речи. – Лично я забыл бы об этой дате, господа, если бы вы не напомнили мне о ней...» Скорее всего, он лукавил. Геббельс поднаторел в проведении различных торжеств и вряд ли мог забыть какую-либо важную дату, тем более юбилей своего министерства. Не только прием для журналистов, но и последовавшая за ним обычная игра в вопросы и ответы были детально отрежиссированным заранее действием^[98]. Он мог не опасаться непредвиденных подвохов, поскольку иностранную прессу на приеме в основном представляли корреспонденты из государств-сателлитов и из оккупированных стран, которым не оставалось ничего другого, как исполнять роли, предусмотренные для них министром пропаганды.

Нетрудно догадаться, какую цель преследовал Геббельс: он хотел наглядно показать всем, что ему нечего скрывать, что он полон оптимизма и настроение у него превосходное, что он никогда не был так уверен в окончательной победе Германии, как сейчас. Фарс, так старательно поставленный им, был призван сгладить впечатление

подавленности и упадка, которое произвело за рубежом его суровое обращение к народу после Сталинградской битвы. Насколько он был серьезен и даже мрачен во время выступления в «Шпортпаласте», настолько весело, добродушно и даже беспечно он вел себя на приеме. Он выглядел хозяином дома, в котором все происходит так, как ему нужно.

Но все же в такой громоздкой машине, как министерство пропаганды, случайные сбои были неизбежны. Когда в передаче, транслировавшейся по всему миру, один из радиокomentаторов заявил, что Германия не хотела войны и все еще сожалеет о необходимости продолжать ее, англичане восприняли его слова как первый шаг в поисках мирного соглашения. Геббельс узнал о его промахе из обзора иностранных радиовещательных программ, вызвал к себе Фрицше и устроил разнос, угрожая вздернуть на виселицу горекomentатора. Фрицше с трудом удалось успокоить взбешенного министра. Он не мог знать, что в то время уже велись тайные переговоры о заключении сепаратного мира. Сталин направил своего представителя от Наркомата иностранных дел в Стокгольм с полномочиями подписать договор о прекращении военных действий при условии, что Гитлер выведет войска из Советской России и восточной части Польши^[99].

Вполне вероятно, что Геббельс знал о предварительных переговорах и пытался повлиять на Гитлера таким образом, чтобы тот заключил с Россией перемирие, но это предположение основывается только на косвенных признаках^[100]. Например, в частных беседах он утверждал: «Мы всего лишь говорим о тотальной войне, в действительности ее по-настоящему ведет только один человек – Сталин... Это человек, который провел пятнадцать лет в сибирской ссылке, но сохранил достаточно сил, чтобы преодолеть все препятствия и добиться неограниченной власти».

Примерно через год Геббельс будет открыто предлагать достичь соглашения со Сталиным.

2

Нетрудно себе представить, насколько был разочарован Геббельс, когда узнал, что Гитлер упустил единственную реальную возможность избежать войны на два фронта. Очевидно, в те дни Гитлер утратил

свое обычное самообладание. 21 марта, в День памяти павших, он обратился с речью к избранной аудитории в берлинском Арсенале. Геббельс, находившийся среди слушателей, крайне встревожился, когда заметил, что Гитлер говорит слишком быстро, часто ошибается и в его словах нет последовательности; он был похож на школьника, не выучившего урок.

Так выглядел величайший оратор, которого Геббельс считал недостижимым! Так говорил человек, который по справедливости должен был произнести речь в «Шпорт-паласте»! Можно догадаться, о чем думал Геббельс: не фюрер, а он сам, Геббельс, он один спас положение. То, что война будет продолжена, несмотря на неудачи люфтваффе, вермахта и флота, в основном было его заслугой. Теперь он считал себя единственным германским генералом, не потерпевшим ни одного сокрушительного поражения. В статье, посвященной войнам Фридриха Великого, написанной в начале апреля 1943 года, он указывал, что «пруссаки наверняка проиграли бы все кампании из-за многочисленных бедствий, если бы их не подстегивали гордость и боевой дух короля. История показывает, что временами он был просто человеком, твердо и мужественно встречавшим удары судьбы». А Гитлер не выказывал ни твердости, ни мужества, ни способности повелевать. Один Геббельс обладал «гордостью и боевым духом», которых требовало положение. Неужели он и вправду намекал между строк, что не Гитлер, а он является действительным преемником Фридриха Великого?

Хотя его пропаганда твердила о необходимости тотальной мобилизации, себя он не стал ни в чем ограничивать. От Геринга, Риббентропа или алчных гауляйтеров никто и не ждал ничего иного, но Геббельс всегда был противником византийской роскоши и довольствовался весьма скудным продовольственным пайком. Тем более поразительно, что он даже не уволил никого из своих слуг. Можно было еще понять, что он не сокращал те расходы, которые шли за счет бюджета министерства пропаганды, но когда он увеличил собственный доход от статей, печатавшихся в газете «Рейх», с 200 до 300 тысяч марок в тот самый год, когда началась тотальная мобилизация, возникает подозрение, что сам он не желал приносить жертвы на алтарь всеобщей победы. В феврале того года, когда он заработал в сумме 424 тысячи марок, Геббельс попытался уклониться

от авансовых квартальных выплат налогов, но его прошение отклонили, что представляется весьма примечательным. Он также потребовал, чтобы ему была предоставлена двадцатипроцентная скидка на производственные затраты, хотя кажется в высшей степени неправдоподобным, чтобы он расходовал на перья и бумагу для своих статей 60 тысяч марок, тем более если принять во внимание, что, как член кабинета министров, он имел право на неограниченный счет в банке.

В 1942 году около пятидесяти тысяч марок было израсходовано на различное оборудование для дома Геббельса: радио, пишущие машинки, телеграфный аппарат и тому подобное. В начале марта 1943 года у Геббельса появилось собственное бомбоубежище, сооруженное в задней части его городской резиденции. В то время как рядовой житель Германии не мог себе позволить покрасить дом, над строительством бункера для министра пропаганды и день и ночь трудились целые бригады рабочих. При тусклом свете прожекторов они даже ночью заливали бетон, вставляли двери, монтировали кондиционеры и сложную систему освещения, которая должна была функционировать независимо от электростанции, обслуживавшей Берлин. Архитектор Бартельс сказал, что из стройматериалов, которые пошли на сооружение бомбоубежища Геббельса, можно было возвести три сотни домов для рабочих. Весь проект, включая роскошную внутреннюю отделку, оценивался в триста пятьдесят тысяч марок. Бункер состоял из шести помещений, среди которых особо выделялись личная спальня и кабинет Геббельса.

3

Доказать, что Геббельс всецело подчинился требованиям тотальной мобилизации, весьма затруднительно. Хотя весь его рабочий день уходил на принудительное повышение боевого духа германского народа, что затруднялось постоянно ухудшавшимися условиями жизни, у него оставалось достаточно времени и возможностей, чтобы заниматься и посторонними делами. Даже в трудные 1943-й и 1944 годы кино оставалось его главным увлечением.

Едва ли не каждый вечер у него в доме устраивался специальный кинопросмотр – он по-прежнему увлекался продукцией Голливуда. Все фильмы, конфискованные немцами на оккупированных территориях, попадали в министерство пропаганды, где их просматривал Геббельс. Его атташе в Стокгольме, Берне и Лиссабоне получили приказ брать напрокат новые американские картины и делать с них копии, а в крайнем случае попросту воровать их. Кино благотворно влияло на его расшатанную нервную систему. По свидетельствам его помощников, в течение нескольких последних месяцев Геббельс часто подумывал о самоубийстве. Но спустя какие-то полчаса уже можно было слышать, как он весело хохочет над приключениями утенка Дональда или Плуто.

Но теперь актрисы и режиссеры стали редкими гостями в его доме. Причиной тому был случай с Готтшальком.

Иоахим Готтшальк, один из самых талантливых молодых актеров, появился в Берлине в середине 30-х годов и быстро пошел в гору как артист кино и театра. Его успех был бы еще более головокружительным, не женись он на еврейке. Несмотря на все убеждения и требования официальных властей, он отказался развестись с женой. Осенью 1941 года Геббельс приказал составить списки актеров, состоявших в браке с евреями, и поставил их перед выбором: либо они разводятся со своими супругами, либо им запрещается сниматься в кино и играть на сцене. Ни один актер из списка не спешил исполнять драконовское установление министра. Каждый пускал в ход любые средства и личные связи, чтобы умиротворить разбушевавшегося Геббельса. Министр пропаганды проявлял снисходительность ко всем, за исключением Готтшалька, и смягчить его было невозможно. Молодой красавец актер стал идиолом для миллионов немецких женщин, и Геббельс говорил: «Невыносимо даже думать, что он спит с еврейкой!» Готтшальк получил последнее предупреждение: если он не разведется с женой, и она, и их ребенок будут немедленно арестованы и высланы в Польшу^[101]. В ту роковую ночь Готтшальк и его семья покончили с собой, отравившись газом.

Возмущение и гнев охватили театральные круги. На следующее утро, словно по сговору, были сорваны со стен кинотеатров портреты Геббельса. Вскоре Геббельс давал прием и разослал приглашения многим актерам, но ни один из них не почтил его своим присутствием

— в глазах людей искусства он выглядел убийцей. Геббельс пытался оправдываться и собрал актеров в министерстве пропаганды, где сказал: «Я знаю, что все вы испытываете потребность играть, даже если находитесь вне сцены. Мало кто из вас способен жить на твердой земле, а не на театральных подмостках. Поэтому хочу вас предупредить: не распространяйте обо мне слухи, которые не соответствуют действительности».

Тем не менее его популярность в артистической среде явно шла на убыль. Актеры не отказывались от высоких гонораров, снижения налогов и других льгот, которыми их задабривали нацисты, но иллюзий больше не питали. Летом 1942 года Геббельс приказал арестовать кинорежиссера Герберта Зельпина, который позволил себе насмехаться над германской военщиной, и на следующее утро его нашли повесившимся в камере. Поскольку Геббельс знал, что большинство актеров так и не стали членами нацистской партии и, видимо, надеялись при случае уехать в Голливуд, он решил выставить их в глазах западного мира как наци. В ход шли любые средства, чтобы навязать им роли в пропагандистских фильмах, от которых за милю несло антисемитским духом, не говоря уж об их антибританской, антиамериканской и, разумеется, антирусской направленности.

Отказаться от подобных ролей не было никакой возможности. Если кто-то пытался уклониться от съемок, Геббельс вызывал слушника к себе, обрушивал на него град насмешек и даже брани, захлебываясь от ярости и негодования, и в конечном итоге человек поддавался малодушию и подчинялся. Скорее всего, Геббельс ничем не мог пригрозить, кроме как заключением в концентрационный лагерь или отправкой на фронт. Мужественного человека это не испугало бы, но в целом актеры не отличаются храбростью, чем и пользовался Геббельс.

Он проявлял удивительную настойчивость во всем, что касалось пропагандистских фильмов. Он планировал снять тщательно отработанный антисемитский фильм на основе «Венецианского купца» — и это в ноябре 1944 года! Кроме того, он продолжал держать под своим неусыпным надзором и все другие аспекты киноиндустрии. В частности, ему принадлежало право решать, кого из молодых актеров допустить или не допустить к кинопробам, какие сценарии разрешить, какие сцены вырезать из уже законченных кинокартин.

Уже в феврале 1945 года он потребовал переснять некоторые эпизоды в последних фильмах, прежде чем выпустить их на экран.

Если бы кто-нибудь случайно полистал подшивки бумаг министерства пропаганды, он бы не поверил, что уже с 1939 года Германия находится в состоянии войны. В архиве, например, хранился сценарий о жизни Роберта и Клары Шуман. Фильм должны были выпустить на экраны в середине 1941 года под названием «Грезы». С самого начала киноцензоры из министерства пропаганды выдвинули массу возражений. Актриса, избранная на роль Клары Шуман, чем-то их не устраивала; им казалось совершенно недопустимым показать зрителям на экране, как великий немецкий композитор к концу жизни теряет рассудок и умирает глубоко душевнобольным, хотя так оно и было на самом деле; другие исторические факты также были не лучше: подумать только – жена Шумана играла в дуэте со скрипачом-виртуозом, в чьих жилах текла еврейская кровь, а царствующий дом России благоволил к чете Шуман, и сам царь представал весьма милым и приятным человеком. Последнее совершенно не укладывалось ни в какие рамки по той простой причине, что Германия вступила в войну с Россией через много лет после смерти великого композитора. Перечень нелепостей можно было бы продолжить.

Геббельс хотел было совсем отказаться от фильма, но передумал. И перед авторами появилась новая череда трудностей. Весь актерский состав вплоть до статистов должен был получить одобрение Геббельса. То, что кинокартина все же была создана и показана зрителю в ноябре 1944 года, кажется настоящим чудом.

4

Несмотря на «мобилизующую» речь Геббельса после сталинградских событий, весной 1943 года моральное состояние германского народа находилось в глубоком упадке. Африканский корпус был разгромлен, Северная Африка потеряна, в Сицилии высадились союзники, дивизии вермахта в России отступали, германские города подвергались постоянным бомбардировкам, продовольственные нормы приходилось то и дело снижать. Гитлер пребывал в полном неведении о настроениях, царивших в народе, а Кейтель сказал: «Фюрера не интересуют ваши соображения. Фюрер

придерживается того мнения, что если народ Германии не желает бороться не на жизнь, а на смерть, то пусть погибает»^[102].

Геббельс не мог смотреть на положение дел так просто. Он должен был проявить инициативу, как сделал это в дни, предшествовавшие катастрофе под Сталинградом. Ежедневно ему приходилось объяснять, успокаивать и ободрять людей. Обстановка настолько ухудшилась, что временно возбуждающих средств уже не хватало.

Главным аргументом его пропаганды оставалась угроза большевизма – угроза не только Германии, но и всему миру. «В настоящий момент западная цивилизация вступила в одну из самых критических стадий в своей истории», – написал он в статье под названием «Европейский кризис», явно предназначенной для американского и британского читателя, которая вышла в тот день, когда, к большому сожалению Геббельса, были прерваны переговоры нацистов со Сталиным. Большевизм, предостерегал Геббельс, однажды проникнув в Европу, станет подобен заразной болезни, и не стоит тешить себя надеждой, что красные со временем усвоят европейские нормы. «Если совершенно здоровый человек окажется в одной постели с больным тифом, он не передаст больному свое здоровье, а вот тифозный больной непременно заразит его». Этот образный довод повторялся во всевозможных вариациях на протяжении последующих нескольких недель, пока Геббельс не сделал неожиданное открытие, которое давало ему возможность развернуть уникальную пропагандистскую кампанию, что он и сделал с беспрецедентным размахом.

13 апреля 1943 года в 21.14 Берлинское радио сделало следующее сообщение:

«Из Смоленска пришло известие, что местные жители показали германским властям одно из тех мест, где большевики руками ГПУ учинили расправу над пленными польскими офицерами – всего в то время было казнено десять тысяч человек. Представители германских властей обнаружили ров двадцати восьми метров в длину и шестнадцати метров в ширину, в котором на двенадцатиметровой глубине покоились тела трех тысяч поляков. Они лежали в полной военной форме, некоторые со скованными руками, и все они были убиты пистолетными выстрелами в затылок. Идентификация

оказалась нетрудной, так как благодаря особенностям почвы тела мумифицировались, а также потому, что большевики даже не дали себе труда забрать у казненных их личные документы. Уже точно установлено, что среди убитых находится и тело генерала Сморовиньского из Люблина. Все офицеры содержались в плену в Козельске недалеко от Орла, откуда в феврале и марте 1940 года их перевезли в Смоленск в вагонах для скота, а затем на грузовиках доставили в Козгоры, где они и были казнены. Поиск и раскопки остальных рвов продолжаются. Число расстрелянных офицеров оценивается в десять тысяч, что в целом соответствует общей численности польских офицеров, захваченных в плен большевиками».

Это сообщение, поразившее весь мир подобно взрыву бомбы, предварялось бешеной активностью пропаганды Геббельса. Вскоре после страшной находки в лесу под Катынью Геббельс направил туда медиков и химиков для проведения экспертизы, а также представителей Болгарии, Румынии, Хорватии, Италии, Венгрии и некоторых других стран, которые наряду с экспертами из нейтральных государств были приглашены участвовать в расследовании. Останки казненных были тщательно описаны и сфотографированы, на основе этих материалов германское министерство иностранных дел предполагало выпустить Белую книгу. Удалось получить некоторые улики, как, например, дневники и письма, найденные у погибших, которые доказывали, что поляки были расстреляны летом и осенью 1940 года. Смоленск попал в руки немцев только в июле 1941 года. Крестьяне вспоминали, что в то время по ночам слышалась частая ружейная стрельба.

На пресс-конференции Геббельс прочитал немецким журналистам и радиокорреспондентам пространную лекцию, объясняя, каким образом эту историю следовало преподносить народу Германии. «Когда глава находящегося в Лондоне польского правительства в изгнании генерал Сикорский спросил Сталина о судьбе двенадцати тысяч польских офицеров, тот ответил: «Они живут жизнью мирных граждан в Советском Союзе». Почему? Почему Сталин не сказал сразу: «Нам пришлось оставить их при отступлении, и мы не знаем, где они»? Теперь же, когда мы поведали миру об ужасном избиении Советами военнопленных, Кремль вдруг

утверждает, что расстрел двенадцати тысяч польских офицеров – дело наших рук!»

Геббельс подчеркивал исключительную важность выпуска документального фильма о злодеяниях большевиков. «Представители иностранной прессы должны быть сняты у края разрытых братских могил, пусть они зажимают нос платками или курят сигареты, чтобы зритель понял, насколько тяжело им выносить зловоние от разлагающихся трупов». Наконец, он устроил грандиозное представление из торжественного захоронения останков польских офицеров. В Катынь прибыли ксендзы, и в присутствии немецких и иностранных корреспондентов и кинооператоров жертвы обрели вечный покой. Геббельс не мог упустить возможность оказаться в центре внимания и показать миру, какое страшное будущее ожидает всех, если победителями в войне окажутся большевики.

Вся пропагандистская акция была проведена мастерски и все же по каким-то причинам не принесла ожидаемых плодов. Несколько немецких газет, сохранивших видимость независимости, весьма вяло раздували историю и подавали ее просто как очередную новость в ряду других новостей. Геббельс разъярился. Он заявил, что редакторы понятия не имеют о том, как делается газета, и не могут даже извлечь пользу из такого удобного случая. По его словам, следовало повторять все ужасающие подробности так часто, чтобы при одном упоминании местечка Катынь у людей волосы вставали дыбом.

По-видимому, Геббельс не желал признаваться самому себе в настоящих причинах неудачи. С того дня, когда пошла на дно «Атения», министерство пропаганды так часто трубило о жестокости и коварстве врага, что те, кому было известно, как делаются новости, принимали сообщение из Катыни за очередную утку. И это вполне объяснимо, хотя все доказательства, собранные поляками, и дополнительные сведения, обнаруженные союзниками в конце войны, говорили об обратном. Однако суть дела в другом: важнейшие люди и в Вашингтоне, и в Лондоне поверили в правдивость катынской истории и никогда не подвергали сомнению тот факт, что именно русские устроили там бойню, но широкая читательская публика ни в самой Германии, ни за ее пределами не приняла близко к сердцу все то, о чем громогласно вещал Геббельс, – не приняла именно из-за его чрезмерного усердия. Геббельс горестно сетовал, что дело Катыни «не

внесло разлада в коалицию противников. Наоборот, в Лондоне и в Вашингтоне полякам достаточно ясно дали понять, что ничего не могут для них сделать... Британские и американские газеты перестали о них писать».

Зарубежные страны имели гораздо больше причин, чем сами немцы, не доверять Геббельсу, поскольку им было известно о массовом истреблении евреев, которое началось в конце 1941 года и продолжалось всю войну с нарастающим размахом. Первые сведения о Майданеке и Освенциме, о газовых камерах и крематориях, в которых ежедневно сжигались тысячи трупов, о десятках тысяч людей, которых заставляли рыть себе могилы перед казнью, и многих других чудовищных преступлений фашистов уже начали просачиваться в Швецию и Швейцарию, в США и Англию. И те, кто знал об этом, вполне резонно могли предполагать, что трагедия Катыни на совести все тех же преступников. Кроме того, у них не укладывалось в голове, как Геббельс, наверняка знавший о методичном уничтожении евреев, мог себе позволить выражать столь шумное негодование после находки в Катыни^[103].

5

Итак, раздутое дело Катыни не принесло желанных плодов, но у Геббельса были и другие причины для головной боли. Существовал еще один очень важный вопрос, обернувшийся для него разочарованием. Речь идет о кампании под девизом «Возмездие».

Девиз возник, судя по всему, на почве отсутствия иных воодушевляющих идей. Геринга постигла крупная неудача. Его хваленые летчики оказались не в состоянии изгнать вражеские бомбардировщики из неба Германии. Что можно было в таких условиях сказать людям, которым ежедневно грозила опасность потерять родных, дом и все нажитое имущество? Можно было уговаривать их потерпеть: «Противнику приходится так же туго, на него тоже падают бомбы, и, как только ему надоест жить в страхе, он тут же перестанет посылать свои самолеты бомбить Германию». Каждый немец понимал, что это была обычная ложь в утешение, но Геббельсу не оставалось ничего другого, как обещать, что скоро наступит вожаделенное затишье. «Днем и ночью мы не жалеем сил, чтобы воздать британским воздушным пиратам той же монетой.

Разумеется, мы не наблюдаем сложа руки за войной, которую авиация Англии ведет против Германии», – писал он 6 апреля 1943 года. Двумя неделями позже он делал загадочные намеки: «Сейчас не время раскрывать, что именно делается, чтобы дать нашим врагам единственно достойный и убедительный ответ на их беспощадные налеты». 5 июня в речи, произнесенной в «Шпортпаласте», он заявил: «Весь немецкий народ живет одной только мыслью – мыслью о возмездии». Стенографист Геббельса отмечает, что толпа возбужденным и шумным поведением выражала «сочувствие своим соотечественникам, оказавшимся под бомбами неприятеля, а также гордость за их мужество».

В то же время Геббельс всячески избегал упоминаний о чудо-оружии. 30 марта 1941 года он недвусмысленно выразился по этому поводу в одной из своих статей: «В час, когда противника охватили безнадежность и растерянность, британской пропаганде остается только лепетать что-то невнятное о новом чудо-оружии...» В час, когда такое же чувство отчаяния овладело немецким народом, Геббельс предпочел отдать эту тему на откуп своим партийным агентам.

Распространение идеи возмездия противнику велось настойчиво и методично. Разумеется, Геббельс дал только ключевое направление своим агитаторам. «Во всей нашей прессе постоянно, подобно теме красной угрозы, должны звучать голоса, требующие расплаты». Авторы редакционных статей живо подхватили идею, партийные агитаторы нашептывали людям о чудо-оружии, слухи разносились по всей Германии. Но тем не менее это нисколько не воодушевляло гражданское население. Люди больше не верили в грядущее возмездие, они говорили, что даже слышать об этом не хотят.

Тотальная война стала еще одним разочарованием для Геббельса. Как он и опасался, созданный Гитлером комитет принял несколько решений на бумаге, но не подкрепил их действенными мерами. «У нас имеются все необходимые резервы, – жаловался Геббельс своему окружению, – но мы не используем их. Нам всегда не хватает десятой доли усилия».

На своем утреннем совещании он заявил: «Военные считают, что мы можем обойтись тем, что имеем, а другие в руководстве находят, что от народа невозможно требовать еще больших жертв, и в

результате ничего не происходит. Тем не менее народ был бы готов на все, если бы мы смогли убедить его в необходимости крайних мер и дали бы ему понять, что в противном случае мы катимся навстречу катастрофе».

В качестве примера ведения тотальной войны он обратил внимание присутствовавших на совещании людей на советский фильм «Ленинград сражается». «Я могу только рекомендовать вам, господа, непременно посмотреть эти хроникальные съемки. Вы увидите, что на самом деле означает термин «тотальная война». Вы увидите, как русские расчищают снег, как при сорокаградусном морозе старухи орудуют тяжелыми лопатами. За работой наблюдает вооруженный винтовкой патрульный солдат. Некоторые от холода и истощения падают и остаются лежать на снегу, но никому до них нет дела. Затем вы еще увидите, как они трудятся на военных заводах, несмотря на тяжелые бомбардировки. Вы увидите, что бомбы взрываются прямо в цехах, где работают люди. Никому не разрешается укрыться в бомбоубежище – работа продолжается».

Геббельса чрезвычайно расстраивало, что тотальная мобилизация в Германии не велась с такой же железной непреклонностью. Ему не только не удавалось ввести те жесткие меры, которые он предлагал, он даже не сумел закрыть все фешенебельные кафе и рестораны. Берлинский «Хорхерс», самый дорогой ресторан города, каждый вечер распахивал свои двери, потому что так распорядился Геринг. Геббельс приказал ночью разбить окна в «Хорхерсе», чтобы затем, пользуясь своим правом гауляйтера Берлина, закрыть его под предлогом возмущения народа. Но Геринг тотчас же выделил своих людей для охраны ресторана^[104]. Три четверти часа спорили Геббельс и Геринг по телефону из-за «Хорхерса». Глава люфтваффе без обиняков пригрозил, что если министр пропаганды закроет ресторан, то он, Геринг, завтра же снова его откроет под видом клуба для офицеров авиации.

С того дня Геббельс возлагал всю вину за срыв тотальной мобилизации на одного Геринга. На своих совещаниях он откровенно порицал некоторых высокопоставленных хвастунов – имен он не называл, – «которым недостает ни сил, ни ума совершить что-либо дельное на фронте, зато они используют все средства без разбора, чтобы остаться в центре внимания. При этом они окружают себя

задиристыми вояками, а по улицам не ездят без полка вооруженных до зубов мотоциклистов...»

Это было началом открытой вражды между Герингом и Геббельсом. Начался обмен язвительными письмами. Геббельса ничуть не беспокоило, сколько людей уже знало об их ссоре и что именно им было известно. Чем больше ухудшалась обстановка на фронте, тем чаще и суровее осуждал Геббельс своего бывшего соратника времен борьбы нацистов за власть. В конце концов он стал обвинять Геринга буквально во всем.

6

Тем временем войска союзников захватили Сицилию, и Геббельсу оставалось только по возможности смягчить удар, каким явилось для немецкого народа это известие. Он пытался приуменьшить значение события, в частности, такими общими рассуждениями: «До сих пор союзникам не удалось добиться каких-либо серьезных успехов. Чтобы реально достичь их, требуется нечто большее, чем занять маленький островок объединенной мощью двух огромных империй».

Поскольку каждому в Германии было ясно, что «две огромные империи» не остановятся на Сицилии, пропагандистам Геббельса пришлось потрудиться, чтобы предотвратить крушение веры немецкого народа в победу Германии. Однако каким образом было возможно убедить людей, что у них нет причин для тревоги, когда наступление союзников успешно продолжалось?

Как ни странно, не Геббельс, а Ганс Фрицше предложил лозунг «Крепость Европа». Очевидно, что если Европа является неприступной крепостью, то любое нападение на нее обречено на провал, никто не сможет взять ее штурмом. Выслушав его доводы, Геббельс покачал головой. «Большинство людей связывают слово «крепость» с представлением об осаде, – сказал он. – Осажденной крепости обычно грозит оказаться отрезанной от источников питания и вооружения, и, как следствие, ее населению приходится голодать. В конце концов ему остается только сдаться на милость победителя. На мой взгляд, лозунг «Крепость Европа» навеивает мысли о поражении».

Тем не менее лозунг начинает появляться то в одном, то в другом органе немецкой прессы. И сразу подтверждается правильность точки зрения Геббельса – немцы, а в особенности берлинцы, охотно

подхватили это выражение, но использовали его в ироническом смысле. Имея в виду ежедневные бомбардировки противника, они говорили: «У «Крепости Европа» прохудилась крыша».

Однако Геббельс видел, что лозунг может быть небесполезным в его пропаганде за рубежом. Он даже дал указание почаще повторять его, где это было целесообразно. Населению Европы внушалась мысль, что Германия ведет кровопролитную войну не только ради себя, но и ради всех европейских народов. Необходимо было также убедить союзников, что вторжение в Европу обречено на провал. В министерстве пропаганды была наскоро состряпана серия документальных фильмов об оборонительных сооружениях немцев на захваченных территориях. Геббельс наставлял немецкую прессу снова и снова подчеркивать надежность укреплений, а газетам сателлитов Германии и оккупированных стран предписывалось перепечатывать эти статьи. Германское радио целыми днями на тысячу ладов вбивало в головы своим слушателям, что Европа – неприступная цитадель из камня и стали. Иностранных корреспондентов возили на осмотр фортификационной линии, и по возвращении они все неизменно говорили, что оборонительные бастионы немцев выглядят неприступными.

Однако сам Геббельс оставался не очень доволен своим методом. «Мне это слишком напоминает «линию Мажино», – сказал он. В июне 1941 года он написал статью, где язвительно смеялся над британской прессой после захвата немцами острова Крит. Тогда, по его выражению, англичане «пели славу отступлению». И вот теперь, спустя не так уж много времени, он сам был вынужден запеть точно такую же песню и славить отступление. Поскольку немецкая армия вела оборонительные бои, геббельсовская пропаганда волей-неволей начинала выискивать и превозносить мнимые преимущества оборонительной тактики, конечно, всячески стараясь, чтобы это не бросалось в глаза. Снова и снова он писал, что не имеет права сообщить народу все известные ему факты, так как необходимо заставить неприятеля врасплох. Естественно, по его словам, повода для беспокойства не было, вожди Германии принимали «все необходимые меры против любых случайностей».

Чтобы успокоить недовольных, Геббельс признавал, что в некоторых отношениях дела действительно шли не совсем так, как

было предусмотрено планами, что кое– где были допущены ошибки, но фюрер и те, на кого он опирается, делают все возможное, чтобы устранить их. Геббельс снова стал напускать на себя философскую бесстрастность, что нашло отражение в ряде его статей с весьма примечательными названиями: «О понятии «несправедливость» в военное время», «О сущности войны», «О значении разума», «О пользе разговоров и молчании», «О необходимости свободы», «О национальном долге в военное время» и тому подобное.

Он подчеркивал, что Германия уже практически выиграла войну и ей осталось «только защитить свои завоевания». Англия, по его словам, уже пережила более трудные времена, чем те, которые сейчас наступили в Германии. Линия фронта германской армии сокращается, а значит, есть возможность сосредоточить силы на ключевых направлениях. Пропаганда союзников предрекала немцам поражение к осени 1943 года, но Германия все еще свободна и сильна, как никогда, – таков был его главный довод, к которому он постоянно обращался.

Таким образом, круг замкнулся. Осенью 1941 года, когда британская пресса злорадствовала над тем, что Гитлеру не удалось сдержать ни одного из своих обещаний – в частности, он не вошел в покоренный Лондон ни в сентябре, ни в октябре 1941 года, – Геббельс со смехом отметал доводы англичан и издевался над жалким состоянием их пропаганды. Теперь же сам Геббельс был вынужден искать доводы точно такого же рода. Он потерял инициативу.

7

25 июля 1943 года король Италии неожиданно отстранил от власти Муссолини. Новость поразила министерство пропаганды как гром среди ясного неба. Наконец было решено объявить, что дуче заболел. Несколько дней Геббельс пребывал в такой растерянности, что даже не мог найти в себе силы, чтобы написать еженедельную редакционную статью. В каком направлении следовало вести пропаганду? Правда, король и маршал Бадольо выступили с заявлением, что намерены продолжать войну, и Геббельсу оставалось только надеяться, что это не пустые слова.

Но затем, 8 сентября, Италия капитулировала. Германская дипломатия потерпела сокрушительное поражение, его последствия

могли привести к катастрофе и окончательно подорвать боевой дух немецкого народа. И снова Геббельс встряхнулся, взял в руки бразды правления своей пропагандистской империей и дал четкие и ясные указания. Король Италии был объявлен вероломным предателем, а капитуляция Италии – «ударом в спину».

Достойно удивления, что Гитлер не оставил Геббельса одного в час великого смятения. Геббельс позвонил фюреру и попросил его обратиться к людям – и Гитлер согласился. Спустя два часа его речь транслировалась всеми радиостанциями Германии. Он объяснил свое долгое молчание тем, что уже за несколько месяцев предвидел поражение Италии, а потому и не мог говорить со своим народом – сказанная вслух правда об истинном положении дел в Италии только ускорила бы развязку. Гитлер говорил ясно и спокойно, и его речь вызвала доверие в людях.

Через два дня Муссолини был вызволен из заточения brave немецкими десантниками. Событие было торжественно отмечено специальными сообщениями, за которыми следовало подробное описание похищения дуче. В целом и само похищение, и его описание очень смахивали на приключенческий фильм. Немецкий военный комментатор генерал Курт Диттмар, вероятно, был прав, утверждая, что в глазах народа спасение Муссолини было вполне сравнимо с выигранным сражением. Подвиг немецких десантников действительно поднял моральный дух соотечественников, но его благотворное воздействие следует приписывать исключительно пропагандистской шумихе, поднятой Геббельсом. Так же, как и шесть месяцев назад в «Шпортпаласте», Геббельс снова играл на патриотических чувствах немцев.

Однако и прежде, и сейчас сам он внутренне оставался равнодушным. В декабре, когда Муссолини произнес речь в Милане, Фрицше спросил своего босса, как следует подавать события. Геббельс ответил, что его несколько не интересуют речи Муссолини, что дуче был спасен не из соображений человеколюбия или дружбы, а исключительно в целях безопасности и предосторожности.

8

На протяжении 1943 года все больше и больше тревог выпадало на долю гауляйтера Берлина. Столица рейха по-прежнему

подвергалась воздушным налетам противника, но разрушения пока еще оставались сравнительно незначительными. Месяцем раньше Геббельс посетил разрушенный Кельн, и увиденное потрясло его. Потом бомбили Гамбург, и результат был ужасающим – тридцать тысяч погибших. В это время Геббельс принимает решение эвакуировать из Берлина женщин и детей. «Жители Берлина! – говорилось в его первом обращении. – Безжалостный противник продолжает наносить жестокие удары с воздуха по гражданскому населению Германии. В ваших же интересах мы настоятельно советуем вам отправиться в те районы Германии, где воздушные налеты не столь беспощадны, если только профессиональный долг или иные причины не принуждают вас оставаться в Берлине...»

«Трудно ответить на вопрос, будут ли британские самолеты бомбить Берлин. В любом случае исходить из предположения, что этого не произойдет, крайне безответственно», – писал он несколькими днями позже. Он старался найти убедительные слова: «Наше правительство будет делать все необходимое, нельзя пренебрегать ничем, что допустимо с человеческой точки зрения». И вскоре после этого добавляет: «В 1940 году англичане перенесли подобное испытание при гораздо более неблагоприятных политических и военных обстоятельствах, чем наши. В 1943 году настала наша очередь с честью преодолеть трудности».

Берлинцы стали упаковывать свое самое ценное имущество и переправлять его к друзьям в провинцию. Улицы наполнились толпами людей, тащивших узлы, коробки, чемоданы, скатанные в рулоны ковры. Женщины и дети поспешно прощались с родными, остававшимися в Берлине, поезда один за другим отправлялись в более безопасные районы Померании, Мекленбурга, Баварии.

Наконец берлинские улицы, автобусы и вагоны подземки почти опустели. Город затаил дыхание в ожидании неминуемой беды.

Первый налет произошел ночью 24 августа и практически сровнял с землей южные пригороды Берлина. Десятки тысяч людей остались без крова. Министр пропаганды действовал с молниеносной быстротой. Он запретил кому бы то ни было фотографировать руины. Газетные репортажи были на редкость сдержанными и осторожными. Размеры ущерба представлялись не такими уж значительными – благодаря большим расстояниям между разными районами Берлина,

любые известия о разрушениях объявлялись преувеличенными слухами, которые якобы разносили жители центра и дальних окраин города. Но Геббельс понимал, что главное еще впереди. Он знал это по тому, что случилось с другими городами, а также от иностранных дипломатов, чьи миссии были расположены в самом сердце Берлина и которых заранее предупредили англичане.

Его тревога нарастала день ото дня. Им завладели страх и бешенство, из-за чего он даже поддержал предложение линчевать вражеских летчиков, если те будут сбиты при налете и попадут в руки гражданского населения^[105]. Самым тягостным было ожидание авианалетов. Оно начиналось с наступлением темноты. Каждый вечер Геббельс спрашивал себя и своих помощников: будет бомбежка или нет? Между шестью и семью часами он неоднократно вызывал своего адъютанта и задавал ему один и тот же вопрос: «Ничего не слышно о приближении бомбардировщиков?»

Мощный авианалет произошел 22 ноября вскоре после семи часов вечера, во время сильного дождя. Внезапно на город упала непроглядная тьма, а затем вдруг завывли сирены воздушной тревоги. Спустя полчаса Берлин превратился в пылающий факел. Горели западные районы города, квартал правительственных учреждений тоже был охвачен пламенем, а от полыхавших зданий несло нестерпимым жаром, и из-за перепада температур по центру города пронесся горячий вихрь.

В тот вечер Геббельс выступал с речью на митинге в Штеглице, на западной окраине города. Едва он заговорил, как кто-то торопливо взбежал на трибуну и передал ему записку. Геббельс сильно побледнел, когда прочитал: «К Берлину приближаются бомбардировщики!» Некоторое время он продолжал говорить, хотя все больше нервничал. Неожиданно он спросил, есть ли смысл продолжать, и в тот же миг взвыли сирены воздушной тревоги. Все бросились к бомбоубежищу. Геббельс позвонил в комендатуру Берлина, и первое, что он услышал по телефону, были звуки взрывов, потом кто-то прокричал в трубку, что господин гауляйтер должен немедленно приехать, снова разорвалась бомба – и телефон замолчал.

Геббельс решил возвращаться на Вильгельмплац. Отдавая приказание, он так громко закричал на шофера, что тот подумал, будто Геббельс спятил, и машина на бешеной скорости рванулась вперед.

Пламя пожаров багровыми отблесками освещало ночные улицы, заваленные обломками зданий, стены домов рушились на глазах, грохотали орудия противовоздушной обороны. Со скоростью восемьдесят километров в час Геббельс мчался по городу – вокруг падали и рвались бомбы, дважды его машина чудом не опокинулась в воронку, водителю приходилось то и дело поворачивать и искать объезд, так как на многих улицах громоздились настоящие баррикады из камня и щебня, из-за густого дыма было тяжело дышать.

Когда наконец Геббельс оказался в комендатуре, никто не мог поверить, что он проехал пол-Берлина. Он курил сигарету за сигаретой, с ненавистью выслушивая донесения. «Еще два-три таких налета, и Берлина не станет», – сказал он^[106].

9

Что оставалось говорить Геббельсу? Что он мог скрыть от людей при столь явных обстоятельствах? Каждое слово казалось лишним, и любая попытка приуменьшить страшное несчастье пропагандистскими средствами казалась бессмысленной.

Среди тех, кто в тот вечер потерял все, оказались мать Магды и сестра Геббельса Мария, которая была замужем за кинопродюсером Акселем Киммихом. И Киммихи, и фрау Берендт теперь перебрались в Ланке. Геббельс предпочел остаться в городе, слишком многочисленное семейство раздражало его, но он наезжал туда каждые несколько дней, в основном чтобы повидать детей. Еще раньше он решил держать их подальше от гитлерюгенда. К молодежной организации партии он не питал особого уважения и говорил об этом открыто своим ближайшим сотрудникам. Он был твердо убежден, что они с Магдой сумеют воспитать детей и дать им образование лучше, чем это сделали бы педагоги от нацизма.

Во время последних лет войны Геббельс пригласил для своих детей домашнего учителя. Однажды Геббельс вскользь сказал, что не находит у него особых талантов.

Только ближе к концу, в феврале 1945 года, он объяснил фрау Габерцеттель, зачем он нанял учителя: «В конце концов, если бы мои дети ходили в школу, им пришлось бы терпеть насмешки других ребят над их отцом...»

Он дотошно проверял списки книг, которые учитель давал детям для чтения, и подолгу обсуждал с ними прочитанное. Единственный иностранный язык, который они изучали, был английский. Хельмут увлекся историей, и отец читал ему обстоятельные лекции о взаимосвязи исторических событий, но мальчик был все же еще слишком мал, чтобы постичь их смысл. Геббельс также составлял для детей ежедневные планы, в которые входили экскурсии, игры и просмотр кинофильмов. Он даже находил своеобразное утешение в том, что у него столько дочерей. «Дочери приводят в дом сыновей, а сыновья уходят в дом своих женщин», – объяснял он.

До самого конца дети Геббельса никогда и никого не приветствовали возгласом «Хайль Гитлер!».

10

Магда всю готовилась к Рождеству. Она ждала на праздник всю семью, включая свекровь и Киммихов. Ценой немалых усилий ей удалось купить всем подарки и красиво нарядить елку, которую поставили в кинозале в Ланке. Вечером 23 декабря приехал адъютант Геббельса и сообщил, что министр вскоре выезжает в Ланке и хочет посмотреть какой-то американский фильм. Фрау Геббельс позвонила мужу и сказала, что перед самым экраном уже стоит наряженная елка, поэтому о кино не может быть и речи. «Ты не считаешься с моими желаниями!» – раздраженно крикнул в ответ Геббельс, швырнул трубку и отправился один в Шваненвердер. Нельзя сказать, что Магда очень огорчилась. Позже она заметила, что у семьи никогда не было такого спокойного и мирного рождественского праздника. Во всяком случае, дети радостно распевали гимны без страха чем-нибудь вывести отца из себя.

Взбешенный Геббельс уединился в Шваненвердере и уселся за сочинение статьи к Новому году. Он писал о волшебной «Новогодней книге», в которой «все еще скрыто так много тайн и загадок».

Население Германии дорого бы дало, чтобы узнать, что приготовила им «Новогодняя книга». В тот год спрос на услуги прорицателей судьбы был выше, чем когда-либо, хотя все формы гадания и предсказаний находились под строжайшим запретом. Понимая, что потребность в подобного рода бегстве от действительности чрезвычайно высока, Геббельс решил обратить ее

себе на пользу. В начале года он поместил в одной из норвежских газет «Откровения предсказателя судьбы Грюнберга», некоего астролога из Швеции. Грюнберг пророчил, что еще в течение некоторого времени война будет приносить Германии новые тяготы и беды, но закончится она все же победой Гитлера. А потом Германия вместе с западными державами пойдет в поход на Советскую Россию. Не успела статья появиться, как уже разошлась по рукам по всей Германии, распечатанная на тонкой папиросной бумаге. Люди жадно читали предсказание в поисках долгожданного утешения. Счастливой обладательницей копии стала и Магда Геббельс. Однако она скрывала ее от мужа – она не хотела, чтобы муж узнал, почему у нее снова приподнятое настроение.

«Безумные времена толкают на безумные меры», – объяснял Геббельс своему помощнику доктору Земмлеру, когда рассказывал ему о своем трюке со статьей. Как утверждает Якобс, Геббельс не был знаком со шведским астрологом, тем более не поддерживал с ним никаких отношений, но не спешил в этом признаваться. Министр пропаганды не имел ничего против склонности большей части населения к мистицизму, если в нем оно находило моральную поддержку.

Но не все поддавались на столь хитроумные уловки. Среди немцев стало преобладать скептическое отношение к нацистам. Геббельс пытался внушить людям, что совершенно бесполезно отвергать нацистскую идеологию, так как даже иные, отличные от них взгляды никого не спасут – для противника не существует ни «плохих», ни «хороших» немцев, поскольку он стремится к уничтожению всей германской нации. «Ни одному немцу не удастся избежать общей участи, даже если он закричит: «В глубине души я всегда оставался демократом, я всегда ненавидел нацизм!» Этот довод красной нитью проходил по многим статьям и выступлениям Геббельса, а дальнейший ход войны, казалось, доказывал его правоту: яростным бомбардировкам с воздуха подвергались все дома, независимо от того, укрывались в них сторонники или противники нацизма.

И все же все его утверждения звучали доводами защищающейся стороны, а именно этого Геббельс всегда старался избегать. Порой он чувствовал себя настолько загнанным в угол, что даже заговаривал о своем желании умереть; ему казалось, что при таких безысходных

обстоятельствах смерть может стать желанным избавлением. Он признавался знакомым актрисам, как ему тяжело объяснять людям причины неудач и трудностей. «Насколько было бы проще, если бы я мог, не покрывив душой, сказать им, что наши дела пошли на поправку. Чудовищно, что приходится постоянно искажать истину».

«Почему дела всегда так плохо оборачиваются для нас? – спрашивал он в одной из статей в начале 1944 года, с горечью, но и не без гордости делая обобщение. – Оглядываясь на нашу историю, мы видим, что народ Германии постоянно подвергался опасности». Он часто обращался к истории, в которой находил множество примеров того, как Германии удавалось найти спасение в последнюю минуту при, казалось бы, совершенно безнадежных обстоятельствах. «История вершит свой единственно правый высший суд, и ее приговор сводит порой на нет все усилия человека», – говорил он. Он верил, что и теперь в конце концов положение немцев изменится к лучшему, как это уже было не один раз.

Проповедуя в таком духе, он, однако, не сидел сложа руки в ожидании справедливого приговора истории, а сам пытался подтолкнуть судьбу в нужном ему направлении. Он без устали предостерегал всех, что Европу ждет гибельное будущее в случае победы большевиков, и в то же время считал, что из сложившегося положения был только один выход: поиски взаимопонимания со Сталиным. В начале апреля он передал фюреру меморандум на сорока страницах, где доказывал, что надеяться на новые победы Германии бесполезно, что достичь соглашения с Черчиллем и Рузвельтом не представляется возможным и что вследствие этого Германии необходимо договариваться с Советской Россией. Принимая во внимание антибританскую и антиамериканскую позицию Сталина, он полагал вполне допустимым объединить с ним силы и повернуть их против Запада. Геббельс не видел причин, по которым было бы нельзя отдать России Финляндию, северную часть Норвегии, а также Балканские страны. Однако, подчеркивал он, Риббентроп является не самой подходящей фигурой для претворения в жизнь изложенной политической линии. Геббельс готов был сам взяться за судьбоносную историческую миссию.

Он признавался своим сотрудникам, что хотел бы отправиться в Россию и провести переговоры лично со Сталиным. Разумеется,

добавлял Геббельс, он постоянно держал бы во рту ампулу с ядом, так как Сталину нельзя доверять.

Геббельс с нетерпением ждал ответа Гитлера. Спустя три недели, заехав в ставку фюрера, он выяснил, что тот даже не видел его меморандум. Борман принял решение не передавать его Гитлеру, исходя из того, что положение на фронте не оправдывает таких крайних мер.

Геббельс не мог прийти в себя от потрясения^[107].

11

Неужели положение Германии в самом деле было таким безнадежным, как это представлялось Геббельсу? И в каком состоянии находилось оружие возмездия, о котором он так часто говорил? Действительно, Гитлер возлагал надежды на новые типы вооружений, прежде всего на самолеты с реактивными двигателями, которые намного превосходили в скорости английские образцы, но нацистам не хватило времени запустить почти готовый проект в производство. Едва ли не каждый день Геббельс спрашивал рейхсминистра вооружений Альберта Шпеера, когда, наконец, наступит какой-нибудь сдвиг. В разговорах с сотрудниками Геббельс обычно сохранял показной оптимизм. «В конце концов, население Лондона составляет ни много ни мало восемь миллионов человек, – говорил он во время одного из совещаний. – Вообразите себе, какой будет эффект, если в результате действия нашего оружия возмездия им всем придется покинуть город». В том, что так и будет, он несколько не сомневался и диктовал стенографисту для своего дневника: «От нашего нового оружия нет и не может быть защиты, а все предосторожности будут бессмысленны. К тому же не стоит даже думать, что люди смогут день и ночь сидеть в бомбоубежищах. Наступит час, когда они будут вынуждены выползти из своих нор».

Он и его помощники надеялись, что новое оружие помешает союзникам высадиться на Европейском континенте. К тому времени десант союзнических войск, о котором западная пропаганда заговорила с начала 1943 года, превратился в навязчивую идею для Геббельса.

Но все устрашающие разговоры о новом чудо-оружии были блефом. Союзники располагали надежной информацией, из которой

следовало, что у вермахта есть только двенадцать резервных дивизий, дислоцированных на севере Франции. Однако Геббельс блефовал, как опытный шулер, и в конечном итоге даже военные эксперты союзников, которые благодаря аэрофотосъемке могли убедиться, что никаких сверхмощных фортификационных сооружений вроде «Крепости Европа» или Атлантического вала не было и в помине, начали тем не менее склоняться к мысли, что береговая линия неприступна. Британская разведка, ежедневно получавшая донесения от своих агентов, также переоценивала трудности высадки своих войск.

Заразившись оптимизмом от своих же пропагандистских статей, Геббельс решился на весьма смелые утверждения: немецкий народ, по его словам, скорее обеспокоен тем, что обещанная высадка неприятельских войск не произойдет, чем наоборот. Его ближайшие сотрудники сходились во мнении, что Геббельс искренне верил в неудачу любой попытки десанта на континенте. Его убежденность оказывала глубокое воздействие на окружающих, которые сами внушали противнику мысль о неприступности Европы. Свидетельством тому слова Фрицше, сказанные уже год спустя после окончания войны: «Если бы германские войска сражались с должным упорством, высадка союзников непременно кончилась бы провалом».

Геббельс распорядился сострять утопическую повесть под названием «Самоубийство Европы», приписать авторство кому-нибудь из дотоле неизвестных литераторов из любой нейтральной страны и опубликовать ее в Швейцарии. Суть должна была заключаться в описании разрушительных последствий в умах людей и гибели материальной культуры, к которым приведет вторжение союзников в Европу. По замыслу Геббельса, «литературные ужасы» были призваны внушить англичанам и американцам страх Божий – по сюжету, союзникам должно было потребоваться двадцать дивизий только для первого десанта, а значит, счет жертв начинался с четырехсот тысяч, в итоге же вся операция должна была стоить жизни пяти миллионам американцев и трем миллионам англичан.

Единственным основанием для астрономических расчетов Геббельса служила его богатая фантазия. В частности, цифра в четыреста тысяч жертв, то есть цена первого десанта, активно использовалась в статьях, в радиопередачах и в ложных слухах,

распространявшихся ведомством Геббельса. Сомнительно, чтобы кто-либо в Германии верил в реальность подобных подсчетов. Но, как ни странно, его мрачным предсказаниям удалось произвести впечатление на военное командование союзников. Незадолго до высадки американские газетчики получили из почти официального источника информацию о том, что следует ожидать потери в полмиллиона убитыми и ранеными. Один крупный американский журнал опубликовал нечто вроде предварительной оценки результатов высадки, которая оказалась такой же зловещей, как и сюжет утопической повести, состряпанной по указке Геббельса.

Между прочим, сама повесть так и не увидела свет, потому что последняя точка в нем была поставлена, когда высадка союзнических войск в Европе уже состоялась, и стоила она всего четырнадцать тысяч жизней. Успех высадки стал концом мифа об Атлантическом вале и «Крепости Европа»^[108].

12

Накануне высадки союзников Гитлер вызвал Геббельса в Оберзальцберг, где они целый день провели в доверительной беседе. Только в половине третьего утра Геббельс наконец вернулся в гостиницу, где его ожидали ближайшие сотрудники. Он немедленно удалился в свой номер, приказав разбудить себя в девять часов и тотчас подать последние военные сводки. Однако его подняли уже в четыре и вручили первое донесение о начавшемся вторжении союзнических войск в Европу. Он вскочил с постели и сказал: «Слава Богу, наконец – то они явились. Начинается последний раунд!»

Гитлер весь день был в приподнятом настроении. Геббельс внешне держался так же спокойно, но на самом деле он пребывал в таком напряжении, что не смог сомкнуть глаз той ночью, когда поезд мчал их назад в Берлин. Он сказал, что ближайшие две недели определяют исход войны, но в душе испытывал острейшее разочарование, так как десант войск противника стал свершившимся фактом, несмотря на долгие клятвенные обещания военных не допустить их высадки. В который раз генералы потерпели неудачу, в который раз они дезинформировали его, и ему снова приходилось объяснять людям необъяснимое и оправдывать то, что нельзя было оправдать, – недалекость верховного командования.

«Само собой разумеется, – объяснял он, – что столь длинная береговая линия не может состоять из сплошных фортификационных сооружений. Теперь, когда стало известно, где именно высадился неприятель, в действие вступят реальные германские резервы». Но в своем дневнике или в беседах с офицером связи верховного командования он уже не скрывал своих опасений по поводу дальнейшего развития событий.

Удары союзников следовали один за другим стремительной чередой. Геббельс отлично понимал, что прорыв у Авранша имел решающее значение и что Франция потеряна как германский плацдарм. Но вслух он не мог этого признать. В своем выступлении на военном заводе в одном из немецких городков, расположенных на западе, он сказал: «Я не хочу оспаривать тот факт, что на первых порах врагу удалось достичь определенных успехов. Однако считаю вполне допустимым – хотя и не могу со всей категоричностью утверждать это, – что, вероятно, наша стратегия будет заключаться в том, чтобы позволить противнику проникнуть в глубь континента. Только при таких обстоятельствах будет возможно нанести решительное поражение его армиям».

Когда его слова прервал шквал аплодисментов, он повторил: «Как я уже сказал, я не утверждаю, что так оно и есть, но вполне допускаю, что так может быть».

Такое направление пропаганды оказалось весьма действенным. Как следует из допросов немецких военных, попавших в плен к союзникам, все они сначала верили, что разговоры о предстоящей высадке были не более чем уловкой, чтобы оттянуть германские войска с восточного фронта на западный. Когда все же союзники высадились в Европе, большинство немцев наивно полагало, что тех намеренно завлекли на континент, чтобы со временем нанести сокрушительный удар. Постоянно отступая под стремительным натиском союзников, германские солдаты не очень огорчались, что им приходится оставлять Францию, настолько они были уверены, что вернуть ее – всего лишь вопрос времени. «Не важно, на чьей земле мы сейчас находимся, – говорили они, – главное, что мы сражаемся не в Германии».

В глубине души Геббельса крайне раздражало, что союзникам удалось добиться гораздо большего, чем «просто первоначальных

успехов». И он пишет: «Поскольку дело касается Европы, стоит спросить захватчиков: что их не устраивает на континенте? Может быть, крепнущая солидарность его народов? Их зарождающееся единство? Такое «освобождение» не принесет Европе ничего, кроме несчастья и бед».

Иными словами, «Крепости Европа» больше не было, но новая Европа продолжала существовать. Но как же быть с возмездием? Да, его идея претворялась в жизнь, и о ней вскользь упоминалось в той же статье. «Настало время отмщения», – заявил Геббельс.

То, что произошло позднее, стало для Геббельса страшным ударом. Еще 14 июня Геббельс описывал своим коллегам впечатление от цветного фильма о новом оружии. «Это оружие, господа, пожалуй, даже несколько преждевременно для этой войны. Я думаю, оно, скорее, станет оружием будущей войны», – сказал он. А на следующий день он узнал, что верховное командование Германии без лишних церемоний произвело запуск новых ракет. Вечером 15 июня 1944 года они неожиданно взорвались над Лондоном, и, таким образом, Геббельс лишился возможности провести кампанию по психологической обработке противника. У нового оружия еще не было даже названия.

Геббельс был вне себя от возмущения и ярости. Он заявил, что в дальнейшем не хочет иметь ничего общего с этой затеей. Один из его сотрудников, некто Шварц ван Берк, предложил назвать оружие «Фау-1», следующее – «Фау-2» и так далее. *V* – «фау» – начальная буква в слове *Vergeltung*, то есть «возмездие». В то же время она противопоставлялась известному английскому *V* от слова *Victory*, то есть «победа». Через несколько дней Геббельс походя заметил: «Фюрер согласился на *мое* предложение назвать новое оружие «Фау-1».

Во всяком случае, для Геббельса это было слабым утешением. Он обещал появление нового оружия, когда еще никто не верил в его существование. Теперь люди поняли, что он говорил правду. Однако он отчетливо понимал, что оно появилось слишком поздно. И хуже всего было то, что пропагандистский эффект от угрозы применения чудо-оружия уже остыл.

Глава 2

Смерть бога

1

В то время как верховное командование Германии с напряжением ждало сообщений о результатах применения нового оружия, Геббельса гораздо больше интересовало впечатление, произведенное его статьями. Он изнывал от желания узнать комментарии иностранной прессы.

После трансляции по радио его очередной статьи он впадал в состояние невероятного напряжения, ему не терпелось найти хоть слово отклика на статью, и он торопливо и возбужденно просматривал груды газет. Не найдя ничего, он посылал срочную телеграмму в Стокгольм или Лиссабон: «Где отклики на статью «Рейха»?» Оскорбительные выпады не задевали Геббельса. Он читал их с таким же живым интересом, как и все остальное, порой он даже испытывал удовлетворение. Он замечал, что полные неприкрытой ненависти комментарии русских, по сути, более объективны, чем отклики Ассошиейтед Пресс или Юнайтед Пресс. Если же о нем не говорилось ни слова, он становился раздражительным и мрачным. Для него не было ничего более унижительного, чем гробовое молчание по поводу его статей.

Через несколько дней после первого обстрела Англии «Фау-1» Геббельс принимал у себя в кабинете незадачливого автора повести «Самоубийство Европы». Этот литератор, некий доктор М. Бохов, оправдывался тем, что он не может отвечать за союзников, вторгшихся в Европу еще до того, как он закончил свое творение. Он говорил, что книга, фактически, готова, но кто-то из сотрудников министерства пропаганды предложил внести некоторую правку, а в результате рукопись надолго задержалась в одном из отделов. И он настойчиво уверял Геббельса, что заминка с публикацией произошла не по его вине.

Министр пропаганды нетерпеливо слушал многословные извинения автора и наконец прервал его монолог. Геббельс сказал, что рукопись будет несложно исправить, но теперь основной акцент следовало сделать не на возможном вторжении союзников, что стало уже свершившимся фактом, а как можно более ярко и выразительно

представить народам Германии, Европы и всего мира его ужасающие последствия. Геббельс предложил следующий сюжет: Сталин с триумфом входит в Германию. Происходит стремительная большевизация Европы. Америка и Англия пытаются сопротивляться, но тщетно, Британия превращается в страну с коммунистическим режимом. Во время беседы в Москве Сталин раскрывает Черчиллю свой замысел, а когда Британия становится одной из союзных советских республик, Черчилля поражает удар, и он умирает. А тем временем мир в ужасе и недоумении вопрошает себя: «Разве этого мы хотели?»

Выслушав пожелания Геббельса, доктор Бохов тут же бросился переделывать свою книгу, чтобы она была готова к нужному времени. В тот период статьи самого Геббельса писались в целом по тому же рецепту. Он повторял на все лады, что, если вторжение союзников увенчается успехом, победят не западные государства, а Сталин. Германии оставалось лишь одно средство: перейти к ведению тотальной войны.

«Победа наших противников принесет не мир, а бесконечные страдания и все возрастающее обнищание не только народам Европы, но и народам всего земного шара... Человеческое существование потеряет смысл, а жизнь превратится в адские мучения», – писал он 16 июля 1944 года. Спустя четыре дня произошло событие, которое помогло ему больше, чем все его статьи и речи, вместе взятые, и приблизило к давней цели – к введению тотальной мобилизации.

2

Утром 20 июля 1944 года полковник Клаус Шенк фон Штауфенберг прибыл в ставку Гитлера, расположенную неподалеку от городка Растенбург в Восточной Пруссии. В его портфеле лежала бомба замедленного действия. Портфель он поставил на пол под столом в деревянном коттедже, где в тот день должно было проходить очередное совещание по военному положению. На совещание ждали Гитлера, фельдмаршала Кейтеля и других видных военных и политических деятелей рейха. Штауфенберг под благовидным предлогом покинул помещение, а вскоре произошел взрыв, разрушивший дом. Несколько человек были убиты, другие получили

ранения, а сам Гитлер, как это ни поразительно, отделался лишь царапинами и смертельным испугом.

Штауфенберг слышал взрыв бомбы и заключил, что Гитлер погиб. Он поспешил к ожидавшему его самолету и вернулся в Берлин, где его ждали участники заговора против Гитлера, среди которых были как военные, так и гражданские лица.

Около часу дня Геббельс получил очень короткое и очень невразумительное сообщение из ставки фюрера, что там произошел взрыв. Он запросил подробные разъяснения, но ответа не получил. Ему оставалось только запастись терпением и ждать дальнейших известий, но с каждой минутой он все больше и больше тревожился. Во время обеда его помощники, которые ни о чем не догадывались, заметили его смертельную бледность и необыкновенную рассеянность. Геббельс все еще не знал, что произошло покушение на жизнь Гитлера^[109].

Штаб-квартира заговорщиков находилась в Главном управлении рейхсвера на Бендлерштрассе. Там все пребывали в уверенности, что покушение удалось и Гитлер погиб, и готовились приступить к дальнейшим действиям, намеченным задолго до того дня. Войска под командованием генерала Эрвина фон Вицлебена, также участвовавшего в заговоре, направились в Берлин и кордоном окружили правительственный квартал, намереваясь в течение дня занять все учреждения. Предполагалось арестовать все ближайшее окружение Гитлера, в том числе и самого Геббельса. В общем смятении никто не догадался прервать телефонное и телеграфное сообщение.

Волею судьбы в тот час некий лейтенант Хаген, так называемый *politischer Fuhrangsoffizier*, то есть офицер идеологического отдела вермахта, пришел в полк берлинской охраны читать лекцию. Ему стало известно, что Гитлер якобы погиб, что объявлена тревога и что полку приказано занять район правительственных учреждений. У Хагена зародились смутные подозрения, а поскольку до призыва в армию он работал в министерстве пропаганды, он решил позвонить в резиденцию Геббельса и узнать, соответствуют ли слухи действительности. Все еще находившийся дома Геббельс не хотел подходить к телефону и отказывался разговаривать с неизвестным ему доктором Хагеном. Наконец, уступая его настойчивости, он взял

трубку, выслушал взволнованный, сбивчивый рассказ, тотчас же увидел в нем прямую связь с известием о взрыве и приказал Хагену немедленно явиться к нему.

Хаген прибыл через полчаса. «Господин министр, это военный переворот!» – начал он. Геббельс только рассмеялся в ответ, но Хаген указал на окно. «Взгляните сами», – сказал он. Внизу, перекрывая улицы, шли строем солдаты, они уже окружили дом самого Геббельса и весь квартал правительственных учреждений.

Геббельс вызвал к себе из министерства доктора Наумана, но часовые задержали того при выходе и вновь водворили его в кабинет. Тем временем Геббельсу доложил о себе некий майор Ремер, явившийся в сопровождении двух солдат. Геббельс, решив, что Ремер пришел арестовать его, выхватил из ящика стола пистолет и встретил посетителя с замечательным присутствием духа. Прежде всего он яростно набросился на офицера с грозными обвинениями, делая упор на то, что Гитлер жив. В качестве доказательства он тут же соединился по прямой линии связи со ставкой фюрера.

Между тем в Растенбург прибыли Гиммлер, Геринг и Риббентроп. Они громко негодовали и наперебой уверяли Гитлера в своей преданности. Никто из них, включая Гиммлера, не осознавал, что все зависит от того, кто станет хозяином Берлина. Тот факт, что Гитлер остался жив, сам по себе ничего не решал, необходимо было, чтобы немцы, и в первую очередь армия, как можно раньше узнали об этом факте. Если путч в Берлине наберет силу до того, как весть о неудачном покушении на фюрера дойдет до широкой публики, мятежные офицеры могут достичь своей цели. Все зависело от Берлина, а там оставался один Геббельс.

Сейчас он разговаривал с Гитлером. Гитлер приказал передать трубку майору Ремеру, который узнал голос своего фюрера и поклялся отдать самого себя и пятьсот своих людей в полное распоряжение министра пропаганды. Начиная с той минуты Геббельс один, без посторонней помощи, принялся подавлять мятеж. Когда он положил трубку, Гитлер остался у аппарата, чтобы в любой момент иметь возможность помочь Геббельсу советом.

Было уже пять часов дня. Геббельс вышел из дома в сад, где расположились люди Ремера. Вскоре к ним присоединилась охрана министерства пропаганды, которой удалось покинуть здание, хотя

правительственные кварталы все еще были оцеплены кордоном караулов. Геббельс произнес перед солдатами и офицерами энергичную речь, сказал, что путч провалился и что они вправе считать себя спасителями фатерланда. Только тогда большинство из них осознало, какая высокая ставка была в игре в тот день.

Вернувшись в свою резиденцию, Геббельс попеременно то разговаривал с Гитлером, то отдавал распоряжения своим подчиненным. В течение следующего часа из всех частей, охранявших правительственные учреждения, явились надежные и верные люди. Под плащами они тайно принесли автоматы и гранаты. Было решено забаррикадировать особняк.

Затем пожаловал новый посетитель: генерал-лейтенант Пауль фон Хаазе, исполнявший обязанности военного коменданта Берлина. Он пришел арестовать Геббельса. Министр пропаганды принял Хаазе и сам взял его под стражу. Хотя комендант находился внутри кольца, которым его полк окружил правительственный район, он в то же время по собственной неосмотрительности оказался внутри оборонительной цепи, образованной людьми Ремера вокруг особняка Геббельса. Хаазе не ожидал сопротивления и совершенно растерялся. Не в силах прийти в себя от потрясения, он только попросил еды, бутылку красного вина и разрешения позвонить жене. Геббельс великодушно удовлетворил его просьбы.

Ободренный первым успехом, Геббельс позвонил офицерам, которые, как он подозревал, были причастны к заговору, и пригласил их к себе. Многие из них откликнулись на приглашение и пришли. Их приняли, провели в дом и разместили в разных комнатах, где к ним отнеслись с полной предупредительностью и даже предложили коньяк и сигары. Таким образом, они оказались под арестом, сами того не подозревая. Тем временем Ремер отправил своих людей на Бендлерштрассе и на радиостанцию, которую Геббельс считал самым важным объектом. Засевшие на Бендлерштрассе мятежники, настоящие вожди заговора, честные и смелые люди, хотя и не очень практичные, держались героически. Некоторые из них были застрелены на месте. Немногим ранее на центральное радиовещание прибыл майор вермахта, чтобы занять здание для восставших, однако он не очень ясно представлял себе, чем может полатиться. Он позвонил Геббельсу и вскоре сообразил, что оказался не на той

стороне. Еще до того, как на место прибыли люди Ремера, бывший мятежник взял на себя охрану здания от своих же товарищей по заговору.

Наступило восемь часов вечера. Из Растенбурга прилетел Гиммлер и поспешил в особняк Геббельса, где содержались главные участники заговора. Геббельс, Гиммлер и начальник службы безопасности СС Эрнст Кальтенбруннер всю ночь подвергали пленников перекрестным допросам. В Берлине и в провинции хватали всех, кто был причастен к мятежу. Геббельс понимал, что путч еще не был полностью подавлен. Разветвленная сеть заговорщиков была разбросана по всей стране, и никто не мог предсказать, как поведут себя генералы, пока находившиеся на свободе; тем более нельзя было быть уверенным, что где-нибудь не взорвется новая бомба. При таких обстоятельствах напрашивалось одно, казавшееся лучшим, решение: предать дело немедленно огласке.

Геббельс продиктовал по телефону свое обращение к народу, в котором сообщил о происшедшем. Таким образом он как бы предостерегал от дальнейших действий многочисленных сторонников заговора против Гитлера в Германии и на территории оккупированных стран, которые могли готовиться к борьбе. Узнав, что путч провалился, многие заговорщики покончили с собой, в то время как иные пытались делать вид, что не имеют к событиям никакого отношения. В результате заговорщики перестали представлять собой реальную угрозу. В течение ночи в министерство пропаганды на имя Геббельса поступили сотни телеграмм с заверениями в преданности нацистскому режиму.

После полуночи Гитлер произнес по радио короткую речь. Он явно нервничал, не в состоянии скрыть охвативший его ужас, и произвел на слушателей очень плохое впечатление. Казалось, фюрер утратил свое бывшее величие и власть, он обращался к людям с просьбой не выполнять приказы, которые могли быть изданы от его имени заговорщиками. Гитлер опустился до того, что униженно умолял свой народ.

Геббельс пришел в изумление от выступления Гитлера. Он сказал, что в таком плачевном состоянии Гитлера не следовало допускать к микрофону. Некогда великий фюрер буквально распространял вокруг

себя волны паники. «Почему Гитлер не посоветовался со мной, прежде чем решил говорить?» – спрашивал Геббельс себя и других.

В ту же ночь на радио дал интервью и майор Ремер, которого Геббельс провозгласил героем дня. Из предосторожности интервью было заранее записано на пленку. Геббельс внимательно прослушал запись и удалил ту часть, где Ремер говорил, что считал себя обязанным доложить по команде своему военному начальству, прежде чем выполнять приказы Геббельса, так как гауляйтер Берлина был обычным штатским, хотя и весьма высокопоставленным, должностным лицом. Очень примечательно, что Геббельс решил вырезать из записи этот пассаж, – видимо, после своего героического поведения во время путча он чувствовал себя скорее солдатом, чем гражданским человеком. Путч провалился не потому, что взрыв бомбы пощадил Гитлера, и не благодаря полиции Гиммлера, которой следовало раскрыть заговор еще в начальной стадии, и не благодаря вмешательству многих известных военных – путч потерпел провал благодаря отваге и самообладанию невысокого хромого человека в штатском, который не растерялся в решительную минуту.

3

Мы можем безошибочно представить себе, какое мнение о побежденном противнике сложилось у Геббельса. По-детски наивный подход мятежников к делу не укладывался у него в сознании. Ночью он сказал, что вся их затея «есть не что иное, как восстание по телефону». На совещании, проходившем на следующее утро, он высказался еще более резко. «Дилетанты, все они – ни на что не годные любители! – насмешливо кричал он. – Уж я бы знал, что делать на их месте, могу вас смело уверить. Подумать только, Хаазе оставалось всего лишь вытащить свой пистолет и пристрелить меня! И что же он сделал? Господи, что за растяпа!» И затем продолжил: «Невероятно, горе-революционеры оказались настолько глупы, что не догадались перерезать телефонные провода. Да моя малолетняя дочь додумалась бы до этого!» В то же время он не мог примириться с мыслью, что все остальные в окружении Гитлера до такой степени растерялись. Он ни словом не упоминал ни об опасности, грозившей ему лично, ни о своем решительном поведении в тот день. Даже его ближайшие помощники – за исключением тех, кто находился тогда

рядом с ним, — не могли в подробностях восстановить историю разгрома путча.

Единственной заботой Геббельса было показать народу, а желательно и всему миру, что заговорщики вели себя самым глупым, трусливым и жалким образом. Тогда по контрасту с ними фигура Гитлера воссияла бы во всем своем былом величии. Пропагандист Геббельс понимал, что в этой кампании нельзя было позволить себе ни малейшей ошибки.

Разумеется, некоторые промахи все же были неизбежны. Через два дня после неудавшегося покушения на жизнь Гитлера Роберт Лей произнес по радио речь, полную грубейших выпадов против заговорщиков — можно было не сомневаться, что его брань немцам придется не по вкусу. Кроме того, Лей отпустил несколько исключительно глупых замечаний в адрес предков графа Штауфенберга вроде «Его отец был старой подстилкой англичан». Геббельс хотел запретить ему выступать, но Лей уверил его, что Гитлер прочел и одобрил речь, хотя это было ложью. Как и предчувствовал Геббельс, его выступление не вызвало в немцах ничего, кроме неприязни.

На совещании 21 июля Геббельс дал точные инструкции, в каком свете подавать судебный процесс над заговорщиками, который уже вот-вот должен был начаться. Он лично отбирал журналистов, которым можно было бы доверить освещение этого события, и приказал, чтобы в газетах появились отчеты только о первых двух днях слушания дела. Хотя в заговор было втянуто очень много людей — правда, большинство из них играли второстепенные роли, — фюрер считал необходимым создать у публики впечатление, что покушение на его жизнь было организовано лишь горсткой отъявленных преступников. «Мы не желаем даже упоминания о мелюзге, о жалких ничтожных марионетках в руках главарей заговора, — сказал Геббельс. — Кроме того, мы не намерены льстить самолюбию этих сукиных сынов, называя их поименно».

Чем дольше он принимал участие в перекрестных допросах, тем больше росло его презрение к незадачливым конспираторам. Хотя, представ перед Народным трибуналом, большая часть из них вела себя смело и с достоинством, Геббельс говорил: «Теперь-то они хнычут. Причина столь постыдного поведения в том, что им попросту

недостает самоуважения, буквально всем им. Теперь, когда их судьба уже predetermined, они могли бы проявить хоть немного мужества. Но ни одному из них не хватило духа заявить: «Да, это мое убеждение, и я продолжаю его придерживаться, и оно останется при мне, пока я жив, пусть даже ненадолго. А теперь прошу: делайте со мной что угодно!»

В галерее негодяев, на которых Геббельс изливал свое презрение, было одно исключение – Роммель. Вероятно, для Геббельса было тяжелым ударом узнать через несколько месяцев, что обаятельный офицер, к которому он относился с таким уважением, единственный генерал, ради которого он привел в действие всю пропагандистскую машину, оказался среди заговорщиков.

Когда обнаружилось, что Роммель замешан в заговоре, в его дом в Геррлингене, где он выздоравливал после тяжелых ранений, явились два офицера, которые поставили его перед выбором: либо он будет арестован и пройдет через унижительное разбирательство в Народном трибунале, либо он примет яд, и его тело будет предано земле с воинскими почестями, и в последнем случае никто и никогда не узнает о его преступлении. Роммель не колебался ни секунды. Он простился с женой, которая была так потрясена происходящим, что потеряла дар речи и беспомощно застыла на месте, тогда как ее муж сел в автомобиль и, как только заработал мотор, поднес ко рту ампулу с ядом.

Обществу смерть Роммеля была представлена как трагическая гибель легендарного героя – подобный поворот сюжета под силу только таланту Шекспира. В данном случае, если следы не уводят нас в ложном направлении, творцом драмы был сам Геббельс, ибо кому еще из тех, кто сам изощренно казнил заговорщиков, была дорога репутация Роммеля? Кто, как не он, сделал его идиолом и идеолом всего немецкого народа? Он один желал сохранить имя Роммеля незапятнанным, у него одного были причины пощадить образ того самого Роммеля, которого он наделил всеми достоинствами германского офицера и, самое главное, которому он действительно доверял. Только Геббельс мог предложить своему бывшему другу столь жестокий и бесчеловечный выбор, и только тот, кто любил Роммеля, как Геббельс, мог заранее знать, какой путь он изберет.

Однако в бумагах Геббельса мы нашли только следующую запись: «К несчастью, выяснилось, что Роммель также участвовал в заговоре. Могу только сказать, я благодарен судьбе за то, что Роммель умер. В противном случае мы были бы вынуждены сообщить народу о его соучастии...» Для солдат Роммель являлся настоящим кумиром, и подобное разоблачение грозило вызвать серьезное брожение в их умах.

Как только суд начался, Геббельс потерял к нему интерес. Не то было с Гитлером. Он интересовался каждой деталью, каждым свидетельством до такой степени, что приказал даже снять фильм обо всем расследовании. За спиной председателя трибунала стояли операторы с камерами и день за днем, час за часом запечатлевали весь ход процесса, изводя не метры, а километры пленки. Ночью отснятый материал демонстрировался Гитлеру, который требовал прокручивать его снова и снова. Тридцать, сорок, затем все шестьдесят километров... Но Гитлер не успокаивался. Наконец он отослал все пленки Геббельсу с предложением смонтировать полнометражный документальный фильм, который, по его мысли, должен был посмотреть каждый немец.

Геббельс встретил предложение с недоумением, просмотрел отснятый материал и пришел в еще большее замешательство. Он не мог понять одержимости и мстительности Гитлера. Кроме того, он прекрасно понимал, что фильм такого содержания произведет на людей действие обратное желаемому, что немцы вовсе не жаждали стать свидетелями расправы над лишенными возможности защищаться пленниками, потому что весь судебный процесс от начала и до конца был не чем иным, как неприкрытым и непрерывным издевательством над участниками заговора. Прежде всего Геббельс сократил фильм до двенадцати километров пленки, и все равно он оставался слишком длинным. В глубине души Геббельс принял решение не выпускать его на экран, и в конце концов ему удалось каким-то образом настоять на своем.

Геббельса крайне разочаровали недальновидность и узколобость фюрера. Его стенографист и секретарь заметили – причем независимо друг от друга, – что во время разговоров с фюрером в его голосе появились новые нотки. То же самое можно сказать и о его дневнике. Теперь он обращает внимание на внешний вид Гитлера, на его трясущиеся руки и пальцы, на его неуверенную походку, болезненный

цвет лица и еще обычно добавляет, что все это не что иное, как разрушительные последствия покушения на жизнь фюрера. Безоглядное восхищение и восторг прежних лет бесследно исчезли, уступив место чувству, похожему на жалость, если не на презрение.

Он уже не видел в Гитлере всегда непогрешимого и победоносного полубога, живое олицетворение силы и могущества. Гитлер во многих отношениях потерпел поражение, и Геббельс считал, хотя и не мог сказать об этом вслух, что фюрер сам повинен в своих неудачах. Оказалось, что Гитлер мог ошибаться, как и всякий другой человек. Некоторые из сотрудников Геббельса стали замечать, что он чувствовал себя «выше» Гитлера^[110].

Это открыло новую эру в их отношениях – отныне на Гитлера необходимо было влиять и в некотором смысле руководить им, а может, даже и контролировать. Не случайно именно в этот период Геббельс потребовал от германской прессы не упоминать о юношеских рисунках и акварелях Гитлера.

Приблизительно в те же дни Фрицше явился к Геббельсу и молча указал на абзац во втором томе «Майн кампф», где в главе XI Гитлер оплакивает цвет германской молодежи, который был принесен в жертву, «как беззащитное пушечное мясо», и возлагает вину за преступную бойню на последнем этапе Первой мировой войны на имперские власти Германии. «Теперь, – сказал Фрицше, – сам Гитлер повинен в точно таком же злодеянии». Когда Геббельс ничего не ответил на его замечание, Фрицше добавил, что Гитлеру было бы лучше отречься от власти. Геббельс продолжал хранить молчание, хотя, случись такое несколько недель назад, он завизжал бы: «Государственная измена!»

В то время как Геббельс вещал всему миру, что произошло чудо, благодаря которому Гитлер остался невредимым при взрыве бомбы, другое чудо происходило в нем самом, ибо взрыв той самой бомбы потряс Геббельса до глубины души. Гитлер, в которого он верил все эти годы, потому что всем своим естеством жаждал верить, больше не существовал. Когда дым после взрыва рассеялся, внутреннее зрение Геббельса прояснилось, и постепенно он стал видеть Гитлера таким, каким тот и был в действительности.

Тем временем Гитлер предоставил Геббельсу значительные полномочия. Вечером 21 июля министр пропаганды сел в поезд, направлявшийся в ставку фюрера, куда и прибыл на следующее утро. Число охранников увеличилось в десять раз. Всех, кто хотел видеть Гитлера, обыскивали с головы до пят, и для Геббельса тоже не сделали исключения. Потом у него состоялся долгий разговор с фюрером. О беседе он ничего не рассказывал, только уже на ступеньках вагона он обронил: «Получи я нынешнюю власть, когда она была мне нужна позарез, сегодня победа была бы нам обеспечена, а война, возможно, закончилась. Оказывается, надо было взорвать под фюрером бомбу, чтобы он согласился с моими доводами».

25 июля 1944 года Геббельс был назначен на вновь созданную должность с труднопереводимым названием *Reichbeauftragter für den totalen Kriegseinsatz* (нечто вроде «имперского руководителя по проведению тотальной мобилизации») и обширными правами, дававшими ему возможность по своему усмотрению распоряжаться людскими ресурсами во всей Германии. Официально это назначение было сделано Герингом, на деле же Геринг был нужен только для проформы, так как к тому времени он уже перестал играть мало-мальски значимую роль в государственных делах. В рамках министерства пропаганды был создан особый департамент под названием «Тотальная мобилизация». Его штат состоял всего из нескольких служащих, потому что Геббельс хотел, чтобы его новый департамент работал как можно более гибко. Каждое утро с девяти до десяти часов его сотрудники совещались с Геббельсом и представляли свои новые предложения, которые в случае одобрения передавались на исполнение. Все меры преследовали одну цель: высвободить мужчин для фронта и женщин для военного производства. Поскольку первая задача была намного важнее второй, Геббельс взялся за фабрики и заводы, откуда постепенно были отправлены на фронт чуть ли не все рабочие, независимо от уровня их профессионального мастерства. Геббельс пояснял: «Мы просто обязаны создать временный вакуум на производстве, но скоро в военную промышленность хлынут новые силы, способные заполнить пустоту». (Частично ее заполнили за счет рабской рабочей силы из концентрационных лагерей.)

Начиная с 28 июля один за другим издавались все новые и новые декреты. Почта стала доставляться адресатам только один раз в день...

Призывались на работу все женщины в возрасте до пятидесяти лет... Поездки по стране допускались только в случае самой крайней необходимости... Все приемы, выставки и публичные празднества были запрещены... Требовалось сократить число домашней прислуги... Мелкие газеты и издательства закрывались... Инвалидов войны привлекали к усиленному участию в военном производстве... Выплаты пособий неработающим женщинам отменялись... Временно прекращались занятия в школах для всех мальчиков и девочек в возрасте от четырнадцати лет, что высвобождало восемьдесят тысяч молодых людей для службы в частях противовоздушной обороны... Молодые актеры театра и кино отправлялись в цеха по производству оружия... Вводилась шестидесятичасовая рабочая неделя... Выпуск всей журнальной периодики приостанавливался... Закрывались все театры...

Закрытие театров и принудительная отправка актеров на заводы были личной мстостью Геббельса тем, кого он когда-то так высоко ценил. От этой повинности не удалось уклониться ни одной бывшей возлюбленной министра пропаганды. Сотруднику Геббельса Паулю Хинкелю пришла в голову несчастливая мысль представить актеров в более благоприятном свете, для чего им предложили направить фюреру свои заверения в преданности. Раболепные клятвы предполагалось переплести в виде альбома и преподнести Гитлеру в качестве рождественского подарка. Идея потерпела полный и позорный провал. Одни актеры решительно отказались от предложения, другие отделались тем, что прислали бесцветные цитаты из произведений немецких классиков, а один имел наглость написать: «Я так же верю в фюрера, как и в нашу победу». Намек был слишком прозрачный, но Геббельс не мог ничего поделать.

Одновременно с департаментом тотальной мобилизации Геббельс основал в министерстве еще один отдел под названием «Акция-Б». Он был нужен, чтобы следить за тем, как население встречает меры тотальной войны, и поднимать боевой дух любыми средствами. Сотрудники отдела «Акция-Б» действовали уже проверенным способом, который приносил прекрасные результаты во время борьбы нацистов за власть. Один «заводила» и двое «громил» отправлялись в поход по городу, заходили в рестораны и другие общественные места, где первый заводил разговор с людьми по поводу

тягот жизни из-за введения всеобщей военной повинности, подбивая их на откровенность. Если собеседники одобряли правительственные меры, все заканчивалось благополучно. Но стоило кому-нибудь высказать хоть слово против, как возмущенные «друзья народа», то есть «громилы», околавивавшиеся поодаль, тотчас набрасывались на недовольного и жестоко избивали его.

Руководитель отдела «Акция-Б», некий Хегерт, относившийся к возложенному на него делу крайне серьезно, доложил Геббельсу, что настроение людей «довольно бодрое», на что Геббельс только саркастически ухмыльнулся – у него были сомнения на этот счет.

Для учителей, служащих государственных учреждений и почтальонов издавались особые брошюры. В них убедительно доказывалось, почему именно данная профессиональная группа людей и их деятельность так важны для достижения окончательной победы над врагом. В книжонках печатались серии вопросов, по которым каждый сознательный и добропорядочный немец мог определить в своей среде презренных *Miessmacher* и *Kritikaster*. Читателю брошюры не нужно было утруждать себя размышлениями – за него думал Геббельс. Он всячески ободрял людей и просил их направлять в министерство пропаганды свои предложения о том, как сделать тотальную войну всеохватывающей, как сохранить людские силы и материальные ресурсы и в то же время нанести наиболее значительный ущерб неприятелю. Каждую частицу своей энергии Геббельс посвящал поставленной задаче: воодушевлял людей, внушал им решимость сражаться до конца, что бы ни случилось. Великий пропагандист снова взялся за работу.

В то время Геббельс вернулся к своим «революционным» увлечениям. Тотальная мобилизация тыловых ресурсов, так же, как и фронт, смывала все социальные различия. Теперь богатые тоже были обязаны работать, им уже не разрешалось нанимать прислугу, они не могли посещать театры и дорогие рестораны, не могли разъезжать на личных автомобилях. «Наша война по своей сути есть социальная революция, – писал Геббельс 1 ноября 1942 года, – она разрушает старый враждебный мир, но за дымящимися руинами предстает перед нами новый и лучший».

Даже Магда добровольно решила работать на фабрике. Она ездила туда троллейбусом, чтобы не вызывать возмущения товарищей

по работе своим роскошным автомобилем. В конце концов, люди должны были поверить, что она руководствуется исключительно чувством национальной солидарности и хочет стать достойным примером для остальных жен высоких чинов в нацистской иерархии. Кроме того, каждую пятницу ей приходилось делать Геббельсу маникюр, так как все профессиональные маникюрши из закрытых парикмахерских и салонов красоты были отправлены на трудовой фронт, но Геббельс категорически отказывался запускать свои руки. Если по той или иной причине Магда не могла заняться его маникюром, эта работа доставалась его секретаршам. После диктовки они должны были являться к нему вооруженными ножницами и пилками для ногтей. Только оставаясь наедине друг с другом, они давали волю своему недовольству и даже возмущению – им требование Геббельса казалось унижительным.

5

Слова, которыми Геббельс закончил свое знаменитое выступление после катастрофы под Сталинградом: «Вставай, народ, иди на бой и обрети свободу!» – были призывом времен освободительных войн 1813 года, когда Пруссия воевала, чтобы свергнуть иго Наполеона I. Теперь идея *levee en masse*^[111] прославлялась в бесчисленных газетных статьях. Геббельс дал поручение снять исторический фильм «Кольберг»^[112]. Вся громадная пропагандистская машина безостановочно работала, настойчиво внушая людям, что поражение германских армий само по себе еще ничего не решает до тех пор, пока остается достаточно немцев, включая стариков и подростков, готовых грудью встать на защиту фатерланда.

После обработки населения пропагандистской канонадой в течение трех-четырех недель вышло сообщение, что Гитлер решил создать *Volkssturm*, то есть отряды народного ополчения. И снова выполнять решение фюрера поручили Геббельсу^[113]. Он выпустил декрет, согласно которому каждый мужчина в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет автоматически становился членом фольксштурма. Формированием новых частей занимались партийные функционеры, которым было приказано ежедневной муштрой по сокращенной

программе подготовить эрзац– бойцов. Вместо формы ополченцам выдавали нарукавные повязки с надписью «Фольксштурм».

В каждом населенном пункте, независимо от численности его населения, появились призывные пункты. Они открывались в помещениях пустующих складов, в ратушах или в зданиях городских судов, в театрах или магазинах. У их дверей выстраивались длинные очереди из стариков, инвалидов, недужных хронических больных; среди «добровольцев» встречались почти дети. Принимали всех без разбору: предполагалось, что каждый будет считать своим долгом внести свой вклад в общую победу. Увы, «встать и пойти на бой» народу мешало чувство обреченности, единодушного отклика призыв не нашел нигде, за исключением, пожалуй, среды подростков. Геббельс тщетно пытался воодушевить людей, рассылая указания своим пропагандистам в округах и требуя от них цитировать при каждом удобном случае Фридриха Великого, Бисмарка, Гитлера и его самого, Геббельса. Но общий тон его директив был довольно унылым, в них проскальзывали нотки бесконечной усталости – даже Геббельсу не доставало прежнего огня, который вспыхнул в нем всего в нескольких случаях.

Одним из таких случаев было приведение к присяге десяти тысяч фольксштурмовцев. Геббельс лично входил во все детали церемонии, которая должна была состояться на площади перед зданием министерства пропаганды. Он проверил все, вплоть до декорации порталов и расположения микрофонов. Он собирался выступить с речью с балкона. В последнюю минуту выяснилось, что на торжество пожалуют почетные гости. Некоторым из них отвели место на том же балконе у него за спиной, так что им не составляло бы труда заглядывать через его плечо в заранее подготовленный текст речи. Геббельс отложил рукопись в сторону и начал импровизировать. Чем больше он говорил, тем большее возбуждение охватывало его; оно было искренним, а потому легко передавалось толпе. Слушатели были глубоко тронуты его словами. Когда Геббельс вернулся в свой кабинет, гости стали ему аплодировать, но он остановил их усталым жестом. Через пять минут он снова сидел за столом, пытаясь справиться с нескончаемым потоком бумаг.

В то время как Геббельс прилагал отчаянные усилия, чтобы подбодрить упавшее духом население, в печати появился очерк,

подписанный безымянным фронтовым корреспондентом. Заметка произвела эффект разорвавшейся бомбы. Там, в частности, были такие слова: «Мы отступаем на всех фронтах, половина Германии лежит в руинах, казалось бы, наши дела идут хуже некуда, но тем не менее мы выиграем войну через два месяца». Очерк произвел сенсацию, все немецкие газеты его перепечатали, поползли слухи, что за автором статьи стоит правительство, что вскоре произойдет нечто исключительное, что события, наконец, примут иной оборот.

Редакторы газет поспешили в министерство пропаганды за дополнительными сведениями. Их встретил растерянный чиновник не самого высокого ранга, в отчаянии разводивший руками. Он уверял, что нашумевший очерк – всего лишь очередная корреспонденция одного из военных журналистов и что его автору известно ничуть не больше, а то и меньше, чем другим. Он умолял редакторов не раздувать заурядную историю. Но никто из редакторов ему не поверил. Все по-прежнему считали, что на самом деле за очерком кроется гораздо большее, чем это хочет признать министерство пропаганды. На неделю всю Германию захлестнула волна оптимизма, но, видимо, на этот раз Геббельс действительно был ни при чем.

Люди больше не верили тому, что говорил им Геббельс. Лозунг «возмездия» находил совершенно обратный отклик в их душах. Что пользы немцам в том, что полЛондона лежит в руинах, если английские самолеты днем и ночью беспрепятственно пересекают Ла-Манш и бомбят города Германии? Так же как и в первое время после установления гитлеровского режима, в народе стали ходить многочисленные анекдоты о Геббельсе, которые не оставляли сомнений в том, как люди относятся и к нему самому, и к его пропаганде.

Так, например, был анекдот о том, как Геббельс умирает и в сопровождении святого Петра направляется в рай. По пути туда он видит в стороне дверь с броской вывеской «Ад». Не в силах сдержать любопытство, он открывает дверь, заглядывает и видит толпу миленьких девиц. Геббельс чешет затылок, недолго думает и говорит святому Петру: «Мне на земле от врагов житья не было, так что я, пожалуй, лучше останусь здесь». Не успел святой Петр переступить через порог, как на Геббельса набросились черти с гнусными

ухмыляющимися рожам. «Стойте! – кричит Геббельс. – А где же красотки?» А черти с хохотом отвечают ему: «Это была пропаганда!»

Рассказывали и другой анекдот. В Берлине проходит парад в честь победы. Рузвельт, Сталин и Черчилль стоят на высокой трибуне, а перед ними проходят победоносные войска. Неожиданно в полу открывается люк, оттуда высовывается Геббельс и говорит: «Все равно войну выиграли мы».

Вот еще. Гитлер, Геринг и Геббельс стоят у окна рейхсканцелярии и смотрят, как в Берлин торжественным маршем входят войска союзников. Геббельс радостно говорит: «Теперь от возмездия им не уйти!» Остальные смотрят на него как на сумасшедшего, а Геббельс объясняет: «А где же они теперь будут жить?»

Но люди не ограничивались одними анекдотами, министерство пропаганды просило их присылать свои отклики на тотальную мобилизацию. Письма шли потоком. Вот один из характерных образцов: «Мы хотели бы, чтобы вы нам кое-что объяснили, а то мы многого не понимаем. Когда союзники захватили Сицилию, вы говорили, что виной всему предатель Бадольо. Кто же теперь виноват, что они высадились во Франции? Где ваш неприступный Атлантический вал? Где минные заграждения? Где пушки, самолеты, крейсеры и другое вооружение для нашей обороны, которое вы взалбли расхваливали в газетах и выпусках военной хроники? Будь наша оборона хоть вполовину такой мощной, как вы болтали, неужели союзникам удалось бы высадить десант и закрепиться в Европе? Что скажете, господин министр национального оболванивания? А теперь, вместо того чтобы избавить нас от бойни, пока мы все не оказались на том свете, вы еще что– то бубните о победе. Чего доброго, с вас достанет пойти к последнему живому немцу, у которого осталось добра штаны на теле и развалины от дома, и попросить его сделать еще больший вклад в дело победы. Будьте вы прокляты, болтун и лжец, карлик с манией величия».

Авторы других писем выражались короче и энергичнее: «Вы все мерзавцы, вам место на фронте! И ты, косолапый, тоже катись с ними! На виселицу вас всех, чтоб вас черти взяли!» Фольксштурмовцы угрожали ворваться в бомбоубежище Геббельса и с пользой для народа применить выданное им оружие. Дважды в неделю Геббельсу готовили отчет с выдержками из подобных писем. Читая его, он

сохранял внешнее спокойствие; если брань людей и бесила его, то он, конечно, предпочитал не выказывать своих чувств. Однако охрана у входа в министерство и в коридоре, ведущем к канцелярии Геббельса, была усилена.

6

Вражеские войска подошли к Ахену. Жители упорно сопротивлялись, но все-таки были вынуждены сдать город. Геббельс попытался воспламенить всю нацию примером Ахена. В то же время он категорически запретил прессе называть Ахен «германским Сталинградом». Во-первых, одно только слово «Сталинград» вызывало у немцев ужас, а во-вторых, сравнение хромало: Сталинград так и не достался врагу.

Во всяком случае, Ахену судьбой было предназначено стать сигналом для перехода к тактике выжженной земли – так гласил приказ, полученный Геббельсом. Всякий клочок земли, которому угрожала опасность попасть в руки неприятеля, надлежало очистить от всего мало-мальски ценного. Но германские промышленники, когда-то помогавшие Гитлеру захватить власть, отнюдь не пришли в восторг, когда им предложили принести в жертву их фабрики, заводы и угольные шахты. Они засыпали Геббельса отчаянными письмами с возражениями и мольбами остановить бессмысленное разрушение. Было совершенно очевидно, что они намеревались по-прежнему жить и по-прежнему процветать даже после разгрома нацизма. Рабочие также отказывались взрывать заводы и затоплять шахты. Гауляйтеры, на которых Геббельс возложил ответственность за осуществление тактики выжженной земли, часто возвращались ни с чем и докладывали о неповиновении. Впервые дала себя знать оголенность тыла: обуздать непокорных не было сил.

Оставалось только снова прибегнуть к убеждению. С этой целью Геббельс неоднократно выезжал на линию фронта, которая уже находилась в опасной близости к Германии. Он беседовал с офицерами и солдатами, с пропагандистами и рабочими. Когда было возможно, он предпочитал поезд и только в крайних случаях садился в самолет или в автомобиль. В отличие от Геринга или Гиммлера он не требовал себе особый состав, а довольствовался отдельным вагоном. Вагон состоял из гостиной немногим меньше десяти метров в длину,

оборудованной столом, креслами, аппаратурой звукозаписи и радиоприемником, рядом располагалась несколько меньшая спальня министра и ванная комната, крошечная спальня доктора Наумана и несколько купе для сопровождавших его сотрудников. Во время поездок в свободное время Геббельс диктовал записи для своего дневника, и даже его опытному стенографисту приходилось нелегко, когда вагон качало на скорости сто километров в час. Иногда он набрасывал план речи, которую намеревался произнести на следующий день, или вместе с остальными разгадывал шарады. При этом он радовался как ребенок, когда первым находил все ответы и обыгрывал своих спутников.

7

После таких поездок по стране с ним нередко случались приступы мизантропии. Все больше времени он проводил в Ланке, где уединялся в небольшом коттедже, спрятанном в глубине леса. Здесь, в полной тишине, он погружался в чтение и в размышления. Он отказывался покидать свое убежище, даже когда наступало время обеда: он говорил, что ему стало невыносимо общество людей, которые напоминают ему о войне. Порой он появлялся в министерстве только через три-четыре дня после возвращения из очередного путешествия.

Он чувствовал себя больным, и его терзал страх, что он болен раком. Доктора обследовали его, но не обнаружили никаких признаков страшной болезни. Его недомогание единственно заключалось в язве желудка, что, в свою очередь, врачи объясняли нервным состоянием министра. Другие медики сказали Геббельсу, что его повышенная раздражительность вызвана чрезмерным курением. Он решил бросить курить и перешел на драже, которое обычно рекомендуют сосать при простудных заболеваниях горла. Через два-три дня пилюли надоели ему. Кстати, пока он воздерживался от табака, ему невозможно было угодить, он вспыхивал по пустякам и выходил из себя, так что его сотрудники вздохнули с облегчением, когда он вернулся к своей дурной привычке не выпускать сигарету изо рта.

Нетрудно догадаться, какого рода мысли одолевали Геббельса, когда он уединялся в Ланке. В свое время он присоединился к

нацистскому движению, и оно принесло ему славу и благополучие. Но ему не хватило дальновидности предугадать, к каким последствиям приведет такая жесткая форма правления – к мятежам, противостоянию и даже к войне. Где-то в прошлом крылась ошибка в расчетах, в какой-то определенный момент Гитлер зашел слишком далеко, а теперь уже было невозможно вернуться и все исправить. Один промах повлек за собой другой, а вслед за ними потянулся целый ряд ошибок, пока положение не стало непоправимым. Как ученик чародея, Геббельс не смог справиться с духами, которых Гитлер (и сам Геббельс тоже) вызвал в наш мир. Знай он десять лет тому назад, какая судьба постигнет Германию в 1944 году и что все страны объединятся в борьбе против нее, он оставил бы нацистское движение. Но он никому не мог признаться в своих сокровенных мыслях и опасениях. К тому же долг повелевал ему пресекать подобную ересь в других. В этом плане весьма показателен случай с группенфюрером СС Мюллером, произошедший в начале 1945 года. Мюллеру поручили выяснить обстановку на западном фронте, и тот подготовил отчет, в котором положение представлялось практически безнадежным. Геббельс охарактеризовал отчет как «пораженческий». «Мюллер уже не тот, каким был раньше. Не сомневаюсь, что офицеры вермахта вряд ли согласятся с ним», – добавил он. Позже, когда Мюллер явился к Геббельсу, чтобы доложить результаты более тщательного анализа, Геббельс нарочито делал вид, что не замечает его, занимался другими делами и даже оборвал группенфюрера, когда тот все же попытался изложить свое мнение.

Когда другие сотрудники осмеливались говорить о возможном поражении Германии или докладывали о том, что население деморализовано, Геббельс приходил в ярость, обвинял их в пораженчестве и грозил послать на фронт. В такие минуты он кричал так громко, что его голос доносился из-за нескольких плотно закрытых дверей, и его адъютанты и помощники старались не попадаться ему на глаза. Успокоившись, он говорил, оправдываясь: «Сами понимаете, когда человек находится на грани нервного срыва, а ему под ноги лезет собака, он дает ей в сердцах такого пинка, что она летит кубарем».

И все сотрудники знали, что в незавидной роли собаки может оказаться любой из них.

Жена одного из его коллег по министерству как-то доверительно рассказала ему, что многие из ее знакомых офицеров используют любые предлоги, лишь бы не оказаться на восточном фронте. Геббельс потребовал, чтобы она назвала их имена, – он тут же захотел примерно наказать дезертиров. Потребовалось все влияние Магды, чтобы предотвратить страшные последствия наивной дамской болтливости.

После Геринга козлом отпущения номер два для Геббельса был Риббентроп. «Сегодня я беседовал с фюрером и снова уговаривал его отстранить Риббентропа, но он снова отказался», – говорил Геббельс в сентябре 1944 года. Снова... Как министр иностранных дел Риббентроп окончательно себя скомпрометировал. Выяснилось, что его первоначальные успехи в международной политике были всего лишь продолжением военных успехов Германии. Когда за ним уже не стояла несокрушимая империя, с ним перестали считаться.

Как свидетельствует Якобс, Геббельс однажды попросил Гитлера доверить ему руководство министерством иностранных дел. Вряд ли допустимо думать, что Геббельсом двигало исключительно честолюбие; какую славу он мог снискать себе как дипломат в 1944 году?

О приступах ярости и мизантропии, случавшихся с Геббельсом, было известно только самым близким его сотрудникам. В их присутствии он позволял себе расслабиться. Но на публике он вел себя как и прежде: с привычной для окружающих сдержанностью и спокойствием. Он безупречно одевался и пользовался дорогим одеколоном с тонким ароматом. Любой случайный гость, попавший волею судьбы в его дом, уносил впечатление, что в стране царят мир и благоденствие. Малейшая царапина от осколка бомбы немедленно убиралась, разбитые стекла заменялись новыми. Когда из строя выходил водопровод, Геббельс диктовал для дневника, что теперь он тоже пострадал от бомбежки. Мелкое неудобство в его описании становилось едва ли не трагедией – он возмущался тем, что впервые у него нет горячей воды для бритья.

29 октября 1944 года, в день рождения Геббельса, позвонил Гитлер. Фюрер коротко поговорил с ним, а потом попросил к телефону Магду. Фрау Геббельс чуть не плакала от радости, когда положила трубку. Гитлер сообщил ей, что вскоре в ходе войны наступит решительный поворот^[114]. На Рождество немцам была обещана великая победа.

Так впервые Геббельс узнал, что германская армия планирует наступательную операцию в Арденнах.

Разброд и смятение в умах после высадки союзников в Европе и покушения на Гитлера уже прошли. Благодаря тотальной мобилизации у Гитлера появилась новая армия, хотя ее численность и не достигала миллиона солдат, как обещал Геббельс^[115]. Здоровье Гитлера в целом вернулось в норму. Кроме того, погодные условия благоприятствовали контрнаступлению немцев. Превосходство союзников в воздухе сводилось на нет густой облачностью и туманами. К тому же морские порты Ла-Манша все еще были закрыты для навигации, поэтому союзники испытывали серьезный недостаток в горючем, из-за чего их танки и авиация были обречены на бездействие.

Гитлер отбыл в Бад-Наухейм, чтобы оттуда руководить операцией. Оставшийся в Берлине Геббельс почти ничего не знал о планах, разработанных в ставке, а потому тревожился. Кто-то из его сотрудников случайно смахнул со стола Геббельса портрет Гитлера в застекленной рамке. При падении стекло разбилось, и один из осколков вонзился фюреру в левый глаз. Геббельс увидел в этом дурное предзнаменование и ужасно расстроился. Впервые в жизни он испытал потребность обратиться к прорицателям судьбы. Когда-то Гитлер рассказывал о некой женщине, которая предсказала ему весьма радужное будущее. Теперь Геббельс попытался разыскать ее, но она бесследно исчезла.

Поскольку антверпенский порт открылся раньше, чем рассчитывал Гитлер, фюреру волей-неволей пришлось изменить первоначальный план. Теперь, когда у союзников появилась возможность доставлять горючее в необходимых количествах, он не мог рисковать и откладывать операцию. Арденнское наступление началось 16 декабря.

17 декабря, на очередном утреннем совещании, Геббельс впервые объявил о том, что немецкие войска перешли в наступление, а заодно

объяснил, почему фюрер так долго хранил молчание: разумеется, это делалось для того, чтобы «усыпить бдительность противника». Геббельс пошел еще дальше. «Четыре недели тому назад я распространил через наших агентов за рубежом слухи о том, что Гитлер умер. Они только подкрепили общее предположение о том, что ему не удастся преодолеть болезнь после покушения», – сказал он.

Тем не менее он по привычке осторожничал и не открывал цели наступления, хотя уже знал их. Официально операция носила название «наступление Рундштедта»^[116]. Ее так назвали из предосторожности, чтобы в случае неудачи никто не мог возложить вину за провал на Гитлера.

Три дня спустя Геббельс уже понял, что истинная цель наступления достигнута не будет. Он тотчас же на совещании сообщил, что германская армия и не ставила перед собой цель прорваться к Парижу или овладеть побережьем Ла-Манша, а намеревалась только сковать войска противника и вынудить их отойти с особо опасных участков фронта. По его словам, эта цель была полностью достигнута.

Однако он был настолько расстроен, что не мог скрыть своего разочарования. В беседе с ближайшими сотрудниками он сокрушенно сказал, что Рундштедт «испортил все». Геббельс искренне верил, что гитлеровская армия способна вернуть Париж к Рождеству. Он даже сочинил рождественское послание немецкому народу, в котором поздравлял его с победой. Отрывки из послания он прочитал по меньшей мере двум своим помощникам.

Последовавшие за этим недели подтвердили, что действительно «все было испорчено». 5-я и 6-я танковые армии были разгромлены, так ничего и не добившись^[117].

9

Горечь переполняла Геббельса. «Я долго излечивался от привычки внутренне вытягиваться в струнку перед генералами, – сказал он, когда окончательно осознал, что контрнаступление завершилось неудачей. – Что нам сейчас жизненно необходимо – так это военный гений. Но в этой войне у нас нет ни Мольтке, ни Шлиффена, ни Клаузевица. А у нас в лучшем случае есть только военачальники средней руки».

А как же Гитлер? Разве Геббельс не утверждал, что фюрер – величайший военный гений всех времен? С тех пор, казалось, прошла целая вечность, но на самом деле неполных четыре года – уж слишком многое с тех пор изменилось. В начале Арденнского наступления Гитлер торжественно провозгласил: «Если мои «бронированные гренадеры» потерпят поражение, то эти слова станут моими предсмертными словами». Немецкие войска и целые две армии «бронированных гренадеров» потерпели поражение, однако их фюрер не решился совершить то, на что намекал.

Естественно, Геббельс не мог сделать достоянием гласности свое мнение о военном руководстве Германии. Напротив, он написал еще одну статью во славу фюрера, которую должны были поместить в новогоднем номере. Любая статья о Гитлере всегда была для Геббельса беспроегрышным делом. И все же для Геббельса личность Гитлера перестала быть тем, чем она была раньше, теперь фюрер стал для него одной из заурядных тем его пропаганды.

Снова наступило Рождество. Магда нарядила елку, пришел веселый Санта-Клаус, дети и прислуга получили подарки, даже садовнику, французу Жану-Мари, подарили безделушку.

Со стороны казалось, что на празднике царят мир и гармония. В душе Магду терзали опасения, но золовка успокаивала ее: «Наверняка у фюрера в запасе есть еще не один козырь, иначе то, что сейчас происходит, можно было бы считать катастрофой».

Однако ей не удалось убедить Магду. Поздно ночью, когда дети уже спали, а на елке погасили огни, она сказала своей секретарше: «Я уверена, что следующее Рождество у нас будет мирным».

Тон ее выдал, и секретарша угадала за ее словами действительный смысл: Магда понимала, что ни ее, ни детей уже не будет в живых, когда придет время праздновать новое Рождество.

Глава 3

Бомба замедленного действия

1

Арденнское сражение увязло в прорыве. Временно командование несколькими американскими дивизиями принял на себя фельдмаршал

Монтгомери. В интервью журналистам он сказал, что ему удалось исправить положение, когда американцы уже находились на грани поражения. Геббельс прочел его интервью в отчете о радиопередачах союзников, несколько исправил текст в нужную ему сторону, кое-что добавил, а затем немецкое радиовещание передало интервью на волнах Би-би-си как бы от имени англичан.

Его мошенническая проделка увенчалась полным успехом. Услышав передачу, американцы приняли ее за официальное сообщение британского командования, к тому времени как Би-би-си и английская пресса разоблачили подлог, семена недоверия между союзниками дали ростки. Между ними начались закулисные ссоры, посыпались взаимные упреки, и, таким образом, Геббельсу удалось достичь своей цели. К сожалению, пропагандистские трюки не могут заменить собой боевые действия.

Геббельса преследовало ощущение полной беспомощности, он потерял веру в результат своих усилий. По утрам, усаживаясь в своем кабинете и изучая последние вести с фронта, которые приносила ему фрау Габерцеттель, он бормотал: «Когда же наступит конец?» За телеграммами следовали списки документов, предназначенных на уничтожение, чтобы они не попали в руки врагу. Эта процедура стала непременной частью рабочего распорядка дня Геббельса начиная с 10 ноября 1944 года. В январе 1945 года измельчитель бумаг в министерстве пропаганды ежедневно крошил буквально тонны различных досье и документов.

Во время дневного доклада о положении на фронтах Геббельс сидел с отсутствующим видом, едва прислушиваясь к тому, что ему говорили. И только изредка ронял замечания. Однажды, когда сражение в Арденнах уже близилось к концу, он прервал офицера связи верховного командования: «Вы здесь сидите и несете Бог знает какую ерунду, а кто-то, подобно мне, подумывает, не пора ли отравить жену и детей!»

Офицер запнулся на полуслове, а все присутствовавшие пришли в полное изумление. Геббельс впервые так откровенно выдал охватившее его отчаяние. Однако он быстро взял себя в руки, и на следующем совещании никто, глядя на него, не смог бы догадаться, какой разлад царит у Геббельса в душе. Позднее, когда фрау Габерцеттель вошла к нему с новыми телеграммами, он снова сидел

погруженный в печальные раздумья. «Из Стокгольма сообщают, что наши потери достигли трех миллионов убитыми, – сказал он и, помолчав, добавил: – И столько же ранеными». Она спросила, насколько точны эти цифры, но он в ответ пожал плечами: «Вы думаете, я знаю? Вы считаете, что кто-либо может знать точно?» Обернувшись к Фрицше, который в ту минуту входил к нему в кабинет, он вдруг сказал: «После войны я уеду в Америку. Уж там-то они оценят по достоинству гения пропаганды и будут ему платить соответственно таланту». Фрицше улыбнулся. Он не впервые слышал подобные откровения министра и прекрасно знал, что за ними не кроются даже мало-мальски серьезные намерения. Однако в тот день Геббельса больше, чем когда-либо, занимали размышления о послевоенных временах и о своей судьбе. «В любом случае, – сказал он, – после войны я буду жить спокойно и размеренно. Я целиком посвящу себя литературному творчеству. Достаточно писать всего по одной книге в год, а уж мне-то это будет совсем нетрудно. Наверняка гонораров хватит на то, чтобы жить на широкую ногу, потому что мои книги будут пользоваться колоссальным успехом». Он любил порассуждать о писательском труде вообще и о писателях в частности. По его мнению, все они ленивы по натуре. Он считал, что за последние несколько лет поставил мировой рекорд по количеству написанного, а те, кто довольствовался жалкой парой страниц в день, вызывали в нем презрение.

В то утро у него не было настроения работать. Он постоянно отрывался от бумаг, чтобы поболтать с фрау Габерцеттель. Скорее всего, он хотел отвлечься чем-то от мыслей о катастрофическом развитии событий на фронте. Перед обедом ему пришлось принять группу боевых летчиков, так называемых *Rammjager*, то есть пилотов-самоубийц. Им было приказано таранить вражеский бомбардировщик, если его не удавалось сбить с трех заходов. Перед ним стояли молодые люди в расцвете сил, а он знал, что больше никогда их не увидит. «Поверьте мне, – сказал он, – мне известно, что это такое, когда человек в цвете лет, как вы, добровольно и с открытыми глазами идет на смерть, тем более, если жертва кажется бессмысленной. Я понимаю ваши чувства, мои храбрые мальчики, и я разделяю их. Я часто вспоминаю своего личного секретаря, которого сбили над Критом и чья трагическая гибель стала для меня тяжелым ударом. Он

был моим другом, но сейчас я ему завидую, потому что он встретил смерть в час славных побед германского оружия. Теперь у смерти другое лицо». В течение долгой минуты он хранил молчание, затем шагнул к летчикам, пожал им руки, заглянул каждому в глаза и вскинул руку в гитлеровском приветствии. Когда они вышли и дверь закрылась, он сел за свой стол, обвел сотрудников взглядом и спросил: «Ну как? По-моему, я нашел нужный тон, а?» Все поспешили согласиться с ним.

2

Нескольким днями позже Гитлер нанес визит Геббельсу.

Городская резиденция Геббельса располагалась менее чем в полукилометре от рейхсканцелярии, а окружавшие оба здания сады граничили друг с другом. Тем не менее Гитлер ни разу за много лет не побывал у него в гостях, поэтому в доме поднялся переполох. Геббельс поспешил встретить фюрера у парадного входа в особняк с поднятой в приветствии рукой. Маленькие девочки в лучших воскресных платьицах присели в реверансе перед Гитлером, а тот преподнес Магде букетик ландышей. «Ваш муж закрыл все цветочные магазины, теперь невозможно достать что-либо, достойное вас», – пробормотал он, словно оправдываясь.

Все присутствовавшие – слуги, сотрудники Геббельса, эсэсовцы, замершие в прихожей, – были ошеломлены внешним видом фюрера. Он превратился в старика со слабым дребезжащим голосом, его тело тряслось, а одна нога судорожно подергивалась. За ним следовал слуга с большим портфелем, помеченным буквой «ф» (видимо, «фюрер»), из которого Гитлер извлек термос и небольшой сверток – он принес с собой свой чай и свое печенье. В его визите было что-то призрачное и нереальное. Гитлер медленно отхлебывал чай и время от времени отщипывал кусочки от печенья. Разговор не клеился и грозил вот-вот прерваться. Ровно через полтора часа после своего прихода Гитлер встал, пожал каждому на прощанье руку и пообещал зайти еще раз.

Когда он покинул дом Геббельса, никто не мог вымолвить ни слова. Несомненно, всех посетила одна и та же мысль: насколько болен и насколько жалко выглядит человек, на которого вся нация смотрит как на своего спасителя! Словно пытаюсь развеять мрачные

предчувствия, нависшие над всеми, Магда с наигранным торжеством воскликнула: «А к Герингу он не зашел!»

Семья Геббельс много вечеров проводила в личном бомбоубежище, куда можно было попасть прямо из дома. Покрытые толстым ковром ступени вели вниз на двадцатиметровую глубину. Охрана из СС занимала пост по обе стороны лестницы и оставалась там, пока Геббельс не спускался в убежище. Затем за ним закрывались тяжелые стальные двери. Обычно Геббельс спускался в подземный бункер последним. Он никогда не выказывал спешки, зато его родные опрометью летели вниз при первых звуках сирены. В убежище не проникали звуки снаружи, а когда бомбы падали в непосредственной близости, внутри только вздрагивали вентиляторы на стенах, да по временам на несколько мгновений гас свет.

Если дневной авианалет заставал Геббельса за работой в кабинете, он обычно спускался в подвал министерства пропаганды, где у него были отдельные апартаменты из двух богато отделанных и меблированных комнат. Потолки в них были значительно толще, чем в остальных помещениях бомбоубежища, что весьма показательно для нравов Третьего рейха. Здесь также стояли сейфы с секретными документами лично для министра пропаганды, специальный коммутатор и установка, снабжавшая электричеством все здание.

Когда это было возможно, Геббельс при первом сигнале воздушной тревоги покидал кабинет и спешил домой, чтобы присоединиться к семье. В бомбоубежище он играл с детьми, и даже малыши прислуги допускались к участию в их играх. Геббельс также подолгу беседовал с Магдой. Она никогда не выказывала ни малейших признаков страха. Чем мощнее становились бомбардировки, чем больше времени семье приходилось проводить в бункере, тем лучше, казалось, становились отношения между супругами. Постоянная опасность заставляла смотреть по-новому на их союз. Геббельс казался спокойным, терпеливым, его перестали раздражать шалости детей.

Иногда супруги сидели рядышком, держась за руки. Часто Магда раскладывала пасьянс, а Геббельс, удобно устроившись в кресле, курил и с видимым удовольствием поглядывал на жену. Горькие годы их брака, когда один обманывал другого, ушли в прошлое и были забыты. Возможно, у Геббельса и бывали даже теперь редкие интрижки; что

касается Магды, то нам достоверно известно, что у нее была связь с одним модным в то время художником, но супруги уже не придавали мимолетным романам слишком большого значения: они стали старше и примирились друг с другом. Надо полагать, Магде и в голову не приходило, что она сможет пережить катастрофу – в отличие от жен других нацистских бонз, которые пребывали в полной уверенности, что конец Третьего рейха не отразится на их благополучии и что общее несчастье их не коснется, она ни на что не надеялась.

Ближе к середине февраля Магда обратилась с просьбой к личному врачу Гитлера доктору Теодору Мореллю достать ей быстродействующий яд, что он и сделал. Она не хотела отягощать мужа своими зловещими предчувствиями, но в разговорах с его коллегами высказывалась откровенно. «Я схожу с ума от горя, когда укладываю детей спать и думаю, что через несколько дней они могут умереть», – сказала как-то раз она. Ее твердая решимость умереть потрясала. Пропаганда Геббельса действовала на Магду совершенно безотказно, хотя, возможно, втайне он желал бы обратного результата. Несколько раз он предлагал ей уехать вместе с детьми в западные районы Германии, куда вскоре должны были войти американцы и англичане. Он убеждал Магду, что ее и детей не тронут, но она наотрез отказалась.

Во время вынужденного затворничества в бомбоубежище больше всего Геббельса беспокоила судьба здания министерства пропаганды. Он то и дело звонил по телефону, чтобы выяснить, работает коммутатор или нет, и, если никто не отвечал, он мрачно бормотал: «Наверняка летчики засчитали себе еще одно прямое попадание». Тем сильнее была его радость, когда выяснялось, что ничего страшного не произошло. Министерство пропаганды оставалось едва ли не единственным правительственным зданием, в которое до сих пор не угодила ни одна бомба, хотя берлинцы с радостью сбежались бы посмотреть на руины штаб-квартиры Геббельса – нелюбовь и ненависть к нему росли не по дням, а по часам.

Убедившись, что министерство пропаганды осталось в целости и сохранности, Геббельс успокаивался. Он вполуха слушал офицера связи верховного командования, который докладывал о событиях в Берлине за предыдущую ночь. «Держите свои цифры при себе, все равно они не соответствуют действительности», – порой обрывал он

офицера. В дневнике он записывал: «Люфтваффе не имеет малейшего представления о том, что происходит, все они, вместе с их главарем, тупая и жадная шайка».

На своих совещаниях он выражался о бомбардировках жестко и откровенно: «Давайте больше не будем говорить о воздушном терроризме и запугивании населения. Это общие приемы войны. Поверьте мне, мы бы делали то же самое, будь у нас такая возможность».

3

Такие откровенные высказывания он допускал только в узком кругу своих близких людей. Народу подобные вещи не говорят, народ следует успокаивать. Геббельс помогал обеспечить пищей и одеждой людей, оказавшихся без крыши над головой, и посещал раненых. Когда ему сообщили, что в одном из госпиталей раненые, которых во время бомбежек не могли перенести в убежище из-за их тяжелого состояния, начали вслух протестовать против продолжения войны, он приказал медицинским сестрам ходить от постели к постели и нашептывать несчастным утешительную ложь: «Успокойтесь, потерпите немного. Уже завтра мы пустим в ход новое оружие, его у нас уже много: от «Фау-1» до «Фау-8», и все переменится в нашу пользу».

Геббельсу приходилось ободрять тех, кто, в свою очередь, должен был поддерживать бодрость духа в остальных, то есть своих агентов и окружных партийных лидеров. Большинство из них достигли своего положения, присоединясь к нацистскому движению еще в самом начале. Геббельс напоминал им о тех трудных днях, которые им пришлось пережить вместе с партией, когда, казалось, все уже было потеряно, но затем неожиданно положение изменялось к лучшему. Он говорил им о том периоде, когда из партии вышел Штрассер, и об оглушительной победе на выборах в княжестве Липпе. «Этот небольшой успех, такой незначительный сам по себе, даже ничтожный в сравнении с недавними поражениями, доказал всему миру, что мы еще не сошли с подмостков истории, и сейчас ситуация повторяется». Все слушали его и кивали: они понимали, что он имеет в виду. Им позарез была нужна победа, пусть маленькая, пусть местного значения, но чтобы мир понял: Германия еще живет и борется.

Со временем Геббельс все больше и больше приходил к убеждению, что игра проиграна, и тем сильнее он старался укрепить веру народа в конечную победу Германии. В дело шли любые аргументы. И вот настала пора и Геббельсу хотя бы на несколько мгновений поверить своим надуманным доводам и поддаться соблазну ложной надежды. Словом, Геббельс стал жертвой собственной пропаганды. Это было сравнимо с тем, что он пережил, когда впервые встретился с Гитлером. Тогда он словно забыл о присущей ему способности критически мыслить и все подвергать сомнению. Тогда он всем своим существом предался чистой и наивной вере, сейчас им снова овладело непреодолимое желание верить.

Судьба Фридриха Великого, в которой так часто искал опору Геббельс, теперь должна была спасти его самого. В статье «Учиться у истории» он писал: «Снова и снова я убеждаюсь, что чтение писем и записок Фридриха Великого или глав о Второй Пунической войне из «Римской истории» Моммзена придавало мне сил в самые тяжелые минуты войны».

Он это говорил не ради пропаганды. По мере того как день ото дня ухудшалась военная обстановка, Геббельс все с большей страстью верил, что «у истории должен быть смысл», что даже из такого затруднительного положения должен быть какой-то выход, потому что, если Германия падет, «история окажется на поверку обыкновенной шлюхой».

Он уже начал смотреть на себя как на историческую личность. Он писал: «Ни Александр, ни Фабий, ни Сципион, ни Цезарь, ни один из наших германских императоров и ни один из великих прусских королей не поступил бы в подобном положении иначе, чем мы, и не поддался бы сокрушительной ярости врага». После просмотра фильма «Кольберг», посвященного сопротивлению Германии наполеоновскому нашествию, он сказал газетчикам, что через сто лет снимут другой фильм — фильм о героизме защитников Берлина, — и сейчас самое время каждому внести свою лепту в будущий сюжет, и от каждого зависит, будет ли этот фильм пользоваться успехом. Кстати, одного из его секретарей покорили его слова. «Вряд ли стоит погибать на войне, чтобы через сто лет тебя на экране сыграл молчаливый статист», — с горечью сказал секретарь своему другу.

Во время совещания Геббельс говорил: «Волею судьбы мы вышли на историческую сцену, поэтому должны думать и поступать в соответствии с предназначенной нам ролью, с полным сознанием своего величия. Никто не отнимет у нас наше право оставить свой след в истории».

Но какой след? Как-то раз, в первые годы гитлеровского правления, Геббельс сказал, что мир будет потрясен до основания, если нацисты уйдут с исторической сцены. Возможно, в то время его слова были не более чем красивой фразой, в то время он вряд ли допускал, что обстоятельства примут такой оборот. Но стоило ли ради этого платить человеческими жизнями? Неужели ему было радостно сознавать, что половина мира объята пламенем, чтобы дать нацистам возможность эффектно уйти со сцены? Да и была ли необходимость уходить с нее таким образом? Неужели выбора не было? Очевидно, что генерал разбитой армии обязан сдаться, но Геббельс не был генералом. У него не было ни танков, ни самолетов, ни концентрационных лагерей, его сила не была материальной в своей основе, ее нельзя было отнять, разрушить, обратить в бегство или рассеять. Его сила таилась в его интеллекте, в способности и умении убеждать и подчинять своему влиянию души и умы людей. Так неужели он не мог ничего сделать, чтобы сохранить свое влияние и после смерти? Разве мир не знал множества примеров, когда мысль, идея не могла быть подавлена грубой силой и оружием и оставалась вечно живой?

Но должен ли был Геббельс уйти со сцены?

«Он украдкой и очень внимательно вглядывался в будущее поколение, — признавал Фрицше, когда рассказывал о последних месяцах войны. — Если вы хотите понять все, что он писал накануне поражения, не забывайте об этом».

Именно в заключительном акте гитлеровской трагедии началась пропагандистская кампания, которая состояла из двух основных частей: тактической, направленной на ближайшие задачи, и стратегической, преследовавшей более отдаленные цели. Первая требовала продолжения войны, потому что каждый день, выигранный в смертельной схватке, давал Провидению еще одну возможность совершить чудо и спасти Германию, но, если чуда не произойдет, если

надвигающуюся катастрофу ничто не остановит, он, Геббельс, останется жить даже после смерти.

Разумеется, он останется жить не во плоти, а в виде идеи, и это произойдет благодаря его пропаганде. Для этого ему необходимо создать нечто вроде «дальнобойной» пропаганды, которая будет черпать энергию в себе самой и которую не потребуется направлять в нужное русло, когда его уже не будет на свете. Он должен произвести пропагандистский выстрел, а летящий сквозь годы снаряд когда-нибудь взорвется.

Вот так Геббельс и изобрел пропагандистскую бомбу замедленного действия.

4

Если вдуматься, он не изобрел ничего нового. Любая философия, любая религия исходят из предпосылки, что их влияние не кончится со смертью их создателя. По крайней мере, все мировые религии только укреплялись с течением времени.

Однако этим их сходство и ограничивается.

В отличие от отцов христианства или марксизма – назовем лишь две философские системы мировоззрения – зачинатели национал-социалистического движения, которое, по сути, не было философией в строгом смысле этого слова, достигли власти еще при жизни. Они были хозяевами положения и сделали свое учение ценным в глазах многих, но затем сами же его опорочили, приведя страну к краху. Не приди Гитлер к власти, Геббельс мог бы пророчить, что со временем мир осознает величие идей национал-социализма и уверует в их истинность. Но находившаяся у власти партия нацистов послала на смерть миллионы людей и погубила Германию, поэтому пророк от нацизма не имел возможности обещать расцвет своего учения в будущем. Он даже не мог вести обычную пропаганду в надежде на то, что посеянные им семена дадут всходы, поскольку он сам был одним из тех, чьими стараниями нацистская идеология оказалась опороченной на все времена. Все те, чьи имена были связаны с крахом нацистского режима, теряли в глазах потомков право на доверие и уважение.

Идеи нацизма оказались несостоятельными, и, следовательно, вряд ли их пропаганда могла повлиять на умы последующих

поколений. Надежды отцов христианского учения на то, что среди потомков найдется немало ревностных последователей, оправдались целиком и полностью. Но Геббельс не мог тешить себя подобной надеждой. Если он хотел сохранить свое влияние на людей и после смерти, то необходимо было сделать так, чтобы будущие приверженцы нацизма и не догадывались о его нынешнем замысле.

Непременным условием и главной особенностью бомбы замедленного действия, без которых она не произведет никакого эффекта, является то, что никто не должен знать, где она заложена и когда должна взорваться.

Поэтому Геббельсу предстояло не открыто пропагандировать идеи нацизма, а тайно распространять их, чтобы в будущем новое поколение оглянулось вокруг и сказало себе: «А ведь он был прав!» Геббельс должен был стать пророком. Но стать им было очень сложно. Предсказать развитие событий в Германии было нетрудно. Надо было заглянуть дальше. «Если война окончится победой наших противников, немцам будет суждено стать рабами для всего мира на непредсказуемо долгое время... История не знает жалости к побежденным народам... Что толку в уцелевших от бомб городах, если люди в них будут влачить рабское существование?»

Конечно, в его предсказании на поверхности лежал призыв к продолжению борьбы, чтобы любой ценой избежать ужасного будущего. Но в действительности Геббельс просто констатировал факт и обращался к потомкам. Он не только понимал, что Германии придется пройти через страдания, он также знал наверняка, что ухудшение положения в стране станет тем фоном, на котором гитлеровский режим будет выглядеть иначе. Когда люди окажутся в невыносимых условиях, они с тоской вспомнят старые добрые времена и то, как они жили при нацистах. Вот тогда и придет пора взорваться его бомбе замедленного действия.

«После нас хоть потоп!» Так почему бы не предусмотреть потоп заранее? Геббельс смотрел на происходящее с очень своеобразной точки зрения: чем разрушительнее становятся бомбардировки союзников, тем лучше. Гибли ценнейшие памятники истории: церкви, замки, дворцы, — но у людей была одна забота — выжить. Большинство немцев все же понимало, что в безжалостной воздушной войне неприятель не имел никакой возможности щадить исторические

здания. Разумеется, Геббельс признавал, что союзники в первую очередь хотят вывести из строя военную промышленность и коммуникации Германии. Но это не мешало ему заявлять, что они намерены стереть с лица земли всю вековую культуру немцев. В то время обыватель был слишком озабочен своей судьбой, чтобы обращать внимание на его слова. И только потом, когда ночной вой сирен забудется, люди вспомнят его слова и скажут: «А ведь он был прав!»

Предусмотреть потоп заранее... Если бы мнение Геббельса что-то значило, обстоятельства не сложились бы так плохо не только для Германии, но и для всей Европы. Но теперь обстоятельства таковы, что все более поздние сравнения будут говорить в пользу гитлеровского режима.

Геббельс никогда не питал иллюзий по поводу отношений русских с их западными союзниками. Черчилль был одним из самых непримиримых противников коммунизма. Можно предполагать, что разведка Германии узнала в свое время о том, как Черчилль пытался убедить своих американских друзей произвести высадку войск на Балканах. Можно также предполагать, что он хотел оккупировать Балканы, чтобы помешать русским распространить свое влияние на запад от их границ. Скорее всего, Геббельсу было известно и то, что Черчилль настойчиво убеждал американцев первыми вступить в Берлин.

На Ялтинской конференции союзники уступили Советам Берлин и большую часть Германии. Нам неизвестно, знал ли Геббельс об этом пункте соглашения. В любом случае он понимал, что договор, подписанный в Ялте, – вещь весьма взрывоопасная. В своей очень примечательной статье «2000 год» он заложил немало бомб замедленного действия, чтобы в нужное время они сработали; он упрямо доказывал, что рано или поздно союзники передерутся между собой. Приведем несколько цитат из статьи:

«На Ялтинской конференции три вождя наших противников решили сохранять оккупацию Германии до двухтысячного года, поскольку этого требует их программа полного уничтожения германской нации. Нельзя не признать, что проект задуман с размахом...»

«Из этих трех шарлатанов по меньшей мере двое начисто лишены мозгов, а вот третий, то есть Сталин, заглядывает вперед намного

дальше, чем его сообщники... Если немецкий народ сложит оружие, Советы захватят в дополнение к большей части Германии весь восток и юго-восток Европы. Перед громадной территорией упадет железный занавес... Вся остальная часть Европы будет ввергнута в политический хаос, что явится прелюдией к приходу большевизма...»

«На выборах 1948 года Рузвельт потерпит поражение, а вместо него президентом Соединенных Штатов станет республиканец, который будет проводить политику изоляции. Скорее всего, первым делом он отзовет американские войска подальше от бурлящего котла Европы, а весь американский народ будет с восторгом приветствовать его решение...»

Геббельс также предсказывал Третью мировую войну, в которой Россия победит Великобританию, в результате чего Англия станет коммунистической страной, а «железный занавес» отрежет от мира всю Европу еще на пять лет. За ним будут скрытно идти лихорадочные приготовления к войне.

«Затем, — писал он, — начнется генеральное наступление на Соединенные Штаты». Далее он продолжает: «Западное полушарие окажется в смертельной опасности. США будут проклинать тот день, когда на Ялтинской конференции президент, чье имя уже забыли, заложил возможность такого развития событий...»

«Где те времена, когда слово Великобритании было весомым и значимым в международной политике? Можно только посмеяться над тем, что британский премьер— министр наивно предполагает руководить политическим и социальным устройством рейха вплоть до 2000 года. В течение предстоящих десятилетий Англии хватит совершенно других забот... она будет отчаянно бороться за то, чтобы сохранить хотя бы толику того могущества, которым она некогда обладала на всех континентах».

Эти выдержки из статьи показывают, что Геббельс был неплохим оракулом, однако главное не в том, что он весьма проницательно видел, как будут развиваться события, а в том, что его предсказания преследовали только одну цель: чтобы последующие поколения помнили, что «он всегда знал, что произойдет в будущем».

Еще более важное значение имеет подтекст его предсказаний: если бы люди прислушивались к Гитлеру, история могла бы пойти иным путем. «Можно себе представить другое развитие событий, но

теперь слишком поздно. Фюрер не раз посылал в Лондон свои предложения в многочисленных меморандумах еще за месяц до начала войны. Он предлагал согласовать германскую и британскую политику исходя из принципа, что Германия признает превосходство Англии на море, но, в свою очередь, требует предоставить ей безраздельное право обеспечивать порядок на суше, чтобы две великие нации могли сохранить мир во всем мире... При таких обстоятельствах большевизм можно было бы сдержать в рамках одного уже существующего государства».

Он нашел нужные слова, чтобы красочно описать опасность, нависшую над всем миром. Не случайно выражение «железный занавес» вошло в наш обиход, и это только одно из изобретенных им крылатых слов. Так, например, в оккупированной русскими зоне Германии коммунистическая партия взяла на вооружение нацистский лозунг: «Кто не с нами, тот против нас!»^[118] О большем Геббельс и не мог мечтать, ведь именно к этому он и стремился – чтобы люди повторяли его слова и мысли и говорили: «Так сказал Геббельс!»

Он предчувствовал, что так и будет, поэтому и сказал фрау Габерцеттель: «Только после моей смерти люди поверят мне».

5

Из-за недостатка газетной бумаги выпуск «Ангрифф» пришлось приостановить. Геббельс уже годами ничего не писал для своей первой газеты. Со временем она стала рупором главы Трудового фронта Роберта Лея, к которому Геббельс не питал ни малейшего уважения. Тем не менее он тяжело переживал исчезновение со сцены своего детища, созданного когда-то с таким трудом.

Он вынужден был притворяться, что верит в победу Германии. «Наш реальный шанс – последнее сражение, – писал он. – Нацию, которая решила пойти на самые крайние средства в борьбе за свое существование, никто не победит». Но что он подразумевал под «самыми крайними средствами»? Может быть, чудо-оружие? Геббельс никак не мог преодолеть свою давнюю настороженность к оружию возмездия, и это мешало ему использовать этот козырь в своих речах и статьях. Он с большой неохотой разрешил своим партийным пропагандистам объявить людям, что оно будет применено едва ли не со дня на день. И все же для распространения ободряющей новости

была развернута целая кампания. Однажды в разговоре он заметил, что людям необходимо оказывать моральную поддержку, а затем стал развивать свою мысль: «Никто не посмеет упрекнуть нас в распространении лжи и никто не посмеет пригвоздить нас к позорному столбу за пустые обещания, потому что мы их не давали».

Но его очень тревожил тот факт, что его пропаганда постепенно сворачивает на ложный путь. Когда во время совещания кто-то сослался на чудо-оружие, он буквально вышел из себя: «Да поймите же вы, наконец, что у нас ничего не осталось в запасе! Чудодейственного оружия не существует!»

Совершенно очевидно, что Геббельс видел спасение Германии не в последнем сражении, а в ссоре союзников. Он действительно рассчитывал на это. Своим ближайшим сотрудникам он как-то признался в доверительной беседе, что теперь войну можно выиграть только политическим путем, конечно, при том условии, что Германия останется достаточно сильной в военном отношении, чтобы с ней считались. «Разумеется, если мы еще будем живы. Впрочем, мы должны выжить, хотя истекаем кровью и силы наши на исходе».

Его убежденность основывалась на том, что Британию, как всегда, больше всего беспокоил баланс сил в Европе. «Можно с уверенностью сказать, что чем дальше в Европу проникает большевизм, тем больше у нас шансов прийти к соглашению с Западом. Я имею в виду политическое соглашение, за которым последуют переговоры о мире на приемлемых условиях. Если нам удастся задержать неприятеля на западе, в то время как русские все дальше продвигаются вперед, Англия встанет перед выбором: либо Европа будет большевистской, либо национал-социалистической. Третьего не дано. Следовательно, Англии придется выбирать из двух зол, а национал-социализм, несомненно, является для нее меньшим злом. Однако все наши доводы будут бесполезны, если мы не остановим противника на западе».

С точки зрения нациста, такой подход виделся весьма разумным. Однако будущего у него не было, так как наступление неприятеля на западе остановить было невозможно. Примечателен тот факт, что и это явилось результатом геббельсовской пропаганды.

Несколько месяцев кряду по радио и в газетах звучало: «Не пустить русских на землю Германии!» Изо дня в день людям

живописали ужасы, которые их ждут, если в страну ворвутся русские. Геббельс не упускал даже малейшей возможности, чтобы лишний раз подчеркнуть жестокость врага. На своих совещаниях он открыто признавался в том, что сознательно преувеличивает и переиначивает факты. «Совершенно не важно, что мы откровенно лжем, когда говорим, что советский солдат Иван Иванович только грабит, убивает и насилует. Важно другое – мы должны вбить в сознание немецкого народа, что под игом русских его ожидает страшная судьба. И мы будем продолжать работать в этом направлении, пока каждый немец не поймет, что лучше погибнуть в бою, чем сдаться и оказаться в руках восточного противника».

15 марта 1945 года германская пресса опубликовала сообщение, которое может служить образцом такого рода пропаганды. В заметке говорилось, что все мужское население городка Ольс в Силезии было отправлено оккупационными войсками на принудительные работы. И куда же? В Сибирь! Газеты не утруждали себя доказательствами. И даже если бы это было правдой, то разве сами немцы не превратили людей на захваченных землях в бесправных рабов? Но те, кто направлял нацистскую пропаганду, настолько хотели представить русских жестокими поработителями, что им и в голову не пришло провести столь очевидную параллель, и предоставили сделать сравнение самим немцам.

Последствия кампании, которая подкреплялась сфабрикованными фотографиями избитых женщин и детей, искалеченных тел и другими фальшивками в том же роде, оказались противоположными тому, что ожидал Геббельс. Население тех областей Германии, которым угрожало вторжение русских войск, охватила паника, и миллионы мирных жителей бросились бежать, запрудив дороги и мешая передвижению своих же войск и организации обороны. Запуганные предстоящим вторжением русских иванов немцы сделали еще один вывод, который привел к полному провалу кампании Геббельса: большинство из них, в том числе и солдаты, решили, что при сложившихся обстоятельствах лучше не оказывать сопротивления американцам и англичанам и позволить им войти в страну. Но Геббельс как раз считал, что для Германии жизненно важно остановить наступление с запада, пока союзники не «проявят здравый

смысл» — он действительно надеялся выиграть войну «политическим путем».

Оказавшись в затруднительном положении, Геббельс нашел единственный выход — точно так же живописать зверства западных союзников. Поворот в направлении кампании был произведен буквально мгновенно, без какой-либо психологической подготовки народа. Теперь западные армии представлялись как орда гангстеров, негров и евреев, которых обуяло желание уничтожить всех немцев или, по меньшей мере, стерилизовать их. Невероятная чушь подавалась проверенным методом нацистской пропаганды, то есть путем раздувания фактов. Например, министерство пропаганды получало довольно безобидное сообщение о том, что «в деревушке *N* пять или шесть негров вели себя непристойно, перебрав на празднике по поводу ее захвата». Двумя часами позже германское радио подавало слушателям гигантских размеров мыльный пузырь: «Полторы сотни негров самой отвратительной наружности ворвались в мирную деревушку *N* в долине Рейна и изнасиловали всех местных жительниц, которые не успели убежать или спрятаться. Это значит, что и западный и восточный противники обращаются с мирным населением совершенно одинаково».

Такого рода фальшивки стряпались слишком поспешно и небрежно, чтобы производить впечатление достоверности. Рассказы о зверствах солдат западных армий до такой степени подорвали доверие немцев к пропаганде Геббельса, что им даже жестокость русских стала казаться преувеличенной. Реальные случаи изнасилований, подкрепленные свидетельствами и документами, тоже казались ложью. Стоило министерству пропаганды сообщить о каком-либо случае грубого обращения русских с беззащитными гражданами, как в нем тут же начинали подозревать стряпню пропагандистов. Геббельс стремительно терял свой престиж.

Словно по иронии судьбы, именно тогда, когда в людях появился здоровый скептицизм, по Германии поползли самые фантастические слухи, распространявшиеся фанатичными приверженцами гитлеровского режима, которых Геббельс и на пушечный выстрел не подпускал к своей пропаганде. Люди шепотом передавали друг другу нелепые истории о новых бомбах, от взрыва которых повышалось давление воздуха и у человека лопались легкие, о веществах, которые

замораживали все вокруг в радиусе нескольких километров и убивали все живое.

Немецкий народ ничему не верил и в то же время верил чему угодно. В таких условиях пропаганда стала рискованным делом.

6

Фронт стремительно приближался к границам фатерланда. Погода стояла на редкость холодная. Реки и озера замерзли, проселки обледенели и превратились в твердые дороги, благодаря чему танки могли продвигаться безостановочно. Из сводок германской армии исчезли названия населенных пунктов на чужих языках, их заменили хорошо знакомые немецкие города и деревни. Впервые за сто с лишним лет война пришла на землю Германии. Большинство гауляйтеров, обязанных защищать вверенные им округа, позорно бежали при первых отдаленных звуках русской канонады, передоверив героическую защиту городов гражданскому населению.

30 января, ровно через двенадцать лет с того дня, как нацисты пришли к власти, Гитлер назначил министра пропаганды Геббельса «защитником Берлина». Это было первым признаком того, что Берлину, колоссальному городу с тысячами зданий и миллионами жителей, с территорией около тысячи квадратных километров, грозила опасность осады. Его не защищали ни горы, ни широкие реки, и его оборона была в руках штатского.

Жители Берлина и даже узкий круг посвященных недоуменно спрашивали, почему на роль «защитника» был выбран Геббельс. Официальная версия гласила, что он является гауляйтером Берлина, что он в свое время «покорил» город, а потому ему и было доверено защищать столицу. Однако в действительности Гитлеру был необходим человек, на которого он мог полностью положиться. После 20 июля 1944 года генералам уже нельзя было довериться, но фюрер твердо знал, что Геббельс никогда его не предаст.

Со всей энергией Геббельс взялся за порученное ему задание. Он окружил себя группой военных советников, среди которых был и генерал Рейман, ежедневно посещавший его по утрам перед совещанием. С самого начала Геббельс понимал, что ему преимущественно придется полагаться на собственный здравый смысл. Прежде чем вникать в военные аспекты обороны, он

позаботился о том, чтобы население города не стало, как это обычно бывает при осаде, голодать. «Приняты меры к тому, чтобы весь скот, находящийся в окрестностях Берлина, был доставлен в город, – сообщал он. – Таким образом, мы сможем продержаться на имеющихся запасах около одиннадцати недель».

Он все больше входил в роль солдата. Он не стал облачаться в военный мундир – пусть этой «привилегией» тешит себя Геринг. Но он носил кожаный плащ военного покроя и офицерскую фуражку без кокарды. Он часто бывал на восточном фронте, который уже находился в двух-трех часах езды от столицы, несмотря на опасность, он отказывался остановить машину, даже если вражеские самолеты переходили на бреющий полет, чтобы расстрелять мчавшийся по шоссе автомобиль. Он подъезжал едва ли не к передовой и излишне рисковал жизнью, чтобы произвести впечатление на военных, – он хотел показать им, что прихрамывающий штатский человек невысокого роста превосходит их в храбрости.

Он не упускал возможность сделать в дневнике унижительные замечания в адрес генералов. «Все они находятся на грани душевного истощения и внутренне уже отказались от сопротивления. Фюрер остался практически один. Снова и снова он вынужден тратить свое драгоценное время и силы, чтобы привести в чувство выдохшихся генералов». Тем более сильное впечатление произвели на него русские офицеры. Однажды он изучил досье некоторых генералов Красной Армии и воскликнул: «Как их офицеры отличаются от наших! Почти все русские генералы – выходцы из крестьян, это здоровые, честные и неиспорченные люди, поэтому я не удивляюсь их успехам». Геббельс по-прежнему считал себя потомком крестьян.

«Если мы проиграем войну, то главным виновником этого будет Геринг», – не раз говорил он с растущей горечью. Его крайне задевало, что Гитлер упорно не соглашался удалить от себя Геринга. Но он не оставлял попыток переубедить фюрера. Он объяснял ему, что из-за Геринга офицеры люфтваффе совершенно разложились, что Геринга необходимо не просто удалить, его следует арестовать и казнить. Измученный фюрер только отвечал, что у него нет замены министру авиации, и начинал говорить о неких принципах германской верности, поскольку иных аргументов в пользу Геринга у него не было.

Другим объектом острой неприязни Геббельса был рейхсминистр вооружений Альберт Шпеер. Он уже давно подозревал, что Шпеер подтасовывает данные о производстве военной техники и тем самым выставляет его, Геббельса, на посмешище в глазах немецкого народа. Однако при каждой личной встрече Шпееру удавалось убедить Геббельса в том, что делается все возможное и невозможное, чтобы увеличить производство вооружения. Когда, наконец, Шпеер признал, что положение в военной промышленности безнадежно, Геббельс впал в крайнее раздражение и обозвал его пораженцем. «Шпеер никак не может понять, что у нас нет иного выбора, что мы не можем уйти со сцены и должны сражаться, чего бы это ни стоило».

Всех тревожил один вопрос: как организовать оборону Берлина? Будет ли лучше стянуть все наличные войска и боевую технику к Одру, чтобы удерживать фронт как можно дальше от столицы, или же использовать часть сил для создания оборонительного кольца в непосредственной близости от города? Сам Геббельс склонялся ко второму варианту, но согласился с Гитлером, когда тот счел его план слишком рискованным.

Германская армия, то есть генералы, предлагали сдать Берлин и отступить в южном направлении, например в район Берхтесгадена. Гиммлер также считал такое решение единственно разумным. По словам Фрицше, схватка между ними велась по телефону в течение многих дней. Наконец, возобладала точка зрения Геббельса.

Когда генералы узнали, что Геббельс намерен защищать столицу без помощи армии, они буквально разинули рты от изумления. «Защитник Берлина» собирался положиться исключительно на силы фольксштурма. В течение нескольких дней военнопленные и жители Берлина, в том числе и женщины, рыли траншеи вокруг города, а окрестные поля и дороги, ведущие к столице, были заминированы. В срочном порядке строились новые аэродромы, в местах пересечения наиболее важных магистралей и перед мостами появились противотанковые рвы и заграждения.

Генералы и остальные члены кабинета министров недовольно покачивали головой. В дом Геббельса без доклада явился Шпеер и пытался отговорить его от безумной затеи отстоять Берлин силами фольксштурма. Геббельс оставался непреклонным. Он не мог доверять генералам, которые хотели бросить Берлин на произвол судьбы. Он

упрямо твердил, что если дела пойдут плохо и противнику удастся ворваться в город, то он предпочитает сражаться до последней капли крови. В середине февраля он объявил немецкому народу о своем решении по радио. Он опроверг слухи о том, что находится в состоянии нервного срыва и якобы собирается бежать из города. Напротив, он работает день и ночь, создавая и укрепляя систему обороны Берлина.

Берлинцы с недоверием наблюдали за приготовлениями, которые шли безостановочно уже несколько недель. Сначала они всего лишь с опаской посматривали на траншеи и баррикады, а потом, к своему ужасу, поняли, что Геббельс собирается вести войну практически в самом центре города. Ничто другое не могло вызвать у них такой злобы. Геббельса буквально завалили письмами с угрозами повернуть против него оружие, которое он сам же и велел выдать ополчению. Тем временем жизнь в Берлине постепенно замирала. Весь транспорт сократил время работы, электрический свет подавался в дома нерегулярно, пошли слухи, что будет также сокращена подача воды. В то время как подготовка к обороне продолжалась усиленными темпами, противник продолжал бомбить город, но теперь берлинцы часто не знали, когда начнется авианалет, так как установки с сиренами вышли из строя.

Люди второпях укладывали вещи в сумки, хватали одеяла и скудный запас продуктов и мчались в подвалы и бомбоубежища, когда над городом уже ревели вражеские бомбардировщики.

В тот день, когда сообщили о назначении Геббельса «защитником Берлина», он потерял последние симпатии его жителей.

7

Геббельс не больше генералов знал, каким образом можно было защитить Берлин. Но между ним и военными была существенная разница. И состояла она в том, что атмосфера всеобщего отчаяния и беспомощности не заставила его опустить руки и покориться судьбе, наоборот, она лишь усиливала его ярость и решимость сопротивляться.

День и ночь он напряженно искал способ, как положить конец постоянным воздушным налетам противника. После того как Дрезден был практически стерт с лица земли, он, по свидетельству Якобса, заявил, что Германия должна денонсировать Женевскую конвенцию.

«Если считается допустимым всего за два часа убить сто тысяч мирных жителей, значит, конвенция потеряла всякий смысл. Мы не в состоянии защититься от беспощадных бомбардировок врага. В нашем распоряжении есть только одно средство: сообщить ему, что налет на Дрезден стоил жизнистам тысячам наших невинных граждан, большинство из которых женщины и дети. Довольно! Если враг проявляет бесчеловечную жестокость, у нас больше нет причины соблюдать Женевскую конвенцию. За каждого мирного жителя, убитого во время бомбардировок немецких городов, мы будем расстреливать такое же число английских или американских военнопленных. Как знать, вдруг это поможет?» Геббельс подчеркивал, что его слова должны остаться в секрете и что их ни в коем случае никому нельзя передавать. На следующий день он обратился со своим предложением к Гитлеру, и тот в целом с ним согласился, но захотел проконсультироваться с экспертами, прежде чем принять окончательное решение.

Четыре дня спустя Геббельс вошел в кабинет для совещаний бледный и взбешенный. «Прежде чем приступить к текущим вопросам, я хотел бы кое-что вам сообщить, — сказал он. — Иностранной прессе уже известно, что Германия рассматривает возможность отказа от Женевской конвенции. Господа! Я говорил об этом вслух один-единственный раз, в тесном кругу тех, кто сейчас сидит на совещании! — Вдруг он сорвался на крик: — Среди нас есть предатель! Уж вы поверьте, я его найду, и тогда сам Господь его не спасет! Я не предаю его военно-полевому суду — я задушу его здесь, в этой комнате, своими руками!»

Предатель сидел рядом с Геббельсом. Это был его пресс-секретарь доктор Рудольф Земмлер, который намекнул об истории с конвенцией одному шведскому журналисту. Но Геббельсу не удалось найти виновного. Через два дня он сообщил своим сотрудникам, что никто из министерства пропаганды не мог совершить столь позорный поступок. «Такое невозможно даже представить», — сказал он.

Однако из Лондона последовал строгий окрик. Германию предостерегали от любых нарушений Женевской конвенции, что до смерти напугало Риббентропа, который бросился отговаривать Гитлера. «Ну конечно, Риббентроп категорически против, — рассказывал Геббельс. — Чего еще другого можно было ожидать от

этого растяпы?! Но и вермахт ничем не лучше – все проголосовали за соблюдение конвенции и посоветовали фюреру быть сдержаннее». И он тотчас начал диктовать Якобсу меморандум для Гитлера и просил в нем фюрера принять самостоятельное решение перед лицом смертельной опасности. Однако на Гитлера произвело впечатление единодушие тех, кто высказался в пользу соблюдения конвенции.

И все же, несмотря на свою склонность к репрессивным мерам, Геббельс надеялся на политический путь выхода из войны, как он говорил своим сотрудникам: «Пора сесть за стол переговоров». Гитлер соглашался с ним, но считал, что основой для переговоров должно стать какое-либо выигранное сражение. Иначе говоря, Гитлер еще питал иллюзии, тогда как Геббельс отдавал себе отчет в том, что военных успехов больше не будет.

Поэтому он не оставлял своих попыток переубедить Гитлера, он даже связывался с коллегией министерства иностранных дел через голову Риббентропа.

Сотрудники министерства иностранных дел были прекрасно осведомлены о напряженных отношениях между союзниками и лихорадочно искали способы подлить масла в огонь. Геббельс пытался сдержать их. «Мы совершим ошибку, если будем торопить события, – говорил он. – Пусть хрупкие ростки недовольства подрастут и окрепнут без нашей помощи. Они лучше развиваются под солнцем, чем при свете керосиновой лампы. Когда-нибудь, если мы позволим их взаимному недоверию созреть, динамит, скопившийся за это время, внезапно взорвется, и тогда наступит наш час. Конечно, если Германия еще будет существовать, если мы еще будем активно участвовать в мировом процессе и с нами будет нельзя не считаться».

К середине февраля 1945 года Геббельсу сообщили, что коалиция союзников продержится от силы три-четыре месяца. Открытым оставался вопрос: будет ли народ Германии все еще стоять на ногах, когда наступит долгожданный час ее крушения, или уже будет поставлен на колени.

8

В течение первых недель 1945 года в здание министерства пропаганды угодило несколько бомб. Сначала одна, неразорвавшаяся, упала на задний двор, где была стоянка автомобилей, а несколько

зажигательных бомб опустились на крышу, однако причинили незначительный ущерб зданию. Затем, 4 февраля, прямо перед фасадом министерства взорвалась авиационная мина. Ударная волна выбила все стекла и частично повредила комнаты, которые занимал Геббельс и его ближайшее окружение. Геббельс распорядился, чтобы прислали военнопленных и немедленно устранили все повреждения. Военнопленные были вынуждены работать и днем и ночью. Вместе с тем сотрудникам было приказано не прекращать работу. Если им не удавалось найти свободное место в подвале министерства, они волею-неволей оставались на своих рабочих местах, где не было ни дверей, ни окон, и работали, кутаясь в пальто и одеяла. Работа продолжалась среди кирпичных обломков под непрерывный грохот, неизбежный при ремонте. В течение двух недель все повреждения были устранены.

Около семи часов утра 23 февраля в министерство пропаганды угодила еще одна бомба. На этот раз она попала прямо в канцелярию Геббельса и разрушила весь фасад здания. Через десять минут после взрыва Геббельс прибыл на место, осмотрел разрушения и, молча повернувшись, отправился домой.

Он был смертельно бледен, было заметно, что он потрясен. «Кажется, восстанавливать что-либо нет никакого смысла, – сказал он. – Разрушения слишком велики. Думаю, мы ограничимся разбором завалов».

Чуть позже он распорядился, чтобы начальники департаментов, среди которых был и Фрицше, разместились в подвале, тогда как он сам и его ближайшие помощники – доктор Науман, Инге Габерцеттель, Отто Якобс и Инге Гильденбранд – перебрались в резиденцию Геббельса, чтобы быть всегда рядом и выполнять наиболее ответственные поручения.

Новость о разрушении министерства пропаганды распространилась по городу со скоростью лесного пожара. Однако теперь людей тревожили другие заботы. Шепотом передавали друг другу, что русские танки уже в пятидесяти – шестидесяти километрах от Берлина и, возможно, ворвутся в город уже в эту ночь. Темнота окутала Берлин, и наступила полная тишина.

Той ночью ничего не произошло. Утренние газеты сообщили, что непосредственной опасности прорыва русских войск в Берлин еще нет. Тем не менее люди воздвигали на улицах баррикады: опрокидывали

набок громоздкие мебельные фургоны и трамваи, блокировали подходы к главным магистралям и мостам. Только теперь жители Берлина начали осознавать, насколько они беззащитны. В час, когда всех охватил страх и отчаяние, родилась типично берлинская острота: «На штурм наших баррикад у русских уйдет ровно час и одна минута. Они будут час смеяться до упаду, а потом разберут их за минуту». Этой горькой шуткой берлинцы прощались с Гитлером. Его режим настолько опорочил себя, что стал просто смешным. И снова все вокруг погрузилось в тишину. Казалось, никто не спешил бежать от опасности. Город выжидал. Даже страх улетучился. Телефоны больше не работали, света практически не было, а радио большей частью молчало. Лишь изредка из него звучали призывы Геббельса к населению, в которых говорилось одно и то же: «Мы защитим Берлин! Берлин останется немецким!» Но берлинцам его призывы уже надоели.

9

«Уж лучше бы я потерял свой дом и все имущество. – Геббельс подошел к окну и, задумчиво глядя на разрушенный Берлин, продолжил: – Что бы ни случилось с Германией, немцы, которых мы воспитали, справятся со всеми трудностями. Я убежден, что в скором времени из-под руин немецких городов пробьются ростки новой жизни. В подвалах откроются новые театры и рестораны, а среди разрушенных домов снова зазвучит симфоническая музыка». Сотрудники принесли папки с документами, которые они отыскиали под обломками своих бывших кабинетов. Геббельс спросил у них, много ли зевак пришло поглазеть на развалины здания на Вильгельмплац. Ему ответили, что на улицах пусто. «Раньше они часами стояли перед зданием, чтобы только увидеть меня на балконе, – сказал Геббельс с грустной улыбкой. – Раньше я получал корзины писем от восторженных поклонников. Раньше...»

Потом, оставшись наедине с Инге Габерцеттель, он вдруг сказал: «А знаете, я хотел бы, чтобы мне снова было тридцать лет и чтобы я мог все начать сначала. Я бы все сделал иначе». Когда она спросила, что именно он сделал бы по-другому, Геббельс ответил: «Я бы не связался в политику». Затем он спросил, насколько большой ущерб нанесен зданию министерства пропаганды и удалось ли рабочим

справиться с завалами. «Почему бы вам не пойти и не посмотреть самому?» – спросила его фрау Габерцеттель. В ответ он только покачал головой.

Министерство пропаганды располагалось всего в трехстах метрах от его дома. Больше он никогда его не увидит.

Глава 4

Рождение легенды о Гитлере

1

Резиденция Геббельса погрузилась в тишину. Все разговаривали вполголоса, дети ходили на цыпочках; по выражению одного из помощников Геббельса, это было похоже на старые добрые времена немых фильмов.

Нервы у Геббельса были натянуты до предела. Он не выказывал страха, когда с ревом приближались тяжелые бомбардировщики, но непрерывные налеты легких самолетов выводили его из равновесия. «Москиты» противника один за другим налетали на город, разрушений они причиняли немного, но их постоянное присутствие в небе никому не давало покоя. Не проходило и дня, чтобы в доме не случалась какая-нибудь неприятность, и это тоже действовало раздражающе. Иногда вдруг отключалось электричество, дневной свет не проникал в комнаты, так как большинство окон было закрыто картоном. Приходилось зажигать свечи, и их пламя, дрожавшее на ветру, который проникал сквозь щели, бросало вокруг судорожные мрачные отблески.

В подвале дома один из сотрудников переснимал страницы дневника Геббельса на микроплёнку, уменьшая их до размера почтовой марки. Теперь в случае опасности их можно было легко спрятать в надежном месте. Весь особняк, от подвала до мансарды, был переполнен людьми из министерства. Помощник министра доктор Науман устроился на втором этаже. Фрейлейн Гильденбранд и фрау Габерцеттель – на первом, доктор Земмлер, адъютант Геббельса Гюнтер Швегерман и полдюжины других помощников и секретарей временно разместились на третьем этаже. В каждой из комнат кто-то печатал на машинке, кто-то проводил совещания, кто-то диктовал

материалы для прессы и радио. Большинство сотрудников спали на армейских походных койках, порой даже не раздеваясь.

Удивительно, что, несмотря на, мягко говоря, необычную обстановку в доме, дети ничего не подозревали. Однажды пресс-секретарь Геббельса спросил Магду: «А что думают об этом ваши дети?» – «Они понятия не имеют, что происходит, – ответила она. – Мы сказали им, что враг приближается к Берлину, но у фюрера есть особое оружие, и он уничтожит всех русских, если им все же удастся прорваться в пригороды. Это оружие такое страшное, что Гитлер применит его только в случае крайней опасности».

Геббельс работал больше, чем когда-либо.

Каждый день он вставал в половине шестого. Эмиль, его личный слуга, приводил в порядок стол, пока секретарь разбирал последние телеграммы и газеты. В шесть часов Геббельс съедал завтрак, поданный на письменный стол, и брался за сводки с фронтов. В семь тридцать появлялись два пресс-секретаря, в кинозале заведенным порядком проходило ежедневное совещание. Обычно Геббельс пребывал в мрачном настроении, из-за чего участники совещания чувствовали себя неуверенно. На обед отводилось всего несколько минут, после чего Геббельс уходил к себе вздремнуть. День он посвящал сочинению статей, призывам к сопротивлению и подготовке Берлина к обороне. По требованию Геббельса ужин подавали ровно в половине девятого вечера, хотя обычно в это время начинались авианалеты. Если объявляли воздушную тревогу, семья проводила за столом не более пятнадцати минут, а затем спускалась в бомбоубежище. Если же налета не было, после ужина смотрели кино – Геббельс вернулся к своему любимому развлечению. Он непрерывно курил, пил больше обычного, главным образом сладкие ликеры, и его беседа с женой затягивалась часов до двух ночи.

Поразительно, что в течение этих последних недель, заполненных лихорадочным трудом и вечной тревогой, он все же выкраивал время для работы над новой книгой. С начала войны Геббельс выпустил несколько сборников своих речей и статей. Та книга, над которой он работал теперь, тоже была одним из таких сборников. Первоначально она называлась «Достоинство непреклонности», но окончательно он ее озаглавил «Закон войны». Из отобранных для нее статей две до тех пор нигде не публиковались. Он трудился над книгой с конца декабря

1944 года и уже послал издателю несколько статей, но затем отозвал их, а взамен направил другие. Долгое время он не мог решить, по какому принципу составлять сборник: по хронологическому или по тематическому. Целыми неделями он просиживал над гранками, но его правка была в основном стилистической. Он никак не мог выбрать ни формат книги, ни ее оформление. В то же время издателю пришлось столкнуться с массой технических трудностей: не хватало бумаги, а частые перебои в подаче электричества задерживали печатание книги.

Геббельс попросил фельдмаршала Вальтера Моделя написать предисловие. Модель, в те дни защищавший Рур, с трудом нашел время и передал по телеграфу семьсот слов, которые Геббельс тут же превратил в две тысячи. Вступительная статья скромно начиналась с афоризма «Великие слова подобны знамени на поле сражения». Это было своего рода пророчество, что книге суждено стать одним из тех классических произведений, которые жадно перечитываются последующими поколениями, и что, «подобно бронзовой статуе», она переживет века.

Книга так и не была доведена до конца, потому что Геббельс постоянно вносил в нее различные изменения^[119]. Геббельс с головой ушел в свой сборник, что весьма показательно для него: он лучше, чем кто-либо другой, понимал, что дни Третьего рейха сочтены, и все же большую часть времени посвящал тщательной отделке статей. Он как бы стремился еще раз доказать самому себе, что он не только пропагандист и государственный деятель, но и писатель.

Многие из тех, кто работал с Геббельсом, поражались многогранности его таланта. Был ли он способен пропагандировать иные, отличные от национал-социалистических идеи? Один из его сотрудников вспоминал, как годом или двумя ранее Геббельс развлекал гостей за обедом тем, что изображал русского политкомиссара, читающего лекцию о пропаганде. Слушатели пришли в восторг от его дара перевоплощения. Видимо, в иных обстоятельствах он стал бы таким же блестящим пропагандистом коммунизма. Однако его стенографист Якобс сделал оговорку: «Только в том случае, если бы он познакомился со Сталиным раньше, чем с Гитлером, и если бы коммунистическая идеология увлекла его так же, как национал-социализм». Каким бы талантом пропагандиста

он ни обладал, вряд ли он смог бы достичь столь высокого положения в рейхе, не двигай им глубокая вера в идеалы нацизма.

2

Геббельс вдруг с удивлением для себя обнаружил, что, как верный национал-социалист, он вынужден пропагандировать массу вещей, которые были ему совершенно неинтересны и даже неприятны. Когда рейх уже был при последнем издыхании, ему пришлось заняться восхвалением вервольфа. Идея принадлежала доктору Лею. Одного этого было достаточно, чтобы она лишилась всякой ценности в глазах Геббельса. Лей предложил Гитлеру создать отряды из подростков, которые тайно сражались бы с противником в уже занятых им областях Германии. По этому поводу Геббельс язвительно заметил: «Чтобы верно оценить умственные способности Лея, достаточно вспомнить, что он забыл обо всем и увлекся какими-то смертоносными лучами. Теперь он экспериментирует на кроликах. Как и следовало ожидать, все кролики пока живы».

Была еще одна причина, по которой Геббельс возражал Лею: его затея основывалась на предположении, что неприятель оккупирует страну, то есть свершится именно то, о чем пропаганда Геббельса говорила как о невозможном. Кроме того, было совершенно очевидно, что мелкие шайки подростков не смогут ничего добиться там, где потерпела поражение регулярная армия Германии.

По своей сути отряды вервольфа были не чем иным, как своего рода партизанским движением. И Гитлер пришел в восторг, когда Лей изложил ему свою мысль, вспомнил, как допекали немцев русские партизаны в 1941 году, и заявил, что не видит причин, почему бы немецким партизанам не достичь такого же успеха в сорок пятом. В отличие от Геббельса, он не понимал, что отряды русских партизан действовали лишь недолгое время и при благоприятных обстоятельствах: помощь Британии и США уже была близка, надвигалась холодная русская зима, а русская армия сохранила силы и возможности для реорганизации^[120]. Сейчас, в 1945 году, условия в Германии были совершенно иными: отступать уже было некуда, а попытки выиграть время потеряли всякий смысл. Кроме вервольфа, у Германии не оставалось других боеспособных резервов.

Тем не менее Гитлер искренне верил в то, что эта отчаянная мера принесет успех, и Лей всерьез взялся за создание вервольфа. Геббельсу ничего не оставалось, как, со своей стороны, взяться за пропаганду вервольфа.

Сам вервольф уходил своими корнями в прошлые века, в XIV столетии в Германии появились тайные организации, которые вершили суд и расправу над преступниками, до которых не могло дотянуться обычное правосудие. После Первой мировой войны нечто подобное совершали германские националисты, когда расправлялись с теми, кто сотрудничал с победителями. Это тоже был своего рода вервольф, и многие приятели Геббельса из «Вольного корпуса» и люди наподобие Хорста Весселя и Хауэнштайна входили в него. Поэтому Геббельс сочувствовал возрождавшемуся движению, хотя понимал, что пользы от него будет мало.

Но как пропагандировать движение, которое еще не существует? Задача была не проста, но Геббельс решил ее остроумно. Он исходил из предположения, что оно уже зародилось и набрало размах. За одну ночь он создал «Радиостанцию вервольфа». В ее передачах дикторы говорили, что и они, и их радиостанция располагаются где-то на оккупированных территориях. На самом деле вещание велось из пригорода Берлина. Геббельс лично отобрал авторов и дикторов; сами передачи в основном состояли из веселой народной музыки, перемежавшейся краткими выпусками новостей о подвигах мифического вервольфа.

Радиостанция успела проработать всего несколько дней, как в канцелярию Геббельса ворвался офицер СС высокого ранга и в страшном гневе заявил министру, что он и есть руководитель вервольфа. Только тогда Геббельс узнал, что не мифический, а настоящий вервольф существует уже год в виде особых подразделений при войсках СС и что его бойцов обучают действовать в условиях глубокого подполья. Теперь же, когда вервольф уже готов вступить в борьбу с противником, об их деятельности, которая, кстати, еще и не началась, уже громогласно трубят по радио. Офицер потребовал от Геббельса прекратить вещание радиостанции.

Это было полное смешение жанров – музыкальная трагикомедия.

Геббельс отпустил офицера с заверениями, что приостановит радиовещание вервольфа, хотя и не намеревался этого делать. Он не

верил, что вервольф – не важно, созданный Леем или СС – способен совершить что-либо стоящее, по крайней мере в те дни. Он понимал, что никакого вервольфа не будет, пока молодые немецкие ребята не убедятся, что подпольная организация действительно существует и что их сверстники совершают подвиги. Каждый немецкий подросток должен был испугаться, что он будет последним, кто вступит в вервольф.

Подвиги... Геббельс изобретал их сам и сам же описывал весьма живо и энергично. Это были истории о детях, перерезавших телефонные провода противника и воровавших втихомолку оружие и боеприпасы; это были рассказы о женщинах, насыпавших сахар в баки с бензином, из-за чего вставала американская боевая техника. Ежедневно от десяти до двенадцати он диктовал такого рода короткие истории. В общении с сотрудниками он позволял себе поразительную откровенность. Он смаковал каждую из своих очередных выдумок и спрашивал, как им понравился тот или иной сюжет, насколько впечатляюще он звучит. Он доходил даже до того, что просил подсказать ему идею новой истории и уговаривал людей из своего окружения заняться подобным творчеством. Он проходил по комнатам, где работали его помощники, и с иронией в голосе спрашивал: «Ну как, есть что-нибудь новое про вервольф?» Если учесть, что его сотрудники целыми неделями никуда не выходили и, тем более, не покидали Берлин, его просьба превращалась в бесстыдное признание, что он занимается откровенным надувательством.

Кое-кто из его помощников осторожно намекали ему, что все его истории явно неправдоподобны, мало того, они осмеливались говорить, что передачи вервольфа уже не спасут положение. Геббельс возражал им и настаивал на том, что сопротивление народа давным-давно сошло бы на нет, не воодушевляй он немцев. В этом плане весьма любопытно привести один пример. Как-то вечером он разговорился с Инге Габерцеттель. Она откровенно сказала ему, что считает все сообщения радио вервольфа фальшивками.

ГЕББЕЛЬС: «Фальшивками? Что за ужасное слово! Выразимся помягче: это нечто вроде поэтически приукрашенной правды».

Фрау ГАБЕРЦЕТТЕЛЬ: «Но ни одного из этих подвигов не было на самом деле».

ГЕББЕЛЬС: «Как вы не понимаете, что они должны быть!»

Фрау ГАБЕРЦЕТТЕЛЬ: «Как бы то ни было, это не настоящие новости».

ГЕББЕЛЬС: «Разумеется, нет! Но это новости, которые должны быть!»

Мы снова слышим лейтмотив геббельсовской пропаганды: с помощью хитрости и обмана представить нечто несуществующее как реальное, чтобы в конце концов оно и стало свершившимся фактом, приукрасить действительное таким образом, чтобы оно стало похоже на желаемое. Подросткам рассказывали о вервольфе, чтобы воспламенить их желанием повторить те подвиги, которые до тех пор существовали только в воображении Геббельса. В сущности, Геббельс соглашался и с Гитлером, и с Леем, разница между ними заключалась только в том, что, по мнению Геббельса, у них уже не было времени, чтобы воодушевить подрастающих немцев на подвиги, которые могли бы хоть как-то изменить военное положение Германии.

При пристальном рассмотрении мы увидим, что радиостанция вервольфа вместе с новостями передавала и своеобразные директивы для каждодневных операций. О них вряд ли стоит судить с точки зрения сиюминутной тактики – они тоже были бомбами замедленного действия. Действительно, были случаи, когда вервольфовцы убивали коллаборационистов или устраивали засаду на отдельных солдат союзников, но результатом подобных действий было только более жесткое отношение к населению в оккупированных зонах, что, в свою очередь, было нежелательно и для вервольфа.

Доказательства того, что пропаганда Геббельса была нацелена на послевоенный период, следует искать в самом вервольфе, которого Геббельс сделал глашатаем несколько туманных социалистических идей своей юности. В радиопередачах открыто говорилось: «Собственность для нас ничего не значит». О русских были только редкие и глухие упоминания, зато звучали постоянные нападки на «акул спекуляции» из Лондона и на Нью-Йоркскую фондовую биржу. Немцы, как таковые, похоже, авторов передач не интересовали, в основном речь шла о рабочих Германии.

Геббельсу не терпелось узнать отклики неприятеля на его новую линию пропаганды. Он едва мог дождаться первых комментариев. Когда же выяснилось, что в Лондоне никто не поверил в

существование вервольфа, это вызвало в нем вполне понятное раздражение.

И можно понять, почему он бесился, когда его же сотрудники, в том числе и доктор Науман, выставляли напоказ нелепый оптимизм. Они собственными глазами видели, на какой кухне стряпаются новости о вервольфе, и все равно иногда говорили: «Может быть, мальчишки помогут нам выбраться из этой ямы на свет Божий».

3

Однако жители Берлина не воспряли духом от рассказов о том, что мальчишки лили кипяток на головы вражеским солдатам. Не требовалось особой фантазии, чтобы представить себе, как поведет себя неприятель, когда войдет в город и встретит «теплый прием» со стороны партизан.

Все способы хоть как-то внушить оптимизм жителям Берлина были исчерпаны. Один из пропагандистов даже договорился до того, что, мол, разрушения не так уж велики и что меньше чем за десять лет города будут восстановлены. Такого рода наигранный оптимизм бесил людей. Еще хуже оказалась статья Лея под названием «Налегке». Лей сообщил читателям, что его дом тоже разбомбили и что он, хотя и жалеет о погибшем имуществе, вместе с тем испытывает облегчение. Ему больше незачем трепетать от страха перед налетами. Неприятель может сбрасывать свои зажигательные бомбы сколько угодно – у Лея не осталось ничего, что могло бы сгореть, зато налегке куда как проще двигаться.

Его самодовольные и ограниченные благоглупости озлобили берлинцев сверх всякой меры. Каждому было известно, что доктору Лею принадлежало одно из самых роскошных и просторных бомбоубежищ города и что он просто лгал, когда говорил, что стал нищим. Однако Лей сумел в своей глупости подняться еще выше: за первой статьей последовала вторая, в которой он глубокомысленно сообщал народу, что ни один человек не должен считать себя совершенно беспомощным перед лицом опасности. А далее он описывал, какими разнообразными способами защищают себя животные, а самое главное, он не забыл и зайца, которого от хищника спасают длинные ноги. Вся Германия хохотала. Геббельс поспешил к Гитлеру и потребовал запретить Лею писать и печатать что-либо. С

того дня «творчество» Лея находилось под строгим цензурным надзором Геббельса.

Однако и у самого Геббельса запас идей подходил к концу. В своем узком кругу он как-то сказал: «Вряд ли наш противник сможет так долго выносить ежедневный материальный ущерб». Он имел в виду расходы, связанные с воздушными налетами союзников. Один из его сотрудников тут же ответил: «Разумеется, подумать только, сколько горючего они тратят ежедневно на перелеты от своих авиабаз до Берлина!» Геббельс улыбнулся и сделал вид, что не понял зловещего намека.

Его статьи пестрели общими рассуждениями, призванными успокоить народ. Геббельс убеждал читателей в том, что Германия не капитулирует. «Мы скорее умрем, чем сдадимся. Никто не может знать, когда произойдет перелом», – говорил он и продолжал твердить о благополучном исходе войны, который уже якобы был предрешен. «За работу! Возьмем в руки оружие!» – гремели его призывы.

За какое оружие? Его оставалось совсем немного, и Геббельс, «защитник Берлина», прекрасно это знал. Перед одним из совещаний он сказал: «Конечно, у нас не так уж много фаустпатронов, однако мы и не должны вооружать ими каждого мужчину и каждую женщину. Фаустпатроны получают только те, кто их потребует и пустит в дело. Остальные же все равно спрячутся по подвалам, как только завидят вражеский танк».

Генерал Рейман ответил ему: «Господин министр, в последние дни мы обнаружили склады, в которых содержатся порядка четырех тысяч чешских пистолетов и винтовок. По моему мнению, их следует раздать берлинцам, которые вооружены из рук вон плохо. Конечно, раздавать оружие следует с большой осмотрительностью. Предпочтительно выдавать его людям, знакомым с техникой, которые хоть что-нибудь понимают в подобных механизмах. Видите ли, дело в том, что большинство из винтовок заржавели, и трудно предугадать, как они себя поведут».

Такие обескураживающие подробности, естественно, не доходили до сведения берлинцев, но те и без того знали предостаточно и стали постепенно покидать город.

Внешний вид берлинских улиц снова изменился. Часть жителей была попросту не способна сдвинуться с места. Они смертельно

боялись приближавшегося врага и вели себя, как кролики перед удавом. Другие прятались в подвалах и, вероятно, надеялись, что город займут англичане или американцы – кто угодно, лишь бы не русские. Но в последний момент многие стряхнули с себя оцепенение. Это случилось в начале апреля. Внезапно железнодорожные станции снова заполнили бурлящие толпы, каждый стремился занять место в любом из немногих поездов, которые еще отправлялись от обреченной столицы. Люди рассчитывали чудом оказаться в безопасном месте. Солдаты в военной форме, по всей видимости дезертиры, штурмовали вагоны вместе с гражданским населением, но полиция не обращала на них внимания.

С фронта, который располагался теперь на расстоянии всего двух часов езды, возвращались поезда с ранеными. Повязки солдат сочились кровью и гноем. Берлин стал прифронтовым городом, и людей охватила паника. Еще вчера им казалось, что у них есть путь к спасению, но сегодня они вдруг осознали, что враг окружил город со всех сторон и что они попали в западню. И все же многие, у кого оставались силы и желание выжить, бросились бежать, охваченные одной отчаянной мыслью: самое худшее, что с ними может случиться, – это попасть в плен в Берлине.

Служащих министерства пропаганды обязали создать свой отряд фольксштурма. Он носил название «Отряд с Вильгельмплац», и возглавил его доктор Науман. Геббельс произнес речь, призванную вдохнуть в его сотрудников боевой дух. «Под моим руководством Берлин станет крепостью, и монгольские орды разобьют себе головы о его стены! – кричал он. – Части СС не отдадут Берлин! В ряды бойцов встанут два миллиона берлинцев! Если каждый из нас уничтожит хотя бы одного врага, от полчищ неприятеля не останется ничего! Но если среди вас есть пораженцы, я сам разделаюсь с ними! Не уподобляйтесь слабым женщинам! Поступайте, как должен поступать настоящий мужчина!»

Его энергичная вдохновенная речь была встречена ледяным молчанием. Никто не аплодировал, ни одна рука не взметнулась в гитлеровском приветствии, а его избитые призывы давно приелись.

Людей все меньше и меньше заботило мнение их вождей. Они видели, что у тех есть прекрасно оборудованные и надежные бомбоубежища, на их же глазах нацистские бонзы садились в свои

автомобили и уезжали в относительно безопасные районы Германии, при них среди бела дня, не стыдясь, грузили награбленное добро на грузовики, для которых всегда находился бензин, и увозили его в горы Баварии или Австрии. Они чувствовали, что господа, призывающие их держаться до последнего человека, не торопятся отдать свои жизни за победу.

Года четыре тому назад – 30 марта 1941 года – Геббельс сказал о Черчилле: «Ему достает бесстыдства и жестокости выжимать из людей соки ради безнадежного дела... Он не может отступить, потому что для него будут приемлемы любые средства, лишь бы война продолжилась».

То же самое думали сейчас немцы о своих вождях.

4

За последние двадцать месяцев «новая Европа» Геббельса настолько съежилась, что от нее остался узкий коридор между фронтом русских и фронтом западных союзников. Непрерывный поток плохих новостей оставил свой след и на внешности Геббельса. Его когда-то живое, выразительное лицо стало бледным, щеки запали, на висках появилась седина. Геббельс и раньше не отличался хорошим аппетитом, теперь же он поддерживал себя исключительно сигаретами, коньяком и печеньем. Доктор Морелль прописал ему дорогие лекарства, но, видимо, они не помогали.

Поиски исторических аналогий привели его к сравнению предстоящего сражения за Берлин с битвой за Москву осенью 1941 года, и он записал в своем дневнике: «Генерал Власов, который тогда командовал войсками, оборонявшими Москву, говорил мне, что в те дни испугались все русские, все, за исключением одного человека. Только один человек не утратил веру в победу – Сталин. То же самое можно сказать о нынешнем положении. Все испугались. И никто уже не верит в благополучный исход войны...»

Офицер связи верховного командования подполковник Бальцер оказался в особенно трудном положении. Геббельс в истерике кричал на него: «Вы пораженец! Вы ничтожество! Если вы сейчас же не возьметесь за ум, я пошлю вас на фронт!» В последующие дни Бальцер считал своим долгом излучать уверенность и оптимизм. Но поскольку информация, которую он предоставлял Геббельсу, становилась все

менее радужной, натужная улыбка его не спасала. Геббельс снова выходил из себя и, по свидетельству Якобса, орал на несчастного офицера: «Хватит нести ахинею! Все это я уже слышал вчера вечером, когда был у фюрера! У вас есть что-нибудь новое? Мне поручено оборонять Берлин. Вы думаете, меня удовлетворит ваша пустая болтовня?»

Когда Бальцер попытался оправдываться тем, что ему никто не дает свежей информации, Геббельс устроил ему бурную сцену: «Вы только и делаете, что утром идете к вашему министру, записываете все, что он вам говорит, а затем читаете мне слово в слово. С тем же успехом это сделала бы и моя старшая дочь. Вы болван! Зарубите себе на носу – телефоны в вашем кабинете должны трезвонить с утра до вечера, а вы обязаны каждый день ездить на передовую, в конце концов, она не так уж и далеко, а у нас еще хватает бензина для офицеров вермахта, так что не вздумайте сказать мне, будто не можете добраться до западного фронта».

Когда Геббельс вышел, униженный офицер пробормотал: «Ему легко говорить. Мой телефон давным-давно не работает. Может быть, у него и есть бензин, но у меня его нет».

События на фронте развивались настолько стремительно, что не был вовремя составлен план эвакуации важнейших государственных учреждений. Каждое министерство эвакуировалось как могло. Первым покинуло Берлин министерство внутренних дел – в начале февраля оно отправилось в Тюрингию. За ним последовало министерство иностранных дел, которое обосновалось в городе Костанц на берегу Баденского озера. Рейхсвер переехал в Бадгастейн у Вольфгангзее. Генеральный штаб переезжал с места на место, но, когда русские приблизились к Берлину, вернулся в столицу и обосновался в здании рейхсканцелярии. Однако к тому времени большинство штабных офицеров уже осело в Баварии или перебралось на запад. Для них война закончилась.

Геббельс презирал своих коллег-министров, но еще больше – военных, которые даже не скрывали, как им не терпится спасти свою жизнь. Он категорически отказался от эвакуации своего министерства, ограничившись тем, что отослал в Баварию целый состав с ценными документами.

Сотрудники Геббельса умоляли его покинуть Берлин и доказывали, что могли бы лучше выполнять свою работу в другом месте, где им не мешали бы постоянные бомбардировки. Казалось, он готов был уступить их просьбам, во всяком случае, он затребовал специальный поезд для эвакуации в Баварию пятидесяти самых ценных своих работников. Однако в последнюю минуту, когда поезд уже был подан, он отменил свое решение, и состав ушел из Берлина пустым.

Его ближайших сотрудников охватило глубокое уныние. Все только и думали, каким образом выбраться из города. Они изобретали любые предлоги, чтобы получить разрешение на отпуск без содержания, многие сообщали о внезапной болезни близких родственников, отправленных в провинцию. Но Геббельс не поддавался на их уловки. Некий доктор фон Борке записался добровольцем в армию, а перед отправкой на фронт попросил у Геббельса несколько дней отпуска. Геббельс не мог ему отказать, и доктор фон Борке исчез без следа. Он не появился ни в действующей армии, ни в министерстве. Геббельс пришел в ярость, и с того дня никому не разрешалось просить отпуск даже на несколько часов. Одна из его секретарш как-то не явилась на службу без соответствующего

разрешения. Геббельс послал к ней на дом эсэсовца, а затем откомандировал ее дежурить в частях противовоздушной обороны. Через несколько дней она погибла во время бомбежки. Все были напуганы этой историей, но все равно лихорадочно искали путь к бегству. Доктор Земмлер косился в сторону Запада. «Мне всегда нравились американцы, у меня среди них есть даже приятели. Я скажу им: «Хэлло, мальчики!» – пожму им руки, а потом попытаюсь стать немецким корреспондентом в Нью-Йорке», – сказал он.

Другой пресс-секретарь Геббельса, Винфрид фон Овен, мечтал только о тех временах, когда ужасы войны останутся позади. «Когда прекратится стрельба, я буду отсыпаться день за днем, двадцать четыре часа в сутки, – сказал он. – А когда за мной придут англичане и американцы, я притворюсь, будто не понимаю, кого они спрашивают».

Кому-то пришла в голову оригинальная мысль: «Я буду скрываться в лесу, пока у меня не отрастут пейсы, как у раввина». Каждый строил свои планы, и в то же время все настороженно следили друг за другом, потому что после случая с Борке побег одного означал тюрьму для остальных.

Как пропагандист Геббельс дошел до последней черты. Он уже использовал все возможные лозунги и призывы. Он уже ратовал за милитаризм и за социализм, за «новый порядок» и за европейскую культуру. Он разоблачал большевизм и плутократию. Он призывал всех к тотальной мобилизации и к вступлению в отряды фольксштурма. Он заложил свои бомбы замедленного действия. Что еще ему оставалось сделать?

Ему оставалось оправдать и объяснить поражение Германии. Он должен был показать современникам и потомкам, почему его обещания не превратились в дела. Он обратился к хорошо испытанному способу – к древней как мир легенде о предательском ударе в спину.

На его памяти этот мотив впервые начал звучать после Первой мировой войны. Исторически установленные факты утверждают, что война закончилась потому, что германские генералы сообщили в Берлин о невозможности удержать фронт в течение ближайших суток и попросили заключить перемирие. Тем не менее генерал Людендорф после этого говорил, что армия Германии была близка к победе, но пораженцы, то есть евреи и социалисты, подорвали боевой дух

немецкого народа: они тайно готовили революцию и сделали все, чтобы война кончилась поражением.

В распоряжении Геббельса находилась целая галерея преступников, на которых можно было возложить вину за «предательский удар в спину». Главными злодеями, разумеется, оказались итальянцы, заключившие сепаратный мир с союзниками. Затем шли генералы, участвовавшие в заговоре 20 июля 1944 года. При этом никто не мешал ему утверждать, что германский офицерский корпус в основном состоял из противников нацизма, а потому внутренне всегда был готов на предательство. То же обвинение относилось и ко всем толстосумам. Увы, евреев в фатерланде уже не осталось, так что они оказались вне круга обвиняемых. Зато всем остальным «предателям» Геббельс приписывал самые гнусные злодеяния: от намеренной дезинформации фюрера о действительной мощи Красной Армии до такого мелкого саботажа, как неудача со взрывом моста через Рейн близ Ремагена.

Это направление пропаганды также должно было принести плоды лишь в отдаленном времени. Для будущего национал-социалистического движения, как и для любой политической идеологии, было весьма важно создать в глазах народа миф о непобедимости германской армии. В те дни неудачи армии были слишком очевидны, чтобы подобная кампания могла достичь цели. В сказки об ударе в спину и о предательстве не верил никто, кроме одного человека. Это был Адольф Гитлер.

Он лучше других знал, кто втянул Германию в военную авантюру, приведшую к катастрофе. Он не прислушался к советам самых видных военных специалистов и теперь день и ночь бредил предательством. Нетрудно себе представить, что думал Геббельс, когда оказывался свидетелем его приступов ярости. Его совершенно не беспокоило, во что верил и что думал Гитлер, зато его крайне заботило, во что верил или что думал народ Германии.

А народ должен был поверить, что фюрера предали его генералы, тогда как он, Геббельс, до последнего часа оставался верным своему народу, сражался за великое дело нацизма и пал, как солдат на поле брани. Гитлеру нельзя было позволить пережить Третий рейх. При живом Гитлере было бы невозможно сохранить привлекательность национал-социалистической идеологии. Этот вывод выглядел

настолько очевидным и само собой разумеющимся, что не нуждался в дополнительных аргументах, и Геббельс это прекрасно понимал.

Легенда о Гитлере стала органичной частью геббельсовской пропаганды замедленного действия. К концу марта ему удалось убедить Гитлера оставаться в Берлине при любых обстоятельствах^[121]. Он напомнил фюреру, что 30 января 1933 года тот сказал: «Я никогда не покину рейхсканцелярию по собственной воле». Настало время доказать народу, что фюрер сдержит свою клятву. Примерно так убеждал его Геббельс.

Остальное окружение Гитлера – Геринг и Риббентроп, Кейтель и Йодль, Гиммлер и Розенберг – все умоляли его немедленно покинуть Берлин. Они убеждали фюрера, что из Южной Германии он лучше увидит положение, что там он найдет необходимое решение и сможет эффективнее руководить войсками. Ни один из них так и не понял настойчивость Геббельса и не догадался, что именно тот поставил на карту. Война была все равно проиграна, и не имело никакого значения, закончится она неделей раньше или неделей позже. Но в легенду о фюрере совершенно не вписывалось трусливое бегство главного героя, напротив, для сюжета требовалась его героическая смерть.

Затем произошло событие, заставившее Геббельса засомневаться в уже принятом решении и породившее в нем новые надежды. К его крайнему разочарованию, через несколько дней эти надежды пошли прахом.

Франклин Делано Рузвельт скончался.

5

12 апреля 1945 года, сразу после обеда, Геббельс отправился в штаб 9-й армии в Кюстрине, где он хотел провести беседу с офицерами. Его сопровождал только доктор Науман.

Это была обычная поездка с целью поднять боевой дух солдат, что в последнее время уже стало рутинным делом. Как всегда, Геббельс вспоминал Семилетнюю войну, рассказывал о безнадежном положении Фридриха Великого и о его решении принять яд. Затем он процитировал слова Карлейля: «Доблестный король! Подожди еще немного, и дни твоих страданий останутся позади. Солнце твоей судьбы уже встает за тучами и вскоре воссияет над тобой!» А затем неожиданно умерла русская императрица, которая была злейшим

врагом Фридриха. Ее наследник, Петр III, преклонявшийся перед Фридрихом, немедленно заключил с ним мир. Таким образом Фридрих был спасен.

Офицеры не скрывали своего скептицизма. Один из них даже спросил: «Какая же царица должна умереть теперь, чтобы спасти Германию?» Геббельс только пожал плечами. У него не было ответа, зато было убеждение, что Провидение непременно явит чудо ради Германии. С этими словами он уехал в Берлин.

Почти все сотрудники министерства собрались перед особняком Геббельса, ожидая его возвращения. Час тому назад им позвонили из Германского агентства новостей и сообщили, что умер Рузвельт. Все пребывали в состоянии невероятного возбуждения, смеялись, поздравляли друг друга, а повар из Вены воскликнул: «Вот и свершилось чудо, которое нам обещал доктор Геббельс!» Доктор Земмлер позвонил в штаб-квартиру 9-й армии, но там ответили, что Геббельс уже находится на пути в Берлин. Дважды звонили из рейхсканцелярии и сообщили, что Гитлер немедленно ждет к себе Геббельса.

Ровно в одиннадцать часов автомобиль Геббельса подкатил к парадному входу в особняк. Навстречу ему бросился доктор Земмлер. «Хорошая новость, господин министр, просто чудесная!» – выпалил он. Геббельс выслушал его и застыл как вкопанный. Пламя, пожиравшее стоявший по соседству отель «Адлон», бросало колеблющиеся отблески на его окаменевшее лицо. На какое-то мгновение он превратился в статую, олицетворяющую крайнее изумление. Наконец он пришел в себя и спокойно зашагал к дому. «Это и есть то чудо, которого мы все ждали», – пробормотал он. Прежде чем подойти к телефону, Геббельс велел принести из подвала несколько бутылок лучшего шампанского.

По телефону он сказал: «Мой фюрер! Я поздравляю вас. Звезды предсказывали, что поворот в судьбе свершится во второй половине апреля. И вот он настал!»

Геббельс оживился, к нему вернулась прежняя словоохотливость. «Что скажете? – спросил он водителя. – Разве это не самая лучшая новость, которую мы слышали за всю войну?» Его настроение заразило остальных. Раскрасневшиеся и возбужденные люди наливали себе шампанское, бессвязно и перебивая друг друга разговаривали, а

сам Геббельс расхаживал между ними и пытался сообразить, какие шаги ему следует предпринять в первую очередь. Какую позицию займет преемник Рузвельта? Кем является по своей сути Трумэн – врагом или другом русских? Как бы то ни было, развитие событий могло принести сенсацию.

«Всего несколько часов назад офицеры равнодушно смотрели на меня, когда я рассказывал им о Семилетней войне! – вдруг воскликнул он. И тут же позвонил в штаб 9-й армии. – Ну, кто был прав? – торжествуя спросил он. – Вы потрясены, верно? Разве я не предсказывал, что так и случится? И я говорил это вашим офицерам только сегодня».

Затем он дал указания для прессы и велел передать по радио специальное сообщение. «Мы огласим его в полночь, – сказал он, – но без всяких комментариев. Мы сообщим только факт. Он сам говорит за себя. А комментарии пойдут в эфир уже завтра».

В волнении он расхаживал по кабинету, ожидая полуночи. «Можете себе представить фрау Шульце, которую разбудит жена привратника и скажет со своим берлинским выговором: «Пшлушайте, фрау Шульце, вы уже слышали эту новость?» – «Нет, а в чем дело? Опять налетели «москиты»?» – «Нет-нет, просто умер Рузвельт!» И тут фрау Шульце вскакивает с постели с криком: «Не может быть! Вы шутите?»

Он места себе не находил от нетерпения. «Неужели еще нет двенадцати? Я хочу послушать, как прозвучит сообщение». Наконец выпуск новостей закончился. Он выключил радио, поднялся к себе в спальню и погасил свет.

В течение нескольких последующих дней он продолжал говорить о неожиданной новости и каждый раз снова и снова восклицал: «Действительно, это просто уму непостижимо!» Его уверенность в том, что смерть Рузвельта принесет решительные перемены, росла день ото дня. Его настолько увлекли исторические аналогии, что он сам в них уверовал. Он обзвонил массу людей, он постоянно обсуждал различные варианты развития событий и новые возможности, открывшиеся перед Германией. Все с ним соглашались. В то же время никто точно не знал, что может произойти и каким образом Германия сможет лучше использовать «великий шанс». Министр финансов граф Людвиг Шверин фон Крозиг написал Геббельсу, что кто-нибудь

должен постараться убедить Папу Римского использовать все влияние, чтобы разрушить коалицию Востока и Запада. Геббельс оставил это предложение без комментариев и без ответа.

6

Однако ничего не произошло, потому что ничего и не могло произойти. К переговорам о перемирии никто и не приступал, потому что для них отсутствовала почва. Геббельс мечтал о «политической» победе, но она оказалась недостижима, и лучшим доказательством невозможности достичь соглашения стала смерть Рузвельта. Альянс народов, объединившихся в борьбе против нацистской Германии, не мог разрушиться из-за того, что ушел из жизни один человек, — союз продолжал жить, разумеется, до тех пор, пока Германия не будет разбита и покорена.

Как ни странно, первым, кто понял, что положение не улучшилось ни на йоту, был Роберт Лей. Через два или три дня после известия о смерти Рузвельта он примчался в резиденцию Геббельса, миновал всех офицеров охраны и, наконец, добрался до приемной министра. Проникнуть дальше ему не удалось, так как Геббельс предупредил секретаря, что ни под каким предлогом не желает видеть Лея. Он полагал, что глава Трудового фронта пришел с просьбой снять цензорский надзор с его статей.

Поскольку его не пустили к Геббельсу, Лей высказал все свои тревоги его адъютанту. Торопливо и заикаясь от волнения, он говорил, что Геббельс должен понять: вопрос стоит чрезвычайно остро и не терпит малейшего отлагательства. Он твердил, что Геббельс должен хоть встать на колени перед Гитлером, но все-таки уговорить фюрера немедленно воспользоваться ужасным секретным оружием, потому что через несколько дней уже будет поздно. Лей был так расстроен, что едва не разрыдался, и адъютант обещал передать его просьбу Геббельсу.

Геббельс ничего не ответил своему адъютанту, на этот раз он даже не стал по своему обыкновению высмеивать Лея. Возможно, он втайне завидовал его простодушной вере в чудо-оружие. Сам Геббельс еще продолжал надеяться, что после смерти Рузвельта у Германии появился последний шанс, хотя его уверенность сильно пошатнулась. Ему оставалось только выжидать, когда между западными союзниками

и русскими вспыхнут непримиримые противоречия. Для себя он еще раньше решил, что любое вмешательство с его стороны преждевременно насторожит их.

Но что он между тем скажет народу? Как ему возродить надежды людей? Он был очень одинок. «Прежде, – с горечью заметил он, – наши вожди готовы были рвать друг у друга из рук микрофон, чтобы сообщить хорошую новость». Теперь же все, включая Гитлера, уклонялись от долга, который повелевал им обратиться к народу. Геббельс осознавал, что население не понимало, почему молчит фюрер. «Выходит, он не может ни успокоить нас, ни подать надежду?» Этот вопрос постоянно повторялся в письмах, приходивших в министерство пропаганды.

Своим ближайшим сотрудникам Геббельс говорил, что моральный дух населения упал до абсолютного нуля.

Гитлер... Разве не должен был он сейчас развить кипучую деятельность, чтобы не упустить последнюю предоставившуюся возможность? Впервые Геббельс начал всерьез обдумывать то, что раньше показалось бы ему чудовищной ересью: Гитлер должен отречься от власти. Но разве думать так не было равнозначно предательству? И он сам себе отвечал: «Нет!» Геббельс исходил из своей оценки положения. С его точки зрения, отречение Гитлера могло предотвратить самое худшее, оно стало бы поводом для разрушения коалиции, американцы могли бы вывести войска из Германии, и возникли бы новые, более благоприятные условия. Так он говорил в доверительных беседах с Фрицше.

Все, что сейчас было необходимо, – это время. Каждый день, каждый час могли принести радикальные перемены. Невыносимо было думать, что смерть Рузвельта не станет знаменiem судьбы для Германии.

Время, время и еще раз время! В своих зажигательных речах Геббельс призывал к борьбе каждого мужчину, каждого жителя Германии. «Мы должны коренным образом пересмотреть свое отношение к войне. Правила, сложившиеся в прошедших столетиях, морально устарели и совершенно не годятся для достижения наших целей. Вся наша нация оказалась в опасности, и кто в подобных обстоятельствах станет задумываться над тем, что приемлемо, а что недопустимо?»

В очередном декрете «защитника» Берлина все, отказавшиеся сражаться, объявлялись предателями, заслуживающими смерти. На уличных фонарях уже раскачивались тела первых казненных дезертиров. На груди бедняг висел лист бумаги, на котором было выведено: «Я вишу здесь, потому что забыл свой долг перед женой и детьми».

Однако Геббельс уже наверняка сознавал, что даже самые жестокие меры бесполезны. Несколько дней, озаренных внезапно вспыхнувшей надеждой, истекли, и перед ним вдруг предстала бездна.

Глава 5

Finita comedia

1

Впервые Геббельс вскользь упомянул о возможном самоубийстве после провала наступления Рундштедта, и даже намекнул, что даст яд жене и детям. В его устах эти слова звучали не пустой угрозой и уж тем более не похвалой. Следует предполагать, что он осознанно пришел к такому решению. Он не раз говорил своим сотрудникам, что не имеет ни малейшего желания жить в Германии, которой придется существовать на благотворительные подачки. Человек, который жил полнокровной и благополучной жизнью, не захочет окончить свои дни в нищете, не говоря уж о перспективе оказаться на скамье подсудимых и быть приговоренным к тюремному заключению как военный преступник.

Однако перед народом ему, как и прежде, приходилось вставать в позу героя. В последнем номере «Рейха» – последнем, который появился в газетных киосках, – он поместил статью под заголовком «Ставка ценой в собственную жизнь». Он спрашивал читателя: «Возможно ли не задумываться о том, как жить дальше, при таких обстоятельствах? – И затем продолжал: – Люди желают видеть примеры, способные их вдохновить... Итак, пришел час решения... Давайте же встретим его со свойственными нашему народу достоинством и прямоотой. Мы преодолеем суровые времена нашей истории, если соберем воедино все наши силы. Но решающим

фактором на войне всегда остается поставленная на карту жизнь каждого из нас».

Итак, величайший из циников, устав от жизни, дает понять, что готов принести себя в жертву во имя отечества. Если бы он мог думать только о себе, то, вероятно, предпочел бы покончить с собой втайне. Можно легко представить, как человек, достигший всего, к чему стремился и чего желал, уединяется с хорошей книгой и бутылкой коньяка и тихо сводит счеты с жизнью. Однако Геббельс не мог себе позволить уйти так просто. Он воспевал так много героев и псевдогероев, он так настойчиво требовал героизма от других, что уже не мог сойти со сцены без торжественных звуков фанфар. Он должен был сделать именно то, что он уготовил фюреру: он допишет последнюю сцену великой трагедии и сыграет ее.

Но как уйти из жизни, чтобы произвести наиболее сильный эффект?^[122] Покончить с собой в последнюю минуту? Погибнуть в битве за Берлин, размахивая на баррикаде флагом со свастикой? Или просто закрыться вместе со всей семьей в бомбоубежище и взорвать его?

Итак, то, каким образом он уйдет из жизни, стало для него наиглавнейшим вопросом и, по его же мнению, приобретало принципиальное значение для всей нации. Опять мы слышим его вечный лейтмотив, его «страстное желание оказать влияние на грядущие поколения». Еще в юности он старательно играл героическую роль, но теперь пьеса стала слишком серьезной, а потому только в смерти ему будет дано стать настоящим героем.

Он сказал своему секретарю, что его жена и дети уезжали в Тюрингию, но затем вернулись в Шваненвердер. «Они мне нужны здесь, их присутствие поможет мне исполнить мое решение», – признался он. Это было не совсем так. Его семья не была эвакуирована в Тюрингию, а всего лишь переехала в Ланке, когда городской особняк Геббельса заполнили толпы сотрудников министерства. Потом, когда Ланке оказался в пределах досягаемости русской артиллерии, его близкие перебрались в Шваненвердер. Даже в своем дневнике Геббельс не писал всей правды. Однако по сути его слова не были ложью, а только слегка приукрашенной правдой: он решил до самого конца оставаться в Берлине.

Но как же Гитлер?

Гитлер тоже решил остаться. В последнее время он стал до крайности неуверенным в себе и частенько менял уже принятые решения на противоположные. Поэтому не было известно наверняка, что он окажется стойким в том деле, которое для Геббельса – и для грядущих поколений – имело такое важное значение. Геббельсу приходилось постоянно поддерживать решимость фюрера, и одного этого было достаточно, чтобы не покидать город.

15 апреля Гитлер сочинил воззвание на восьми страницах, обращенное к солдатам восточного фронта. Как рассказывала Инге Габерцеттель, читая его, Геббельс недовольно ворчал. Он то исправлял, то вычеркивал зеленым карандашом целые части рукописи, затем, не в силах сдержаться, швырнул речь в корзину, снова извлек ее оттуда и стал перечитывать, но в конце концов просто продиктовал новый текст, в обычном для него стиле, совершенно не похожем на манеру Гитлера. Вот характерные примеры из этого воззвания: «Большевизму суждено повторить судьбу древних азиатских народов – он истечет кровью у ворот столицы рейха. Берлин останется немецким, Вена вновь станет частью Германии, а Европе никогда не бывать русской. Теперь, когда Провидение позаботилось об участии величайшего военного преступника всех времен (то есть Рузвельта), война достигла своего поворотного пункта».

Геббельс не считал нужным представить Гитлеру на одобрение новый текст воззвания. Это показывает, до какой степени изменились отношения между фюрером и его восторженным почитателем. В глазах Геббельса Гитлер уже давно сошел с пьедестала вождя и превратился в марионетку, которой надо было манипулировать в соответствии с требованиями обстановки^[123]. Приближался день рождения Гитлера, и, как и в предыдущие годы, Геббельс написал юбилейную статью. Но даже в ней он не преминул подтолкнуть Гитлера к героической кончине, которую сам же ему предназначил. «Германия была и остается страной, где торжествуют верность и сплоченность народа, – писал он. – Ей предстоит отмечать свой величайший праздник в час великой опасности. Летописцы нашей эпохи не смогут записать в анналы истории, что нация покинула своего фюрера или фюрер покинул свой народ».

19 апреля, накануне публикации статьи, Геббельс в последний раз провел пресс-конференцию. В кинозале его особняка собрались

двадцать пять журналистов и около десятка человек из департамента радиовещания. Круг был довольно узок, все были в некотором роде «свои», и они надеялись на конфиденциальную информацию. Отбросят ли захватчиков от Берлина? Применяют ли, наконец, новое оружие? Справедливы ли слухи о том, что с западными союзниками ведутся переговоры о перемирии?

Геббельс немного опоздал на пресс-конференцию. Он молча, без улыбки кивнул слушателям, а потом начал говорить. Практически все его слова были повторением уже сказанного в многочисленных статьях. Он отказывался даже гипотетически рассуждать о возможности поражения Германии. Он сказал, что не желает жить в побежденной стране и не желает этого своим детям. В середине его речи началась воздушная тревога, пронзительный вой сирен заглушал его голос, но он спокойно продолжал говорить. Он не сообщил ничего нового, но его речь была проникнута такой теплотой и убежденностью, что даже искушенные газетчики, которых ничем невозможно было пронять, невольно растрогались. Они ушли с пресс-конференции, так и не узнав ничего нового, зато уносили с собой неизгладимое впечатление, что слушали великого оратора – слушали в последний раз.

2

В тот же вечер, вскоре после десяти часов, Геббельс позвонил в Шваненвердер и попросил жену вместе с детьми приехать к нему в Берлин. Магда ответила, что дети уже лежат в постели, но он настаивал на том, чтобы вся семья тотчас же выехала к нему. Магда, ее мать и няня разбудили и одели детей. Перепуганная жена привратника прибежала в дом – она подумала, что приближаются русские, но Магда успокоила ее: «Не стоит волноваться. Русские никогда здесь не появятся. Просто мы возвращаемся в город, этого хочет мой муж». Голос у нее был веселый и беззаботный, чтобы дети ничего не заподозрили. Но Хельга, которой уже было двенадцать лет, поцеловала бабушку на прощанье и сказала: «Нам не долго осталось жить».

Автомобиль мчался по погруженному в темноту Берлину в сторону правительственного квартала. Магда понимала, что близится конец. Ей было всего сорок четыре года, но за последние шесть месяцев она превратилась в старуху. В отличие от Геббельса ей нечем

было отвлечься от тягостных мыслей, у нее не было дела, которое могло бы полностью ее поглотить, поэтому ей было гораздо тяжелее переносить свалившееся на нее испытание. Кроме того, она не могла позволить себе ни на минуту расслабиться, ей постоянно приходилось держать себя в руках и притворяться безмятежной. Каким-то образом ей удалось сыграть свою роль до конца. За неделю до возвращения в Берлин она произвела опись всего имущества в Шваненвердере. С помощью своего секретаря, спокойно и деловито, она пересчитала всю посуду, скатерти, простыни и другие предметы домашнего обихода, словно забыв, что русские не где-то там, далеко, а уже на пороге их дома, и через несколько дней все имущество попадет им в руки. Ильзе Фрейбе спросила Магду, не будет ли лучше уехать из Берлина, но фрау Геббельс отвергла эту мысль. «Мы будем стоять вместе с Берлином и вместе с ним падём», – сказала она, подчеркивая неразрывную связь со своим мужем.

Мысль о спасительном побеге она могла принять только ради детей. Но она уже пробовала умолять мужа переправить их в нейтральную страну, а сама обещала вернуться и умереть вместе с ним. Но он ответил непреклонным отказом. Подробности их разговора остались неизвестными, так как фрау Габерцеттель слышала лишь его начало, но, что бы ни сказал тогда Геббельс, видимо, его доводы прозвучали достаточно убедительно, так как с того дня Магда твердо решила уйти из жизни вместе с детьми.

Намерение Геббельса покончить заодно и со своими детьми не было заигрыванием с потомками, которых такой бесчеловечный поступок мог только привести в ужас. Геббельс был достаточно умен, чтобы это предвидеть. Смерть его детей была всего лишь составной частью его самоубийства, которое он задумал и выполнил с невероятным хладнокровием.

У Геббельса был собственный взгляд на роль потомства в жизни человека. Отец продолжает свое существование и после смерти в своем ребенке – вот почему он так хотел сына и воспринимал рождение дочерей как личное оскорбление. По той же аналогии и вся нация продолжает свое существование в будущих поколениях, образно говоря, дети обеспечивают бессмертие нации. В статье «Во имя наших детей» он подробно изложил свои рассуждения, исходя из мысли: «Самая простая обязанность всякого человека состоит в поддержании

своего существования и его защите от любой угрозы». Собираясь умертвить собственных детей, он умышленно нарушал сформулированный им же принцип, что, впрочем, он делал довольно часто. Геббельс как личность подавлял государственного деятеля Геббельса. Он хотел убить не только себя, но и тех, в ком его сущность могла продлиться в будущем. Если человек решил уйти из жизни, он должен уйти весь, целиком, не оставив после себя ни единой своей частицы в живой плоти.

Геббельс вернулся к тому, с чего начал: он был нигилистом до мозга костей, и перед его беспредельным отрицанием все превращалось в ничто, все теряло смысл и значение, потому что он ни во что не верил. В молодости он находил спасение в своей страстной вере в Гитлера. В течение многих лет он отчаянно цеплялся за эту веру, но теперь и она иссякла. Он по-детски завидовал матери, которая обладала бесхитростной, идущей от природы верой в Бога. Он всю жизнь завидовал ее способности верить и любил ее за это еще больше.

Теперь, вечером 19 апреля, он отослал ее. В последнее время старая женщина жила рядом с ним. Она хотела остаться, потому что одряхлела, к тому же у нее болело сердце, и она уже ничего хорошего не ожидала от жизни. На протяжении всех лет, когда ее сын грелся в лучах славы и успеха, она ничего у него не просила, ей была непривычна и даже неприятна роскошь, окружавшая сына, ее пугали великие события, в которых он был одной из центральных фигур; ревностная католичка, она не могла с одобрением смотреть на злодеяния нацистов, из-за чего у нее начинался душевный разлад.

Прощание матери с сыном было грустным. Они оба понимали, что больше не увидятся друг с другом. Но Геббельс не хотел, чтобы и она стала участницей последнего акта трагедии, который вот-вот должен был начаться. Мать была чем-то большим, чем просто частью его существа. Она верила, следовательно, должна была жить.

Не успела его мать покинуть дом, как прибыла Магда с детьми. Дверь особняка закрылась. Дом Геббельса стал крепостью для него и его семьи и тюрьмой для его сотрудников.

Два дня спустя, 21 апреля, в конце очередного совещания министр принял всех окружных партийных руководителей Берлина и произнес краткую речь. Все к тому времени уже настолько выбились из сил, что адъютант Геббельса забыл пригласить стенографиста,

поэтому спешно вызванный человек успел записать только последнюю часть речи. «Я забрал семью домой, – сказал Геббельс. – Мы остаемся здесь, и я требую от вас, господа, чтобы вы также оставались на своих рабочих местах. Если потребуется, мы выберем достойную смерть». Он выглядел потрясенным, голос его временами прерывался, а на глаза набегали слезы.

В тот день сбежали его два секретаря. Они где-то раздобыли велосипеды и уехали на них в провинцию к родственникам. Геббельс в ярости кричал своему референту: «Я спрашиваю вас, как это могло произойти? Как прикажете обеспечивать нормальную рабочую дисциплину?»

Тотчас же была усилена охрана. Несмотря на препятствия, все обитатели дома потихоньку собирали свои вещи. Люди обсуждали самые фантастические способы побега. Одна из секретарш надумала выскочить из дома с распущенными волосами и венком на голове и начать петь и плясать в надежде, что ее примут за сумасшедшую. Кто-то из стенографистов хотел перебраться через стену, отделявшую особняк Геббельса от швейцарской дипломатической миссии, и, таким образом, оказаться, как он полагал, на территории нейтрального государства. Но через несколько часов в швейцарскую миссию попала авиабомба, и от нее не осталось камня на камне. Подполковник Бальцер показал товарищам по заточению темный пузырек. «Знаете, что это такое? – торжествующе спросил он. – Синильная кислота! Ее всегда можно купить в отеле «Адлон». Такой пузырек стоит одиннадцать тысяч марок, а смерть будет легкая и безболезненная. Достаточно одной капли попасть на язык, и вы падаете на пол, как сраженный молнией».

3

Вот что происходило в доме Геббельса в воскресенье 22 апреля.

После завтрака состоялось обычное совещание с помощниками. Начиная с семи часов утра во дворе горел костер, в который постоянно подбрасывали кипы документов, большую часть из которых составляли протоколы совещаний Геббельса. Костер полыхал весь день.

В десять часов утра Геббельс продиктовал очередную запись для своего дневника. Среди прочего он сказал, что, если ситуация не

изменится в лучшую сторону благодаря непредвиденным благоприятным событиям, он приравняет Берлин к передовой линии фронта. Диктуя, он время от времени поглядывал в окно. Предостерегающе выли сирены воздушной тревоги, а в небе над городом уже плыли вражеские самолеты. «Ну что же, берлинцев можно поздравить: они оказались достойными и мужественными людьми, — сказал он. — Они даже не прячутся в бомбоубежища, а спокойно смотрят в небо, им хочется самим увидеть, что там происходит».

Затем последовал непродолжительный разговор с военными советниками, среди которых был и генерал Рейман. Дневное совещание пришлось отменить, так как приглашенные на него люди попросту не смогли добраться до дома Геббельса. Поэтому Геббельс принялся диктовать речь, которую хотел в тот же день передать по радио. Это было короткое обращение, в котором Геббельс объявлял Берлин на осадном положении. Когда речь уже записывали на магнитофон, артиллерия русских открыла огонь по кварталу правительственных учреждений. С интервалами в тридцать секунд снаряды взрывались у Бранденбургских ворот, другие со свистом летели в Тиргартен, затем вдруг прозвучал оглушительный взрыв рядом с особняком, и от взрывной волны вылетели последние оставшиеся стекла. Ни один мускул не дрогнул на лице Геббельса. Запись прекратилась, но он тут же спросил: «Полагаю, я могу продолжить?» Те, кто был рядом с ним, с большой охотой укрылись бы в бомбоубежище, но никто не осмелился это предложить. Геббельс закончил свою речь и обратился к инженеру звукозаписи: «Как вы думаете, грохот взрывов будет слышен по радио? Получится хороший эффект, вы не находите?»

Через час он прослушал трансляцию своей речи по радио и остался доволен фоном разрывов.

Затем последовало совещание. Он также продиктовал обращение к гауляйтерам. В час дня он сел за обеденный стол и, согласно свидетельству его пресс-секретаря, по-прежнему насмехался над западными союзниками. Он называл Черчилля крохобором, а Идена — брюзгой. Он вообще вел себя так, как будто не понимал, что Берлин переживает последние дни мучительной агонии. Потом он

пожаловался на грохот артиллерии и удалился в бомбоубежище вздремнуть.

В течение дня артобстрел города набирал силу. К наводящему ужас адскому грохоту орудий присоединился рев летящих бомбардировщиков. Воздух постоянно содрогался от взрывов. Временами раздавались одиночные выстрелы зенитных орудий, но снарядов не хватало, и они снова замолкали. Все сотрудники министерства слонялись по гостиной, явно не желая возвращаться к рабочим столам, которые располагались в комнатах, более уязвимых при артобстреле. Магда и дети то приходили из бомбоубежища в гостиную, то опять скрывались в бункере. Все были подавлены и не разговаривали друг с другом, впрочем, ничего нового они уже не могли сказать.

Тем временем у Геббельса состоялся разговор с Фрицше. Геббельс с нервными нотками в голосе сообщил, что русские уже дерутся в пригородах Берлина и что, на его взгляд, положение безнадежное. «В конечном счете именно этого и хотели немцы, – добавил он. – Они сами голосовали за выход Германии из Лиги Наций, другими словами, высказались против политики мира и за политику силы и славы. Германский народ предпочел миру войну»^[124].

Фрицше не верил своим ушам. Никогда раньше Геббельс не давал такое неожиданное толкование выходу Германии из Лиги Наций. Да и сами итоги давнего плебисцита нельзя было рассматривать с такой точки зрения. Напротив, в то время Гитлер неоднократно выступал с заверениями, что его главной целью является достижение мира. Геббельс вышел из себя и оборвал Фрицше. Всего неделю тому назад он пытался найти пути выхода из войны, пока весь немецкий народ не стерли с лица земли, а сейчас он едва ли не желал немцам гибели. Он демонстративно повернулся к Фрицше спиной и не шелохнулся, пока его самый одаренный сподвижник не вышел из комнаты.

В пять часов фрау Геббельс сказала няне: «Мы едем к фюреру. Пожалуйста, приготовьте детей». Дети очень обрадовались и спрашивали, угостит ли их Гитлер шоколадом и печеньем. Няня поинтересовалась, надо ли уложить ночные рубашки девочек, но Магда ответила: «Нет, они нам больше не понадобятся». Затем она с веселой улыбкой повернулась к детям и велела им взять с собой только по одной игрушке.

Через несколько минут Геббельс вышел из своего кабинета и спустился вниз. Он выглядел бледным и напряженным и прихрамывал больше обычного. Через руку у него было перекинута одежда, что очень удивило всех, так как сам он обычно ничего не носил. Внизу он надел плащ и вместе с женой и детьми покинул дом. Впереди шли его водитель Рах и адъютант Швегерман. Их ожидали две машины, в первую сели Геббельс с женой и дочерью Хельгой, во второй устроились остальные дети. Швегерман сел за руль, и затем оба автомобиля отъехали. Через несколько минут в кабинет Якобса вбежала няня. «Они уехали! – причитала она, заливаясь слезами. – Они уехали! Они никогда не вернутся!» Новость мгновенно облетела весь дом. Кто-то заметил, что Рорзен, дворецкий Геббельса, уже сбежал. У секретарши началась истерика. «Нас бросили на произвол судьбы!» Куда-то незаметно исчезли офицеры СС, охранявшие вход и выход особняка. Их долгом было беречь самого министра, но теперь они остались без дела. Женщины рыдали и в отчаянии рвали на себе волосы. «Теперь нам уже не выбраться из Берлина! – стонали они. – Почему нам не разрешили уехать вчера, когда еще не было слишком поздно!»

Нельзя сказать, что и поведение мужчин было образцовым. Конечно, они оказались в отчаянном положении и вели себя соответственно. Никто не знал наверняка, что произошло, все говорили, перебивая друг друга, все жаждали выбраться из западни, но никто не видел способа, как это сделать. Как ни странно, имя Геббельса почти не упоминалось. Казалось, всем стало безразлично, что случилось с их бывшим хозяином и начальником. Одна из горничных сказала: «Фрау оставила весь дом в моем распоряжении, она ровным счетом ничего не взяла с собой». Все пришли к единодушному заключению, что семейство Геббельс примет смерть в ближайшие несколько часов. Судя по всему, в этом же была уверена и Магда, иначе она обязательно захватила бы ночные рубашки девочек.

Часы пробили шесть. Все бросились по комнатам за уже давно уложенными чемоданами, охваченные одной мыслью – убежать как можно скорее. Наконец от заднего крыльца отъехали две оставшиеся машины, в каждую из которых втиснулось по десятку человек.

Чуть позже в дом вошла группа усталых людей. Кто-то крикнул: «Те, кто не состоит в фольксштурме, должны немедленно покинуть

дом!»

Прислуга и повара поспешно подхватили чемоданы, вышли из подвала, прошмыгнули, словно крысы, между редкими шеренгами ополченцев, и здание опустело. Подростки с повязками фольксштурмовцев на рукавах удивленно смотрели им вслед, и их глаза на исхудавших, осунувшихся лицах казались огромными...

4

За несколько дней до описываемых событий Гитлер покинул рейхсканцелярию и перебрался в свой бункер, сооруженный под садом на большой глубине. Если быть точным, бункер состоял из двух бомбоубежищ: в одном было двенадцать комнат, а во втором – восемнадцать тесных клетушек. Помимо Гитлера там располагались Ева Браун, Мартин Борман, а также секретари, адъютанты и прислуга. Магде с детьми предоставили четыре комнаты, а Геббельс обосновался в спальне, которую прежде занимал личный врач Гитлера доктор Морелль. Видимо, Геббельс хотел быть поближе к Гитлеру, чтобы помешать ему изменить уже принятое решение.

Двумя днями раньше, в свой день рождения, Гитлер чуть было не оставил Берлин. Его водитель Эрих Кемпка получил приказ подготовить сорок машин. Попрощаться с фюрером пришли очень многие близкие к нему люди, и все они ожидали, что в тот же вечер он отправится в Оберзальцберг. Геринг, Кейтель, Гиммлер, Борман и генералы Ганс Кребс – начальник генштаба сухопутных сил – и Вильгельм Бургдорф – офицер связи между верховным командованием и ставкой фюрера – уговаривали его уехать из Берлина. Гитлер не говорил ни «да», ни «нет». Многие из тех машин, что предоставил Кемпка, отвезли высокопоставленных нацистов в аэропорт. Гитлера среди них не было. Не оказалось его и в группе из сорока или пятидесяти бонз, которые уехали из рейхсканцелярии на следующий день.

22 апреля на дневном совещании фюрер устроил дикую по своей ярости сцену. Он кричал, как уже бывало не раз, что его предали, что армия сплошь состоит из одних изменников, что его обманывали со всех сторон, что с Третьим рейхом покончено и он хочет умереть. Наконец он заявил, что не поедет в Берхтесгаден.

Все стали с горячностью его уговаривать и уверять, что еще не все потеряно. Затем ему звонили Гиммлер, Дениц и Риббентроп, они тоже упрашивали фюрера не оставаться в Берлине. Гитлер стоял на своем. Он приказал сообщить народу, что фюрер его не покинет.

Вскоре после этого совещания в бомбоубежище Гитлера перебрался Геббельс. Кейтель умолял его пустить в ход все свое влияние на фюрера и образумить его. Геббельс улыбнулся, покачал головой и ответил, что не надеется на успех. Кейтель сокрушенно простонал, что все будет потеряно, если Гитлер останется в Берлине. Геббельс возразил ему, что так или иначе все уже потеряно. Он не мог постигнуть логику генералов. На его взгляд, военные должны были лучше других понимать, что героическая смерть фюрера была важнее, чем лишние несколько дней, а то и часов сопротивления^[125]. Очевидно, генералы оказались в плену своих старых стереотипов. Йодль говорил Гитлеру, что при сложившихся обстоятельствах он не должен скрываться в убежище. «Лично я не останусь в этой мышеловке, – с вызовом заявил он. – Здесь я без пользы сижу сложа руки. Бункер только называется штаб-квартирой, но, когда связь постоянно прерывается, руководить военными действиями и вовремя отдавать приказы совершенно невозможно. Я солдат. Дайте мне полк и пошлите меня в бой, и я буду сражаться где бы то ни было. Но здесь я не останусь ни дня».

Геббельсу приходилось скрывать от Гитлера доводы такого рода. В то время как остальные пытались обсуждать тактику обороны, он старался затуманить сознание фюрера мистицизмом «Песни о Нибелунгах». Он должен был загипнотизировать его и держать в одурманенном состоянии, чтобы маленький человечек из Браунау близ Линца – ибо фюрер в конце концов снова стал тем, кем был в самом начале своего восхождения к власти, – отождествлял себя с Зигфридом, стяжавшим славу и умершим как герой. Геббельс, который на протяжении нескольких лет обличал пораженческие настроения, теперь был вынужден славить поражение и трагическую смерть как неизбежное следствие. Поражение уже не представлялось чем-то недостойным, оно стало историческим событием, велением судьбы. Геббельс говорил об обреченной культуре и приговоренной Европе. Все его мотивы были не так уж новы: в них слышалось что-то от

Гегеля и Шопенгауэра, Рихарда Вагнера и Шпенглера, что вполне соответствовало беспредельному нигилизму молодого Геббельса.

Геббельсу приходилось постоянно увещевать Гитлера и ни на минуту не упускать его из-под своего контроля. В результате сложилась парадоксальная ситуация: Геббельс, у которого в те дни не было никаких служебных дел, был занят намного больше, чем когда-либо раньше. Фрицше, находившийся в подвале министерства пропаганды, тщетно пытался дозвониться до Геббельса. Все его попытки поговорить с ним лично в бункере фюрера кончились неудачей. Стало ясно, что Геббельс не желает ни видеть, ни слышать его, а это говорило о том, что министр что-то задумал.

У Геббельса практически не было связи с внешним миром. Он, получавший ранее самые свежие и исчерпывающие новости, теперь только изредка включал радио. Однажды он случайно настроил приемник на передачу из Москвы и срочно вызвал переводчика из министерства пропаганды. Но не успел тот явиться и начать перевод, как Геббельс махнул рукой, приказывая ему удалиться. Геббельса больше ничто не интересовало.

Между тем гигантский и мощный механизм германской пропаганды разваливался на глазах. Несколько радиостанций еще продолжали свои передачи, но вряд ли кто из немцев их слушал. Большинство газет или вообще прекратили свое существование, или, в лучшем случае, выходили на одной-единственной странице. Последний номер «Рейха» пришлось печатать в Лейпциге, так как прямое попадание бомбы разрушило берлинскую типографию, поэтому газета так и не появилась в Берлине.

22 апреля в Берлине вышла новая газета под названием «Бронированный медведь» с подзаголовком «Для защитников Берлина»^[126]. Она состояла из жалких четырех страниц форматом немногим больше обычной книги и была напичкана сенсационными репортажами о схватке патриотов с русскими в берлинской подземке. Их перемежали страстные призывы к населению держаться до конца. Она была сделана в жалком любительском стиле и выглядела даже хуже, чем первый выпуск «Ангрифф». Увидь ее Геббельс, и она пробудила бы в нем смешанные чувства. Итак, еще один круг замкнулся – Геббельс снова оказался там, с чего начинал.

Но кто в осажденном Берлине под огнем вражеской артиллерии мог заинтересоваться «Бронированным медведем»? Кого волновали судорожные потуги умирающей пропагандистской машины? Кто-то задумал выпускать листовки для «идущих на подмогу» немецких дивизий, которые якобы должны были освободить город. В них войска призывались поспешить на выручку берлинцам. Листовки «случайно» были сброшены над Берлином, чтобы создать впечатление, что несуществующие войска действительно приближаются к Потсдаму. Неужели мог найтись хоть один человек, который верил этой лжи?

Снова и снова Борман, Риббентроп и все остальные пытались убедить Гитлера уехать в Берхтесгаден. Только 25 апреля они, наконец, смирились с неизбежным. К тому времени русские замкнули кольцо вокруг Берлина, и любые попытки побега стали сопряжены с серьезной опасностью.

5

Геббельсу в эти дни довелось пережить триумф, хотя он и пришел к нему слишком поздно, чтобы осчастливить: наконец-то Геринг впал в немилость.

Создатель и руководитель люфтваффе уехал в Берхтесгаден и оттуда направил Гитлеру телеграмму, в которой изъявлял желание взять на себя командование армией, поскольку фюрер был лишен свободы действий. Телеграмма стала итогом многочисленных недоразумений, в которых, безусловно, был повинен и сам Гитлер. Борман, который в течение многих лет строил козни Герингу, быстро воспользовался положением и сумел убедить Гитлера, что Геринг хочет его предать. Гитлер пришел в бешенство и с пеной у рта кричал всем, кто мог его слышать, что измена Геринга ранила его в сердце. Геббельс ему подыгрывал, что, впрочем, было неудивительно, если вспомнить о том, как долго они враждовали и сколько раз Геббельс безуспешно пытался добиться отстранения Геринга. Он был доволен долгожданным падением соратника, но особой радости не испытывал. Человеку, который мог так искренне ненавидеть, теперь приходилось делать над собой усилие, чтобы злобно посмеяться над Герингом, а ведь раньше это было так легко и естественно. Большая часть того, что он говорил о Геринге и других предателях, звучало настолько принужденно и искусственно, что свидетели про себя называли его

жалким актером – на такое не осмеливались никогда даже его злейшие недоброжелатели^[127]. Его взрывы негодования звучали только изредка, а голос он возвышал, только чтобы угодить Гитлеру, а может быть, чтобы укрепить его решимость покончить с собой. Во всем остальном Геббельс вел себя удивительно спокойно в истерической атмосфере, царившей в бункере. Он по-прежнему выглядел холемым и ухоженным, его рубашки были безукоризненно свежими, он тщательно брился и до самого конца следил за ногтями.

Иногда он читал детям книги и пел вместе с ними народные песни. Дети играли в свои обычные игры, но для беготни им не хватало места, поскольку комнаты были не больше купе спального вагона. Когда артобстрел прекращался, детям разрешали погулять в саду. Однажды они увидели в небе над Берлином самолет. «Почему мы не уезжаем отсюда?» – спросили они. Мать отвечала им: «Разве вам не нравится у дядюшки фюрера?» Дети покорно согласились, что у дядюшки фюрера им очень хорошо.

Совершенно неожиданно в бомбоубежище появился профессор Карл Франц Гебхардт, глава немецкого отделения Красного Креста. Он собирался вечером 26 апреля выехать из Берлина на нескольких машинах, принадлежавших Международному Красному Кресту. Он спросил, не нужно ли эвакуировать женщин и детей. Профессор зашел к Магде в ее крошечную комнату, но она и слушать не хотела о бегстве: она останется здесь, и ее дети будут с ней.

Магда была очень занята, имея на руках шестерых маленьких непосед. Одежду приходилось постоянно стирать и гладить, так как они не взяли с собой ничего на смену. Она много играла с ними. Однажды старшая дочь Хельга, развитая не по годам, грустно спросила ее: «Мама, мы должны умереть?»

Магде достало сил спокойно улыбнуться и покачать головой, но она разрыдалась, как только осталась одна. Ее охватывал ужас при мысли о том, что должно было произойти. Хватит ли ей мужества смотреть, как умирают ее дети?^[128]

Ева Браун, еще одна женщина, находившаяся в бункере, казалось, полностью примирилась с мыслью о предстоящей смерти. Фактически, она была единственной союзницей Геббельса в маленьком заговоре с целью обеспечить героическую смерть фюрера.

Она всегда держалась в тени, тогда как Гитлер все же был крупнейшей исторической фигурой; ей позволялось проводить с ним лишь несколько часов в сутки; теперь, в последние дни нацистского режима, ей удалось вступить в свои права. Гитлера покинули почти все бывшие соратники, за исключением считанных друзей, и он полностью принадлежал ей. «Пока смерть не разлучит нас». В Еве Браун еще были живы представления томящейся немецкой горничной о романтической любви.

Скорее всего, Геббельс, а может быть, и Ева Браун, наконец, убедили Гитлера в необходимости умереть. 28 апреля он пригласил к себе всех обитателей подземелья. Речь шла о самоубийстве. Гитлер объявил, что все должны покончить с собой, к тому же желательно таким способом, чтобы их тела было невозможно опознать. Яд был у всех. Массовый уход из жизни должен был начаться в ту минуту, когда русские прорвутся к рейхсканцелярии. Его слушатели согласно кивали и наперебой заверяли фюрера, что жаждут покончить с собой. У каждого был собственный план самоубийства, каждый ощущал себя героем. Несмотря на разыгрывавшуюся перед ним драму, Гитлер втайне продолжал надеяться на чудо. Что касается остальных, то они не собирались умирать. За исключением семьи Геббельса и Евы Браун никто не последовал примеру фюрера.

Поражение Германии было настолько сокрушительным, что подобного еще не знала история. Полоска немецкой земли, еще не занятой противником, с каждым днем становилась все уже. Отдельные, отрезанные друг от друга территории, где немцы еще сопротивлялись, напоминали островки в океане. Встреча русских и американцев на Эльбе уже состоялась, и Германия раскололась на две части.

В руках русских уже оказалось более половины Берлина. Сражение велось практически повсюду. В самом городе уже не представлялось возможным установить связь между отдельными ведущими бои частями.

Иногда улицы, только что бывшие ареной ожесточенной схватки, окутывались глубочайшей тишиной – главное действие перемещалось в другой район. Солдаты германской армии пользовались любой возможностью, чтобы избавиться от военной формы и переодеться в штатское.

В городе царила невероятная растерянность. Больше всего жители Берлина боялись, что на их улицу придут их защитники, то есть немецкие войска. Им навстречу выходили женщины и старики, которые умоляли офицеров перейти в другой квартал. На фонарях висели тела сотен дезертиров. Пошатнувшаяся дисциплина обеспечивалась одним-единственным средством – жестокостью и страхом. Были случаи, когда солдаты бунтовали и расстреливали офицеров. Однако открытое неповиновение встречалось редко. В основном немецкие солдаты не отличались революционными настроениями.

Берлинские ночи были яркими и светлыми, потому что город полыхал в тысяче мест одновременно и никто не пытался потушить гигантский пожар. Берлин превратился в сплошное море огня, и с высоты полета бомбардировщиков, которые еще продолжали кружить в небе, казалось, что мир проваливается в огненную бездну.

В бункере фюрера мир действительно мог рухнуть с минуты на минуту. Все вокруг казалось нереальным и фантастическим. Властители Германии, посылавшие одним повелительным жестом на смерть миллионы людей – евреев, поляков, чехов, югославов и даже немцев, – сами не собирались умирать. На самом деле о смерти говорили очень много, но большинство обитателей подземелья надеялись на невероятный случай, который должен был их спасти. Даже человек, которого Геббельс хотел возвести в ранг величайшего героя, и тот не мог отказаться от надежды.

Он боялся смерти. С большим трудом он тащил свое разбитое тело по подземелью, не в силах совладать с дрожью, сотрясавшей его. Когда он прикасался к военным картам, на них оставались следы от его вспотевших от страха смерти пальцев. Он все еще строил какие-то планы, о чем-то думал и оперировал в уме несуществующими армиями.

Затем он снова повторял всем, кто прятался с ним в убежище, каким должен быть их конец. Даже перед лицом смерти он оставался диктатором и не просто повелевал умереть другим, он еще указывал им, как они должны умереть. «Я вынужден настаивать на том, чтобы мое тело и тело Евы Браун было уничтожено прежде остальных».

Его охватывал панический ужас при одной мысли, что его тело попадет в руки русских и будет выставлено в Москве на обозрение. У

нас нет доказательств, что Геббельс пугал его страшной картиной, однако это вполне возможно. Геббельс нуждался в смерти Гитлера, чтобы затем обожествить его. Но если бы русским удалось захватить его останки, они могли бы их использовать, чтобы в зародыше задушить легенду о Гитлере. Смерть Гитлера должна была таить загадку – а что может быть загадочнее, чем смерть, после которой не находят тела? Только такая гибель давала почву для будущей легенды о фюрере. Геббельс мог предполагать, что через год или два люди начнут спрашивать себя, действительно ли Гитлер умер, или он просто где-то скрывается, чтобы опять когда-нибудь выйти на сцену.

Союзица Геббельса Ева Браун наконец-то была вознаграждена за долготерпение: фюрер женился на ней. На свадьбе Геббельса почетным гостем был Гитлер. Теперь они поменялись местами. Брачная церемония состоялась в ночь с 28-го на 29 апреля и заняла всего несколько минут.

Затем был неофициальный прием, на котором присутствовали Магда, Борман и несколько свидетелей. Они уселись в одной из комнат, пили шампанское и тихо беседовали. Если быть совсем точным, то разговаривал в основном один Геббельс. Остальные, опасаясь сказать бестактность, едва осмеливались раскрывать рот, ибо положение в самом деле было таким, когда что ни скажи, все могло оказаться неловким. Они даже не решились поднять бокалы в честь молодых и пожелать им счастливого будущего – их будущее ограничивалось несколькими сутками.

Пока все сидели на приеме, Гитлер удалился вместе с секретарем, чтобы продиктовать свое частное и политическое завещания. Геббельс подписал оба документа в качестве свидетеля. Политическое завещание фюрера представляло собой его последнее обращение к грядущим поколениям: оно могло создать легенду о Гитлере, но могло и разрушить ее.

Имел ли Геббельс какое-либо отношение к политическому завещанию Гитлера? На этот вопрос невозможно ответить однозначно, но можно предположить, – и это будет более чем предположение, – что он решительно повлиял на фюрера во всем, что касалось завещания. Мы опять встречаем в нем классические формулировки геббельсовской пропаганды. Снова повторяется, что Германия не хотела войны и не начинала ее и что вся вина лежит на евреях. Снова

утверждается, что, несмотря на все трудности, эта война войдет в историю, потому что в ней «немецкий народ показал, насколько сильна и неистребима в нем воля к жизни»^[129]. Здесь же прозвучала брань в адрес Геринга, а заодно и Гиммлера, который тем временем пытался начать переговоры с западными союзниками.

Затем Гитлер назначил новое правительство Германии. Второго фюрера не могло быть, и высшим лицом – рейхс-президентом – должен был стать адмирал Карл Дениц^[130]. Геббельс становился рейхсканцлером, то есть главой правительства, а Борман должен был возглавить нацистскую партию. Затем следовало последнее пожелание Гитлера: «Хотя многие люди, такие, как Мартин Борман, доктор Геббельс и другие, пришли ко мне по доброй воле вместе с женами и отказались покинуть столицу при любых обстоятельствах, поскольку пожелали погибнуть вместе со мной, тем не менее я должен просить их уважать мою последнюю волю и подчинить свои личные чувства интересам нации».

Для Геббельса пожелание Гитлера было веским предложением избежать всеобщего самоубийства. Останься он в живых, никто не посмел бы бросить ему упрек в малодушии. Ему выдалась последняя возможность сохранить жизнь, но он пренебрег ею. Он уже сделал свой выбор. Даже если бы Гитлер в последнее мгновение отказался умирать, Геббельс покончил бы с собой. Он сам решил, что Гитлер должен исчезнуть, и он не подражал ему, последовав за ним. Напротив, Гитлер следовал за Геббельсом до последней минуты своей жизни, хотя и не догадывался об этом. В финале вождь превратился в марионетку.

6

Скрепив оба документа своей подписью, Геббельс удалился, чтобы написать приложение к политическому завещанию Гитлера.

«Фюрер приказал мне, – писал он, – в случае, если оборона столицы закончится неудачей, оставить Германию и возглавить правительство, назначенное им.

Впервые за свою жизнь я вынужден категорически отказаться от выполнения приказа фюрера. Моя жена и дети присоединяются ко мне в моей решимости. В противном случае – не говоря уж о том, что человеческие чувства и преданность запрещают нам покидать фюрера

в час, когда он нуждается в нас, – всю оставшуюся жизнь я буду выглядеть предателем и обыкновенным негодяем и утрачу самоуважение вместе с уважением моих сограждан, тем самым уважением, которое понадобилось бы мне для создания будущего германской нации и государства.

В обстановке предательства и вероломства, которые окружают фюрера в самые тяжелые дни войны, должен найтись хотя бы один человек, который останется с ним до конца, что бы ни случилось, даже если это противоречит официальному и с точки зрения разума оправданному приказу, который он дал в своем политическом завещании.

Поступая таким образом, я полагаю, что в меру своих сил и возможностей служу будущему немецкого народа. В тяжелые времена гораздо важнее стать примером для других, чем просто быть человеком. Всегда найдутся люди, чтобы повести народ за собой навстречу свободе, но возрождение нашей национальной жизни немыслимо, если оно не основывается на ясных и очевидных примерах.

По этой причине я вместе с моей женой и от имени моих детей, которые еще слишком малы, чтобы высказываться самостоятельно, но которые безоговорочно согласились бы со мной, будь они достаточно взрослыми, выражаю непреклонную решимость не оставлять столицу рейха, даже если ей суждено пасть. Я предпочитаю уйти с фюрером и покончить с жизнью, которая для меня не представляет ценности, если я буду лишен возможности провести ее в служении делу фюрера плечом к плечу рядом с ним»^[131].

Еще в апреле 1926 года Геббельс писал: «Может быть, наступит день, когда все рухнет, когда чернь возопит: «Распни его!» Тогда мы все станем твердо и неколебимо вокруг и возгласим: «Осанна!»

Настало время сдержать свою клятву – и Геббельс сдержал ее. И этот круг замкнулся.

7

Приблизительно через сутки, на рассвете 30 апреля – впрочем, затворники подземелья уже потеряли представление о том, какое время суток наверху, – Адольф Гитлер дал прощальный прием. Из обоих бункеров были приглашены два десятка человек. Гитлер и Ева

Браун ходили среди гостей, бормотали что-то приветливое, пожимали им руки. Небольшая церемония длилась около часа, затем новобрачные удалились. Гитлер вызвал своего адъютанта Гюнше и снова объяснил ему: «Это мой последний приказ. Мое тело и тело моей жены ты обязан сжечь сразу же после нашей смерти, и ничто не должно помешать тебе выполнить приказ». Гюнше вышел, и супруги остались наедине. Все в убежище замерли, ожидая конца.

Время шло – странное, нереальное время. Так они и сидели в своих тесных комнатах – Геббельс, Магда и все остальные – и ждали, когда все закончится.

Трудно себе представить сверхъестественную атмосферу последних часов. Почти так же сложно догадаться, о чем думал Геббельс. Был ли он доволен достигнутым? Испытывал ли он удовлетворение оттого, что фюрер умрет именно так, как он, Геббельс, от него требовал? Был ли он спокоен или впал в отчаяние? Радовался он или печалился? Был ли он бесстрастным или волновался?

Он знал одно: он сделал все для того, чтобы Германия выиграла войну. Он больше, чем кто-либо другой, приложил сил, чтобы достичь победы. Он совершил минимально возможное число ошибок. Он поддерживал боевой дух народа, несмотря на все ужасные поражения. Если бы Гитлер прислушивался к нему, тотальная война началась бы намного раньше, и тогда – кто знает? – не исключено, что победа была бы за ними. Но сейчас не имело смысла рассуждать обо всех упущенных возможностях. Единственное, что еще имело значение, это сама смерть. Может быть, когда-нибудь в будущем весь мир осознает величие этой войны и стойкость Германии.

Он ждал... Не лучше ли было покинуть Берлин, как это сделали Гиммлер и Геринг, Йодль и Кейтель? Нет, бегство всего лишь отдалило бы неизбежное решение на несколько часов, в лучшем случае на несколько дней. «Я хотел бы, чтобы мне снова было тридцать лет...» Неужели он сделал бы все иначе? Неужели он не присоединился бы к нацистам? Неужели не стал бы последователем Гитлера?

Час проходил за часом – жуткие часы... Что сейчас делает фюрер? Опять что-то бормочет о чести Германии и о ее будущем? По-прежнему призывает кару небесную на головы евреев? А может, он в последние минуты задумался над допущенными ошибками? Не

спрашивает ли Гитлер себя, какой путь он избрал бы, будь ему снова тридцать лет?

Геббельс ждал. Ждали и все те, кто находился в бункере. Проходили томительные часы. Гитлер умирал тяжело – намного тяжелее, чем настоящие герои.

С тех пор, как он удалился к себе, прошло десять часов. И вдруг он появился снова. Было уже два часа дня.

Он попросил, чтобы ему в комнату подали обед. Поев, он вышел в сопровождении жены. Он прошел по бункеру, не говоря ни слова, пожал каждому руку, напряженно вглядываясь в лица людей, и опять за ним затворилась дверь. Затем раздался выстрел. Борман и Гюнше бросились в гостиную Евы Браун. Она приняла яд и покоилась мертвая на постели. Адольф Гитлер лежал на полу. Его голова превратилась в кровавое месиво. Он выстрелил себе в рот.

8

Кремация была назначена на три часа дня^[132]. Тела подняли наверх и положили на песок на заднем дворе, в пяти метрах от входа в убежище. Присутствовали Геббельс, Борман, Гюнше и Кемпка, шофер Гитлера. Трупы облили бензином и хотели было поджечь, но снаряды русских падали так близко, что находиться наверху было опасно. Все отошли поближе к входу в убежище. Оттуда Борман бросил на тела горящую ветошь, пропитанную бензином, но промахнулся и попал в цель только со второго раза. Трупы вспыхнули. Присутствовавшие при кремации вскинули руки в гитлеровском приветствии.

Геббельс не двигался. Вокруг рвались русские снаряды, в двух шагах лежало объятые пламенем тела Гитлера, горел Берлин. Город превратился в груды бесконечных руин, в океан безнадежности и горя, он стал трагически не похожим на тот Берлин, каким он был почти двадцать лет тому назад. В нем не было света и красок, а музыку заменили грохот снарядов и рушащихся зданий и редкие выстрелы зенитных орудий.

Тела горели медленно, и стало ясно, что ждать придется довольно долго, пока они не станут окончательно неузнаваемыми. Наблюдавшие за сценой люди потеряли терпение и спустились в бомбоубежище. Вспоминал ли Геббельс о тех временах, когда он впервые приехал в Берлин? Тогда сторонники нацистской партии располагались в

маленьком подвале и иронично называли свою штаб-квартиру «курильней опиума». Теперь и этот круг замкнулся. Партия снова оказалась там, откуда начинала свой путь. Она опять располагалась под землей, куда никогда не проникало солнце, и в ее распоряжении были жалкие квадратные метры пространства.

Во время последнего совещания, которое проходило ранним утром 1 мая в присутствии Бормана, Геббельса, генерала Кребса и остальных, было решено сделать попытку убежать из рейхсканцелярии. Борману предстояло добраться до Деница.

Генерал Кребс предложил Геббельсу с семьей бронированный автомобиль, но тот только покачал головой. «Нет, благодарю вас, – сказал он. – Жизнь меня больше не привлекает».

Вскоре он вызвал Гюнше и приказал поджечь бомбоубежище Гитлера, как только закончится исход его обитателей. Гюнше возражал и напомнил четкие инструкции Гитлера оставить бункер нетронутым, чтобы доказать русским, что фюрер держался до конца.

Геббельс и слышать об этом не желал. «Делайте, что я вам приказываю!» – отрезал он. Конечно, он знал об инструкциях Гитлера – весьма маловероятно, что такая важная подробность ускользнула от его внимания. Но он считал, что выгоревший бункер произведет намного более сильное впечатление. «Пожар потрясает человека и вызывает к его собственным разрушительным инстинктам...» До самого конца он оставался пропагандистом.

День 1 мая пролетел быстро в приготовлениях к побегу из западни. Геббельс и Магда, которым не к чему было готовиться, играли с детьми, пели с ними песенки, читали им книжки. Время от времени их отвлекали, чтобы обсудить ту или иную возможность бегства из Берлина. Никто уже не помнил свои клятвы умереть вместе с Гитлером, точно так же никто не думал, что Геббельс всерьез намеревался сдержать свое слово.

Адъютант Геббельса Гюнтер Швегерман явился известить его, что было решено уходить всем вместе в девять часов вечера. Даже он не догадывался, что его патрон не собирается отправляться вместе с ними. Было уже около семи часов. Он видел, как фрау Геббельс вошла в комнату детей. Когда она снова появилась, его поразило ее мертвенно-серое, застывшее, словно маска, лицо. Затем она внезапно заметила Швегермана и отчаянно зарыдала, уронив голову ему на

грудь. Он не сразу понял, что она пытается сказать ему между приступами судорожных рыданий: она только что умертвила своих шестерых детей.

Это было устроено так: она пригласила врача, который сказал детям, что должен сделать им прививку от болезней, так как им придется еще долгое время провести в бункере. Магда вместе с доктором переходила от кровати к кровати и наблюдала, как он вводил им в вену смертоносную «вакцину»^[133].

Магда была в состоянии близком к коме. Швегерман отвел ее в конференц-зал, где в ожидании жены сидел бледный Геббельс. Ему не нужно было ничего говорить. Время шло, а он сидел неподвижно, погруженный в глубокое молчание. Затем все трое перешли в узкую комнатку Геббельса, и тут он заговорил:

– Все кончено. Моя жена и я добровольно уйдем из жизни, а вы сожжете наши тела. Вы в состоянии сделать это?

– Да, – ответил адъютант.

– Это вам на память, – сказал Геббельс и протянул Швегерману портрет Гитлера, всегда стоявший у него на столе.

Магда обернулась к Швегерману:

– Вы увидите, что мы уйдем из жизни с достоинством. Если вам доведется встретить Харальда^[134], передайте ему наши наилучшие пожелания и скажите, что мы умерли достойной смертью.

Швегерман вышел.

Достойная смерть... До последней минуты Геббельса волновало только то, как его смерть будет выглядеть в глазах грядущих поколений. И вместе с тем его совершенно не беспокоило, как выглядит в глазах современников его жизнь. В его понимании он прожил деятельную и полнокровную жизнь, однако вряд ли кто-нибудь назвал бы ее достойной. С точки зрения любой морали он был преступником, прямо или косвенно повинным в гибели сотен тысяч, а то и миллионов людей. Теперь он готовился умереть достойно. Ему казалось, что он уйдет с высоко поднятой головой – он, самый выдающийся выразитель нравственного нигилизма нашего времени, пропагандист до мозга костей, верховный жрец мистического культа, чьей целью было одурманивать людей, пробуждать в них жестокость и заставлять их принимать за действительность пустые слова – не потому, что это было необходимо для правого дела, а ради

самоутверждения пропаганды. Он не понимал, что не может быть достоинства в жизни, в которой не было добра.

В половине девятого вечера Геббельс и Магда вышли из его комнаты, молча прошли мимо Швегермана и Раха, водителя Геббельса, который уже приготовил бензин, и так же молча поднялись наверх.

Швегерман услышал выстрелы и бросился к выходу. Супруги лежали на земле. Геббельс застрелился, а Магда приняла яд. Эсэсовец, стоявший у трупов, сказал, что выстрелил в них дважды, чтобы быть полностью уверенным в их смерти. Они вылили на тела четыре канистры бензина и подожгли его^[135].

Девять часов. В саду около рейхсканцелярии было светло как днем от бесчисленных пожаров, полыхавших по всему городу. Люди покидали бункер. Те, кто бежал через сад, могли хорошо видеть два обугленных тела.

9

Беглецам не удалось далеко уйти. Некоторые из них погибли, другие попали в плен. На следующий день в сводке русских было сказано: «Войска Первого Белорусского фронта при содействии войск Первого Украинского фронта после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня полностью овладели столицей Германии городом Берлином – центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии. Гарнизон Берлина, оборонявший город, прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен в три часа дня 2 мая. К 21 часу 2 мая наши войска взяли в плен более семидесяти тысяч солдат и офицеров в городе Берлине».

В тот день 2 мая несколько человек еще продолжали работать в подвале под развалинами министерства пропаганды. Ганс Фрицше не оставил свой пост. Узнав о смерти Геббельса, он решил сделать русским «мирное предложение». В ту минуту, когда он давал указания переводчику, в подвал проникли русские солдаты^[136].

Приблизительно в то же время было обнаружено тело Геббельса.

Понадобилось немало времени, чтобы берлинцы узнали, что их гауляйтер и командующий обороной Берлина умер, так как газеты не выходили и радио не работало. Многие отказывались верить в его смерть, полагая, что это очередной пропагандистский трюк или один

из многих ложных слухов, которые так ловко запускать в народ сам Геббельс.

Впрочем, берлинцев не особенно тревожило, жив Геббельс или умер. У них и без того хватало своих, более насущных забот. В их город наконец пришли русские войска, которыми их так запугивал Геббельс. Жители сидели в подвалах и дрожали от страха за свое будущее. Ужас настолько заполонил их души, что им было недосуг думать о Гитлере или Геббельсе. Пропагандист Геббельс в конце концов был побит своим же оружием.

Даже позже, когда смерть Геббельса была много раз подтверждена, когда русские показали фильм о взятии Берлина, в одном из эпизодов которого можно было прекрасно видеть труп Геббельса, и не узнать его было нельзя, – даже тогда жители Берлина продолжали сомневаться. Люди шепотом передавали друг другу, что он сбежал не то в Баварию, не то в Испанию, а может, даже в Аргентину, куда добрался на подводной лодке особой конструкции. Многие считали, что им подсунули тело двойника. Были даже такие, что уверяли, будто он вернулся в католическую веру и уединился в дальнем монастыре подальше от людских глаз.

Его считали слишком хитрым и изворотливым, чтобы поверить, что он не принял мер к спасению своей жизни. Люди настолько привыкли видеть в нем лицемера и лгуна, что не верили даже доказанному факту его гибели.

Так умер Геббельс – он лишил себя жизни и в прямом, и в переносном смысле.

notes

Примечания

1

П.Й. Геббельс. «Михаэль». Эту книгу мы рассмотрим ниже. Здесь только следует указать, что, по свидетельству матери Геббельса, это произведение автобиографическое. (*Примеч. авт.*)

2

Стефан Георге (1868–1933) – поэт-символист, апологет чистого искусства и мессианства, в его произведениях заметно влияние Ницше. *(Примеч. ред.)*

3

П.Й. Геббельс. «Михаэль». *(Примеч. авт.)*

4

Любопытен тот факт, что Г. Гейне, как еврей, был запрещен в Германии нацистами. *(Примеч. ред.)*

5

В. Ратенау. «Кайзер». *(Примеч. авт.)*

6

Комментарии к «Бесам». *(Примеч. авт.)*

7

У Достоевского: «...Вера вам нужна, чтобы народ абрютировать...» Абрютировать – приводить в скотское состояние. Таким образом, Геббельс более верно понял мысль и взял ее на вооружение. *(Примеч. ред.)*

8

П.Й Геббельс. «Михаэль». *(Примеч. авт.)*

9

П.Й. Геббельс. «Михаэль». *(Примеч. авт.)*

10

П.Й. Геббельс. «Так говорит Гитлер». 19 ноября 1928 года. *(Примеч. авт.)*

11

После прихода к власти нацистов «Странник» шел некоторое время на сцене, но публика принимала его холодно, и Геббельс убрал ее из репертуара. *(Примеч. авт.)*

12

В 1923 году была введена так называемая рентная марка, равная триллиону старых, а в 1924 году – рейхсмарка с тем же номиналом. Таким образом, эта сумма была равна двадцати четырем долларам. *(Примеч. ред.)*

13

П.Й. Геббельс. «Сражение за Берлин». *(Примеч. авт.)*

14

Нижеследующее повествование основывается на свидетельствах Конрада Хайдена, Рудольфа Олдена и Отто Штрассера. *(Примеч. авт.)*

15

Со времен Лютера в Германии установилось пренебрежительное отношение к Папе Римскому. *(Примеч. ред.)*

16

По свидетельству Конрада Хайдена, Рудольфа Олдена и других, писавших историю нацистского движения, Геббельс тут же сошелся во мнениях с Гитлером и переметнулся к нему, за что «левое крыло» обвинило его в предательстве. Однако маловероятно, чтобы он не отметил подобную метаморфозу в дневнике. *(Примеч. авт.)*

17

В нем Гитлер начинал свой путч. *(Примеч. авт.)*

18

П.Й Геббельс. «Сражение за Берлин». *(Примеч. авт.)*

19

П.Й. Геббельс. «Сражение за Берлин». *(Примеч. авт.)*

20

В 1925 году в недрах штурмовых отрядов (СА – Sturmabteilungen) обособились Saalschutz и Schutzstaffeln – сначала личная охрана фюрера, а затем самостоятельная организация, известная как СС. *(Примеч. ред.)*

21

П.Й. Геббельс. «Сражение за Берлин». *(Примеч. авт.)*

22

П.Й. Геббельс. «Сражение за Берлин». *(Примеч. авт.)*

23

..

П.Й. Геббельс. «Сражение за Берлин». *(Примеч. авт.)*

24

П.Й. Геббельс. «Сражение за Берлин». *(Примеч. авт.)*

25

П.Й. Геббельс. «Сражение за Берлин». *(Примеч. авт.)*

26

Л. Шварцшильд. «Мир в состоянии транса». *(Примеч. авт.)*

27

До ноября 1923 года Г. Штреземан занимал пост рейхсканцлера.
(Примеч. ред.)

28

Л. Шварцшильд. «Мир в состоянии транса». *(Примеч. авт.)*

29

За первый год после выхода в свет роман разошелся тиражом 1,2 млн. экземпляров. *(Примеч. ред.)*

30

В. Краузе. «Геббельс». *(Примеч. авт.)*

31

Вилла расположена всего в нескольких сотнях футов от того места, где спустя почти тридцать лет Сталин, Трумэн и Бевин подписали Потсдамское соглашение. *(Примеч. авт.)*

32

Легенда гласит, что Геббельс впервые встретился с Магдой, когда давал уроки то ли Герберту, то ли Гельмуту, и примерно в это время между ними начался роман. Однако и мать Магды, и ее личный секретарь и близкая подруга Ильзе Фрайбе утверждают, что это не так. Правда, одна из бывших кухарок в доме Квандта клятвенно заявила, что Геббельс бывал у них, но, когда у нее потребовали представить доказательства, выяснилось, что к тому времени она там уже не

работала. Все, кто уверял меня в том, что Геббельс служил у семьи Квандт, в конце концов вынуждены были признать, что доказательствами они не располагают, а только слышали нечто подобное от «знающих людей». Мать Магды предложила более или менее правдоподобное объяснение: некто доктор Пихт, гувернер Герберта Квандта, повредил ногу, катаясь со своим питомцем на лыжах в Судетских горах, и некоторое время прихрамывал, из-за чего его могли принять за Геббельса. В любом случае, если бы Геббельс встретился с Магдой в начале 20-х годов, он непременно отметил бы это в своем дневнике, тем более что он весьма пространно описывал свои отношения с женщинами, которые в его жизни значили куда меньше. *(Примеч. авт.)*

33

Он припомнил свои мысли в статье от 30 января 1942 года. *(Примеч. авт.)*

34

Эти и другие факты приводятся в письме, которое Карл Эрнст написал в надежде, что нацистские главари, опасаясь разоблачения, пощадят его. Но Эрнст ошибся. Его убили вместе с Ремом во время чистки 1934 года. *(Примеч. авт.)*

35

Из речи от 20 октября 1933 года. *(Примеч. авт.)*

36

Эти факты приведены бывшим штурмовиком Хайнцем Юргенсом, бежавшим от чисток в Бразилию. Опубликовано в бразильских газетах. *(Примеч. авт.)*

37

Мало того, в том же году было налажено производство крайне дешевого приемника, чтобы «каждый немец мог слушать фюрера». *(Примеч. ред.)*

38

Хлеба и зрелищ *(лат.)*.

39

«Упущенные возможности», 2 июня 1940 года. *(Примеч. авт.)*

40

Один немецкий журналист завладел этими документами и тайно вывез из страны. Позже они были опубликованы в «Ле пти пиризьен» под заголовком «Секретные инструкции немецкой пропаганды». *(Примеч. авт.)*

41

Из дневника посла Додда. *(Примеч. авт.)*

42

Ложный шаг, промах *(фр.)*.

43

Из дневника посла Додда. *(Примеч. авт.)*

44

Слухи об участии Геббельса в «заговоре» не нашли достоверного подтверждения. Большею частью они основывались на показаниях Отто Штрассера. *(Примеч. авт.)*

45

Само выражение восходит к названию эпопеи Ж. Ромена «Люди доброй воли». *(Примеч. ред.)*

46

Именно на конференции в Стресе Италия получила неофициальное согласие Англии на оккупацию Эфиопии. *(Примеч. ред.)*

47

Органди – очень тонкая прозрачная ткань с мелкоузорчатым переплетением. Была очень дорогой и очень модной в то время. *(Примеч. ред.)*

48

Геббельсу была отвратительна вульгарная демагогия «Дер штюрмер», и он чинил ей всяческие препятствия. Позже, во время войны, когда нацисты были вынуждены сокращать полиграфические мощности, Геббельс первой закрыл «Дер штюрмер». *(Примеч. авт.)*

49

В Берлине Джо Луис завоевал золотую медаль. *(Примеч. ред.)*

50

Потом Карл фон Осецкий снова был арестован и умер в 1938 году в концлагере. *(Примеч. ред.)*

51

Еще в 1935 году, за два года до описываемых автором событий, Геббельс распустил Протестантскую лигу молодежи, в которой насчитывалось до 700 тысяч членов. Тогда же он заявил, что такая ничтожная личность, как Христос, не выдерживает сравнения с Гитлером. Дело не в той или иной форме христианских конфессий, а в его стремлении заменить Отца Небесного на живого бога на земле, то есть фюрера. *(Примеч. ред.)*

52

Когда я расспрашивал об этом мать Магды, она очень невнятно сослалась на старинный немецкий обычай. Няня Магды рассказывала, как однажды фрау Геббельс призналась ей, что в таинственной букве h был скрыт некий «эротический смысл». Какой именно, она затруднялась сказать. *(Примеч. авт.)*

53

По крайней мере, так она рассказывала мне. *(Примеч. авт.)*

54

Всю историю рассказала мне именно эта актриса. *(Примеч. авт.)*

55

Комплект статей Сагакса был обнаружен в министерстве пропаганды в папке с надписью: «Статьи доктора Геббельса».

(Примеч. авт.)

56

14 июня 1938 года он участвовал в закладке Германского дома туризма в Берлине. В своей речи по этому поводу он восхвалял красоту немецкой природы и приглашал иностранцев посетить Германию.

(Примеч. авт.)

57

Из статьи от 11 ноября 1938 года. *(Примеч. авт.)*

58

Из показаний Фрицше на Нюрнбергском процессе. *(Примеч. авт.)*

59

Этот факт подтверждается неопровержимым документальным свидетельством в книге П. де Мендельсона «Замысел агрессии».

(Примеч. авт.)

60

Вопрос не в «наивной вере» Чемберлена, а в проводившейся им политике. В том же 1939 году состоялись тайные переговоры между Англией и Германией в Лондоне. Предполагалось разграничение сфер влияния в мировом масштабе. Английский министр торговли Хадсон заявил тайному государственному советнику Вольтату, близкому к Герингу, что перед Англией и Германией лежат три необъятные области: Британская империя, Китай и Россия. Посол Германии в Лондоне Дирксен сообщал в Берлин, что в правительственных кругах Англии «наметились тенденции конструктивной политики». *(Примеч. ред.)*

61

Из показаний Фрицше на Нюрнбергском процессе. *(Примеч. авт.)*

62

Эдуард VII (1841–1910) – король Англии, инициатор создания Антанты. *(Примеч. ред.)*

63

Практически те же слова он использовал в речи 5 июня 1943 года. *(Примеч. авт.)*

64

Согласно показаниям свидетелей на Нюрнбергском процессе. *(Примеч. авт.)*

65

«Майн кампф», т. 1, глава 6. *(Примеч. авт.)*

66

Позже этих людей привлекли к изданию солдатских газет в местах дислокации войск вроде «Солдат Атлантики», «Солдат Вестфалии», «Фронт за Полярным кругом», «Лапландский курьер», «Орлы Этны» и тому подобное. *(Примеч. авт.)*

67

Конечно, Фрицше мог несколько преувеличить свою храбрость, но, по свидетельству других сотрудников министерства пропаганды, Фрицше действительно был одним из немногих, кто осмеливался указывать Геббельсу на его промахи. *(Примеч. авт.)*

68

«Упущенные возможности». *(Примеч. авт.)*

69

Как свидетельствует Фрицше, Геббельс частенько хвастался идеей повторить Компъень наоборот. *(Примеч. авт.)*

70

Я обнаружил его в министерстве пропаганды. В рукопись была внесена правка рукой Геббельса. *(Примеч. авт.)*

71

Так писал в своем дневнике его референт по печати Рудольф Земмлер. Фрицше утверждал, что в то время другие сотрудники министерства пропаганды были убеждены в бессмысленности авианалетов на Британию. *(Примеч. авт.)*

72

В. Шекспир. «Гамлет». Пер. М. Лозинского. *(Примеч. ред.)*

73

Атлантическая хартия была подписана США и Великобританией 14 августа 1941 года. В ней были сформулированы в общем виде цели войны против фашистской Германии и ее союзников. Советский Союз присоединился к Атлантической хартии в сентябре того же года. *(Примеч. ред.)*

74

Приведем как пример известный очерк о парашютисте, приземлившемся на Крите. Написанный в манере Хемингуэя и опубликованный в широко известном американском журнале, очерк имел громадный успех. На самом деле он был сострянпан в названном бюро. Его автор никогда не прыгал с парашютом, тем более на Крит. В лучшем случае он видел, как это делается, в кинохронике. *(Примеч. авт.)*

75

Речь идет о первой партии заключенных, отправленных в концлагерь близ Освенцима, построенный к концу 1940 года. *(Примеч. ред.)*

76

Из дневника Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

77

Среди историков преобладает мнение, что Гесс был послан в Англию самим Гитлером. Достаточно сказать, что самолет, на котором он летел, был подготовлен конструктором Вилли Мессершмиттом, его тренировками руководил личный пилот Гитлера, а в пути его

сопровождал летевший на другом самолете Гейдрих, который после возвращения в рейх тотчас же был принят Гитлером. *(Примеч. ред.)*

78

Директива Гитлера № 20. *(Примеч. авт.)*

79

Из показаний Фрицше на Нюрнбергском процессе. См. также дневник Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

80

Сомнительно, что кампания по дезинформации советского командования была детищем исключительно Геббельса. Еще на совещании 3 февраля 1941 года Гитлер дал указание начальнику штаба верховного главнокомандования Кейтелю, и тот издал 15 февраля тайную «Директиву по дезинформации противника». В массовом количестве печатались топографические карты Англии, в войсках появились переводчики английского языка, оцеплялись некоторые районы Ла-Манша, Па-де-Кале и Норвегии, на побережье устанавливались ложные ракетные батареи, генеральный штаб разработал операции «Акула» и «Гарпун» и организовал «утечку информации». К делу подключилось даже столь ненавистное Геббельсу ведомство Риббентропа. Такой грандиозный размах, естественно, был не под силу одному Геббельсу с его министерством пропаганды. *(Примеч. ред.)*

81

Сразу же после начала войны с СССР Розенберг был назначен министром оккупированных восточных территорий. *(Примеч. ред.)*

82

«Линии Сталина» действительно не было, однако существовали так называемые укрепрайоны, построенные на границе еще в 1929–1935 годах. Когда граница СССР переместилась к западу, началось строительство новых долговременных оборонительных сооружений, но оно не было завершено к началу войны – были введены в строй только две с половиной тысячи железобетонных укреплений, – а старые укрепрайоны были частично ликвидированы и разоружены, к

тому же они располагались на казавшемся стратегически важным направлении, то есть на Украине, а Германия сосредоточила самую мощную группировку на границе с Белоруссией. Таким образом, Геббельс, стремясь подчеркнуть доблесть немецких войск, просто значительно преувеличивал мощь советских оборонительных сооружений. *(Примеч. ред.)*

83

Дневник Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

84

Как показал Земмлер, один пленный русский полковник утверждал, что многие красноармейцы дезертировали бы, пообещай им Германия создать свободное государство. *(Примеч. авт.)*

85

Автор располагает его первоначальным, нигде не публиковавшимся вариантом. *(Примеч. авт.)*

86

Это совпадает по смыслу с замечанием в адрес «левого друга» в «Письмах национал-социалиста» от 14 ноября 1925 года: «Вряд ли можно поверить, что еврей-капиталист и еврей-большевик – это одно и то же». *(Примеч. авт.)*

87

Луис Е. Лохнер. «Что там в Германии?» *(Примеч. авт.)*

88

И что не соответствовало действительности. *(Примеч. авт.)*

89

Роммель примкнул к заговору полковника Штауффенберга и после неудачного покушения на Гитлера покончил с собой. *(Примеч. ред.)*

90

За время своего правления, с 1740-го по 1786 год, Фридрих II удвоил территорию Пруссии. *(Примеч. ред.)*

91

Ральф Инджерсолл. «Совершенно секретно». *(Примеч. авт.)*

92

Из дневника Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

93

«Нью-Йорк таймс» от 8 июня 1943 года. *(Примеч. авт.)*

94

Из дневника Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

95

В 1923 году генерал Людендорф (1865–1937) примкнул к национал-социалистам и был правой рукой Гитлера во время «пивного» путча. В 1935 году он выпустил книгу «Тотальная война». По Людендорфу, беспощадная война на истребление требует крайнего напряжения всех сил нации, из чего следует необходимость ее быстрого завершения. Таким образом, тотальная война неразрывно связана с понятием «блицкриг», то есть молниеносной войной. Его теория была изначально взята на вооружение Гитлером. *(Примеч. ред.)*

96

Римляне сожгли Карфаген, а место было проклято, и по развалинам провели плугом борозду в знак того, что здесь никогда не должен селиться человек. *(Примеч. ред.)*

97

Из дневника Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

98

Сценарий был составлен по заметкам Геббельса, а потом собственноручно исправлен им же. *(Примеч. авт.)*

99

Эта история во всех подробностях излагалась в швейцарской прессе. *(Примеч. авт.)*

К сожалению, все сведения о переговорах Сталина с Гитлером в 1943 году основываются не на фактах. В бумагах ведомства Риббентропа союзники не нашли никакого подтверждения, что встреча эмиссаров СССР и Германии состоялась. К тому же в то время полным ходом шла подготовка к Тегеранской конференции, и даже Сталин, при всей его непредсказуемости, вряд ли пошел бы на такой шаг. Примечательно еще то, что пресса Англии и США хранила молчание, а швейцарская печать не раз использовалась и Геббельсом, и Риббентропом для дезинформации противника. Возможно, где-то в секретных архивах и существуют доказательства тайных переговоров, но все же сообщения швейцарских газет больше похожи на одну из многих попыток сорвать Тегеранскую конференцию. *(Примеч. ред.)*

Читай: Освенцим. *(Примеч. ред.)*

Аллен У. Даллес. «Подполье Германии». *(Примеч. авт.)*

Из нацистских документов, в настоящее время находящихся в распоряжении армии Соединенных Штатов, стало известно, что 20 января 1942 года в Берлине прошла конференция, посвященная задаче поголовного истребления евреев в Европе. *(Примеч. авт.)*

Из дневника Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

Из показаний Фрицше на Нюрнбергском процессе. *(Примеч. авт.)*

Из дневника Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

Из дневника Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

108

По словам самого Д. Эйзенхауэра, пропаганда Геббельса оказала на союзников весьма ощутимое воздействие, и они никак не ожидали, что высадка пройдет так легко. К удивлению Эйзенхауэра, на протяжении «вала» было немногим больше трех тысяч орудий, то есть около одного орудия на километр. О том, что Германии нечего было противопоставить десанту, пишет также Ф. Гальдер, бывший начальник генерального штаба сухопутных войск. *(Примеч. ред.)*

109

Из дневника Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

110

Из дневника Рудольфа Земмлера. Но в своих дневниках Геббельс продолжал восхищаться Гитлером, что, впрочем, объясняется просто: в случае поражения Германии он собирался их уничтожить, а в случае победы – опубликовать как доказательство того, что никогда не терял веры в своего фюрера. *(Примеч. авт.)*

111

Народное ополчение (фр.).

112

В 1807 году жители города Кольберг (нынче Колобжег) мужественно сопротивлялись наполеоновским войскам. И все же пример Геббельс выбрал не совсем удачный: во время Семилетней войны в 1761 году Кольберг был вынужден открыть свои ворота русским войскам генерала Румянцева. *(Примеч. ред.)*

113

Однако сами отряды находились в непосредственном подчинении Гиммлера. *(Примеч. ред.)*

114

Из дневника Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

115

Речь идет не об общей численности немецкой армии, а только о тех, кто был призван во время тотальной мобилизации. К концу 1944 года под ружьем находились 7,5 миллиона человек. *(Примеч. ред.)*

116

Генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт (1875–1953) был главнокомандующим немецкими войсками на западном фронте. *(Примеч. ред.)*

117

6 января 1945 года Черчилль обратился к Сталину с личным письмом, в котором просил как можно скорее перейти в наступление. В результате уже 12 января, то есть на восемь дней раньше намеченного срока, советские войска начали Висло-Одерскую операцию, из-за чего немецкое командование было вынуждено перебросить часть войск из Арденн на восток. 6-я танковая армия СС не была разгромлена, как пишет автор, уже в первых числах февраля она вступает в сражение в районе озера Балатон. *(Примеч. ред.)*

118

Автор не совсем прав. В конце XVIII века в Лионе в театре был использован железный занавес, чтобы отделить сцену от зала в целях противопожарной безопасности. В переносном смысле выражение уже употреблялось в публицистике времен Первой мировой войны. Геббельс только применил его в отношении Советского Союза, но по-настоящему в обиход нашей речи выражение «железный занавес» вошло только после речи Черчилля в Фултоне в марте 1946 года. Что касается лозунга, то это всего лишь видоизмененные слова Иисуса Христа: «Кто не против вас, тот за вас». *(Примеч. ред.)*

119

Последнее письмо Геббельса по поводу образцов бумаги для книги было отправлено 12 апреля 1945 года. Гранки и папка с перепиской, касающейся книги, были найдены в развалинах типографии, разрушенной в последние дни битвы за Берлин. *(Примеч. авт.)*

120

Оставим на совести автора его наивный взгляд на партизанское движение в СССР. Нашему читателю прекрасно известны и условия, и размах борьбы народа на оккупированных территориях. *(Примеч. ред.)*

121

Из дневника Рудольфа Земмлера. *(Примеч. авт.)*

122

Из дневника доктора Земмлера становится очевидным, что Геббельс всерьез задавался этим вопросом. *(Примеч. авт.)*

123

Метаморфоза и в самом деле удивительная. И Фрицше и Якобс, с каждым из которых автор беседовал на эту тему в отдельности, считали невероятным, чтобы Геббельс редактировал рукопись Гитлера. Тем не менее доказательства в пользу изложенного мной могут быть легко найдены в статье Геббельса от 19 июля 1942 года, где встречаются фразы, слово в слово совпадающие с воззванием. *(Примеч. авт.)*

124

Из показаний Фрицше на Нюрнбергском процессе. *(Примеч. авт.)*

125

Однако, если верить показаниям Кейтеля и Йодля, Геббельс спросил, можно ли предотвратить падение Берлина, и, получив ответ, что для этого потребуется снять с Эльбы все войска и бросить их на защиту столицы, посоветовал Йодлю изложить свои соображения фюреру. Тут же произошло совещание между Гитлером, Геббельсом, Кейтелем и Йодлем. Было решено оставить перед американцами лишь слабые арьергарды, а всю 12-ю армию перебросить к Берлину. В ту же ночь Кейтель и Йодль отбыли в войска. Видимо, все-таки Геббельс возлагал надежды не только на смерть Гитлера. *(Примеч. ред.)*

126

На гербе Берлина изображен медведь; таким образом, для немцев странное, на первый взгляд, название приобретало определенный смысл. *(Примеч. ред.)*

127

Так следует из рассказа немецкой летчицы Ханны Рейч. Описание последних дней в бункере основывается в целом на показаниях свидетелей, которые сами там жили и позднее были взяты в плен союзниками. Они легли в основу превосходной книги Х.Р. Тревор-Ропера «Последние дни Гитлера», которую автор также использовал в качестве источника. *(Примеч. авт.)*

128

Магда призналась в своих тревогах Ханне Рейч. *(Примеч. авт.)*

129

Еще двадцать лет тому назад Геббельс написал в своей повести «Михаэль», что Первая мировая война «показала безмерную волю немцев к жизни». *(Примеч. авт.)*

130

И снова возникает вопрос: не был ли этот выбор результатом влияния Геббельса, ибо, как свидетельствует Якобс, Дениц был единственным высшим офицером, которому Геббельс доверял в течение последних шести месяцев и которого часто хвалил в своем дневнике. *(Примеч. авт.)*

131

Видимо, Геббельсом двигало не только желание эффектно уйти со сцены, поскольку он также написал письмо советскому командованию и передал его генералу Кребсу. Позволим его процитировать: «Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в составленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. *Геббельс*». К письму было приложено само завещание Гитлера (!). Уже

в 3 часа 50 минут утра 1 мая генерал Кребс был в распоряжении советских войск. *(Примеч. ред.)*

132

Однако, по словам генерала Кребса, Гитлер покончил с собой в 15 часов 50 минут. Об этом же пишет и Геббельс в своем письме советскому командованию. *(Примеч. ред.)*

133

Согласно показаниям медицинской сестры из Красного Креста Эрны Флегель, инъекции делал доктор Кунц, в то время как другие утверждают, что это был доктор Людвиг Штумпфеггер, один из врачей Гитлера. *(Примеч. авт.)*

134

Сын Магды от первого брака, который был взят в плен американцами в Северной Африке. *(Примеч. авт.)*

135

По свидетельству Швегермана, Геббельс застрелился. В то же время Тревор-Ропер полагает, что он принял яд. *(Примеч. авт.)*

136

Фрицше сразу же предложил выступить по радио с призывом к немецким войскам берлинского гарнизона прекратить всякое сопротивление, и советское командование предоставило ему радиостанцию. Затем, когда при осмотре рейхсканцелярии и бункера Гитлера были обнаружены обугленные тела, Фрицше опознал в них Геббельса и его жену. *(Примеч. ред.)*